

Родная ДАДОГА

№ 1(11)' 2010

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

издается ежеквартально
при участии:

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Зарегистрировано УФС
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов).

АГАФОНОВ Николай, протоиерей (Самара) — член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, гл. редактор журнала «Русское эхо».

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, гл. редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты «Российский писатель», секретарь правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь правления СП России, главный редактор журнала «Аврора».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик РАО, член Союза писателей России.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь правления СП России, гл. редактор журнала «Благодатный огонь».

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат литературной премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член правления СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель правления СП России, руководитель Орловской писательской организации.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — гл. редактор журнала «Вертикаль. XXI век», член СП России.

СЕМЁНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИИ социологических исследований СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — директор Межвузовского центра по религиоведению, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Протоиерей Николай Агафонов. Молитва алтарника.	
<i>Святочный рассказ</i>	5
Василий Белов. Даня	22
Иван Евсеенко. Скрипка Страдивари.	
<i>Рассказ из цикла «Трагедии нашего времени»</i>	262

Связь ВРЕМЕН

Виктор Потанин. Ленинградская ёлка. К 65-летию Великой Победы	9
---	---

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов).	
<i>«Запечатлеть на себе красоту». Русская культура и Православие</i>	26
Валентин Распутин. «Когда звучит в тебе русское слово...»	
<i>Доклад на Рождественских чтениях</i>	54

ПОЭЗИЯ

Юрий Перминов	33
Валерий Михайлов	71
Николай Зиновьев	123
Сергей Хомутов	131
Валентина Коростелёва	160
Николай Нырков	163
Николай Пересторонин	229
Маргарита Яркова	258

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Борис Споров. Чехов и православие. К 150-летию	
<i>со дня рождения А. П. Чехова</i>	38
Николай Рачков. Трагедия и триумф России.	
<i>К 65-летию Великой Победы</i>	173
Нина Ягодинцева. Обретение поколения: заметки	
<i>на полях поэтической антологии «Наше время»</i>	182
Евгений Лукин. Мирские алмазны. О русской стихотворной эпитафии	218

Родная РЕЧЬ

Владимир Крупин. Россию спасет святость	51
---	----

ИСКУССТВО

Леонид Бородин. Над Волгой	61
Алексей Солоницын. Сокровенный смысл «Андрея Рублева»	204
Екатерина Скоробогачева. Россия Ильи Глазунова	248

Русские СУДЬБЫ

Елена Чавчавадзе. Обретение Родины	65
--	----

История и современность

Валерий Ганичев. «Пусть вдохновляет вас образ наших святых предков...». <i>К 65-летию Великой Победы</i>	75
Наталья Нарочницкая. «Концерт великих держав» накануне решающих событий. <i>К 65-летию Великой Победы</i>	90
Валентин Фалин. Мистерии второго фронта. <i>К 65-летию Великой Победы</i>	99
Андрей Сахаров. Загадочный документ древнерусской дипломатии	117
Архимандрит Тихон (Шевкунов). Собор или парламент?	134

ДИПРОКОВЗРЕНИЕ

Александр Казин. Наша Победа и её противники. <i>К 65-летию Великой Победы</i>	80
Сергей Перевезенцев. Вечный выбор. <i>Мысли о кризисе</i>	56
Монах Иосиф. Царь — устроение Божие!	242

Точка зрения

Борис Подопригора. Правда как мать: она — одна	86
---	----

На рубеже цивилизаций

Евгений Примаков. Цели расширения НАТО	112
---	-----

Национальная безопасность

Сергей Глазьев. Стратегия прорыва. <i>Россия в современном мире</i>	125
--	-----

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	139
---	-----

ЛЕСТВИЦА

Михаил Лобанов. Дорогой отец Феодор. <i>Из переписки с монахом Свято-Троицкого Александро-Свирского мужского монастыря</i>	150
---	-----

Дороги войны

Нина Школьников. Новогодняя ночь. <i>К 65-летию Великой Победы</i>	165
---	-----

Петербургский писатель

Валентина Ефимовская. «Незримо бой идет». <i>О симфонизме поэзии Ю. Шестакова</i>	194
--	-----

Поэтическое наследие

Йозеф фон Эйхендорф в переводе Ирины Назаровой	213
---	-----

ПАМЯТОСЛОВ

Маргарита Дмитриева. Витязь на русском троне. <i>Музы Александра III</i>	232
---	-----

ПРОЗА

протоиерей
Николай АГАФОНОВ

МОЛИТВА АЛТАРНИКА

Святочный рассказ

Протоиерей Николай Агафонов — родился в 1955 году на Урале. Школу закончил в Тольятти, служил в армии. Закончил Московскую Духовную семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную академию, был назначен ректором Саратовской Духовной семинарии. С 1997 г. возглавлял в Волгоградской епархии миссионерский отдел и построил две плавучие церкви, за что был удостоен награждения орденом Святителя Иннокентия. **Живет в Самаре.**

В Рождественский сочельник после чтения Царских часов протодиакон сетовал:

— Что за наваждение в этом году? Ни снежинки. Как подумаю, завтра Рождество, а снега нет, — никакого праздничного настроения.

— Правда твоя, — поддакивал ему настоятель собора, — в космос летают, вот небо и издырявили, вся погода перемешалась. То ли зима, то ли еще чего, не поймешь.

Алтарник Валерка, внимательно слушавший этот разговор, робко вставил предложение:

— А вы бы, отцы честные, помолились, чтобы Господь дал нам снежку немножко.

Настоятель и протодиакон с недоумением воззрились на всегда тихого и безмолвного Валерия: с чего это он, мол, осмелел? Тот сразу заробел:

— Простите, отцы, это я так просто подумал, — и быстро юркнул в «пономарку».

Настоятель повертел ему вслед пальцем у виска. А протодиакон хохотнул:

— Ну Валерка чудак, думает, что на небесах, как дом быта: пришел, заказал и получил, что тебе надо.

После ухода домой настоятеля и протодиакона Валерка, выйдя из алтаря, направился в собор к иконе Божией Матери «Скоропослушница». С самого раннего детства, сколько он себя помнит, его бабушка всегда стояла здесь и ухаживала за этой иконой во время службы. Протирала ее, чистила подсвечник, стоящий перед ней. Валерка всегда был с бабушкой рядом. Бабушка внука одного дома не оставляла, идет на службу — и его за собой тащит. Валерка рано лишился родителей, и поэтому его

воспитывала бабушка. Отец Валерки был законченный алкоголик, избивал частенько свою жену. Бил ее, даже когда была беременна Валеркой. Вот и родился он недоношенный, с явными признаками умственного расстройства. В очередном пьяном угаре Валеркин папа ударил его мать о радиатор головой так сильно, что она отдала Богу душу. Из тюрьмы отец уже не вернулся. Так и остался Валерка на руках у бабушки. Кое-как он окончил восемь классов в спецшколе для умственно отсталых, но главной школой для него были бабушкины молитвы и соборные службы. Бабушка умерла, когда ему исполнилось 19 лет. Настоятель пожалел его — куда он, такой убогий? — и разрешил жить при храме в сторожке, а чтобы хлеб даром не ел, ввел в алтарь подавать кадило. За тихий и боязливый нрав протодиакон дал ему прозвище Трепетная Лань. Так его и называли, посмеиваясь частенько над наивными чудачествами и безтолковостью. Правда, что касается богослужения, безтолковым его назвать было никак нельзя. Что и за чем следует, он знал наизусть лучше некоторых клириков. Протодиакон не раз удивлялся: «Валерка наш — блаженный, в жизни ничего не смыслит, а в уставе прямо дока какой!»

Подойдя к иконе «Скоропослушница», Валерий затеплил свечу и установил ее на подсвечник. Служба уже закончилась, и огромный собор был пуст, только две уборщицы намывали полы к вечерней службе. Валерка, встав на колени перед иконой, опасливо оглянулся на них.

Одна из уборщиц, увидев, как он ставит свечу, с раздражением сказала другой:

— Нюрка, ты посмотри только, опять этот ненормальный подсвечник нам воском зальет, а я ведь только его начистила к вечерней службе! Сколько ему ни говори, чтобы между службами не зажигал свечей, он опять за свое! А староста меня ругать будет, что подсвечник нечищенный. Пойду пугану эту Трепетную Лань.

— Да оставь ты парня, пуцай молится.

— А что, он тут один такой? Мы тоже молимся, когда это положено. Вот начнет батюшка службу, и будем молиться, а сейчас не положено, — и она, не выпуская из рук швабру, направилась в сторону коленопреклоненного алтарника. Вторая, преградив ей дорогу, зашептала:

— Да не обижай ты парня, он и так Богом обиженный, я сама потом подсвечник почищу.

— Ну, как знаешь, — отжимая тряпку, все еще сердито поглядывая в сторону алтарника, пробурчала уборщица.

Валерий, стоя на коленях, тревожно прислушивался к перебранке уборщиц, а когда понял, что беда миновала, достал еще две свечи, поставил их рядом с первой, снова встал на колени:

— Прости меня, Пресвятая Богородица, что не вовремя ставлю тебе свечки, но когда идет служба, тут так много свечей стоит, что ты можешь мои не заметить. Тем более они у меня маленькие, по десять копеек. А на большие у меня денег нету и взять-то не знаю где.

Тут он неожиданно всхлипнул:

— Господи, что же я Тебе говорю неправду. Ведь на самом деле у меня еще семьдесят копеек осталось. Мне сегодня протодиакон рубль подарил:

«На, — говорит, — тебе, Валерка, рубль, купи себе на Рождество мороженое крем-брюле, разговейся от души». Я подумал: крем-брюле стоит двадцать восемь копеек, значит, семьдесят две копейки у меня остается и на них я смогу купить Тебе свечи.

Валерка наморщил лоб, задумался, подсчитывая про себя что-то. Потом обрадованно сказал:

— Тридцать-то копеек я уже истратил, двадцать восемь отложил на мороженое, у меня еще сорок две копейки есть, хочу купить на них четыре свечки и поставить Твоему родившемуся Сыночку. Ведь завтра Рождество.

Он, тяжело вздохнув, добавил:

— Ты меня прости уж, Пресвятая Богородица. Во время службы около Тебя народу всегда полно, а днем — никого. Я бы всегда с Тобой здесь днем был, да Ты ведь Сама знаешь, в алтаре дел много. И кадило почистить, ковры пропылесосить, и лампадки заправить. Как все переделаю, так сразу к Тебе приду.

Он еще раз вздохнул:

— С людьми-то мне трудно разговаривать, да и не знаешь, что им сказать, а с Тобой так хорошо, так хорошо! Да и понимаешь Ты лучше всех. Ну, я пойду.

И, встав с колен, повеселевший, он пошел в алтарь. Сидя в «пономарке» и начищая кадило, Валерий мечтал, как купит себе после службы мороженое, которое очень любил. «Оно вообще-то большое, это мороженое, — размышлял парень, — на две части его поделить, одну съесть после литургии, а другую — после вечерней».

От такой мысли ему стало еще радостнее. Но что-то вспомнив, он нахмурился и, решительно встав, направился опять к иконе «Скоропослушница». Подойдя, он со всей серьезностью сказал:

— Я вот о чем подумал, Пресвятая Богородица, отец протоиерей — добрый человек, рубль мне дал, а ведь он на этот рубль сам мог свечей накупить или еще чего-нибудь. Понимаешь, Пресвятая Богородица, он сейчас очень расстроен, что снега нет к Рождеству. Дворник Никифор, тот почему-то, наоборот, радуется, а протоиерей вот расстроен. Хочется ему помочь. Все Тебя о чем-то просят, а мне всегда не о чем просить, просто хочется с Тобой разговаривать. А сегодня хочу попросить за протоиерея, я знаю, Ты и Сама его любишь. Ведь он так красиво поет для Тебя «Царице моя Преблагая...»

Валерка закрыл глаза, стал раскачиваться перед иконой в такт вспоминаемого им мотива песнопения. Потом, открыв глаза, зашептал:

— Да он сам бы пришел к Тебе попросить, но ему некогда. Ты же знаешь, у него семья, дети. А у меня никого нет, кроме Тебя, конечно, и Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа. Ты уж Сама попроси Бога, чтобы Он снежку нам послал. Много нам не надо, так, чтобы к празднику беленько стало, как в храме. Я думаю, что Тебе Бог не откажет, ведь Он Твой Сын. Если бы у меня мама чего попросила, я бы с радостью для нее сделал. Правда, у меня ее нет, все говорят, что я — сирота. Но я-то думаю, что я не сирота. Ведь у меня есть Ты, а Ты — Матерь всем людям, так говорил владыка на проповеди. А он всегда верно говорит. Да я и сам об этом

догадывался. Вот попроси у меня чего-нибудь, и я для Тебя обязательно сделаю. Хочешь, я не буду такое дорогое мороженое покупать, а куплю дешевенькое, за девять копеек — молочное.

Он побледнел, потупил взор, а потом, подняв взгляд на икону, решительно сказал:

— Матерь Божия, скажи Своему Сыну, я совсем не буду мороженое покупать, лишь бы снежок пошел. Ну, пожалуйста. Ты мне не веришь? Тогда я прямо сейчас пойду за свечками, а Ты, Пресвятая Богородица, иди к Сыну Своему, попроси снежку нам немного.

Валерий встал и пошел к свечному ящику, полный решимости. Однако чем ближе он подходил, тем меньше решимости у него оставалось. Не дойдя до прилавка, он остановился и, повернувшись, пошел назад, сжимая во вспотевшей ладони оставшуюся мелочь. Но, сделав несколько шагов, повернул опять к свечному ящику. Подойдя к прилавку, он нервно заходил около него, делая бессмысленные круги. Дыхание его стало учащенным, на лбу выступила испарина. Увидев его, свечница крикнула:

— Валерка, что случилось?

— Хочу свечек купить, — остановившись, упавшим голосом сказал он.

— Господи, ну так подходи и покупай, а то ходишь, как маятник.

Валерка тоскливо оглянулся на стоящий вдали кивот со «Скоропослушницей». Подойдя, высыпал мелочь на прилавок и осипшим от волнения голосом произнес:

— На все, по десять копеек.

Когда он получил семь свечей, у него стало легче на душе.

...Перед вечерней Рождественской службой неожиданно повалил снег пушистыми белыми хлопьями. Куда ни глянешь, всюду в воздухе кружились белые легкие снежинки. Детвора вывалила из домов, радостно волоча за собой санки. Протоиакон, солидно вышагивая к службе, улыбался во весь рот, раскланиваясь на ходу с идущими в храм прихожанами. Увидев настоятеля, он закричал:

— Давненько, отче, я такого пушистого снега не видел, давненько. Сразу чувствуется приближение праздника.

— Снежок — это хорошо, — ответил настоятель, — вот как прикажете синоптикам после этого верить? Сегодня с утра прогноз погоды специально слушал, заверили, что без осадков. Никому верить нельзя.

Валерка, подготовив кадило к службе, успел подойти к иконе:

— Спасибо, Пресвятая Богородица, какой добрый у Тебя Сын, мороженое-то маленькое, а снегу вон сколько навалило.

«В Царствии Божием, наверное, всего много, — подумал, отходя от иконы, Валерка. — Интересно, есть ли там мороженое вкуснее крем-брюле? Наверное, есть», — заключил он свои размышления и радостный пошел в алтарь.

Связь ВРЕМЕНИ

Виктор ПОТАНИН

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЁЛКА

*К 65-летию
Великой Победы*

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, лит. институт им. М. Горького; работал в областной газете лит. консультантом Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

Давно уже собирался о них написать. Но сборы всегда затягивались, да и мучил вопрос — сумею ли? Ведь нужны особенные слова! А где они?.. Вот если бы сказать об этом стихами! Но стихами не суждено — не владею... Да и можно ли лучше, чем у Ахматовой? Вы помните: «А вы, мои друзья последнего призыва! Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена. Над вашей памятью не стыть плакучей ивой, а крикнуть на весь мир все ваши имена!» Я не могу читать это без спазмы в горле. Но вы найдите человека, который может... Впрочем, самое сильное у этого стихотворения — это все же конец. Он, как набат! Как заклинание! Как разговор с собственным сердцем! «Да что там имена! Ведь все равно — вы с нами! Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами — живые с мертвыми: для славы мертвых нет». Как это пронзительно точно — и о мертвых, и о живых... Но я могу писать, имею право, только о живых. И о том, конечно, что видел, что пережил вместе с ними в ту холодную зиму сорок второго... И все-таки шли месяцы, годы, а я все не решался. Иногда даже садился за стол, брал в руки листочек и писал на нем несколько слов, предложений, но дальше дело не шло. Слова были какие-то хилые, без дыхания. И я себя ненавидел, не находил себе места. А потом и вовсе потерял веру: наверное, не суждено мне, не суждено. Но вот недавно... Впрочем, расскажу все по порядку.

I

Недавно, выступая в одной из курганских школ, я вдруг стал вспоминать свое детство, военные годы. А началось неожиданно: одна бойкая пятиклассница с узкими глазенками, как у лисенка, спросила меня в упор:

— А вы в войну у партизан были?

— Что ты, милая! — поразился я до испуга. — В войну мне было всего... всего восемь лет.

— Но вы же седой... — В классе все засмеялись, а девочка-лисенок обиделась:

— Надо же, не спросить...

И мне захотелось ее утешить. Но я не успел — отвлек мальчик с передней парты. Он выглядел независимо.

— А магнитофоны у вас в войну были?.. Расскажите, какая марка?

— Да что ты?! — я почти закричал на весь класс. И почувствовал, что бледнею. Стало жарко в груди. — У нас и бумаги-то настоящей не было. Да, да! И бумаги... Мы писали на старых газетах, обертках. И поголодать пришлось. И мерзлую картошку попробовать, и щи из крапивы... А чернила мы наводили из сажки. А карандаши экономили: каждый карандаш резали на три части. Потом делили между собой... — Но договорить я не сумел. В классе сделалось шумно. Я поднял голову и посмотрел вперед. Посмотрел — и сжался от боли: меня же почти не слушали! Каждый был занят собой: один заполнял дневничок, другой нетерпеливо покашливал, третий меланхолично смотрел в окно. И глаза были пустые, холодные. Их мало занимали мои слова — как будто я рассказывал им о далекой эпохе наполеоновских войн. Можно слушать, а можно и прочесть на двадцатой странице в учебнике... И во мне все поникло, я себя ненавидел. Я для них сейчас — скучный дяденька-резонер. Но почему? И тут на выручку мне бросилась та бойкая — лисенок.

— А у вас в деревне была музыкальная школа?

— В войну, что ли?

— Аха. — Она оглянулась беспомощно, ожидая поддержки. Но класс шумел, и тогда я стал отвечать одной ей, только ей...

— Такой школы, конечно, не было. А вот патефон у нас был. Привезли с собой ленинградцы. Эвакуированные...

— А что такое эвакуированные? — Опять этот лисенок. Она смотрела в упор и ждала ответа. И я что-то буркнул и стал прощаться. Это походило на бегство. Но я не хотел больше говорить в пустоту.

И пока шел до дома, болела и страдала душа. Ну почему же им безразлично? Ну почему, почему?.. И эти вопросы давили, как камень. И ничего меня не радовало, не утешало. А ведь должно бы, должно бы... Ведь через три дня наступал Новый год, и везде стояло голубое сиянье. Оно было всюду: и на земле, и на небе. Оно шло и от елки на нашей площади, и от витрин магазинов, и от улыбок. И от надежды, которая в эти дни запрятана в каждом взгляде. Даже воробьи ожили, повеселели, ведь скоро будет тепло и прибавится день. Даже птицы! А что уж там люди... А мне все равно тяжело. Ну почему, почему же им все безразлично?... Почему я сбежал от них, почему?..

Эти вопросы не отпускали и ночью. И я уже корил себя, не прощал, что не рассказал в школе о ленинградцах. Но ведь опять бы не слушали! Не поверили!.. Но ведь ты ж не решился... А за окном у меня творилось что-то веселое, новогоднее... Что-то внезапное, как метель. Так и было — я не ошибся. Ветер уже свистел и постанывал, а в соседней комнате вдруг ожило пианино. Моя Катя играла Шопена. Пройдет год, и моя дочь за-

кончит музыкальную школу. А потом пройдет еще год, другой, а может, и пять лет пройдет, и моя Катя поступит в консерваторию. Какое это счастье, какая надежда!.. И метель и музыка уже жили вместе. Они слились в один медленный и чудесный звук, но успокоенье не приходило... Нет, не может наша надежда без памяти прошлого. Не может... Вот она сейчас рядом — моя дочь — на расстояние дыхания... Вот она сидит, играет Шопена в теплой уютной квартире, а ведь она тоже могла бы быть среди них, среди нас, родись бы пораньше. «Да, могла бы, могла бы, — стучит мое сердце, волнуется. — Могла бы...» Сердце бьется глухо, толчками, потому что знает еще какую-то свою, самую последнюю правду. Она, видно, осталась там, далеко-далеко, в холодных военных метелях. В той разутой и раздетой деревне, которая приютила тогда ленинградских сироток. Они называли себя эвакуированными, но мы их всегда называли сиротами. Они обижались на это, но что их обиды. Если они уже испытали самое страшное — и блокаду, и немецкие пули. Если их имена стоят уже в классном журнале моей родной школы... «Да что там имена! Ведь все равно — вы с нами! Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...»

II

Нет, сильнее уже не скажешь — багряный хлынул свет... Стал повторять эти слова, но перехватило в груди. Я от боли зажмурился. И в этот миг вдруг увидел их. И почему-то в первых рядах поднимался Вовка Адалечкин. Почему он? Я не знаю. Может, потому, что был самый шумный, веселый. И главный выдумщик, заводила. А может быть, потому, что он нас слегка презирал. Я как сейчас вижу — Вовка усмехнется и вытянет губу: «Да что вы тут видели? Сено-солома...» И он был прав. Я, например, в то время не видел еще ни города, ни паровоза, даже и на машине-то в кабине не ездил. А за Вовкой был Ленинград. Вовка уверял, что в одном ленинградском доме поместилась бы вся наша деревня Утятка. И мы ему верили, мы завидовали...

Вот Адалечкин бежит к классной доске, а ведь его не вызывали. Но что ему — он же ленинградец. Им все можно — они же сиротки... Это Вовка-то сирота? Совсем не похоже! Вот он стоит у доски и жестикулирует, закатывает глаза. Потом встает на руки и так ходит по классу. Мы хохочем, а он — счастливый. А наша учительница стоит в сторонке и вытирает слезы. Ей и жалко его, и обидно: ну разве можно так, на руках? А потом Вовка хватает мел и начинает рисовать на доске. Это карикатуры на всех нас. И как похоже! А ведь он знает класс только неделю. Но сколько же дней в неделе?

Да, ровно семь дней назад мы их встречали. Стоял мороз, а сверху с неба падали мертвые, застывшие птицы. Теперь уж таких морозов не будет, и такого горя тоже не будет... А потом на дороге показался автобус. Он шел медленно, почти крадучись, еле-еле пробивая сугробы. И вот открылась дверка, и в проеме двери показалась наша директор школы Варвара Степановна Иванова. Вид у ней был уставший, замученный. От Кургана до нашей Утятки они ехали почти восемь часов. Это сорок-то километров! Но дороги не было, ехали по снежной целине...

А потом показались и ребятишки. Некоторых выносили прямо на руках — пугливые несчастные глаза, серые щеки. Много было больных, покалеченных. Блокада сделала свое дело. Да и ехали долго: от Ленинграда до Кургана добирались около месяца. Вагоны были продувные, холодные... И у нас отойдут ли они, согреются?

И вот уже отошли душой, согрелись. А Вовка Адалечкин уже смешит целый класс. Учительница смотрит на него умоляюще, а потом обращается к нам:

— Ребята, мы должны любить наших новеньких, не обижать... Мы пришли им на выручку в трудный час...

И в это время гремит звонок. Вовка Адалечкин машет руками, а потом выскакивает в коридор. Мы следим за ним — все-таки новенький. В коридоре он встречается со своей подружкой Лидочкой Костиковой, мы ее видим уже неделю, но привыкнуть не можем... Она такая печальная, жалкая. Позвоночник у ней изуродован — то ли пуля, то ли контузия. А в глазах все время прыгают искорки — кажется, она зла на весь мир. Вот они стоят рядом и шепчутся. Два маленьких заговорщика. Вовка дает ей какое-то задание — Лидочка кивает головой, соглашается. Скажу сразу об этом задании: Вовка просит насыпать в питьевой бачок бертолетовой соли. Мы об этом, конечно, не знали еще, не догадывались. Поэтому и пили без всякого опасения. Раз стоит вода — почему не пить... И вот прошел час, может, меньше — и начался ад. В животе — прямо огонь, и он готов спалить заживо. И на следующий день пришла та же казнь: желудок лезет в горло, и нет дыхания. Один Адалечкин не болеет. Это его и выдало... Как они были изобретательны! И как несчастны!

А через несколько дней мы узнали, что все родные у Лиды и Вовки погибли. Все, все! Невозможно представить. Вот почему, наверное, и мстили нам наши новенькие... За то, что мы не слышали свиста бомб, за то, что жили мы так далеко-далеко от войны... И за то, что тогда совсем, совсем не про нас писали стихи... И какие!.. «Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...» Да, так и было! Они шли и шли вперед. И мы с ними... И каждый чувствовал плечо другого. И одно сердце переливалось в другое, а потом все дальше и дальше... И так до тех пор, пока недоверие не сменилось любовью. Спасибо им за эту любовь!

III

Спасибо тебе, Боря Смирнов, за то, что мы узнали тебя, а через тебя — Ленинград. Ведь города — это люди, которые живут там. Если люди живут хорошие, добрые, значит, хорошие и города...

Но мы его звали почему-то не Боря, а Боренька. Да и могли ли иначе? Ведь он так притягательно улыбался. Ведь глаза его всегда излучали какой-то свет, нет, не свет даже — сиянье. Я не видел никогда больше такого взгляда. А иногда он задумывался и как бы начинал вспоминать. Но о чем он? И как старело, как менялось лицо. Не то ребенок, не то старичок. И если бы не глаза...

На кого же он походил всегда? Да, тяжелый вопрос. Но еще тяжелее сейчас признаться, потому что мне он всегда напоминал деревянную чу-

рочку: голова слилась с туловищем, а вот ног не видать. Так и было: наш Боренька Смирнов жил без ног. Когда везли в эшелоне, он их отморозил. И пока добирались до Кургана, началось воспаление, гангрена. И если бы ноги не ампутировали, Боря бы умер. Врачи в Кургане пообещали ему, утешили: «У тебя, мальчик, еще вырастут ножки. Вот пройдет два года, и они снова появятся. И ты побежишь на своих...» Это была ложь во спасение, но я за это не осуждаю. К тому же Боря врачам поверил.

А пока в школьной мастерской ему сделали тележку на железных колесиках. Я помню, как Боренька привыкал к ней. Но как привыкнуть! Вначале его привязывали к тележке тугим полотенцем и просили отталкиваться деревянными рычажками. Но он терял равновесие и начинал сразу хныкать, поскуливать, точно ребенок. А он и так был ребенок: Бореньке Смирнову исполнилось только четыре года.

Только четыре, а уже — лицо старичка...

И все-таки Боренькина тележка поехала. Мы привязали к ней за самый мысик веревочку — и покатила телега, поехала. У Бореньки сияют глаза и смеются. И мы тоже смеемся.

Но больше всего мы любили его таскать на руках. Прижмем его к груди и бежим в лес или купаться — к Тоболу. Боренька лежит беспокойно и громко дышит. Я и сейчас помню, как на груди у меня бьется что-то горячее, жаркое... И чуть слышно поскрипывают зубки от нетерпения. И сияют глаза. Как он любил лес и поле... Но еще больше он любил спрашивать, пытаться встречного человека: «Тетенька, посмотри внизу — у меня ножки не показались?» И если встречная оказывалась умной, догадливой, то всегда отвечала: «Показались, Боренька, показались...» И он сразу смеялся, что-то бормотал про себя и снова смеялся... Святая, добрая душа. Где ты теперь? И жива ли? Но кто-то мне отвечает: едва ли жива... А я не верю. Нет, не верю! Как не верю и в тот самый страшный день. Самый страшный за всю войну. Но я расскажу об этом позднее, позднее. К тому же в нашем классе сегодня новенькая. Она приехала к нам вместе с мамой — ленинградской учительницей. Мария Никаноровна будет преподавать в старших классах химию и биологию. А к нам, к самым младшим, она привела свою дочь. Сказать точнее — Ната Долинская сама к нам пришла. Открыла классную дверь — и вот уже стоит на пороге. И мы не можем отвести глаз от новенькой. И такая сделалась тишина, как перед сильным дождем. Долго ждали и дождались. Но разве ждали мы?.. Разве ждешь ведро, когда ненастье с утра до вечера. И вот еще день прошел, а потом еще и еще. Но ничего не меняется: с самого утра опять дождь, опять хмарь. И уж кажется, так будет всегда, даже навечно. Но вот что-то промелькнуло там, наверху, что-то треснуло, — и в эту трещину хлынул луч. Да такой сильный, пронзительный, даже больно глазам. Так и мы: все смотрели на Нату, не верили. Неужели она к нам? Неужели?.. Новенькая что-то поняла и опустила голову. Но все равно... Все равно уже мы все влюбились в нее и потеряли покой.

И вот прошел месяц, потом еще месяц, и только теперь мы поверили, что Ната учится с нами, что можно даже заговорить с ней, можно даже потрогать ее косички. Да, потрогать, чтобы понять, что это не сон. Ведь такие лица, такие глаза, такие волосы бывают только во сне. Их нельзя описать, их даже нельзя представить. Одним словом — чудо и красота...

И вот однажды закончилось чудо: в конце войны Долинские уехали в Ленинград. Я не помню тот день, потому что все взяло горе. И никого не хотелось видеть, даже мать с бабушкой не хотелось... И чтоб ни с кем не встречаться, я спрятался в пригон у коровы. Да что уж там спрятался... Я просто упал на сухое сено и разрыдался. Я стонал и вытирал слезы, но они не кончались. А потом сделалось еще хуже, больнее. Да что говорить — мне уж жить не хотелось, я себя ненавидел. И чтоб прекратить эту боль, стал биться затылком о жерди. Не помогло, только напугалась корова. Она начала мычать, поднимать рога, а потом наклонилась ко мне и стала облизывать щеки. Язык у ней был твердый, шершавый... И вдруг дошло до меня: если Ната уехала, значит, и все они, ленинградцы, скоро уедут. Уедут, бросят нашу Утятку, уедут! Мне опять стало горько, невыносимо. И опять из глаз — слезы. Хорошо, хоть никто не видел. Совсем распустил себя, как девчонка... И опять надо мной задышала корова, Манька, наверно, жалела меня, ну, конечно, жалела. И я уже тоже жалел себя. Жалел, приговаривал: «Никому ты не нужен, совсем никому, такой полуголодный, обездоленный... Вот они уедут скоро, а ты останешься... А ты навсегда здесь останешься — в этой холодной, голодной деревне, в этих сугробах... И сиротство твое тоже останется». Судьба наградила нас уже двумя похоронками: от моего отца и от дяди Жени, родного брата матери. Он погиб там, откуда они приехали. Под Ленинградом нашла его пуля... И теперь нам некого ждать, совсем некого... А потом вдруг пришло забытье. Очнулся я от голоса бабушки. Она сидела рядом со мной и поругивала корову: «Ну че ты такая лямзя. Неуж не видишь, как парень-то наш убивается. Да че же такое с ним, почему?.. Да ты бы хоть, внучок, мне намекнул...» — это уже ко мне обращается, это ко мне идет ее голосок. И этот медленный голосок, как награда.

Но самый лучший голос из всех был все же у Вали Руденко. Как сейчас вижу: вечер, горит лампа-семилинейка. Мы сидим в классе, притихли. Из интерната принесли материал — голубые, зеленые лоскуточки. Вот из них мы нарезаем носовые платки, шьем кисеты. Тут же сооружаем посылку. Она получилась на славу. Местные, деревенские, принесли несколько пар носков, рукавичек. В эти рукавички вкладывали свои письма-послания — «дорогому бойцу на память...» Здесь же ребята-художники выпускали бюллетень «Все для фронта». В нем мы печатали разные новости: писали и об успеваемости за неделю, и о сдаче металлолома, и о делах тимуровских, и о нашей помощи родному колхозу... Но особенно много писали о сдаче металлолома. По этим делам Утятская школа занимала одно из первых мест по Сибири. О своих успехах мы рапортовали товарищу Сталину. Он откликнулся и послал ответную телеграмму-благодарность на имя Бориса Волкова, Анны Сомусевой и директора школы Варвары Степановны Ивановой. В телеграмме стояли дорогие слова: «Ваш металлолом пойдет на строительство танков...»

В посылки мы часто вкладывали и сухую морковку, и семечки — пощелкай, мол, далекий боец, наш утятский подсолнух. И вот уж в лампе керосин выгорел, и фитилек стал дымить, колебаться, а мы все не расходимся. И вот в наступившей тишине начинается песня. Она громкая и внезапная. Она берет прямо за душу, и ты уже не можешь вырваться из этого плена, да и зачем... Ведь тебе так хорошо, так чудесно, только немного печально. У Вали Руденко был удивительный голос, только все же

печальный. Ну и пусть, пусть. Я уж давно заметил, что самый хороший, замечательный голос, о чем бы он ни пел, о чем бы ни рассказывал в своей песне, всегда оставляет после себя печаль и какую-то тайну. И всегда, почти всегда разгадать это совсем невозможно. Наверное, не знает ее и сам певец — просто тайна эта в самой крови его, в его дыхании, в самой жизни его — в судьбе... Как-то сразу после войны в наш Курган приезжал Сергей Лемешев. Я был на этом концерте, слушал это пение, но лучше бы не был, лучше бы не слушал. Помню: после этого концерта в моем городе вдруг все изменилось. Я шел тогда домой и не узнавал своих улиц и переулков. Все стало каким-то маленьким, низеньким, каким-то даже горестным, провинциальным. И своя личная жизнь тоже почему-то сжалась и потускнела. И сразу же поселились в душе вопросы: «Ну почему ты сам такой маленький, бесталанный? Да и зачем ты родился на белый свет? Для чего?» И было так горько, хоть накладывай на себя руки. Но все равно, когда прошел этот внезапный порыв, захотелось сделаться другим, совсем другим человеком... И сделать что-то хорошее людям.

Так же душевно, так же пронзительно пела Валя Руденко. В ее голосе тоже была печаль. Наверно, Валя тосковала о доме: о Ленинграде, о своих близких, которых разметала блокада, тосковала о всей своей жизни, которая начиналась в такой горе, в мучениях... И все же печаль длилась недолго. Сквозь нее пробивалась надежда — особенно тогда, когда Валя стала петь народные полтавские песни. И ее голос в это время уже не томился, не плакал, а наоборот, звенел, поднимался все выше и выше. Нам казалось, что звенит колокольчик... Он и сейчас все еще звенит во мне долгим серебряным звоном. И на этом звоне — на этом колокольчике — можно бы и поставить точку в нашем рассказе, но я все же продолжу. Да и виноват Новый год, виновата музыка — те самые магнитофоны звучали справа и слева, и надо мной, в верхних квартирах. А совсем близко, почти под самыми окнами, поднималось к небу огромное дерево — это горела в огнях городская елка. Я засмотрелся на нее, на это голубое, зеленое, на это невыразимое пламя, а сам уже... все вспоминал, вспоминал ту далекую елку сорок третьего года. И ту холодную зиму, и те снега, которые заметали с головой деревенские крыши. И чтоб вырваться из дома, надо было сначала откопать дверь, потом сделать в снегу проходы, а потом уж только постучать в ставень: «Эй, живые кто, выходите!»

Но не все уже были живые. На моих глазах привезли в интернат двух девочек-близнецов. Они местные, из нашей деревни. Конечно же, Утятский интернат создали в первую очередь для приезжих, но в крайних случаях здесь принимали и деревенских. А близнецы — крайний случай. Девочки были дочери колхозницы Феклы Поповой. Она умерла недавно от истощения. А девочки тоже — прямо скелетики. Но дыханье еще есть, и глазенки моргают. Может, и повезет им — поправятся...

На моих глазах провезли на санках старушку — маму колхозницы Екатерины Поповой. Гроба нет, тело прикрыто рогожкой. И одежды на теле нет — пригодилась рогожка.

А то, что без гроба, — это привычно. В деревне давно нет ни досок, ни дров, а в печки суют только мерзлый кизяк. А от него — один дым и чад... «Ничего, перетерпим, — говорят старики. — На фронте еще хуже, потяжелее...»

А с фронта идут одни похоронки. Только за последние месяцы сколько их: погиб Александр Шевалдышев — у жены Антонины пятеро ребятишек; погиб Дмитрий Луканин — в семье тоже пятеро малышей; погиб Кузьма Трубин, а его дети — Николай, Анна и Виктор, — говорят, уже опухли с голоду, и в доме холодина. Выживут ли? Не буду гадать... Сгорел в танке Иван Решин, сгорел в самолете Яков Менщиков, умер от ран Новгородов Василий... Принесли похоронную и на школьного математика Анатолия Петровича Макарова. Оставил сиротами четырех детей. Зато в семье еще осталось ружье. Жена учителя, Анастасия Михайловна, стреляет из ружья ворон и сорок. Это для семьи — основное питание. Сидишь, бывало, дома и вдруг под самыми окнами — хлоп! Ружье не ружье, даже страшно. А бабушка моя только вздохнет и головой покачает: «Еще одной вороны на свете нет. А тоже ведь была живая душа. Ничего, Анастасия Михайловна, вот январь проживем, а там уж полегче. И морозы, может, убавятся...» — Это бабушка обращалась к хозяйке ружья, но та ее, конечно, не слышала.

А январь начинался с елки. И тот далекий год, сорок третий, тоже начинался с нарядной елки, на которую пригласили нас ленинградцы. Какие они счастливые, эти приезжие! У них, в интернате, и елка лучше, чем в школе, у них и патефон играет, у них дают даже подарки...

И вот началось! Я пришел сюда вместе с бабушкой, а все равно — страшновато. Да и пугает сильная тишина. Людей много, но все молчат. Но вот патефон играет песню о Ленинграде, и нас приглашают в большую комнату. Мы входим туда и замираем: елка горит от игрушек, от блесков, на ней — различные фигурки из дерева, разноцветные шишки, шары. Говорят, что она была еще лучше, красивее: приезжие наделали много бумажных цепей и покрасили их в золотые цвета, но приехал инспектор из района и велел все цепи убрать. Он сказал, что цепи — символ закабаления. Но и без цепей зеленая красавица хороша! И все равно кругом тихо, мы почему-то даже боимся дышать. Но зато наши глаза! Они все видят, все замечают и следят за движением хозяев. Они стоят пока почему-то отдельно. Вот они — целый ряд: впереди всех директор интерната Назарова Антонина Владимировна, рядом с ней воспитатели Фаина Ароновна Корман и ее сестра Раиса Ароновна, а возле них, переминаясь на раненых ногах, стоит недавний фронтовик Батиков Илья Васильевич... А по другую сторону комнаты сошлись вместе директор школы, наша любимая учительница немецкого языка Анна Васильевна Котова и моя мать — завуч школы, Потанина Анна Тимофеевна... А посредине комнаты, почти в метре от елки, стоят те, ради которых и намечается торжество. Здесь и Юра Юдин, и Лотта Корман, самая знаменитая отличница в нашей школе, а рядом с ними улыбаются два брата Николаевых со своей сестренкой Валенькой. Ей всего лет шесть или семь, а братья постарше. Рядом с Николаевыми стоит вся пунцовая Валя Руденко, наша артистка. Ей много петь сегодня, и она очень волнуется. Чуть поодаль — Люся Епифанова, тоненькая, худенькая, похожая на стебелек травы. А дальше располагаются кучкой все деревенские — и ребятишки, и взрослые. У многих на руках даже грудные дети, совсем малышня. Их берут в надежде на дополнительный подарок. Так потом и случается — самым маленьким из гостей дается больше всего... Как это правильно и хорошо. Так будет и сегодня — обязательно будет. И вот все мы ждем и томимся: до открытия елки еще полчаса. Как это дол-

го, невыносимо. И чтоб скоротать время, я наблюдаю за матерью. Ее глаза блестят и все замечают. Я не знал тогда, что она ведет дневничок. Да если б и знал, то не понял бы, зачем тратят время на эти странички. Конечно, не понял бы. А вот недавно, перебирая старые бумаги и фотографии, я нашел ту тетрадку. Открыл — и уже не мог оторваться. Простые слова, а сжимается горло. Неужели это было когда-то, неужели пережили такое! И неужели столько горя, страданий... Но мать писала и о хорошем, и о счастливом, и о надеждах. Особенно, конечно, о надеждах, ведь хотелось дожить до победы. Я читал и думал: «Откуда они брали силы, откуда?» Но давайте вместе со мной еще раз заглянем в тот дневничок, ведь до открытия елки еще полчаса, и у нас много времени, очень много...

IV

Мать писала и о своей семье, и о школе, много на этих страницах и о приезжих. Да, да, о тех, кто стоял у нашей елки в самом первом ряду... Мать писала: «У нас в школе праздник — приехали ленинградцы. Вместе с детьми прибыли и воспитатели — учителя из города Ленинграда. Мы смотрели на них, как на чудо, как ведь они ходили по улицам, которые видели живого Пушкина, Блока. Они дышали воздухом Эрмитажа... Какие они счастливые! И какие несчастные, ведь им придется жить в наших снегах и метелях. Как-то им поживется, да и отойдут ли от тяжелой дороги... Но главное, конечно, не в этом, а в нашем волнении. Привыкнем ли мы к ним, сработаемся ли?... Но мои сомнения, кажется, напрасны. Вчера в школу заходила Антонина Владимировна Назарова — директор интерната. Она просила за своего сына Толю. Его надо устроить во второй класс.

В школе была большая переменка, и все окружили гостью — и учителя, и ребяташки. Антонина Владимировна для каждого находила хорошее слово. Это выглядело от души, сердечно и просто. Она и внешне понравилась нам, заворожила. Особенно запомнились волосы: они у нее под цвет спелой соломы и коротко подстрижены, чтоб не мешали. И глаза ее тоже всех поразили: они большие, открытые, с каким-то особенным блеском. Кто-то сказал из нас: как у артистки... И я тоже так считаю. А вот голос у Назаровой грубоватый, с мужской хрипотцой и твердыми нотками. И во всей фигуре тоже слышится какая-то не женская сила. Да и одежда на нашей гостье особенная: дубленый полушубок, на голове шапка-ушанка, а стеганые брюки заправлены в серые плотные валенки. Ни один мороз не возьмет. Так и надо по нашей погоде. Мы слышали, что до войны она была депутатом Ленинградского городского Совета. Антонина Владимировна этот слух подтвердила.

Вместе с Назаровой приехала Фаина Ароновна Корман. На вид ей уже лет тридцать, но можно дать и побольше. Причина, конечно, война. Волосы, когда-то очень темные и волнистые, теперь совсем поседели. И глаза смотрят внимательно, исподлобья — и в них застыло что-то печальное, горькое. Глаза видят, как говорится, насквозь. Но бывает, что в глазах у нее — радостно и светло. В это время глаза смотрят на дочку. Лотта у нее — красавица, умница. С первых дней она стала гордостью школы.

Фаина Ароновна оказалась чудесным воспитателем. Каждый день она бывает в школе. Часто присутствует на уроках в классах, где учатся ленин-

градские дети. С большим тактом потом разбирает уроки. Это, конечно, большая помощь местным учителям. Да что говорить! С интернатом у школы — прекрасная связь. Мы живем, как одна семья. Как братья и сестры: один за всех, и все за одного...

Часто бывает в школе и завуч интерната Мария Никаноровна Долинская. Ах, какой это человек! Такие люди на какое-то откровение бывают, наверное, только в Ленинграде. В наших краях я таких еще не видала. Ничем природа ее не обидела, наградила с избытком. И душа, и лицо, и голос!.. Все бы смотрел на нее, любовался. Вот она, стоит прямо в глазах: высокая, слегка полноватая, с красиво подстриженными каштановыми волосами, а кожа на лице, как говорят, кровь с молоком! И всегда Мария Никаноровна веселая и смеющаяся: горе — не горе, мол, и беда — не беда. От нее постоянно шел какой-то пронзительный свет доброты, сострадания. Даже не передать мне — надо видеть ее лицо... И голос мягкий, податливый. Говорит она быстро, слегка запинаясь, и в это время сияют глаза, притягивают. Такой голос, такие глаза бывают только у добрых людей. Так и есть! Всех любит Мария Никаноровна и всех жалеет, и всем хочет помочь. Такая же и дочка у нее — наша ненаглядная Наточка. Ее у нас все знают и любят.

А дел у Марии Никаноровны — целые горы. Она и в школе у нас, она и в интернате. И любая работа у ней ладится и со всеми живет в согласии. А для ребятишек — просто как мать. Она знает абсолютно все о каждом своем воспитаннике: черты характера, склонности, увлечения. Много доброго она сделала и для местных детей. К примеру, были сверху строгие указания: все списанные интернатские вещи рубить или даже сжигать. Но завуч пошла на нарушения: стала списанную одежду раздавать утятским ребятишкам. А те и рады, ведь ходят в школу в ремье...

Вот, кажется, о всех воспитателях я рассказала... Но нет, нет, все-таки не о всех. Я совсем забыла Раису Ароновну Корман. Их ведь двое у нас сестер: старшая — Фаина Ароновна, а младшая — Раиса. Так вот младшая — такая мастерица, такой организатор! Она и песни разучивает с ребятишками, она и книги читает вслух. Она и художница, рукодельница. Недавно елку стали наряжать, так просто любо смотреть на Раису Ароновну. Она и куклы мастерит и какие-то цепочки, кораблики... А елку привез нам из бору наш школьный конюх Карпей Васильевич. И вот уж наша елочка одета и разукрашена и ждет, поджидает гостей...»

И теперь давайте на этом прервемся. Закроем на время нашу тетрадку. Да и прошли уже те полчаса, и скоро-скоро начнется праздник.

V

И вот уж начался. Варвара Степановна объявляет елку открытой. Мы хлопаем в ладоши, обнимаем друг друга. Какая радость! Какая елка! А потом объявляют концерт.

И опять поют песню о Ленинграде, читают стихи. Меня тоже просят выйти поближе к елке, — и я читаю стихи Пушкина о зиме. Читаю громко; до боли в горле, но мне кажется, что так и надо читать стихи. А после меня уж поет Валя Руденко. Это чудо! Если б вы слышали, как она пела... Звенит колокольчик, звенит чистое серебро и навеивает всем сны. У многих в руках платочки, и они осторожно вытирают глаза. А Валя все поет и поет.

Где же она сейчас? Где звенит это серебро-колокольчик?... Много бы я дал, чтобы знать.

Прошел еще час, и закончился новогодний концерт. Сколько же он длился?! Показалось, всего один миг... Все дорогое, хорошее продолжается всегда только миг... А время ведь уже позднее — надо домой. Школьный конюх Карпей Васильевич запрягает нашу Серуху и начинает всех развозить. Это дело серьезное, нужное. У многих из гостей на ногах нет нормальной обуви, а на дворе мороз.

И вот доходит очередь до меня. Мы залазим с бабушкой в коробушку, Карпей Васильевич щелкает кнутиком — и вперед. Скрипят полозья, сверкают снега. Я смотрю на луну, и мне кажется, что там ходят какие-то люди, но мне не страшно. Наоборот, мне весело, мне хорошо, да и угостили нас ленинградцы на славу. Даже булочки были из настоящей муки. Да и концерт понравился, и самому пришлось выступить, и мне все хлопали... Как хорошо! Сверкают снега. А в горле у меня — спазма от счастья, да и бабушка рядом. Она укрывает мне ноги шалью, а сама что-то шепчет. Может, молитвы за спасение тех, кто сейчас в ленинградских снегах. «Ты б, Женья, горло-то свое получше закутывал, а то морозец хватается...» А я слушаю бабушку и улыбаюсь. Ну какой же я Женья? Так зовут ее сына, на которого недавно пришла похоронка. И вот уже путает нас, а поправить ее не решаюсь... Но мне все равно хорошо. Да и ночь плывет тихая, голубая, совсем новогодняя ночь... И вот на этой ночи можно бы сейчас и закончить, но мне что-то еще мешает. Я подхожу совсем близко к окну и поднимаю высоко штору. Горит наша елка — пылает до неба. Голубой и зеленый свет. И еще красный, желтый, сиреневый. Счастливый огонь — новогодний огонь... А какой же свет был там, в Ленинграде. Багряный? Да, да, багряный, как кровь... Потому и написал поэт: «Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...»

VI

И в этом ряду я вижу лицо Юры Юдина. Вот оно рядом — можно даже дотронуться. Красивое, ясноглазое, как у капитана Гастелло. Он и душой своей походил на чудесного летчика и так же ненавидел фашистов...

И вот я начал рассказ о Юре, а сам боюсь: сумею ли, хватит ли нервов? Ведь я сказал уже впереди, что у меня был самый страшный день в те далекие годы. Так вот, признаюсь сейчас, этот день связан с Юрой.

Как мы, деревенские, любили его! И как гордились! Нам казалось, что он самый смелый, самый бесстрашный. Ему было лет двенадцать-тринадцать, но мы знали, что он в Ленинграде уже дежурил на крышах и сбрасывал зажигалки. А это ведь те же бомбы...

Он приехал к нам вместе с мамой, и та устроилась в интернате. Работа тяжелая — с утра до ночи на кухне. Она и за повара, и за техничку, а по ночам ухаживала за больными. Вот и сдало сердце, не выдержало... Да и как ему выдержать, когда за плечами — блокада. И вот однажды Юра проснулся, а мама не дышит. Он подошел поближе к кровати — не слышно дыхания. Он схватил ее за руку — ладонь была ледяная. И тогда, потрясенный, он закричал и кинулся прямо к двери. Они жили на первом этаже интерната, и Юра выскочил сразу в ограду. Он выбежал раздетый, разу-

тый, в одних тонких носочках. Он не медлил, потому что принял решение. Но что было потом, я не знаю. Одно только помню, как он страшно кричал, как разбудил всю деревню. Его крики слышали в каждой избе, да и как не услышать! Часто говорят: у меня кровь, мол, застыла в жилах. Так и было тогда, так и случилось: у меня тоже кровь встала в горле, и пришел ужас. Такого страха я никогда не знал еще, не испытывал. И закричать бы тоже, но не могу. И этот страх приподнял меня с места и кинул на улицу. А там уже — вся деревня... Как будто пожар или кого-то убили. Но все бежали к Тоболу — на берегу что-то случилось. И мы тогда побежали, но было уже поздно... Навстречу нам шел Игорь Плотников и нес на руках нашего Юру. Игорь нес его осторожно, как будто брел по воде, как будто у него заболели ноги. Голова у Юры моталась, все время сползала набок, но сам он был живой, живой... И по толпе прошел вздох облегчения. А потом женщины закричали: «Быстрее, Игорь, быстрее! Ты же его заморозишь!..» И тот сразу прибавил шаг, а потом побежал бегом — откуда только у Игоря силы. Так на руках и занес Юру на второй этаж. И в интернате сразу зажглись огни и забегали люди. И только через час на этаже все затихло, но мы не расходились. Помню, было холодно, а в небе сиял блеклый, еле заметный месяц. Но скоро его скрыли тучи и посыпал дождь. Это было как облегчение, как надежда. И тогда все пошли домой. И по пути мои соседки разговорились. От них узнал я, что Игорь догнал своего друга уже на самой реке. Еще 6 миг — и тот бы, мол, бросился с берега, утопился. Но, видно, повезло парнишке. Видно, есть еще счастье...

Счастье? Какое оно? Да и есть ли оно на свете?.. Ведь через два дня мы хоронили Юрину маму. Маленький белый гробик пах смолкой и свежей стружкой. Так же пахли сосновые ветки. Мы их бросали себе под ноги. Шли за телегой и бросали. Лошадь шагала тихо и все время вязла в глубокой колее, но до кладбища было близко. Вот и кладбище, вот и холмик земли, вот и свежая ямка. Юра в последний раз посмотрел на мать и упал на гроб. Он не кричал, он не плакал — наверное, не было уже слез...

А через несколько месяцев мы их провожали. Еще шла война, еще в моей деревне получали похоронки, а они, помню, смеялись, плакали и кричали. Но это были уже другие слезы и другие крики. И глаза у них сияли счастливым светом. Так, значит, есть оно, счастье! Значит, все-таки есть! Значит, оно в том, чтоб однажды после долгой-долгой разлуки вернуться домой. И хорошо, что он есть, что он есть — этот дом! И уж совсем хорошо, что этот дом зовут Ленинград.

* * *

Вот на этом великом слове я сейчас и закончу. Как я любил всю жизнь это слово, как я люблю... И пусть проходят месяцы, годы, а это слово все так же сияет для меня, как та елка в том незабываемом сорок третьем... Ленинград, Ленинград... Ты и мужество, ты и сила, ты и цвет нашего знамени, ты и поэзия, ты и детство мое, Ленинград! А недавно у меня гостил ленинградский поэт Глеб Горбовский. Мы пили с ним чай из большого белого самовара и читали стихи. Верней, он читал, а я слушал. И вся семья моя слушала, потому что стихи его — наша любовь... А потом мы говорили, вспоминали о разном, и я признался: у меня ведь много дорогого связано с Ленинградом. И война, и детство, и даже друзья...

— А ты помнишь?.. — вдруг спросил он и стал читать медленно, с придыханием:

Все на колени, все!

Багряный хлынул свет!

И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —

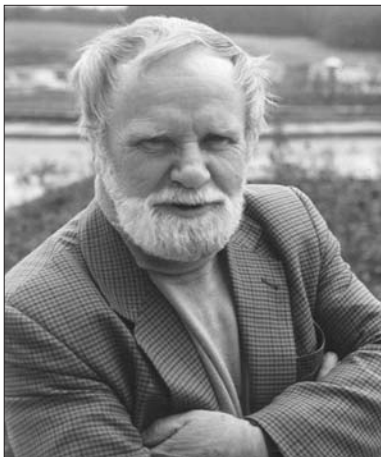
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

Да, я помнил, хорошо помнил это. И я не забуду! Нет, не забуду! И вот сейчас опять все повторилось: я смотрю в окно, а там — тихая, совсем новогодняя ночь. И горит наша большая курганская елка, пылает до неба. Голубой и зеленый свет. И еще красный, желтый, сиреневый... Я смотрю на них, а сам все вижу, вижу опять другие огни... и другие глаза. Это глаза моих далеких друзей, глаза ленинградцев. Я никогда не забуду. Да, да! Давайте же никогда не забудем их, детей славного Ленинграда! Давайте же! Я обращаюсь к вам, мои земляки. И к вам, мои знакомые и незнакомые школьники, и к тебе, моя бойкая пятиклассница с глазами лисенка. Не забудем и понесем вперед нашу память.

СВЯТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

С катальщиком через Неву

Василий БЕЛОВ

ДАНЯ

Василий Иванович Белов — родился в 1932 году в деревне Тимонихе Вологодской области. Учился в школе ФЗО, работал столяром, электромонтером, окончил Литинститут. Признанием его заслуг стало присуждение Гос. премии СССР, Гос. премии РФ в области литературы и искусства, награждение орденами — Трудового Красного Знамени, Ленина, «За заслуги перед Отечеством» и Преподобного Сергия Радонежского. Близ своей деревни Тимонихи он восстановил разрушенную церковь Успения. Собственноручно настилал полы, сделал по всем канонам престол, иконостас. В течение трех лет вкладывал свои сбережения в восстановительные работы. И сейчас в церкви открыт приход. **Живет в Вологде**, но часто и подолгу бывает в родной Тимонихе.

Санки везет папа, а в санках сидит закутанный в одеяло Даня. Он глядит на дорогу и на холодное солнышко. Снег так весь и сверкает, даже глядеть нельзя. Но Даня все равно глядит. Даня, Данилка, Даниил. Как только его не называют, и все по-разному. Правда, он совсем еще маленький — такой, что даже не все буквы выговаривает. Даже в школу не ходит, а ходит в совхозный детсадик. Вернее, его увозят туда в санках. Увозят на всю неделю, а в субботу снова домой привозят. Сегодня ночью будет Новый год, и папа везет Даню домой.

— Даня, Даня! — кричит с горы третьеклассник Борис. — Беги, Даня, сюда!

Но Даню, конечно, не отпустили на гору. Вдруг папа встретился с директором совхоза.

— Опять на третью ферму концентраты не подвезли! — сердито сказал директор.

Папа тоже почему-то заругался, потом вынул Даню из одеяла и велел идти домой.

— Ножками? — спросил Даня.

Папа ничего не сказал и опять заспорил с директором. Пришлось идти одному, хотя до дому было еще порядочно. Даня долго перешагивал уроненную на дорогу жердь и чуть-чуть не чебурахнулся. Но вот, наконец, и родное крылечко. У Дани сердце замерло, как на качелях. Сейчас он маму увидит. Только сначала валенки надо веником обмести. Р-раз, р-раз — и все! Ух, и здорово топают Даня своими новыми валенками! Дотянуться-то дотянулся, а двери все равно самому не открыть.

— Эх ты, карандаш! — засмеялся отец и открыл дверь. И сразу Даня маму увидел.

— Мама! Мама! — закричал он и чуть не заплакал: уж очень он ей обрадовался.

А мама откинула полотенце, которым она обтирала чайную посуду, и так прижала Даню к себе, что у него даже косточка какая-то хрустнула. Долго она его не отпускала.

Хорошо дома. Половики настланы по белому полу, кот Жмурик спит. Лапы свои вытянул и знай себе спит. Новые занавески мама повесила, печка топится и трещит, а Даня сидит у печки и ест пряник. Жмурика он сразу разбудил, и тот трется о Даню и мурлычет. Мама гладит платье, отец газету читает, и мама слушает, что папа рассказывает. Чего-то про ферму, про концентраты.

— Вот, Даня, папу-то опять ругают, — сказала она, а Даня подошел к отцу и серьезно произнес:

— Нельзя, папа, в штаники писать!

— Да нет, его не за это ругают! — засмеялась мама. Даня вытащил из-за комода ящик с игрушками. Вот он, Мишка, с одним стеклянным глазом. И пожарная машина не заводится. Лягушка-квакушка пока заводится, но Даня еще прошлый раз уронил в щелку заводной ключик...

— Папа, достань ключик.

— Даня, иди сюда, не мешай папе, — говорит мама. Даня подошел и обжег палец об утюг. Сразу стало больно и захотелось реветь.

— Знаешь, я сейчас принесу тебе елочку из кладовки, — сказала мама. — Хочешь елочку?

Конечно, Даня хотел. Мама надела пальто и без платка вышла в сени. Она принесла небольшую елочку.

— Во какая! — восхищенно сказал Даня про елочку. Она была чуть побольше Дани, пахла зимой и лесом.

Даня потрогал ее за ветку. Колется! И начал прыгать на одной ноге, а мама обернула конец елочки бабушкиной фуфайкой и вложила в большое ведро. Теперь елочка стояла и не падала. Мама взяла из шкафа коробку с прошлогодними украшениями. У Дани даже дух захватило, какие были красивые шары. Целый год лежали, а ничего им не сделалось. И петух с красной бородой, и лиса на веревочке, бусы — все тут было!

Мама разукрасила елку и поставила у дивана в маленькой комнате, но Дане все равно захотелось еще чего-то. Он сложил в ящик старые игрушки и направился в большую комнату.

— Ты чего, Даня? — спросила мама.

— Пошел на обед.

Мама долго прижимала его к себе, и смеялась, и пела про Волгу.

Уже протопилась печка, Жмурик опять лег спать, а Нового года все не было. Даня запросился на улицу, и мама опять надела на него пальто и валенки.

— Гляди, Даня, за калитку не бегай! — сказала она, сняла с веревки выстиранное белье и ушла в дом.

— Ох, и снегу на улице! Уже почти вечер, солнышко село, а снег все равно белый. Только тропинки к воротам не белые — наверно, от валенок. Весь поселок дымит тоже белым и пушистым дымом. Репродуктор у конторы кричит на морозе, ребята на горе катаются на лыжах, Борис тоже там.

— Иди сюда, Даня! — крикнул он. — Чего стоишь, иди сюда!

Но Дане туда нельзя. Тогда Борис подъехал к нему сам. Даня так и уставился на его настоящие лыжи.

— Даня, ты на кого будешь учиться? — спросил Борис.

— На папу. А ты?

Борис, опершись на палки, долго глядел на красную далекую зарю. Он сдвигал и раздвигал свои брови.

— Даня, — зашептал он, — я буду скоро лунатиком. Хочу стать лунатиком. Буду ходить по проводам и по крышам. Все лунатики по крышам ходят. Бабушка говорит, если будешь на луне спать, обязательно будешь лунатиком. Она занавеску на окно повесила.

Даня слушал очень внимательно.

— ...хочу ходить по крышам. Я уже хотел раз поспать на луне, да спать уж больно хотелось. А сегодня обязательно не просплю и отодвину занавеску. Чтобы луна прямо в окошко светила...

— А моя бабушка летом приедет, — сказал Даня. — Моя бабушка — это мамина мама. Когда я большой буду, я ей заводные тапки куплю. Она толстая, у нее ноги тихо ходят.

— Тапки? — спросил Борис, — Таких и не продают. Где ты их купишь?

— В купилке.

— Не в купилке, а в магазине, — поправил Борис.

— В магазине, — как эхо, повторил Даня.

Вышла мама, ласково взяла Даню на теплые руки и унесла, а Борис тоже поехал домой. Над поселком зажглась яркая зеленая звезда, вдалеке, у конторы, проурчала машина, в домах загорались новогодние огни. Даня, засыпая, думал о бабушке, о заводной лягушке-квакушке и о Борисе, который хочет ходить по крышам.

— Мама, а я тоже буду лунатиком?

— Будешь, будешь. Спи, милый.

Он засыпал, этот счастливый Даня, а мама сидела рядом на диване и рассказывала сказку про тетерева и про лису. В большой комнате горел свет, а здесь елочка мерцала своими шарами у самой головы, и Жмурик тоже был рядом. Глаза у Дани сами вдруг закрылись, и мама поцеловала его в щеку.

— Спи, маленький, спи.

«Мама, ты куда не уйдешь?» — хотел спросить Даня, но не успел и сладко заснул. Ему снился детсадик и пушистый морозный снег, но не белый, а голубой. Жмурик пошел по этому снегу, оглянулся на Даню и исчез в снегу. Легкая и далекая тревога чуть кольнула Данино сердечко, но ему уже снился медвежонок с одним стеклянным глазом и елочка с голубыми шарами.

Вдруг Даня вздрогнул во сне. Вздрогнул от ночной тишины, открыл глаза и проснулся.

— Мама, — с надеждой позвал он.

В комнате было тихо, ему никто не отвечал.

— Мама! — уже со слезами в голосе крикнул Даня и вскочил.

В одних трусиках, босиком, натываясь на что-то, он пошел в большую комнату. Но ни мамы, ни папы там не было, лишь белела под луной неразобранная кровать. И он заплакал, сначала тихо, потом все громче и громче.

С улицы в окна сочился призрачный снежный свет, на стеклах мерцали звездочки инея, за печкой тяжело ходил кот, и мамы нигде не было. Даня стало совсем горько, одиноко и страшно. Все его забыли, только в темноте тикал будильник. Вздрагивая всем тельцем и плача навзрыд, он с трудом влез на кровать и закричал:

— Мама, мамочка!

И опять ему никто не ответил! Светила в окошко луна, мерцал иней на стеклах, и кот ходил в темноте, но Даня уже не слышал, как он ходил. Даня зашелся в плаче, захлебнулся и задрожал, как от холода.

Сколько времени проплакал Даня? Может быть, до самого Нового года, может, не до самого. Измученный тревогой, совсем обессиленный одиночеством, он заснул на неразобранной кровати.

Квадрат, освещенный новогодней луной, уже передвинулся далеко в сторону, когда за окном стукнула калитка. Вошла с улицы мать, веселая, краснощекая. Она сняла пальто, подошла к дивану и ахнула, кинулась в большую комнату.

— Даня! Где Даня?!

А отец уже стоял над сыном, который, свернувшись крохотным калачиком, ногами в изголовье спал поверх покрывала.

— Даня, маленький, ну что ты? — мама осторожно взяла Даню на руки.

Он вздрогнул, будто отголосок страшной ночи опять зазвучал в маленьком сердечке. Не открывая глаз, прижался к матери, крепко обхватил ее за шею.

— Мама, мама миленькая, ты пришла?

От мамы пахло вином, снегом и еще чем-то, может быть, луной. Даня снова был счастливым, снова мерцала шарами елочка, и снова Жмурик мурлыкал ему свою сказку.

И Даня опять заснул, теперь уже счастливее всех на свете.

За окном морозное облачко окутало тихую новогоднюю луну, совхозный поселок белел пушистыми крышами. В комнате было тепло, елочные шары тихо звенели на колючих ветках. Даня дышал глубоко и счастливо.

Ты спишь, Даня? Твои страхи велики, но забывчивы, твоя тревога ушла, и мама сидит в твоём изголовье, а ты летаешь во сне, потому что растешь. Ты будешь ходить по крышам, ты будешь летать по небу, ты увидишь луну. Когда-нибудь ты пройдешь по золотой лунной кромке так же, как сейчас Новый год идет по большой тревожной Земле. И синий громадный шар этой Земли будет светить тебе издалека.

Наша ИДЕОЛОГИЯ

**Архиепископ
Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(ГОРЯНОВ)**

**«ЗАПЕЧАТЛЕТЬ
НА СЕБЕ
КРАСОТУ»**

*Русская культура
и Православие*

Закончилось первое десятилетие третьего тысячелетия. В России время подводить итоги, в числе которых без сомнения, будут названы достижения политические, экономические, будет подсчитан рост пенсий и зарплат, точно определено количество квадратных метров нового жилья, но какими цифрами могут быть оценены успехи, а вернее, неудачи современной русской культуры? Как подсчитать тот невосполнимый урон, который нанесен духовному здоровью наших соотечественников за это десятилетие в связи с пренебрежением, оттеснением вопросов культуры на «окраину» общественного бытия, в связи с отдаванием этого важнейшего, оборонно-значимого рубежа силам, во многом, враждебным нашему Отечеству. Здесь цифры не помогут.

В великие Рождественские дни поступим так, как призывал нас свя-

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

той апостол Иаков: «Отложив всякую нечистоту и остаток злобы, в кротости примите насаждаемое слово, могущее спасти ваши души» (Иак. 1; 21). В деле спасения человеку недостаточно одной доброй воли, необходима еще благодатная сила свыше. Святитель Иоанн Златоуст так объясняет нам эту мысль: «Как Пресвятая Дева Мария наитием Духа зачала Богочеловека, так и каждый человек только наитием Духа может зачать в себе нового человека, вообразить в себе Христа, запечатлеть на себе красоту Искупителя. Но как первое было не без воли Пресвятой Девы, так и последнее происходит не без воли человека». Кажется, русские люди более всего стремятся к этой красоте, запечатленной во многих исторических проявлениях великой русской культуры, которая с начала становления русского государства была, бесспорно, — христианской.

Без преувеличения можно сказать, что Русь родилась, крестившись в водах Днепра более тысячи лет назад. Через дар крещения мы получили подлинную жизнь, и это ясно чувствовали первые поколения крещеных православных русских людей. Отныне раз и навсегда в русское сознание, в русскую культуру входит образ Нового Иерусалима, Святого Града, а Русская Земля осознается как вторая Святая Земля, удел Богоматери. И в это время начинают вырабатываться основные понятия и основы русского менталитета, русской духовной жизни, русской культуры, словно внявшей словам Иринея Лионского (II век), который на вопрос современников о том, что же нового принес Христос, не колеблясь, отвечал — все новое «omnem novitatem». Русское сознание откликнулось на слова апостола Павла: «...облекитесь в нового человека, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос». (Кол. 2, 10–11).

Академик Д. С. Лихачев говорил об «антропоцентризме» древнерусской культуры. Я бы выразился несколько иначе: это тео-антропоцентрическая культура, Богочеловеческая, укорененная в богочеловечестве Христа, построенная на чувстве благодарения и на том, что Лихачев называл «удивление миром». Вот характерное место из поучения Владимира Мономаха: «Кто же не воздаст хвалу и не прославляет силу Божию и великие чудеса и блага, устроенные на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как звезды, и тьма и свет».

С принятием христианства, в русском человеке вырабатывалась любовь к красоте, точнее — к преображенной, очищенной красоте. Часто эта красота проста и достигается немногими средствами, как например церковь Покрова на Нерли (1164 г.), столь гармонично вписанная в пейзаж, что кажется, представляет собой образ этой неземной красоты, образ горнего града.

Очевидно, что без Православия не было бы древнерусской архитектуры, живописи, наконец, древнерусской литературы. Самая письменность — кириллица была принесена на Русь православными миссионерами. Характерные черты древнерусской культуры сохранились и прочно вошли в русскую культуру.

Да, она была во многом практической и дидактической, учительной. Менее всего она была занята анализом самой себя, или мыслью о мысли. Ее задачей было наставить, научить, спасти: «Научись верующий человек поступать благочестиво, мысли чистоту блюсти, побуждая себя к добрым делам Господа ради». Само собой разумеется, она была нравственно ори-

ентирована, наши предки просто бы не поняли декадентского или пост-модернистского имморализма, или аморализма — «по ту сторону добра и зла». Эта культура была покаянной, исповедальной. Наконец, вся она была народной, потому что ее плоды были полезны и нужны всем, востребованы всеми слоями общества, ее невозможно разделить по классовому признаку. И все эти черты были следствием благотворного влияния Православия.

Нельзя умолчать о политической культуре, в частности — о взаимоотношении Церкви и государства. Несмотря на то, что временами их отношения были достаточно сложными и даже трагическими, они строились на принципах симфонии, изложенных в свое время в новелле императора Юстиниана: «Существует два великих дара, которые Бог в своей любви к человеку даровал ему свыше — священство и царство. Первое служит божественному, второе управляет человеческими делами, однако оба происходят из одного источника и украшают жизнь человечества. Поэтому, если священство свободно от порока и обладает доступом к Богу, и если цари справедливо и равновесно управляют государством, доверенному их заботе, то из этого происходит прекрасная симфония (или благостное созвучие) и благополучие даруется человеческому роду». Если Церковь стремилась словом и делом поддерживать государство в его тяжелые времена (в борьбе с татаро-монгольским игом, а также — в Смутное время), то и государство старалось обеспечивать Церкви режим наибольшего благоприятствования в ее воспитательных и проповеднических трудах. Благодаря этой симфонии, созвучию, мы имеем богатейшую русскую церковную архитектуру, иконопись, литературу. Но гораздо важнее, эта симфония давала возможность обеспечивать социальный мир. Так только присущими Руси были такие ситуации, когда по просьбе царя целые сословия отказывались от претензий друг к другу и к правительственным чиновникам.

Петровская реформа, при всей необходимости изменений, явилась тяжелым ударом и потрясением для России и для русской культуры в частности. Фактом остается то, что русский народный стиль архитектуры надолго замирает в петровских казармах, русская живопись надолго теряет свою самобытность, русская музыка на какое-то время становится довеском итальянской. Гораздо тяжелее было то, что теперь русская культура и традиция делятся на дворянскую и народную, высший класс отрывается от своих корней и даже от своего языка. Именно с петровских времен в русское общество входит эта страшная раздвоенность: «дворянское-народное», «русское-иноземное», и как результат: «православное-неправославное, религиозное-атеистическое». Церковь в определенной степени теряет свою самостоятельность и становится одним из государственных учреждений. В самих реформах, а в особенности манере их проведения, был вызов России. Не сразу, но она ответила на него: в духовной сфере — Серафимом Саровским, в культурной — Пушкиным. Несмотря на все потрясения, русская культура в своих лучших представителях и лучших творениях сохранила свое национальное ядро. И Санкт-Петербург, несмотря на все усилия Петра, так и не стал «новым Амстердамом», это все же русский город, несущий в себе черты того же самого градостроительного облика, что и Киев, и Москва, а именно — Нового Иерусалима. Это выражается во многом, в частности — в основных городских доми-

нантах, центральных храмах Петербурга — Исаакиевском Соборе, Петропавловском соборе, Адмиралтейской церкви, образующих центр города, между которыми протекает Нева — живой символ, напоминающую реку жизни из Откровения Иоанна Богослова.

Великая русская литература на протяжении долгого времени сохраняла свой религиозный характер, свою религиозную теплоту, а также «удивление миром». Вспомним хотя бы «Утреннее размышление о величии Божием» Михаила Ломоносова — отца российской науки и поэзии. Или обратимся к грандиозной поэме Державина «Бог», написанной им после пасхальной заутрени:

*Твое создание я, Создатель,
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей, и Царь,
Твоей то правде нужно было,
Чтоб бездну смертну проходило
Мое бессмертно бытие,
Чтоб дух мой в смертность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился
Отец! в бессмертие Твое.*

Можно много спорить о религиозности Пушкина, но ясно одно, начиная с его периода жизни в Михайловском, он поворачивается к народной жизни и к Православию. Можно привести множество иллюстраций, одна из них — драма «Борис Годунов». В ней мы видим трагедию неблагословленной, небогоугодной власти, мучения нечистой совести, не находящей выхода в покаянии. Парадоксально, но факт: власть в трагедии определяется отношением к религиозному, в частности, — к монашеству. Как ни странно, идеальным царем оказывается Феодор Иоаннович, который «на престоле воздыхал о мирном житии молчальника»:

*Бог возлюбил смирение Царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась...*

И не случайно Гоголь говорит, что в Пушкине «русская природа, русская душа отразились в такой чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла». Эту очищенную красоту дало Пушкину Православие.

На Западе многие любят Достоевского, не за изображение страстей, коллизий, а за то, чем он был истинно велик, а именно, своим покаянным даром, за то, что он, предвидя грядущую революцию в своем романе «Бесы», тем не менее, верил и надеялся, что «Россия, наш великий, милый больной, исцелится и сядет у ног Иисусовых, и выйдут из него все бесы и бесенята». Хочется надеяться, что нам посчастливится присутствовать при начале этого процесса.

Наконец, Лев Николаевич Толстой, отошедший от Церкви в свои поздние годы и померкший творчески, в начале своей литературной деятель-

ности благотворно питался ее соками. И совсем по-древнерусски звучат его слова: «Для нас, с данной нам Христом мерой добра и зла, нет величия там, где нет простоты, добра и правды».

Однако, несмотря на одухотворяющее влияние Православия, мы не смогли избежать трагедии атеизма XIX и XX века и, как следствие, трагедии русской революции. Они связаны со сменой нравственного идеала, а точнее — с его помрачением, когда, по словам Ф. М. Достоевского «помутилось сердце человеческое, когда цитируются фразы, что кровь освежает, когда вся жизнь проповедуется в комфорте». Но и в подсоветском бытии, «под глыбами», сохранялись светлые ручьи, светлые начала православной культуры, православной нравственности, православной веры. Без них мы не одолели бы фашистскую Германию со всей Европой, не дошли бы до Берлина. Свидетельство тому — имена и деяния многих, в частности — Анны Ахматовой, Михаила Нестерова, Павла Корина, Александра Солженицына, архиепископа Луки (В. Ф. Войно-Ясенецкого), Владимира Солоухина, Валентина Распутина и многих других.

Однако, сегодня нам нельзя успокаиваться на славном историческом прошлом и почивать на лаврах. Отношение общества к Церкви, безусловно, изменилось за прошедшие десять-двенадцать лет. Из враждебно-презрительного или испуганно-удивленного оно стало либо нейтральным, либо благожелательно-нейтральным, а в ряде случаев и положительным. Конечно, это явление — отрадное, общество выдало значительный кредит доверия Церкви, и, тем не менее, следует отметить, что решительного духовного переворота в нашем обществе пока не произошло. Во многом отношение к Церкви является прагматическим и потребительским: а на периферии общества священника воспринимают как требоисправителя, носителя «религиозного фактора», социального работника, удовлетворяющего определенные «религиозные потребности», но многие люди его уже не воспринимают, как учителя, как пророка. Претензию на учительство, на пророчество, на «властительство думами» сейчас предъявляют кто угодно — средства массовой информации, политики, артисты, (как поет иеромонах Роман — «Приосанилось племя вертлявое»), писатели (сейчас уже в последнюю очередь). Определенные силы в обществе стремятся отказать священнику в праве на учительство. От батюшки требуют освятить офис, машину (как говорится в чине — колесницу), — покрестить ребеночка, чтобы не болел, в лучшем случае — повенчать *post factum*, но часто его уже не слушают, когда речь идет о жизни и смерти, о правде Божией, как на личном, так и общественном уровне. И это огорчительно, прежде всего, для общества. Если бы противоборствующие стороны в октябре 1993 года прислушались бы к мнению Церкви и к ее запрещению начинать кровопролитие, были бы спасены многие сотни жизней. О расстреле «Белого дома» еще правду скажут и счет предъявят.

Да, безусловно, наше общество по статистическим данным достаточно религиозно: так в Санкт-Петербурге около 57 % жителей считают себя православными. По всей стране этот процент еще выше: 61 %. Вся беда в том, что эта религиозность часто морально и догматически не ориентирована. Дефицит нравственности, недостаток нравственных принципов остро ощущается во всех сферах общества. Отчасти это связано с беспринципностью некоторых представителей власти, с коррупцией, отчасти — с

настырной проповедью цинизма и аморализма, навязываемой средствами массовой информацией, которая объясняется как корыстными коммерческими интересами, так и необъявленной информационной войной, ведущейся против России определенными силами Запада, заинтересованными в деморализации Русского народа, в его ограблении и снижении его численности. И как следствие подобного дефицита нравственности, экономические и социальные реформы буксуют, в полном объеме исполняются слова Тургенева: «Все наши предприятия лопаются единственно от недостатка честных людей».

И закономерно встает вопрос о будущем России. Лишь поворот к национально-консервативной политике в России, не агрессивной, но в то же время твердой в защите своих национальных интересов может через какое-то время изменить даже ориентацию европейских элит. Тогда Россия не только выживет, но и достигнет значительного процветания, а возможно и интегрирует в себя мирным путем ряд бывших союзных республик (прежде всего — Казахстан и Украину). Воссоздание на месте распавшегося СССР сильной державы, не стремящейся к господству в Европе, но желающей равноправного партнерства с крупнейшими европейскими державами способно изменить всю современную геостратегическую ситуацию на Европейском континенте.

Вопрос здесь только в том, какие ценности нам следует считать первостепенными, воспитываемыми в первую очередь в нашем народе? Прежде всего — это ценности православного патриотизма, любовь к Родине, к земному Отечеству, понимаемому как образ небесного. Конечно, Россию надо любить трезво, не закрывая глаза на наши беды, пороки, катастрофы, но необходимо властно останавливать и пресекать глумление над нашей Родиной, ее прошлым и настоящим. Настоящая русофобская кампания, развязанная в многих СМИ, не случайна, за ней стоят процессы глобализации и стремление определенных сил на Западе лишить Россию национального самосознания, чтобы легче было ее грабить и манипулировать ей. Глобальный неэквивалентный обмен предполагает не только экономическое ограбление мировой периферии, но и духовную власть над ней — ту самую власть, которой дано наделять авторитетом и престижем или дискредитировать. Опыт уже показал, что глобальный мир — это не столько взаимозависимый мир, как уверяли нас новые либералы, сколько зависимый — управляемый из единого центра.

В обществе следует воспитывать — бескорыстие, нестяжательность и принцип разумной достаточности. Коррупция, погоня за наживой, рвачество ничтожного меньшинства ставят нашу страну на грань экономической и политической катастрофы. Конечно, одними убеждениями Церкви и части интеллигенции дела не исправишь, нужны соответствующие законодательные меры, касающиеся и культуры, пресекающие вседозволенность, маскируемую под «свободу слова». И, тем не менее, проповедь нестяжательности со стороны Церкви может и должна дать свои плоды, при условии, если она не останется только в стенах храмов, а выйдет в школу, в средства массовой информации, будет облечена в художественные образы.

И, прежде всего, необходимо возвращать чувство любви к Богу и к человеку, как к образу Божию, живой личности, а не абстрактному объекту каких-то виртуальных «прав человека». Это чувство братства людей в Боге

должно вести к социальному миру и общественному согласию. Инстинкт конкуренции необходимо заместить чувством соборности, сотрудничества, взаимодействия. От конкурентной модели общества, от войны всех против всех необходимо идти к синэргетической модели. Россия, как страна, поставленная в экстремальные климатические и геополитические условия, просто погибнет, если будет существовать по конкурентным законам, пригодным разве что для благополучных западных стран.

В этом воспитательном процессе, безусловно, необходимо задействовать лучшие достижения классической культуры, прежде всего русской, отечественной. Популяризировать современные достижения представителей творческой интеллигенции, работающих в исконных национальных традициях. Их имена и яркие, талантливые произведения сегодня специально замалчиваются и мало известны русскому народу. В меру сил следует сдерживать экспансию массовой культуры, которая часто проявляет себя как псевдокультура и антикультура. Следует взять на вооружение подлинно академическую науку, памятуя слова Тертуллиана: «Малое знание удаляет от Бога, большое знание приближает». Союз Церкви и науки в настоящее время весьма актуален в силу широкого распространения псевдонаук оккультного и неоязыческого содержания — астрологии, «экстрасенсорики», «нетрадиционной медицины» и т.д., которые равно враждебны как подлинной вере, так и подлинному знанию.

Церковь готова сотрудничать с государством и обществом в воспитательном процессе, на культурном фронте. Весь вопрос в том, готовы ли к этому государство и общество. В настоящее время этому сотрудничеству мешают как старые предубеждения коммунистических времен, так и навязывание наихудших западных законодательных моделей, подразумевающих отчуждение государства от Церкви, а общества от веры. Подобная модель для России губительна, поскольку мешает общественной консолидации, государственному строительству, провоцирует рост деструктивных, антикультурных, антиобщественных и антирелигиозных сил. Церкви подобное отделение не страшно, в процессе истории она пережила и гонения неронов, и геноцид лениных-сталиных, это страшно для государства и общества. Церковь готова прийти на помощь русской культуре, страждущему русскому народу — готовы ли они эту помощь принять? Покажет время. Выражаю надежду, что здравый смысл восторжествует, и взаимодействие Церкви и государства, Церкви и общества в нашей стране будет хотя бы стремиться осуществляться по принципам «прекрасной симфонии», которая в свою очередь приведет к общественному согласию и процветанию России.

Юрий ПЕРМИНОВ

«ГОСПОДЬ НЕ ОСТАВИТ РОССИЮ...»

Юрий Петрович Перминов — родился в 1961 году. После окончания средней школы работал монтировщиком сцены в театре музкомедии, служил в армии, работал на промышленных предприятиях Омска. Окончил филфак Омского государственного пединститута. В настоящее время — редактор газеты «Омское время». Автор пяти поэтических сборников. Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «Байкал», «Литературный Омск», «Земля-Сибирь», в альманахах «Истоки», «Иртыш» и др. Член Союза писателей России. **Живет в Омске.**

РОЖДЕСТВО

Январский день — спокоен,
светел,
как задушевный разговор:
его теплом приютным встретил
Христорождественский собор.

И — тени тают ледяные!
Родильный дом — напротив...
На
снегу папаши молодые
родные пишут имена.

* * *

А снегу сегодня
нападало столько,
что хватит его для зимы...
В небесах
загадочно светится
лунная долька —
улыбкой погожей
в Господних устах.
Я чувствую — знаю! —
догадку помножив
на свет,
заполняющий ночь: никогда
Господь не оставит Россию —
поможет,
как было не раз,
пережить холода.

* * *

И это утро — Божья милость,
и каждый день, и каждый час...

Россия — нынче мне помстилось —
устала, матушка... От нас? —
шумящих, страждущих, живущих
укромно — друг от друга врозь —
в кирпичных и бетонных
кущах,
и слепо верящих в «авось»...

Вот так же —
сам, небось, не мало
шумел, как ветер-сухостей! —
«Я не устала...» — скажет мама,
и ты, оглохший, веришь ей...

Отчего же нынче не спалось? —
 Может быть, любовь меня не грела?
 Может быть, всю ночь земная ось,
 как береза старая, скрипела?
 От того ли, что сегодня мал
 минимум прожиточный? —
 Едва ли...

Или бомж беспаспортный стонал —
 не найдя провизию — в подвале?

Было тихо. Ночь была темна...

Несмотря на долгую усталость,
 не спалось...

Поскольку... тишина
 в темноте мне вечной показалась.

КЛАДБИЩЕНСКИЙ БОМЖ

Он знает здесь каждую тропку,
 он знает о том, что всегда
 найдет поминальную стопку
 и хлеба. И даже орда
 ворон — помешать бедолаге
 не сможет...

Сквозит веково
 вчерашнее время в овраге
 души горемычной
 его.

И знает, болезный, что тут он
 обрящет и смерть, потому
 что кладбище стало приютом
 последним — при жизни! — ему.

Живет он — печальник — не зная,
 найдется ли место в раю
 за то, что он жил, поминая
 чужую родню, как свою...

ПОСЕЛКОВЫЙ БЛАЖЕННЫЙ

Вот и рассвет нашептывает, дескать,
 стряхни печаль, о суетном —
 молчок...

«Христос воскрес!» —
 солнечно, по-детски
 приветствует поселок дурачок:
 в глазах — восторг,
 щебечет сердце птичкой
 непуганой... Воистину воскрес!

Блаженный Ваня —
 крашеным яичком
 любит, как чудом из чудес.

Никто не знает — кто он и откуда,
 но прижилась у нас не с кондачка

примета незатейливая: худа
 не будет,
 если встретить дурачка, —
 ни днем, ни ночью горя
 не случится...

Нет у него ни страха, ни «идей»...
 Кого он ищет, всматриваясь в лица
 любимых им, затюканных людей?..
 И ничего ему не надо, кроме
 Любви!..

Раскрыл, блаженствуя, суму,
 и, преломив горбушку хлеба, кормит
 небесных птиц,
 слетающих к нему...

* * *

Инфляция. Ненастье. Выживание.
Нет камушка за пазухой,
туза
нет в рукаве, но в сердце — есть желание
пойти туда, куда глядят глаза.

Вот насушу сухариков,
надежную
куплю обувку, ежели найду,
и жизнь начну — неспешную, дорожную,
у Матушки-Природы на виду.

...Живу молитвой — солнечной, латающей
сегодняшние пасмурные дни,
своим трудом...

Куда мне дальше кладбища
бескрайнего — с могилками родни...

* * *

Старик всегда встает еще до солнышка —
со вздохом, замирающим в устах.

Живет один: друзья его
и женушка-
лебедушка — давно
на небесах.

Растил детей, да где они? Отечеству
служил, греха не ведал за собой...

Не охладел он сердцем к человечеству,
но люди в целом — кажутся толпой.

И, выбрав жизнь по дням-крупичам дочиста,
еще идет он, старче, по тропе
судьбы немолчной...

Чувство одиночества
острее ощущается в толпе.

* * *

Ночую — все на сердце ладно! —
у мамы,
тихо и отратно
закончив день — тяжелый, как
с плеча чужого лапсердак,
душевым — с мамой — разговором.
Мой сон — как вечность — невесом...

Сплю на диване, на котором
заснул отец мой — вечным сном...

А день, как все родное в мире,
так светел,
если я с утра
вот здесь — в родительской квартире —
встаю с отцовского одра...

* * *

Громко решают вопросы не спорого быта —
злобно! — соседи,

и вот оно — воя, летит
слово убойное, словно бейсбольная бита,
если берет ее в хапкие руки бандит.
Слово — снаряд!..

Ах, родные мои...

И в печали,
и в беготне, и в заботах, и ночью, и днем
мы выживаем тем Словом, что было вначале,
но... исчезаем, когда забываем о Нем...

* * *

Христовым Словом слышен Русский Спас
Нерукотворный — в клетке и гаме.
Нам говорят: не любят мнози нас...
Ну так и быть — останемся врагами!

Переживем картавую хулу.
Пусть лает нынче каждая собака,
но даже самостийному хохлу
Москва-река дороже Потомака.

Москаль хохлу — товарищ на века!
Язык наш русский —
так пошло от веку —
всемирного дороже языка
казаху и таджику. И узбеку.

Нам не страшна антихриста орда.
Мы каждого страдальца обогреем:
не потому ль — спаси, Господь — всегда
еврей в России может быть евреем?

Живем — сердечно, стало быть, людьми,
которым чужды пришлые мессии...

Не любят нас... Ну, что же: в нелюбви
такой — лишь часть величия России.

Врагов мы любим — наших: не одним
мы живы днем,
пусть им не будет пусто...

Но Божьих мы врагов не пощадим,
по слову Иоанна Златоуста!

* * *

С небес, потом с моей родной рябины
стекает свет в земные зеленыя...

Вчерашний день и нынешний — едины
в том, что их свет — для завтрашнего дня,
который будет мигом или вехой;
не все ль едино...

Лишь бы не смогла
для зренья сердечного помехой
стать в будущем сегодняшняя мгла...

* * *

Поселок мой ночными дышит снами,
не слышно никакого воронья.
С бессмертными родными небесами
сливается окраина моя.

Полночный свет расходится кругами —
Господь рассыпал звездную крупу...

Земли не ощущая под ногами,
не выйти на небесную тропу...

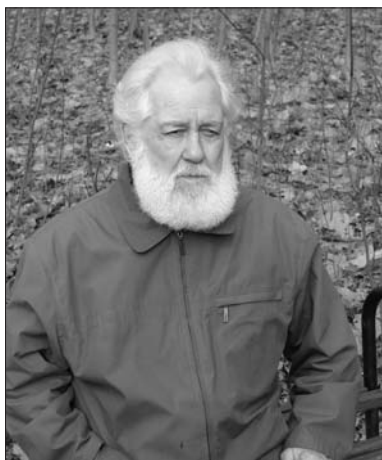
* * *

Запахнута, как душегрейка на вырост,
заря на окраинном тихом леске.
Смирненно вдыхает предзимнюю сырость
поселок, живущий в любви — не в тоске.

Мы зубы по новым законам на полку
кладем,
но любовь нам Всевышним дана
для жизни...

Из шумного центра к поселку
и русскому небу — дорога одна.

Борис СПОРОВ

ЧЕХОВ И ПРАВОСЛАВИЕ

*К 150-летию со дня
рождения А. П. Чехова*

Борис Федорович Споров — родился в 1934 году в Актюбинске. Работал на заводе, на строительстве Горьковской ГЭС слесарем, электросварщиком, сборщиком и монтажником. Заочно получил среднее и высшее образование. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

1

Чехов жил и работал в императорской России, а не в СССР, когда для среднего человека нормой являлся атеизм. Для Чехова естественной была все-таки Православная вера и нравственность — и это основа, подоплека творчества писателя. От этого он и шел.

Чехов никогда не писал со стороны — как живописец! — о вере, о церкви, о Православии. Даже в «Архиерее» не копирует, не малюет, не списывает, автор живет судьбами героев и судит о них с позиций нравственного человека. Отметим, что писать внешне о церкви, о вере, о святости — это не все равно, что проводить идею христианства изнутри, формируя для читателя оценку с позиций верующего человека, по-нуждая само произведение отчитываться перед читателем. В таком случае автор должен мыслить христианскими категориями, руководствуясь нравственностью и моралью христианина.

И вот, находясь в определенных нормативных условиях, автор без объяснений и предисловий заводит речь о героях-атеистах, и это как о естественном явлении, даже не пытаясь объяснить такую аномалию. Что это? Конечно же, писательский прием. С первых страниц автор заставляет читателя думать, как бы подключая его в соавторы. Сам же мастер скрывается за текстом произведения — ни пояснений, ни толкований, ни знаменитого «указующего перста». Что же из этого получится? Первый вопрос, который увлекает и критика, и читателя.

2

Любопытно в связи с темой заглянуть в повесть Чехова «Скучная история». Здесь даже не ставится

вопроса о вере и православной морали, да и о Боге ни слова, как если бы события в повести происходят в середине двадцатого века... Визуально нет ни одного храма, ни одного креста, ни одной иконы, ни одного диалога о вере, лишь однажды машинально перекрестился солдат, университетский подсобный рабочий, а повесть тем не менее постоянно заставляет думать о христианской морали, о нравственности, о Боге. Конечно же, индивидуальностью читателя этого не объяснишь.

Был «в России заслуженный профессор (медицины. — Б. С.) Николай Степанович... тайный советник и кавалер; у него так много русских и иностранных орденов, что когда ему приходи-

Портрет А. П. Чехова.
Худ. О. Э. Браз, 1898

лось надевать их, то студенты величают его иконостасом»... Профессор читает лекции, живет полноценной семьей — жена, дочь, сын — у него, конечно же, свой кабинет, одно лишь плохо: он стар (хотя не так уж он и стар — 62 года!) и болен (повышенные сахар, белок — в таком возрасте тоже не смертельное дело!), так что день ото дня худеет. И если бы его спросили: что составляет теперь главную и основную черту его существования? Он ответил бы: бессонница. Тем не менее Николай Степанович считает, что он умирает — и даже определил срок: полгода — и подобно Льву Толстому боится своей смерти, «черной дыры», как, впрочем, бояться этого без малого все, отпавшие от веры и Церкви.

Жена занята денежными делами и детьми; сын где-то далеко служит офицером, дочь учится музыке и спешит замуж, так что жених ежедневно обедает в столовой Николая Степановича, чем и раздражает его. Есть и еще близкий человек — Катя. Это дочь приятеля-окулиста, семи лет осталась сиротой, так что Катя выросла как приемная дочь в семье профессора.

Предположительно можно решить, что глава семьи давно живет без Бога и церкви, но иконы в комнатах жены и дочери, пожалуй, имеются, формально они даже наверно посещают церковь. И это как результат атеистической установки Николая Степановича. Ответственность на него ложится и за Катю, которая при наследственных эмоциях и деньгах в пятнадцать лет до помрачения увлеклась театром, в конце концов, уехала с труппой в провинцию. Там влюбилась, без формальностей «вышла замуж», разошлась, родила и схоронила ребенка, возвратилась в Москву, занимала любовника, пуская по

ветру наследственные тысячи — и ко всему этому не зная, что ей делать? Какова же пружина,двигающая эти жизни? Если нет в них веры, то во что же традиционная вера трансформировалась? Жена и дочь ясны — бытовое мещанство, в плену которого и «задыхается» ученый.

Повесть, однако, построена и держится на взаимоотношениях Николая Степановича и Кати — так чем же именно они живут, чему поклоняются?

«...Мне отлично известно, что проживу я еще не больше полугода; казалось бы, теперь меня должны бы больше всего занимать вопросы о загробных потемках и о тех видениях, которые посетят мой могильный сон. Но почему-то душа моя не хочет знать этих вопросов, хотя ум и сознает всю их важность. Как двадцать, тридцать лет назад, так и теперь перед смертью меня интересует одна только наука. Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, что наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только ею одною человек победит природу и себя. Вера эта быть может наивна и несправедлива в своем основании, но я не виноват, что верю так, а не иначе; победить же в себе этой веры я не могу». — Вот, собственно, подмена веры в Бога, взращенная и здравствующая доныне. Отсюда истекают и семейные убеждения, этим руководствуется и писатель Чехов, характеризуя своих героев и направляя их действия.

А вот и Катина подмена — она говорит: *«И никакая публичная деятельность не может доставить такого наслаждения и удовлетворения, как сценическая...»* — Еще подростком *«она стала привозить с собой целыми дюжинами портреты актеров и актрис, на которые молилась...»*.

Подобная, лишь более рациональная подмена и у дочери — музыка. И если присмотреться, то у каждого свой идол, но ничего объединяющего их нет — каждый живет сам по себе без веры и без Бога.

Что ж, проследуем за Чеховым, взглянем на героев глазами автора из православного прошлого — каковы же для Чехова Николай Степанович и Катя — близкий друг, хотя правильнее было бы называть приемной дочерью.

* * *

Николай Степанович: «Когда входит ко мне дочь и касается губами моего виска, я вздрагиваю, точно в висок жалит меня пчела... Отчего же она ни разу тайком от матери не пришла ко мне и не шепнула: «Отец, вот мои часы, браслеты и сережки, платья... заложу все это, тебе нужны деньги...»? (Правда, деньги ему вовсе не нужны, и это лишь естественная жажда жертвы родного человека. — Б. С.) ...Мне хочется прокричать громким голосом, что меня, знаменитого человека, судьба приготовила к смертной казни, что через какие-нибудь полгода здесь в аудитории будет хозяйничать уже другой. Я хочу прокричать, что я отравлен; новые мысли, каких не знал я раньше, отравили последние дни моей жизни и продолжают жалить мой мозг... Нелегко переживать такие минуты. (Особенно, если они постоянны и если ты соглашаешься, что смертен навечно. — Б. С.) ...Я начинаю плакать и прячу голову под подушку. В это время я боюсь, чтобы кто-нибудь не вошел, боюсь внезапно умереть, стыжусь своих слез, и в общем получается в душе нечто нестерпимое. (Это типичный страх смерти, отсутствие ответа на вопрос — зачем?! — Б. С.) ...Пока он (прозектор. — Б. С.) сидит

у меня, я никак не могу отделаться от мысли: «Очень возможно, что, когда я умру, его назначат на мое место» ...хотя бес и шепчет мне, что все эти сосны и ели, птицы и белые облака на небе через три или четыре месяца, когда я умру, не заметят моего отсутствия. (Если бы он сознавал живую душу, так не думал бы. — Б. С.) ...Я просыпаюсь после полуночи и вдруг вскакиваю с постели. Мне почему-то кажется, что я сейчас внезапно умру... Мне кажется, что все смотрят на меня и прислушиваются, как я буду умирать... Ужас у меня безотчетный, животный, и я не могу понять, отчего мне страшно... Сейчас умру здесь, на этой лестнице, — думаю я. — Сейчас... (И такое повторяется на каждой странице — это уже на грани психиатрии. — Б. С.) ...грешный человек, не люблю я своего популярного имени. Мне кажется, как будто оно меня обмануло... Неправда, равнодушие — это паралич души, преждевременная смерть. (А следовало бы сказать: без Бога — паралич души, омертвение. — Б. С.) ...и от нечего делать стараюсь познать самого себя». — Вот так — от нечего делать!

И совершенно, казалось бы, нелепо, когда на каждом шагу умирание, ученый с мировым именем без сопровождения едет в Харьков, чтобы узнать материальное положение жениха дочери, она же в это время тайно венчается с этим женихом. И тем не менее Николай Степанович пытается размышлять и даже делает для себя замечательное открытие, которое, правда, и раньше проскальзывало в несколько иной форме:

«И теперь я экзаменую себя: чего я хочу?

Я хочу, чтобы наши жены, дети, друзья, ученики любили в нас не имя, не форму и не ярлык, а обыкновенных людей. (Именно так: не он бы любил, но чтобы его любили в авторитете и в повседневности! — Б. С.) Еще что? Я хотел бы иметь помощников и наследников. Еще что? Хотел бы проснуться лет через сто и хоть одним глазом взглянуть, что будет с наукой. Хотел бы еще пожить лет десять... Дальше что? А дальше ничего... И сколько бы я ни думал и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного... Я побежден».

Именно в это время проездом в Крым приезжает Катя, чтобы уже в который раз задать безответный вопрос: «Как быть? Что делать?».

* * *

Катя: «Это был кроткий, терпеливый и добрый ребенок. (Запомним это. — Б. С.) Я не умел заступаться за нее, а только когда видел грусть, у меня являлось желание привлечь ее к себе и пожалеть тоном старой няньки: «Сиротка моя милая!» ...Путешествовала она около четырех лет, и во все эти четыре года... я играл по отношению к ней довольно незавидную и странную роль... она писала мне о своем намерении умереть и потом о смерти ребенка, то всякий раз я терялся и все мое участие в ее судьбе выражалось только в том, что я много думал и писал длинные, скучные письма... А между тем ведь я заменял ей родного отца и любил ее, как дочь! (Не странно ли, человек понимает свой долг — и бездействует! — Б. С.) ... По целым дням Катя лежит на кушетке и читает книги... Из дома она выходит только раз в день... чтобы повидаться со мной... Она ведет меня в маленькую, очень уютную комнатку и говорит, указывая на письменный стол: «Вот... Я приготовила для вас. Тут вы будете заниматься... А там дома вам только

мешают... По-моему, прежде всего вам нужно окончательно порвать с семьей и уйти. (И это при детях, когда уже прожита жизнь. Таков воспитанный атеизмом взгляд на семью. — Б. С.)... Катя презирает жену и дочь так же сильно, как те ее ненавидят. (А как же иначе, если нет терпимости и любви к ближнему, если вседозволенность?! — Б. С.) ... «Катя, чем ты будешь жить, когда промотаешь отцовские деньги?» — «Там увидим,» — отвечает она. — «Эти деньги, друг мой, заслуживают более серьезного отношения к ним. Они нажиты хорошим человеком, честным трудом». — «Знаю... Николай Степанович, ведь я отрицательное явление? Да?» — «Да». — «Гм... Что же мне делать?» — Что ответить ей? Легко сказать «трудись», или «раздай свое имущество бедным», или «познай самого себя», и потому, что это легко сказать, я не знаю, что ответить. (Вот как откровенно отхлестывает Чехов за гордыню и либерализм: ведь не иначе как «раздай» — только вот после этого за кем ей следовать? «Познай» — и вовсе забыл научный гений, что философ-то в юбке, и от нечего делать не познаешь. А ведь проще: он и не знает, что сказать. — Б. С.) ...Возьмите от меня мои деньги!» — «На что мне твои деньги?» — «Вы поедете куда-нибудь лечиться... Вам нужно лечиться. Возьмете? Да? Голубчик, да?» — «Нет, друг мой, не возьму... Спасибо... Поезжай домой спать. Завтра увидимся».

И заключительная сцена в харьковской гостинице:

«Николай Степанович! Я не могу дальше так жить! Не могу! Ради истинного Бога скажите скорее..., что мне делать?» — «Что же я могу сказать? — недоумеваю я. — Ничего я не могу». — «Помогите! — рыдает она... — Ведь вы мой отец, мой единственный друг! Ведь вы умны, образованны, долго жили! Вы были учителем! Говорите же: что мне делать?» — «По совести, Катя: не знаю... Давай, Катя, завтракать...» — «Хоть одно слово!.. Что мне делать?» — «Чудачка, право... расплакалась».

Вот так и строятся без Бога и без любви отношения близких: черствость и непонимание.

* * *

А теперь несколько слов о Чехове и Православии.

Критика воспринимала и воспринимает повесть с атеистическим восторгом. Сравнивали со «Смертью Ивана Ильича» Толстого, хотя кроме предстоящей смерти ничего общего в этих произведениях нет... Николай Степанович, реалист и либерал, когда-то может быть и веровал в Бога, но отпал — ушел из Семинарии в Университет и стал медиком. В старости и болезни он страдает и оттого, что в семье мещанство, в университете недостойнство — спасают только милые студенты; страдает он и оттого, что смерть уже перед лицом, так что и голову под подушку приходится прятать. И только теперь в откровении он понимает, что не хватало и не хватает в жизни «общей идеи», которая могла бы объединить и его, и Катю и всех неприкаянных к общему делу. Однако окружение до этого не поднялось, в мирской суете все распадается. И остается ученая знаменитость как будто умирать — уже в который раз! — в гостиничном номере Харькова... При рассмотрении повести критики охотно цитировали умные и амбициозные фразы профессора, который даже перед смертью ведет настоящие записи. Несколько смущали «две жабы» — Катя и любовник, но это лишь потому, что они не соглашались, что третьей «жабой» является сам Николай Степанович.

Что же касается духовности, православия, то здесь и говорить, казалось бы, не о чем: сам Чехов пристегнут к либеральной интеллигенции, так что в Православие не играет. У него и герои — атеисты...

Действительно, Чехов не играл в Православие — *он жил Православием*, даже если подсознательно или сокровенно. Это очевидно и при авторской скрытности и недоговоренности. Кстати, крайняя особенность творчества Чехова: в произведениях его нет указующего перста, нет нравственных выводов, как будто, ни веры, ни атеизма вовсе нет. Есть разные люди — их много, целый город! — вот они и оживают под пером врача Чехова и живут самостоятельной жизнью.

Но все это внешне, если смотреть прямо из нашего поруганного атеистического далека в чеховское, прошлое — лицом к лицу. А если перейти на сторону Чехова и взглянуть на повесть его глазами, как говорится, увидеть произведение и героев, условно говоря, в обратной перспективе: *Православное отечество — время — автор — герои — книга — прочтение повести в нашем порушенном далеке?..* — Это очень важный принцип оценки вообще.

Конец восьмидесятых годов девятнадцатого века. Совсем недавно убит царь-освободитель; после смерти Достоевского Толстой расшатывает устои государства; правящий класс играет в масонство; интеллигенция — в либерализм российского толка. И, тем не менее, Россия — государство православное, и базис, духовно-нравственный потенциал нации, еще далеко не исчерпан. Призрак коммунизма бродит и по России, но никто, за редким исключением, не понимает, к чему все это может привести. В конце концов общество держится на опыте, на традициях; человека и его нравственность определяет личная смерть или личное бессмертие. Даже ученые медики, реалисты и материалисты, теряются перед лицом смерти. И только вера способна удержать хотя бы сверхгениального человека от личного крушения. Без веры разрушается не только личность, но и все вокруг обретает центробежный разнос.

В таких вот условиях и появляется Николай Степанович с иконостасом орденов и без Бога. Когда-то он уже поклонился «науке» — и обрел мир. И мир всю жизнь вращался вокруг него. И легко представить блестящую научную карьеру молодого гения; нетрудно представить и домашнюю роскошь и семейное благоговение: красавица жена рождает сына, затем дочку — золотая семья! Да еще сиротка Катя... Время стремительно — и вдруг оказывается: счастья нет, нет и бессмертия. А перед личной смертью все обращается в суету и прах. Почему же нет счастья? Почему нет бессмертия? Причины откровенны и ясны. И вот здесь мастер слова Чехов ненавязчиво в художественной форме преподает нам урок причин... Эгоцентризм Николая Степановича, видимо, настолько велик, что посторонних и семью он видит и признает лишь по обязанности и по необходимости. В ответ есть уважение, есть поклонение, но нет любви, доверчивости, искренности. Не той любви, физической, а той — *как самого себя*. Ближние ненавидят друг друга. Но главное, сам Николай Степанович, перед кем все, конечно же, благоговели, под старость лет предстает духовным и физическим банкротом. И все, что свершается вокруг — продолжение его гения и воли. Однако дома его водят за нос с женихом дочери, и в конце концов, видимо, выпроваживают на разведку в Харьков, чтобы затем из Москвы в один день объявить о тайном венчании дочери, поставить отца перед фактом. Более того, отправляют в Харьков ему телеграмму, вовсе не заботясь о его здоровье, не думая о том,

что отец в одночасье может умереть, если, по его словам, он доживает последние месяцы. Вывод прост: семья воспитана на вседозволенности и эгоизме. Духовно-нравственной основы в семье нет. Мы не знаем, каков сын, но зато умненькая, кроткая когда-то Катя, получив новое воспитание в семье ученого, в первой же молодости дошла до разврата и до покушения на свою жизнь. Ей уже, видимо, под тридцать, а она так и остается духовным недорослем: кроме любовника ничего и знать не знает. Потому что с детства без заповедей и морали. Она так и не знает как жить, что делать? А беда в том, что и сам наставник и воспитатель ничего этого тоже не знает, поклоняясь кумиру — науке. Он знает лекции — и счастлив и горд, читая их, потому что три сотни глаз с восторгом созерцают его. А вот подсказать Кате — как жить? что делать? — не может, не знает, потому что банкрот, духовно-нравственный фундамент его разрушен. Он не может постичь духовности. Да и какая духовность, если банкрот, если в душе его смерть.

И как язычник, читая лекции с препарированными трупами, он настолько насыщен физической смертью, что она постоянно наводит на него ужас. Он плачет и прячет голову от призрака смерти; ищет защиты и сострадания, но им же воспитанное окружение не проявляет таких эмоций, и только Катя в своем безбожии хотела бы молиться на идола от науки. И вот что любопытно: во время правки к переизданию повести, чтобы не быть столь откровенным, Чехов вымарывает и такие слова Кати: «Я сторожила бы каждую минуту вашего покоя и заставила бы себя уверовать в Бога, чтобы молиться за ваше счастье». Вот ведь какой идол, даже «заставила бы себя уверовать». Тут уж язык наперед ума бежит... Да только души-то у всех омертвели. Это и есть результат безбожия. Вот что нам доносит Чехов.

Жалкое зрелище собой представляет профессор. И все-таки себя считает он более счастливым... Автор не случайно вскользь упомянул, что Николай Степанович в юности учился в семинарии; значит, веровал — могло что-то запастись в душу, остаться. И когда он приходит к полному банкротству, вдруг и возникает проблеск в тупике:

«...даже самый искусный аналитик не найдет (в нем. — Б. С.) того, что называется общей идеей или Богом живого человека... Я гляжу на нее, и мне стыдно, что я счастливее ее. Отсутствие того, что товарищи-философы называют общей идеей, я заметил в себе только незадолго перед смертью, на закате своих дней, а ведь душа этой бедняжки не знала и не будет знать приюта всю жизнь, всю жизнь».

Вот ведь как, на всю жизнь сделал несчастной. Отобрал у человека Утешителя. Дело прямо-таки дьявольское.

Чехов и об «общей идее» говорит устами профессора, скорее, как о философской категории. Называет ее «Богом живого человека», считая, видимо, неуместным назвать все своими именами: «общая идея» — *вера, Православие, Бог: Церковь*. А ну как при таких словах сконфузится гениальный Николай Степанович, да и либеральный девятнадцатый век вознегодует — надо и с этим считаться.

Но если продолжить анализ повести, то мы неминуемо придем к пониманию, что разлад в окружении Николая Степановича разворачивается и сгущается потому, что в основу всего бытия или существования положено все-таки безбожие. Все без исключения герои повести в духовном тупике, выхода из которого нет. И только студенты... но там уже другой космос. Такова идея произведения, так выстраивает Чехов повесть с православных позиций.

Чехов раскрывает перед читателем уже следствие, результаты, рисует итог. Почему же такое следствие, таков итог? *Порушен базис — религиозно-нравственный фундамент народа.* До понимания этого читатель должен сам дойти, по крайней мере, читателю предлагается это сделать.

Потому и не старели, потому и живучи Чеховские произведения, что *Вера, Бог, нравственность* из мира уходили уже и тогда, уходят они и теперь. Мир ветшает и пошлеет, а произведения обретают все большую актуальность, ибо они зачастую и начинаются с того, что герои утратили или утрачивают свою веру, так что произведения и обретают *живую форму следствия*. Становится ясной и популярность Чехова на Западе. Апостазия в Европе и Америке уже свершилась, когда и в России взбунтовался либерализм. Так что Чехов для Запада был не только понятен, но как бы и оправдывал их падение — и в то же время милое прошлое. Так и у нас в XX веке при атеистической трактовке Чехов классически возобладал всеобщим вниманием.

Думается, что к Чехову именно с такой меркой при оценке его произведений и следует подходить. По-своему — проза для будущего.

Нередко оппонентом веры у Чехова выступает и либерализм — и это на сегодняшний день актуально.

Известно, что либерализм и в России в конце девятнадцатого века процветал, и даже те, кто придерживался консервативных взглядов, с либерализмом не могли разминуться. Ко всему это был и ярлык. Скажем: Чехов — либерал. Вот и появилась такая нужда, на примере хотя бы «Соседей» оценить чеховский либерализм.

* * *

Петр Михайлович Ивашин и Власич — соседи, помещики, они — либералы. Власич уже был однажды женат в духе «русского либерализма»: пожалел гулящую женщину и, решив исправить ее, женился на ней. Но она и в женах продолжала свою жизнь, откровенно заявляя: «Умный человек бросил меня, а дурак подобрал». Финал таков: «либеральная жена» уезжает в город на «либеральный промысел», а либерал Власич высылает ей деньги на содержание.

И, тем не менее — да здравствует либерализм!

Зина, сестра Ивашина, убегает к Власичу в жены. И Петр Михайлович, и мать-старуха, и тетушка, и все поместье в трауре. Бесчестие, позор! Тем более, что «женский либерализм упрям, неумолим, жесток».

После недельного негодования Петр Михайлович седлает коня и едет к соседу не на праздник — какой уж праздник! не доказывать недостойность поступка, он ведь и сам «всегда стоял за свободную любовь!», он ехал с желанием сказать, что «*ведь свобода — в воздержании, а не в подчинении страстям. У них разврат, а не свобода*». Вот ведь как либерализм преобразуется в христианство. Ясно, что эта мысль даже не героя, а прямо Чехова! И еще Ивашину хотелось хотя бы плеткой угостить соседа... Таков вот либерализм на собственной шкуре. «*Один обольстил и украл сестру, — думал он, — другой придет и зарежет мать, третий подожжет дом или ограбит... и все это под личиной дружбы, высоких идей* (Читай — либерализма! — Б. С.), *страданий!*» Любопытно, что все действие рассказа пронизано вынужденной ложью — либеральная ложь тянет за собой тенета попутной лжи.

Он ехал и заранее знал, что сестра, «чтобы оправдать свой поступок, будет говорить о правах женщины, о свободе личности и о том, что между церковным и гражданским браком нет никакой разницы. Она по-женски будет спорить о том, чего не понимает, и, вероятно, в конце концов она спросит: «При чем ты тут? Какое ты имеешь право вмешиваться?» Не правда ли, сцена советских, да и сегодняшних дней — вот «обратная перспектива», вот откуда растущая популярность Чехова: предвидение...

Все так, только разговор в основном шел с Власичем. «В практической жизни это наивный, слабый человек, которого легко обмануть и обидеть, и мужики недаром называют его «простоватый». Он либерал и считался в уезде красным, но и это выходит у него скучно». Когда случалось ночевать у него, то Власич клал на ночной столик Писарева или Дарвина, а то и Добролюбова. «Это называлось в уезде вольнодумством, и многие смотрели на это вольнодумство, как на невинное и безобидное чудачество; но оно, однако, сделало его (Власича. — Б. С.) глубоко несчастным. Оно было для него тою личинкой, о которой он только что говорил: крепко приросло к нему и пило из его сердца кровь...» И только теперь, сто лет спустя, может быть мы и поняли, к чему привели Отечество «невинные чудачества». Вот этим-то и потому-то Чехов актуален и сегодня!

Как думалось в пути, так и свершилось на деле. И разговор с сестрой лжив, и Петр Михайлович понимал, что и она теперь будет несчастна, и оба «они несчастны». «И ему стало невыносимо жаль их». И это уже отозвались не либеральные чувства, а христианские — православное всепрощение. Не плетью стегать, а пожалеть хочется обоих. И «он нагнулся к Зине, дотронулся до ее плеча и сказал: «Ты, Зина, права. Ты хорошо поступила!» — Вот и увяз неплохой человек в новой лжи!

И еще не отъехал в сторону дома, Петр Михайлович подумал: «Я — старая баба. Ехал за тем, чтобы решить вопрос, но еще больше запутал его. Ну, да Бог с ним!»

Уже в сумерках с отдаленным громом, Петр Михайлович уныло предугадывал итоги происходящего: «...и воображал отчаяние сестры, ее страдальческую бледность и сухие глаза, с какими она будет скрывать от людей свое унижение. Он вообразил себе ее беременность, смерть матери, ее похороны, ужас Зины... Гордая, суеверная старуха (верующая мать. — Б. С.) кончит не иначе, как смертью. Страшные картины будущего рисовались перед ним... и среди бледных женских фигур он видел самого себя, малодушного, слабого, с виноватым лицом...»

Так и возвращался Ивашин с думами далеко не либеральными, скорее, прямо осуждая либерализм и дурные потемки. Да и весь либерализм в рассказе настолько безумен и жесток, настолько аморален и пошл, что уж автора никак не назовешь поборником либерализма. Да еще жуткая природа либерализма — хорошо обыгран западный либерал Оливьер, предтеча Власича.

Более сурового суда над бесенятами после Достоевского трудно и припомнить.

3

Хотелось бы пообстоятельнее порассуждать о «Соседях», но под руку попала старая газета «День литературы» со статьей Ильи Бразжникова «Бес по капле. Апокалиптический либерализм Чехова». И статья эта насторожи-

ла и обеспокоила, и заставила вдруг многое из задуманного переосмыслить и временно отложить в сторону.

И вновь Чехов — крутой либерал от начала и до конца, Вот за это и строгий суд. А ведь по десяткам произведений, как, в частности, и по «Соседям», никак Чехова не обвинишь в изложенных грехах. Кстати, заметим, что сыр-бор загорается опять-таки по письмам. «Чехов ... сформулировал как-то в известном письме к Суворину нечто вроде своего жизненного кредо — ежедневно выдавливать из себя раба по капле. Любопытно, однако, рабом чего Чехов себя долгое время ощущал».

Для примера несколько последовательных ползучих переходов:

«Выдавливание раба — есть чеховская формула либерализации».

«...выдавливать из себя по капле раба» — значит у Чехова как раз освободиться от традиции... Чехов искал «новую правду» по ту сторону традиционных отношений».

«Чехов, как было свойственно его либеральным современникам; демонстрирует традицию. Традиция — рабство, каторга. Это рабство нужно «выдавливать по капле». Иными словами, традиция — бес, которого надо изгнать. Чехов не замечает, что, выдавливая раба, он не изгоняет злого духа, а напротив, расчищает для него место».

«17 июля 1918 г. (День убийства царской семьи. — Б. С.) ...Теперь, г-н Чехов... раб окончательно выдавлен, и в русского человека, в убранный дом, вселился сам сатана».

Что ж, логика движения ясна: еще шаг, полшага — и Чехов обернется революционером. И ведь как просто — с реплики из письма.

А вот и тягучая многозначительность: по аналогии выстраивание авторитетов и последователей, собор единомышленников:

«Идея выдавливания раба» (подобно современным и родственным ей идеям: З. Фрейд — об освобождении от «комплексов», Ф. Ницше — об освобождении от власти авторитетов, Л. Толстого — об освобождении вообще от всего «лишнего») является, безусловно, либеральной идеей». То есть чеховская формула либерализации.

Причем «освобождение», которое переживают герои чеховского рассказа «Дама с собачкой», в контексте эпохи (Анна Сергеевна и Гуров — современники Блаватской и Гурджиева) может прочитаться как и «пробуждение», «освобождение от ложного я»...

«Эта коренная фраза чеховского пред-Передонова лишь на первый взгляд несет «охранительный», консервативный смысл. Хотя и вложена фраза в уста карикатурного консерватора (не исключено, что здесь имеет место пародия на К. П. Победоносцева)...» Помните, как Достоевского обвиняли в пародии на Чернышевского; пожалуйста — и Чехов пародист!

«В христианском мире грех — единственное, от чего требуется освобождение, но ни один либеральный и тем паче революционный идеолог, ратующий (подобно Чехову, Ницше, Фрейду, Ленину, Горькому, Бердяеву) за освобождение от чего бы то ни было, не учил избавлению от греха». — Не правда ли, знатный ряд во главе с Чеховым. Заметим кстати: освобождению от греха учили и учат Евангелие и Церковь.

И вот такое нажимистое приобщение к мелкой и крупной бесовщине, хотя бы и через авторитеты, не проходит бесследно. В сознание, особенно приготовленное, такое ложится, как логичное доказательство — аксиома. Только вот к чему приводят эти аксиомы!

«Чехову удалось бессознательно выразить скрытый демонизм и неоязычество либерального мира». — В таком случае, а почему бессознательно?

«Бытовой абсурд — проявление скрытой бесовщины. Едва ли Чехов думает об этом, но порой в ранних своих рассказах, прилежно следуя принципам гоголевской поэтики, бессознательно протаскивает чертовщину».

«Бес здесь на самом деле сидит верхом и, потешаясь над «освобождающейся личностью», руководит процессом «выдавливания». Выдавливая из себя по капле «раба», русский человек начала XX столетия внутренне готовится к вселению легиона бесов». — Понятно, и Чехов тому активный пособник.

Уже из этих цитат легко понять, к чему ведет и увлекает нас автор.

А ведь если пойти по пути цитирования писем (как сегодня телефонных разговоров!), легко выставить такое, что перечеркнет все, предложенное Бражниковым. К примеру:

«Я боюсь тех, — пишет Чехов Плещееву, — кто между строк ищет тенденций и кто хочет видеть меня либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником — и только».

А вот из письма тому же Суворину:

«Мне кажется, что не беллетристы должны решать такие вопросы, как Бог, пессимизм и т. п. Дело беллетриста изобразить только, кто, как и при каких обстоятельствах говорили или думали о Боге или пессимизме. Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем».

Вот и позиция автора. Почему же в таком случае уходить от нее и сосредотачивать все внимание на «выдавливании по капле»? Ведь это и есть подтасовка, окололитературное передергивание идеологических карт.

* * *

Одно то, что появилась в печати статья «Бес по капле» не столько о творчестве Чехова, сколько о нем самом, свидетельствует о том, что давно уже пора подготовить новое прочтение Чехова, иначе замуруют нашего классика в такую чертовщину, что и еще полвека не достучишься.

По статье автор как будто не враг христианства, и национальные интересы ему не чужды, поэтому и должен бы он помнить, что судить о человеке следует по его делам. А дела Чехова — его художественные произведения, но не частные письма и реплики в них. И уж тем более, когда Бражников говорит: «Будучи (уж в 80-е-то годы точно) неверующим и даже весьма либерально и светски настроенным автором...», — хотелось бы тотчас спросить: «А вы что, в душу Чехова заглядывали?» В Евангелие сказано: уединись, затвори за собой дверь и молись... Повесть «Скучная история» и рассказ «Соседи» написаны позже, а в них и вера присутствует, и либерализм подвержен беспощадному разоблачению. А по части «и светским» — так ведь Чехов и не монах, и не офицер, он всегда оставался светским человеком.

* * *

«Бес по капле» чем-то мне напомнил статью Вл. Соловьева «Лермонтов»: сочетание бесспорных замечаний, подтасовка бесовщины и втягивание в определенную заданность... Соловьев прямо и обвинял Лермонтова в де-

монизме, называя его родоначальником ницшеанства, и это даже не попытавшись провести анализа художественных произведений.

Мне уже доводилось писать об этом, но придется коротко повториться: человек сотворен по образу и подобию Божию. Каждому дарован свой талант, заповедано преумножать его, то есть, подражая Господу, творить, понятию, добрые дела, создавая свою вселенную. Есть избранники Божии и в монашестве, и в миру — и нередко их строительным материалом является Слово. И в монашестве, и в миру избранные созидают свой космос, свой порядок, где все подчинено разумению творца — и никому их тайну не разгадать. В монашестве, в уединении, в затворе такие люди нередко вырастают до высот святости. В миру становятся, скажем, классическими писателями, но никогда не бывают святыми. Мир грешен, человек грешен, и созидая свои творения, гений проникает всюду — и даже в бездну греха, чтобы познать, понять, создать и донести до нижестоящего собрата выстраданное мнение, а иногда и выстраданную истину. Да, Чехов, как и Гоголь, вдохновенные и немощные, бежали в уединение от семьи. Но это не грех, а крест их, неся который, они следовали за Христом. И надо ли их в этом упрекать или обвинять?.. Не лучше ли попытаться понять. Всю жизнь, обогащаясь опытом, писатель нередко лишь к концу жизни находит духовную отраду, открывает для себя истину и с истиной уходит в мир иной. Через какие мытарства суждено было пройти Пушкину, Гоголю, Достоевскому, чтобы уже и на земле духовно воскреснуть — написать или высказать свои «Выбранные места»... А вот Лермонтов, Чехов, Есенин — не успели, духовно так до конца и не раскрылись.

Чехова обвиняют, что и он, как либерал, разврат называл свободой. Но посмотрите его произведения — ведь далеко не везде «Дама с собачкой». Следовательно, шел поиск, не находилось решения — как быть? Куда повести женщину в либеральном окружении: вслед за Толстым или за Розановым? Выбор не велик, но он был: или православная добрая семья, или монастырь. А если добрая семья не складывалась? Как быть? Кто виноват? Вот и плутал Чехов по трущобам и поместьям, чтобы, в конце концов, воскликнуть: эврика! Не успел...

А потом ведь еще и читать и видеть Чехова следует несколько иначе, о чем уже коротко сказано в первой части статьи.

Вот и о «юморе» Бражников, думается, лишнего хватил. Это от заданности, чтобы сделать Чехова не только либералом, но и игроком в демонизм. «Юмор всегда либо либерален, либо демократичен», — констатирует Бражников. И через абзац дополняет: «Смех, как известно, — признак свободного человека. Точнее, смех освобождает». Вспомните, от чего!.. Но ведь легко можно и не согласиться с этим. Смех и юмор — свойство здоровой нации, здорового народа, так же как песня и пляска. Сегодня нация в тяжелом недуге: мы не поем, не пляшем — нас принуждают слушать орущих наркоманов и проституток; мы не смеемся, а сценический смех давно превращен в гротеск и пародию заказных зубоскалов. Так что под схему Бражникова подойдет скорее пародия, инструмент не только либералов и демократов, но и всех мастей разрушителей — и тут первостепенную важность обретает то, а что разрушается.

* * *

Признаться, некоторое время я пребывал в недоумении: с одной стороны ясно — Чехова, как сегодня говорят, в статье «размазывают», с дру-

гой — что-то объективное в статье противоречит этому, не позволяя впасть в соблазн. Ведь искренне и справедливо завершается первая глава статьи: «Кстати, интересный вопрос: эмигрировал бы 57-летний Чехов из России? Скорее всего, если судить по поведению близких ему Бунина и Куприна, да... Однако, как знать, Чехов мог и «регрессировать» в сторону уважаемого им Суворина. Мог в конце концов стать верующим и консерватором. Для большого русского писателя этот путь, пожалуй, неизбежен. И у Чехова для этого тоже были все основания». — Не правда ли, нельзя не согласиться.

А вот заканчивается статья иначе. Пройдясь по Солженицыну и Пелевину — как будто это равные величины, Бражников заключает: «А либерала, как известно, по капле не выдавишь. Ибо род сей изгоняется только молитвой и постом». Иными словами, знак равенства поставлен между либералом и бесом. Но ведь вся статья посвящена «либералу» Чехову. Так что заключительная формулировка, можно счесть, крайне бестактная, точнее — хамская.

И невольно возник вопрос, да почему же вся статья насыщена беснованием? И лишь когда определяются авторитеты Ильи Бражникова — все как будто проясняется. Авторитетов три: Шестов, Мережковский и Манн. О Шестове не рискну судить — «как бы чего не вышло». Что же до Мережковского и Манна, то это известные соискатели бесов и чертовщины в русской литературе. *«Чехову удалось бессознательно выразить скрытый демонизм и неоязычество либерального мира. Ю. Манн (и за это ему спасибо!) в свое время научно обосновал явления скрытой чертовщины у позднего Гоголя, спрятанной в абсурде и алогизме: путаница в словах, именах, вещах, дорожная неразбериха, неестественное поведение героев. Бытовой абсурд — проявление скрытой бесовщины. Едва ли Чехов думает об этом, но порой в ранних своих рассказах, прилежно следуя принципам гоголевской поэтики, бессознательно протаскивает и чертовщину».* — Вот и эпиграф ко всей статье: поиски чертовщины у Чехова — отсюда и заголовок «Бес по капле». Задача поставлена, и хорошо ли, плохо ли, но в статью воплотилась.

Известно, что доктор наук И. А. Виноградов заново прочел и прокомментировал и раннего, и позднего Гоголя, и уж если Бражников рядится под православного или на самом деле православный христианин, читать и цитировать следовало бы не соискателя нечистой силы Манна, а наиболее духовного и национального Виноградова. Не тут-то было: Бражников распространяет «чертовщину» на творчество Чехова — и это прямым текстом.

Только ведь не так уж страшен черт, как нам его малюют соискатели...

Когда Чехова неоднократно спрашивали, какой из его рассказов ему более нравится? Он неизменно отвечал: «Студент». Так вот, прежде чем распускать ползущую «чертовщину» под либеральным прикрытием, следовало бы прочесть хотя бы этот рассказ — и в тишине подумать, поразмышлять... Судить о классиках все-таки следует по их делам — по их художественным произведениям.

Родная РЕЧЬ

Владимир КРУПИН

РОССИЮ СПАСЕТ СВЯТОСТЬ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. Живет в Москве.

В русском слове есть тайна. Она в любви к родине. Любишь Отечество — слово доверяется тебе, позволяет использовать его, оно соединяет твое сердце с сердцем читателя. Не любишь Россию, и пиши, и долдонь сколько угодно, — все улетит на ветер, это не слова, а высохшие их оболочки. Говоришь, что пишешь правду, но правда без любви — это жестокость. Слова, рожденные расчетливым мозгом и хитрым языком, не были в сердце, не управлялись молитвой, кто же им поверит? Язык без костей, им мелет Емеля. Пока его неделя. Язык определяется в Писании как «прикраса неправды».

Обращение «братья и сестры», стало привычным, будто всегда так и было. Как и не взрывали храм Христа Спасителя и Иверскую часовню при входе на Красную площадь, как и не молчали колокола церквей...

Господь вразумляет по русской пословице: чем заболел, тем и лечись. Он дал нам свободу воли, все в Его руках, и Он вправе спросить, как мы этой свободой пользуемся? И французы, и большевики, и либералы — это все называется кратко — бич Божий для нашего поумнения. Как в свое время гунны и Аттила для Европы. Утешение в понимании, что все то, от чего мы страдаем, нами заслужено, а, главное, показывает любовь Божию к нам. «Любяй, да наказует». Кого Бог любит, того наказывает. Представьте: скольких бы мы не до-

считались в своих рядах, не будь такого простого и целебного понятия, как отцовский ремень.

А Россию Господь любит. Иначе он не даровал бы именно ей, нам с вами, такое величие и богатство русской культуры. Представьте мир без русского слова, мир онемееет, без русской музыки мир оглохнет, без русской живописи — ослепнет. Более того, Россия — душа мира. Если что-то с нею случится, остальное тело мира погибнет автоматически. Останутся одни сникерсы.

Именно словом, устным и письменным, происходили обольщения доверчивых душ. Вообще, доверчивость очень хорошее чувство. Этой доверчивостью русских всегда пользовались враги России. Но есть слова, обозначаемые различными частями речи, и есть СЛОВО, Которым все создано. А словоизвержения политиков, звучащие на митингах, льющиеся из голубой помойки телеэкрана, печатающиеся в газетах, они, вроде бы, русские, но действие их кратко. Почему? Ответ один — бездуховны. Кто поверит, например, разным Хакамадам, Гинзбургам, Немцовым, если они против преподавания Основ православия в школе. Или писателю, который взялся обуустраивать Россию, а до этого долго разрушал ее.

Язык русского писателя, а в идеале, всякого пишущего на русском языке, это не язык политиков, не язык дипломатов, которые договорились до того, что язык дан для скрывания своих мыслей, а это свидетельство для вечности о времени, которое судьбой досталось писателю и которое он обязан правдиво и доказательно описать. Так и было, когда русский язык служил игумену Даниилу, Афанасию Никитину, Иосифу Волоцкому, Игнатию Брянчанинову, Данилевскому, Феофану Затворнику, Ломоносову, Державину, Тихону Задонскому, Димитрию Ростовскому, Крылову, Пушкину, Тютчеву, Гончарову... Список огромен. Русская литература заняла и уже всегда будет занимать ведущее место в мире. Но западный мир впал в опасное заблуждение, изучая историю России по художественным произведениям. Для православной страны понятие истории особенное. Есть одна история — мир или приближается ко Христу или удаляется от Него. Остальные события человеческой жизни только прикладные к этому выстраданному Россией правилу.

Что есть духовность языка? Это его наполненность святостью. Это служение спасению души. Дух — третья Ипостась Святой Троицы, то есть это Господь. Для творческого человека слово «одухотворенность» означает не просто вдохновение, а состояние души, когда цель работы — снискание Духа Святого.

Поиски духовности вне Христа обречены. Они ведут не просто в тупик, а в погибель. Они не только бесполезны, это в лучшем случае, но и опасны. Вспомним Врубеля, Вольтера, Батюшкова, Гаршина, да многих, закончивших жизни схождением с ума. А сколько писателей

и поэтов уже в наше время сошло с ума, покончило с собой, просто спилось. Это и есть следствие обезбоженности.

Одухотворенное слово не отыщешь листанием словарей, оно в тебе с детства, от бабушек по отцу и по матери, от реки и леса, от первых слез, от первой любви, оно, чистое и родниковое, оно в тебе, но как достать его из-под завалов последующей жизни? Вспомним: «Здесь узрела душа Ферапонта что-то Божье в земной красоте». То есть красота уже была, и ее видели многие, но разглядела ее душа святого. Возможно ли это для нас, смертных тварей Божиих? Возможно ли с нами чудо слышания диктующего с небес голоса? Да, если человек выйдет с ними на связь, то есть будет воцерковлен. Отрадно, что количество употребляющих на письме христианскую лексику растет, но оно опережает число православно живущих, а надо бы наоборот.

Есть выражение, которое стало заштампованным шаблоном: красота спасет мир. Под этим лозунгом проводятся конкурсы всяких мисс вселенных, где их измеряют как лошадей для продажи. Да, эти красотки красивы, но их голая красота никого не спасает, а только развращает.

Россию спасет святость!

Святость — главное слово, хранящее Россию. И общий период русской литературы это утверждает. Русская литература спасена тем, что жила совестью народа. А совесть — это глас Божий в человеке и обществе. Русские писатели вышли из народа, но не ушли от него. Вместе с ним печалились и радовались, берегли его святыни. Писатели первыми выступали за возрождение храмов, например — храм Христа Спасителя в Москве, первый председатель его Совета Владимир Солоухин, и храм Василия Белова в Тимонихе и распутинский храм в Усть-Уде на Ангаре, и прославление великого воина Феодора Ушакова в лике святых, и десятки видимых примеров и сотни и тысячи невидимых, ибо жертвы и подвиги для спасения души свершаются тайно...

А слово-обращение «Братья и сестры» означает еще и кровное братство. И не простое, родственное, но братство во Христе. Мы же причащаемся Тела и Крови Христовых, а выше этого счастья нет ничего.

Вообще, если бы не было этого главного итога — обращения писательского творчества к поискам спасения России только на путях Православия, пришлось бы горестно спросить: если мы такие хорошие, что же так тяжело России? Но радостно знать, что она бессмертна, что она — Дом Пресвятой Богородицы, что мы — дети Божии, братья и сестры, что время последних столетий было русским в мировой культуре и будет таковым и в новом тысячелетии.

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Валентин РАСПУТИН

«КОГДА ЗВУЧИТ В ТЕБЕ РУССКОЕ СЛОВО...»

*Доклад
на Рождественских
чтениях*

Валентин Григорьевич Распутин — родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. Живет в Иркутске.

«Велико незнание России посреди России». Эти бессмертные слова Гоголя не только не устарели — они приобретают в последнее время какой-то фатальный смысл и вполне могут быть подняты над зданием Министерства образования РФ и как оценка успеваемости по этому предмету, и как напутствие, с каким оно, Министерство образования, могло бы пойти на преодоление этого незнания. С еще большим основанием гоголевские слова могли бы быть водружены над зданием Правительства России, но речь сейчас о школе, об образовании, о наших надеждах на завтрашний день.

Велико незнание России, велико непонимание ее и велико уже ее неузнавание. «Эти бедные селенья, эта скудная природа — край родной долготерпенья, край ты русского народа!» — картина, конечно, безрадостная, но не безнадежная, тайно светившая обещанием будущих перемен и «в наготе своей смиренной», которую не поймет и не оценит «гордый взор иноплеменный». Сегодня этот «гордый взор иноплеменный» со злорадством перемещается в нас.

Удивительно, как имя, название, звучание любого дела и учреждения, тем более учреждения, представляющего собой один из основных и жизневажных органов государственного организма, как это преломленное название способно неизбежно перейти в суть учреждения и преломить его назначение. Было когда-то Министерство народного просвещения и просвещало молодые поколения, давало им вместе с науками тепло отеческого наставления и отеческой веры, напивало родным духом и расчищало отечественные родники с живой водой. Вероятно, это просвещение не было идеальным и не было полным, но по направленности, по задачам своим оно было верным —

помочь наполниться своим и родным настолько, чтобы вместе с физическим возрастанием без болезненных наростов шло возрастание духовное, т. е. заложить прежде в личность национальный камертон, а уж затем пускать ее в море знаний.

Сейчас у нас Министерство образования, сохранившее свою вывеску еще с советских времен. Как бы не скрывающее своей цели преобразовать, перестроить, переоснастить поступающие в его распоряжение души на принятую стандартную колодку. При коммунизме это была идеологическая колодка и привела она к такому уродливому явлению, как «образованщина», которое в конце концов и привело прежнюю государственную систему к трагическим последствиям. Теперь эта колодка рыночная. При коммунизме почва не отвергалась окончательно, хотя использовался только верхний ее слой; теперь и почва, традиция, вековое народное бытие подвергаются тотальной и безжалостной обработке, чтобы не повторить ошибок коммунизма, когда из них чудом принялась прорасти, казалось бы, окончательно вбитая в прошлое тысячелетняя Россия.

В этом и суть навязанных нам реформ: выдернуть, как морковку, современную Россию из России глубинной, придать ей товарный вид и поставить за прилавок.

Пушкин сказал о Петре:

*Не презирал страны родной —
Он знал ее предназначенье.*

«В самом деле, — писал В. Розанов в статье «Представление о России в годы учебной реформы» (учебная реформа того времени и дала Розанову толчок поразмышлять шире о путях российских реформ), — в самом деле, успех реформы Петра Великого — в том, что «препобедила всякую тьму», заложен был не только в силе, которую дало ему его положение, и не в одной его огромной решимости, но и в этом особенном его отношении к преобразуемой стране, на которое указал поэт... Петр не искужа пришел к нам, он встал к России не в положение инородной силы... «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога; жила бы и цвела Россия» — так в памятных словах перед Полтавой он определил себя, указал служебное, покорливое, второстепенное свое значение около России. Из этого взгляда на себя вытекла простота его приемов. Он боролся с Россией, но... на русской же почве; с нравами, но русским же нравом; с обычаем, но не покидая русской своеобразности; и, наконец, он сам, он весь в лице своем, движениях, манере был новый русский быт, и только более свежий и, главное, более правдивый, чем тот окаменевший в своей условности и формализме прежний быт... Россия старая, Россия предания оказалась бессильной против него, потому что он не хотел и не требовал от нее ничего, кроме правды в ней же самой, в ее же вере, в ее притязаниях...»

Но Пушкин, согласившийся с Петром, и сам был реформатором. Всякая внутренняя реформа, как исправление сложившегося порядка вещей, который становится громоздким и неуклюжим, происходит в свое время, словно бы позволением свыше. Трудно представить, чтобы державинская ода «Бог», как и оды Ломоносова и ранние оды Жуковского, были произнесены пушкинским слогом, без той торжественности и колокольного зво-

на в поэзии, который был духом XVIII века. Нельзя представить, чтобы «Слово о полку Игореве», наша национальная святыня, звучала бы как-то иначе, чем на языке своего времени, в глубинах нашего сознания этот язык сохранился, и мы вспоминаем его тотчас же, как переносимся в XII век, а все множественные переводы «Слова...» последних десятилетий вызваны не разъяснением смысла, который давно разъяснен, а желанием прикоснуться к этой святыне авторским пером и взять уроки мастерства.

Иван Ильин, говоря о Пушкине, как реформаторе языка, отмечает, что он, Пушкин, «нашел точную меру, верный критерий, чтобы от многого отказаться, но и многое сохранить, и ровно столько, сколько нужно». «Пушкин, — продолжает Ильин, — один из тех, кому по плечу любая свобода и оторванность от корней, поскольку они обладают материей и силой, чтобы независимо и свободно укорениться в Боге».

Но чтобы «укорениться в Боге», оторванность от почвы и не нужна, от почвы к Богу ближе. Вообще вся наша дворянская литература XIX века, и в особенности поместного дворянства, на удивление почвенна — и Толстой, и Тургенев, и Бунин, но это уже удобренная просвещением почва, нагретая не только солнышком, но и культурой, не потерявшая тем не менее своего природного состава. «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» — воскликнул Пушкин, слушая Арину Родионовну. Он-то воскликнул, и восклицание это дошло до нас, но как важно, чтобы в школе оно прозвучало с той же интонацией, искренностью, радостью и удивлением, с какими было произнесено поэтом.

Сохранились записи Ф. М. Достоевского при пересечении им пограничной станции по пути в Европу, имеющие отношение к тогдашнему образованному классу. Достоевский размышляет: «Как еще не переродились мы окончательно в европейцев?.. Ведь не няньки же и мамки наши уберегли нас от перерождения. Ведь грустно и смешно в самом деле подумать, что не было бы Арины Родионовны, няньки Пушкина, так, может быть, не было б у нас Пушкина. Ведь это вздор? Неужели же не вздор? Вот теперь много русских людей везут воспитываться во Францию; ну что, если туда увезли какого-нибудь другого Пушкина — там у него не будет ни Арины Родионовны, ни русской речи с колыбели? А уж Пушкин ли не русский был человек! Ведь это пророк и провозвестник. Неужели же в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей, что оторваться от нее ни за что нельзя; и хоть и оторвешься, так все-таки назад воротиться».

Прошло полтора столетия, и слова Федора Михайловича «хоть и оторвешься, так все-таки назад воротиться» потеряли свой утвердительный смысл. Возвращаются изредка и ныне, но возвращаются с заграничными паспортами, как послы чужих порядков, для того, чтобы и в России отрываться от России.

«Есть в природе закон, — это опять из статьи В. Розанова о принципах образования, — есть закон, по которому два луча света, известным образом направленные, взаимно интерферируются и вместо того, чтобы производить усиленное освещение, производят темноту; есть нечто подобное и в душевной жизни человека: в ней также интерферируются образующие впечатления, если они противоположны по своему типу, и вместо того, чтобы просвещать ум и сердце, погружают их в совершенный мрак. Это мрак

хаоса, когда сведения есть, когда знаний много и, однако, нет из них ни одного дорогого, не осталось и тени веры во что-нибудь, убеждения, готовности, потребности, — кто теперь не узнает его в себе, не скажет: это — я, это — моя пустота».

Куда современной и злободневней: это — я, это — моя пустота. Образование наше строится по принципу подобных взаимоисключающих и взаимопоглощающих лучей, один из которых традиция, остатки традиции, это я, и второй — агрессивная инновация, это моя пустота. Казалось бы, образование — слуга двух господ, однако симпатий своих оно не скрывает и все решительней дает понять «старой закваске», что права ее на молодое поколение подходят к концу. И вот уже в школьных программах напротив одного ряда другой, несовместимый с первым и приготовленный для его замещения: напротив Пушкина «свой Пушкин», к примеру, Бродский, напротив Есенина «свой Есенин», к примеру, Высоцкий, напротив Достоевского — Сорокин, напротив Толстого с «Войной и миром» — Войнович с «Чонкиным», напротив Белинского «свой Белинский», к примеру, Ерофеев... Я говорю «к примеру», потому что имена второго ряда могут меняться, но ни в коем случае не меняется сама его духовная составляющая. Фигуры эти, разумеется, могут быть в литературном процессе, и они там есть, но зачем же их включать в рацион материнского молока, ибо школьное образование и есть материнское молоко, продолжающее необходимое кормление с пеленок, и если оно не отвечает этому назначению и этому составу, если оно превращено в молоко хищной волчицы — так чего же тогда и ждать?!

Рука вершителей образования поднимается уже и на «Евгения Онегина», и на «Героя нашего времени», и на «Тараса Бульбу». Стандарты по литературе все больше и больше теснят Пушкина, Тютчева, Фета, Некрасова, Блока, Есенина, выброшены «Конек-Горбун» Ершова, «Аленький цветочек» Аксакова, «Снегурочка» А.Толстого, не стало Кольцова, прежних народных былин и сказок. Подмены, подмены, подмены... «Мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!» — поклялась в блокадном Ленинграде Анна Ахматова, тоже теснимая теперь в школе, — и тогда от внешнего врага действительно сохранили, потому что учились по старым учебникам.

«...Возврат к национальным традициям — вот истинная новизна для нашего времени», — сказал Георгий Свиридов, но сказал, кажется, уже в пустоту, почти никто его не услышал.

Чтобы прикрыть и оправдать безграмотность, вводят тесты-угадайки; чтобы не обнаруживать хитроумных нарядов школьной экипировки, не способной прикрыть дыры, притащили из чужих краев единый экзамен. А с родины этого изобретения, этого единого для выпускников школ и поступающих в университеты, все чаще звучат крики о беде: тамошние Митрофанушки и после университетов не умеют писать и едва-едва читают по складам. Причину видят в отступлении от фундаментального образования в сторону прикладного, хотя она, конечно, глубже и кроется в самом обществе, но ведь и у нас это прикладное и непрофильное густым забором, через который трудно продаться, огораживается теперь от основного. «Зачем ума искать и ездить так далеко?» Нет ответа на эти классические вопросы, а есть задание и есть его исполнение. И еще: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа». Кто мог бы представить, что слова эти, должны говорить о величии России, могут быть применены к ее возвратному ходу,

к пресмыкательству перед другими народами и государствами, которые прежде уважительно посторанивались и уступали ей дорогу!

Еще Ушинский говорил о необходимости сделать русские школы русскими. Стало быть, и в его время в этом была потребность. Сделать русские школы русскими — не значит уткнуться в русское и ничего больше не признавать, мы шире своей колыбели, и об этом прекрасно сказал Достоевский в своей пушкинской речи. Но для того, чтобы принять в себя богатство мировой культуры и науки не для складирования только, а для питания и развития, материя души у русского человека должна быть русской и православной. Такими были в совершенстве своей личности Ломоносов, Менделеев и Вернадский, Пушкин и Тютчев, Толстой и Достоевский, Аксаковы и Киреевские. Русскими остались тысячи и тысячи ушедших на чужбину после гражданской войны, удивляя просвещенные страны, такие, как Франция и Германия, неповрежденностью и цельностью своих ярких талантов. «А за то, что нас Родина выгнала — мы по свету ее разнесли» — да, разнесли и души, и песни, и особенности нашего быта, и уживчивость, и говор, и веру. Там, на чужбине, созданы были и «Жизнь Арсеньева», и «Лето Господне» с «Богомольем», и многое другое, без чего нашу культуру и не представить.

В воспоминаниях о Бальмонте Шмелев записывает: «Лет шесть, по полугоду мы жили рядом... сидели на излучине у речки — тенистые берега, коряги, сосны, пески и кулики... Я слышал о России, все чаще о России. Мы ее искали, вспоминали... Осень... близка полночь... Вдруг шорох, неурочные шаги... И оклик тихо: «Вы еще не спите?» А, ночные! Еще не спим. И мы беседуем, читаем. Он — новые сонеты, песни... Я — «Богомолье», приоткрываю детство, вызываю. Мы забывались, вместе шли... в Далекое Святое, дорогое».

И кто бы мог представить, что пройдут годы, и мы, не покидавшие Родины, будем так же тосковать о России посреди России, хвататься за нее, гонимую, искать закливающие слова, и замолкать в отчаянии. А вернувшийся на Родину в гробу Иван Сергеевич Шмелев мог бы гордиться тем, что его «Лето Господне» предложено теперь и школе, если бы... если бы школа имела один голос, одно направление, как в его детстве.

Русский язык, отечественная словесность и отечественная история — когда бы оберечься этим триединством в их нераздельности, да еще с молитвой, — встали бы мы на путь спасения.

Хрестоматийные слова Тургенева о русском языке хорошо известны, мы в свою пору заучивали их наизусть, и я бы не стал их повторять, если бы не отчетливое ощущение, что именно для нашего, настоящего времени и вызрели они в полном смысловом звучании. «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины (разве мы не на пике этих сомнений и раздумий?) ты один мне поддержка и опора (разве не так?) о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?!». Не будь тебя — кажется, и дыхания уже не было бы... Как это верно и какая это живительная поддержка всех поколений русского человечества, которую не оболгать и не запретить, не спрятать и не убить, хотя и пытаются оболгать, хотя и пытаются переговорить и перекричать иными наречиями, зачернить грубостью и дикостью.

И все это было бы ничего, не опасно и никакого вреда нашему языку принести не могло бы... если бы мы читали. А читают у нас все меньше. Если бы, как в чистилище, заглядывали мы каждый день в книгу безупречной чистоты и восстанавливали свое дыхание и кровообращение, свое богоданное чутье на хорошее и плохое... Чтение доброго и прекрасного, вздымающего душу, — это тоже молитва, пусть и мирская, но совсем теперь близкая к Божьей...

Пушкин во имя красоты, гибкости и чуткости русского языка снял с него некоторую оскомину церковно-славянского, но не вывел из храма и умел настроить свою лиру на молитвенный лад. Этот лад не покидал потом никого из наших больших мастеров, однако, требовал все той же настройки. Шмелева нельзя назвать реформатором языка, но в свое суровое время он сумел придать ему редкую, не бывалую дотоле, дружественность, ласку и даже умильность — точно сам язык, пораненный во вражде и войнах, высмотрел Шмелева в каких-то дальних и укромных своих палестинах и вручил ему этот дар всегда теплого и сердечного звучания. Иван Шмелев — это Алеша Карамазов в русском литературном братстве XX века, в котором, как в романе Достоевского, были разные персонажи, — Алеша, явивший монастырскую душу всепонимания и прощения.

Воистину это волшебство: нет ничего в человеке, ни в чувствах его и мыслях, ни в самых потайных движениях души, ни во вздохе его и взгляде, ни в минуты отрады или тоски, которые бы наш язык не назвал. Нет решительно ничего ни в человеке, ни вовне его, перед чем бы он остановился в бессилии: нет, не могу. Он может все, длань его объемлет и малое, и большое, и для тех, кто принят им в его царство, он не инструмент, как легкомысленно полагают, а учитель и духовник, всемогущий владыка несметного богатства. Не знаю, есть ли в мире еще язык, подобный нашему; судя по почтению и удивлению, с какими относятся всюду к русской литературе, пожалуй, и нет. Мы счастливые избранники, и не хочется даже предполагать, будто мы потеряли способность понимать, что нам дано, и утратили чувствительность к красоте и силе нашего языка, это было бы самоубийством.

В пору моего школьного ученичества было принято и заучивать большие отрывки из программных литературных произведений, и зачитывать их перед классом. Никогда не забуду своего неожиданного и счастливого преобразования, происшедшего со мною, когда вызвали меня к доске прочитать отрывок из рассказа И. С. Тургенева «Певцы».

«Он пел (он — это Яков, мужик, в певческом поединке взявшийся исполнять народную «Не одна во поле дороженька пролегала»). Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед нами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня... Я оглянулся — жена целовальника плакала, прижав грудью к окну. Яков бросил на нее быстрый взгляд и залился еще звонче, еще слаще прежнего; Николай Иванович потупился, Моргач отвернулся; Обалдуй, весь разнеженный, стоял, глупо разинув рот; серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку, с горьким шепотом покачивая головой; и по железному лицу Дикого-Барина, из-за совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчик поднес сжатый кулак ко лбу и не шевелился...»

Дома, готовя урок, я прочитывал этот отрывок спокойно, но перед классом, произнося его, я вдруг перенесся туда, в этот кабачок, где звучала песня, и донесшийся въяви голос Якова вдруг пронзил меня, сердце мое захолонуло от восторга, словно бы проклюнулось,хватило воздуха, и к глазам тоже стали подниматься слезы, голос мой сорвался и умолк... Потом те же счастливые слезы проникновения в родное и глубинное я испытал при чтении рассказа И. А. Бунина «Косцы», где рязанские мужики за покосным трудом, встав в ряд и размашисто водя литовками, пели в голос... Как пели, как пели, вынося и вздымая в небеса какое-то неслыханное счастье быть русским человеком... И до сих пор поют, когда находятся слушатели. Как много подобного чуда, подобного волшебного прозрения души в нашей литературе! Это больше, чем художественность — это — редчайшее постижение заложенной в наш народ тайны.

Я решаюсь процитировать и себя, это отрывок из повести «Дочь Ивана, мать Ивана». Решаюсь, потому что для меня это не случайные слова, я думал над ними и вложил в них и свою коленопреклоненность перед нашим языком.

«...когда звучит в тебе русское слово, издавека-далеко доносящее родство всех, кто творил его и им говорил; когда великим драгоценным закромом, никогда не убывающим и не теряющим сыта, содержится оно в тебе в необходимой полноте, всему-всему на свете зная подлинную цену; когда плачет оно, это слово, горькими слезами уводимых в полон и обвязанных одной вереей многоверстовой колонны молодых русских женщин; когда торжественной медью гремит во дни побед и стольных праздников; когда безошибочно знает оно, в какие минуты говорить страстно и в какие нежно, приготовляя такие речи, лучше которых нигде не сыскать, и как напитать душу ребенка добром, и как утешить старость в усталости и печали — когда есть в тебе это всемогущее родное слово рядом с сердцем и душой — вот тогда ошибиться нельзя. Оно, это слово, сильнее гимна и флага, клятвы и обета; с древнейших времен оно само по себе непоручимая клятва и присяга. Есть оно — и все остальное есть, а нет — и нечем будет закрепить самые искренние порывы».

Вольно или невольно, это особый разговор, мы подошли сегодня к черте, когда школа становится не частью жизни, одной из многих частей, а последней надеждой на наше национальное существование в мире. Никогда еще так не нуждалась школа в грамотном учителе — грамотном не только в своем предмете, но прежде всего и свыше всего, если так можно сказать, в науке отечественного обоняния и осязания, с которых начинается гражданство. Школьное образование сегодня — это служение, и служение тяжкое до самоотвержения и креста, и кто не готов к нему, тому лучше отойти в сторону и заняться другим делом. Сегодня еще не поздно, есть все признаки того, что и со школьных парт, и в вузовских аудиториях чают и ждут такого учителя. В последнее время мы часто вспоминаем нижегородское ополчение, спасшее Россию в Смуту XVII века — новая смута теперь закрадывается в нас самих, в народ наш, пришла пора вставать против нее, мобилизуя все сохранившиеся у нас здоровые силы. Хватит оглядываться с опаской, что подумают о нас, хватит — надо думать о своем спасении, никто в этом жестоком мире нам его не подарит. Как говорил Достоевский: «как только мы почувствуем себя русскими и православными, тотчас все и устроится».

Леонид БОРОДИН НАД ВОЛГОЙ

Леонид Иванович Бородин — родился в 1938 г. в Иркутске; учился в Иркутском государственном университете, из которого был исключен за организацию студенческого кружка; окончил педагогический институт в г. Улан-Удэ; работал на строительстве Братской ГЭС, на руднике в Норильске; преподавал, был директором школы в Ленинградской обл.; с 1965 г. по 1967 г. состоял в нелегальном Всероссийском социал-христианском союзе освобождения народа (ВСХСОН); подвергался преследованию за политическую и правозащитную деятельность, был осужден и отбывал сроки в лагерях (1967–1973, 1982–1987); автор многих книг и статей. С 1990 г. работает в журнале «Москва». лауреат премии французского ПЭН-клуба «Свобода» (1983), итальянской международной премии «Гринзани кавур» (1989), премии Москвы (1992), премии «Роман-газеты» (1993). Ген. директор журнала «Москва». Живет в Москве.

В детстве часто снился сон с одним и тем же настроением, но в разном сюжетном исполнении. Туманным утром сажусь в лодку и ухожу на веслах к другому, невидимому берегу Байкала, о котором я только и знаю, что он должен быть и есть. Плыву долго, но не утомляюсь и с каждым гребком вместе с физической силой обретаю восторженное состояние духа, которое оправдывается сразу же, как только лодка втыкается носом в отмель. Я попадаю в прекрасную, чудесную страну...

Или поднимаюсь знакомой тропинкой на перевал и там, за перевалом, нахожу ее, прекрасную и чудесную... Или, взобравшись на скалу, обнаруживаю пещеру, вхожу и... счастье!

О счастье после пробуждения остается только память, что оно было. А вот путь к нему, вся величина преодоленного пространства, вдоль, вверх или вниз — каждый метр можно описать и пересказать в деталях. Так в мое личное сознание вошел когда-то соблазн преодоления пространств, который, как свидетельствуют прожитые годы, не поддается изживанию, но остается то ли в виде бесплотной мечты, то ли в форме маниакальной идеи.

Рассказом этим не совершаю открытия, и не стоило бы говорить о столь банальном, если бы однажды не попалась мне на глаза репродукция картины Нестерова «Над Волгой». Как теперь знаю, картина малоизвестная, потому что не имеет ни копий, ни списков и хранится она не в столицах, а на самой окраине рос-

сийских просторов — в Астрахани. Зато там, в здании типичного провинциального музея, она на достойном месте, ее замечаешь сразу, как только попадаешь в анфиладу комнат третьего этажа.

Прошла тьма лет, прежде чем удалось попасть в Астрахань и «живьем» увидеть и рассмотреть поразивший меня когда-то сюжет.

На высоком берегу две фигуры — он и она. Он стоит у самого обрыва, типичный «деловой» человек конца прошлого века, взгляд его устремлен туда, в заволжские дали, в его осанке — сила, энергия и даже некая романтическая устремленность, готовность к орлиному взлету над еще неизведанными землями, — во всяком случае он знает, чего хочет, этот неутомимый строитель империи и обустроитель ее горизонтов, ему чужды гамлетовские метания, нет необходимости решать проблему: быть или не быть, — потому что он уже ЕСТЬ, есть и уготованные ему пространства, которые надо пересечь, поименовать и шагать к следующему открывшемуся горизонту, ибо жизнь коротка, а горизонтов не счесть.

На втором, а по сути на первом плане — женщина, жена, мать; она сидит на траве вполупорот к мужчине и ко всему тому, чем столь очарован и заморожен господин ее жизни. Она смотрит туда, потому что ЗНАЕТ... И это рационально непостижимое знание житейской печалью запечатало ее лицо. Печаль на нем великая, скорбь спокойная. Не где-то в палестинах, а здесь, на волжском высоком берегу, русской женщиной были произнесены слова о том, что все есть суeta суeta и томление духа, и еще о том, что как род приходит, так и уходит, приходит с мукой телесной и уходит, отчаянно цепляясь потухающим взором за якобы последний непокоренный горизонт. Это она, а не какой-то Коперник, шепчет в заволжскую траву, что земля — увь! — кругла, и всяк, будь он семи пядей во лбу, всяк возвращается на круги своя. Вся печальная правда человеческого пребывания на Божьем свете — в ее глазах, а скромный букетик полевых цветов в руке — единственная награда за непомерную ношу. Ему, дерзающему и отважному, не только не понять ее, но даже и не следует понимать, у него другое предназначение в мире, у него своя правда перед Богом, и у Бога к нему особый спрос. ЕМУ — искушаться Сибирью, а ЕЙ — следовать за ним, в Сибирь. И нет в том двух поступков, но только один, в их единстве рождается факт жизни, а из этих фактов, как из кирпичиков, складывается народное бытие с особым, неповторимым рисунком на полотне человеческой истории.

Пойдем ли мы когда-нибудь, какую роль в нашем историческом устройстве и неустройстве сыграл соблазн пространств, как отразилось на нашем национальном сознании вечное очарование дорогой, что приобретали и что утрачивали мы всякий раз, когда перед лицом опасного столкновения с жизнью вспоминали, что есть тыл и, нахлестывая лошадей, мчались «к тетке, в глушь, в Саратов». Куда только не убегали российские поколения: на Дон, за Камень, на Грумант, на целину, на БАМ... Некое «пространственное» качество госу-

дарственного российского дерзания прослеживается через все века, и в том был очевидный положительный смысл, историками понятый и по достоинству оцененный. Но только ли достоинства приобретали мы вместе с пространствами?

У Нестерова есть еще картина с названием «Два лада русской души». На меня она никакого впечатления не произвела, наверное, по причине прямолинейности темы. Множество ладов у русской души, и эти, проиллюстрированные художником, безусловно присутствуют в ней, возможно, даже на роли определяющих, но почему-то именно тот сюжет, с двумя над Волгой, мне показался более подходящим для названия «Два лада...»

Лад, взыскующий мирского успеха, лад действия, поступка, преодоления — это ему обязаны мы просторами государства и победами над Степью и Западом, миролюбием народа нашего, не имевшего нужды утверждаться за счет прочих народов, ему же, этому ладу, обязаны мы пытливостью русского ума и достижениями в науках и искусствах. И еще многое и многое...

Но тому, другому ладу великих предчувствований и мудрого знания обязаны мы самим именем Святой Руси, то есть земли, давшей человечеству новое качество Святости в лице ее лучших сынов.

Однако все это пребывает на полюсах добра, как бы очищенное от издержек, коими — увы! — полна коробочка Российских царств с времен минувших по день нынешний и завтрашний. Печальная женщина на высоком берегу Волги — скорбно-молчаливый укор русской неусидчивости, торопливости, вопиющему противоречию между словами молитвы и словами похвалы, лени, наконец, российской, истекающей, возможно, из того же «пространственного» соблазна, когда можно махнуть рукой на незаконченное, уйти прочь и в другом месте все попробовать заново, а то и просто возжелать этой перемены, расслабиться, отдаться бесплодным фантазиям и погрязнуть в них безнадежно.

Справедливая, но и беспощадная к своему народу русская литература щедро отобразила все лады русской души, вознесла на должный пьедестал доброе и развенчала дурное, и над дурным потрудились столь тщательно, что порою кажется, будто возникла некая обратная связь, когда правдоподобие дурного образа, созданного литературой, обретает реальное влияние на души, возлюбившие литературу, то есть продукт творчества народа больше, чем сам народ. Иначе как объяснить, что именно культурный русский слой породил из себя форменных чудовищ, всех этих желябовых, савинковых, луначарских, бухариных и тех, нынешних, что щедро приложили руку, а точнее, язык к унижению и разграблению отечества!

Мужчина, с высокого волжского берега всматривающийся вдаль, видел плоды своего труда — Великую Россию, шагающую правофланговой в ряду марширующего к прогрессу человечества. А женщина? Возможно — те колдобины и ухабы, о которые будет спо-

тыкаться дерзкий правофланговый, падать, разбивать в кровь свое благородное обличие, впадать в ярость и неистовство, проклинать почву под ногами и заплевывать ее злобой и кровью...

А может быть, нет ничего этого на нестеровском полотне? Может быть, мужчина, купец по обличию, всего лишь задумался о предстоящей удачной сделке, а женщина устала, карабкаясь за ним на высокий берег, и присела отдохнуть...

Случится быть в Астрахани — зайдите в музей; возможно ведь, что толкование мое — плод воображения, что русский лад, привидевшийся мне в образе женщины над Волгой, лад великого и трагического предчувствования тщеты мирского дела, — что нет его там вовсе, и моя интерпретация — навет на художника-оптимиста, каким, без сомнения, был Михаил Нестеров, и тогда, мне кажется, я даже буду рад, получив убедительное опровержение...

СВЯТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Народное гулянье на Рождество

Русские СУДЬБЫ

Елена ЧАВЧАВАДЗЕ

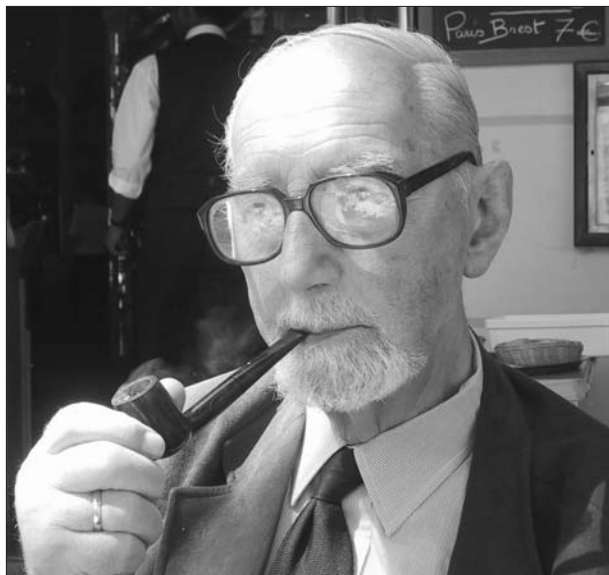
ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ

Княгиня Елена Николаевна Чавчавадзе — журналист, режиссер, сценарист, автор фильмов «Кто заплатил Ленину», «Лев Троцкий — тайны мировой революции», «Штурм Зимнего. Опровержение», более 20 фильмов сериала «Русские без России», вице-президент Российского Фонда культуры. Еленой Николаевной была проведена колоссальная работа по обретению Россией праха великого русского писателя И. Шмелева и его архива. Возвращенные с ее помощью останки А. Деникина и И. Ильина, волею судьбы окончивших свою жизнь в эмиграции, не так давно перезахоронены в Москве. Награждена орденом Святой равноапостольной княгини Ольги. **Живет в Москве.**

Будучи президентом России, во время своего пребывания во Франции в 2004 году, Владимир Путин встретился там с одним из старейших русских эмигрантов «первой волны», восьмидесятидвухлетним Андреем Шмеманом, и вручил ему российский паспорт. «Долгие годы я жил с разладом в душе, чувствуя себя абсолютно русским и одновременно оставаясь человеком без подданства, апатридом. И теперь я счастлив, что, наконец, обрел Родину», — сказал тогда Андрей Дмитриевич. Мы публикуем уникальные воспоминания Андрея Шмемана, которые представлены для печати беседовавшей с ним Еленой Чавчавадзе, подготовившей событие получения паспорта нашим знаменитым соотечественником.

Андрей Шмеман родился 13 сентября 1921 года в городе Ревель (ныне Таллинн) в Эстонии. Его отец Дмитрий Шмеман до Октябрьской революции был офицером лейб-гвардии Семеновского полка. В 1929 году семья эмигрировала во Францию. Шмеманы-старшие, похороненные на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем, и их сын Андрей никогда не получали французского гражданства.

Андрей Дмитриевич всю жизнь прожил с так называемым «нансеновским паспортом» — временным удостоверением личности, служившим заменой паспорта для апатридов и беженцев. «Нансеновские паспорта» были введены Лигой Наций и выда-

Андрей Дмитриевич Шмеман

вались на основании Женевских соглашений 1922 года.

В 1930 году Андрея отдали в открывшийся в Версале кадетский корпус-лицей императора Николая II. Преподававшие там офицеры старой русской армии сумели привить своим воспитанникам не только выправку, но и присущую российскому офицерству интеллигентность. Закончив корпус в 1939 году, Андрей Шмеман большую часть жизни посвятил упрочению

кадетского братства, воспитанию молодежи за рубежом в духе традиций русского офицерства. Он возглавлял Кадетское объединение выпускников версальского корпуса — лицея Императора Николая II. В 1995 году Андрей Дмитриевич, у которого трое детей — дочери Наталья и Елена, а также приемный сын Василий Кочубей (сын жены от первого брака), впервые побывал в России. Посетил Санкт-Петербург, откуда родом его отец и мать, и Москву, а в последующие приезды побывал и на Дону, в Ростове и Новочеркасске, где общался с кадетами.

Андрей Шмеман сам обратился с официальной просьбой о предоставлении ему российского гражданства, и уже через два месяца ему передали текст указа президента РФ.

Более полувека Андрей Дмитриевич являлся старостой парижской церкви Знамения Божией Матери, имел духовное звание иподиакона. Вместе с другими видными деятелями русской эмиграции он стал инициатором создания общественной организации «Движение за поместное православие русской традиции в Западной Европе». Андрей Дмитриевич — всегда был убежденным сторонником возвращения эмигрантов в лоно Русской православной церкви. Его брат — протоиерей Александр Шмеман, перебравшийся из Франции в Америку и скончавшийся в 1983 году, считается одним из крупнейших богословов современности. Его перу принадлежит большое число научных трактатов и статей по теологии и православной традиции христианства.

Андрей Дмитриевич Шмеман скончался в Париже 7 ноября 2008 года.

Я прожил в Париже семьдесят два года с паспортом беженца. Мой отец служил в Северо-Западной армии, которой командовал Юденич. Большевики оттеснили армию к Эстонии, и отец был туда интернирован. Через некоторое время моей матери удалось из Петербурга к нему приехать. Тогда Таллинн назывался Ревелем, и мы были одними из первых в мире русских эмигрантов «первой волны». Такого исхода мир не помнил, чтобы сотни тысяч бежали сразу. Сравнить это можно только с геноцидом армян.

Беженцами тогда занималась Лига Наций, а известный всему миру норвежец Нансен придумал для приведения в порядок жизней тысяч людей без статуса национальный документ для беженцев. Он долго назывался «нансеновским» паспортом. По нему мы жили в стране, могли путешествовать. С меньшей охотой, чем другим, нам ставили визы, но мы путешествовали. До начала Второй мировой войны практически никто из русских не брал гражданства той страны, в которой жил. По крайней мере я могу про Францию сказать, что не брала. Особенно старшее поколение, потому что они глубоко чувствовали себя русскими. Не потому, что не хотели быть французами, но не хотели не быть русскими. Это было очень важно. Меняли гражданство те, кому очень нужно было по службе, например.

Я долго, пока мог, оставался с «нансеновским» паспортом, а потом и его отобрали. Теперь у меня такой общий для всех беженцев документ. Я никогда не считал свое желание оставаться русским каким-то героизмом, но я просто не хотел быть нерусским. С этим паспортом политэмигранта я могу ездить по всему миру, но не могу ехать в Россию, потому что тогда мой статус, так сказать, закончится. Но французы эту проблему обходят и дают для поездки в Россию специальные документы. По этому поводу возникали трудности на российской границе. Когда я с семьей приезжал в Петербург, моя жена и дочери прошли таможеню легко, как французы. А мне сказали: «Посидите, пожалуйста». Я ждал полчаса, дочь моя осталась со мной, боялась, что упекут меня куда-нибудь, но потом выходит их директор, извиняется и говорит: «Простите, что мы заставили ждать, но такой бумаги мы никогда не видали».

Мой дед был действительным тайным советником (это был высший чин), членом Государственного совета и сенатором. У меня есть некоторые о нем сведения по тогдашней литературе. Так удивительно вышло, что мне подарили книжку, где описаны известные деятели эпохи начала века. Увидели там мою фамилию и подарили. Но вышло забавно, потому что в книжке этой написано не только о моем деде, но и о деде моей жены, генерале Сахарове, военном министре.

Андрей Шмеман и Елена Чавчавадзе

наших был знаменитый адмирал Шишков, не совсем прямой родственник, потому что у него не было детей. Адмирал был достопримечательностью семьи. Со стороны матери были гораздо более русские корни, потому что по отцу мы из немцев. Я полагаю, что прадед, может быть, был даже и протестантом. Зато по «шишковской» линии была очень церковная семья, мой прадед занимал большой пост в Московской патриархии. Он заведовал Синодальной типографией.

Военные были целым сословием в дореволюционной России, особой категорией ее жителей, из которых образовалось множество военных династий. Воспитание получали рано в кадетских корпусах. Это было высокое служение Родине, офицеры были элитой России. И это было очень красиво, каждый полк со своей историей: летние лагеря, парады. Помню, на парады обращалось слишком большое внимание, меньше как будто бы учили настоящему военному искусству, а по парадам судили об офицерах часто.

Мой отец, будучи военным, ушел на войну офицером. Когда армия стала разваливаться, многие бросали свои полки, но потом многие из них собирались, когда настало время, на юге, в Сибири, чтобы воевать против большевиков. Мой отец был офицером лейб-гвардии Семеновского полка. Большая часть этого полка вернулась в Петроград. Он даже назывался одно время «Полк по охране города Петрограда». Но многие офицеры вошли в контакт с генералом Юденичем. И когда настал момент, то весь полк, который был послан на борьбу с Юденичем, перешел к нему и стал воевать на стороне Сeve-

ро-Западной армии. К сожалению, это длилось недолго, не как Белое дело на юге или в Сибири. Трагедия была в том, что наступающие войска уже видели купол Исакия и вот-вот могли войти в Петроград, но не вышло. Они отступили тогда в Эстонию, и так началась наша эмигрантская жизнь. Вначале приехала моя мать. И потом дедушка и бабушка приехали тоже.

Русские эмигранты бежали, спасая свою жизнь, у них в эмиграции не оказалось ни средств, ни имущества, у большинства не было мирных профессий. Ну и началось...

Что мог делать офицер, например, мой отец? Играл на скрипке. Он играл в ресторане в составе трио. Был в Таллинне такой известный ресторан, «Европа». Там он играл по вечерам и возвращался довольно поздно, это не всегда нравилось моей матери. Когда мы приехали в Париж, она скрипку ликвидировала, не хотела, чтобы он работал в ночных ресторанах. Помню, в Таллинне он приезжал поздно, ну и, конечно, немножко выпивший, последним поездом. Мы жили за городом, место было опасное. Такая жизнь не нравилась моей матери, она ее прекратила. Так что, когда мы приехали в Париж, уже не было этого заработка, и вообще он больше не играл на скрипке. Я еще помню, в Югославии, в Белграде, мы жили год, тогда на ночь он немножко играл нам, чтобы мы заснули. Но это было, так сказать, последнее его выступление.

Я все время говорю «мы», потому что мы с братом Александром близнецы. Мы всю жизнь были очень близки с ним. Александр — знаменитый богослов и священник. Когда он умер, я в знак траура надел черный галстук и ношу его всегда. У нас была старшая сестра Елена, которая родилась еще в Петрограде, и мать приехала с ней, но она умерла в 1925-м или в 1926-м году, ей было семь лет. Была эпидемия скарлатины с гриппом вместе, очень тяжелая форма. Смерть Елены была большой потерей для матери, она до конца своих дней ходила всегда в черном, для нее это было большое горе.

Отец в Париже стал заниматься, чем мог. Торговал бензином, тогда в Париже было множество бензоколонок. На бензоколонку к моему отцу приезжало множество русских таксистов, у них была веселая компания. Неподалеку было кафе, где они сживали. Нельзя сказать, что работа была обременительной. Но денег это мало приносило. Отец, тогда уже немолодой, должен был на велосипеде ездить на работу. Туда еще он как-то спускался под горку, а обратно шел пешком, тащил велосипед за руль. Моя мать стала служить гувернанткой. И успешно. Ее очень любили. Но все это, конечно, не давало нужных денег. Меня и брата отдали в кадетский корпус. Дома стало немного легче, но за учебу надо было платить 500 франков в месяц, это очень большие деньги были. Но многие не платили, потому что какие-то стипендии находились.

Мой дед был в Париже дружен с Владимиром Николаевичем Коковцевым, который в дореволюционной России был председателем Совета министров (он занял этот пост после Столыпина). А дед мой, Николай Эдуардович Шмеман, как я уже говорил, тоже был крупным сановником: действительный тайный советник, член Государственного совета и товарищ министра юстиции.

Для этих людей эмиграция была большой драмой. Они были в возрасте уже. Мой дед родился в 1850-м году, значит, к революции ему уже было 67 лет. Это по тому времени было много, он был еще полон сил, но не мог найти никакой работы.

Кроме того, для них это было крушением всей жизни. И они предавались воспоминаниям. Мой дед часто встречался с Коковцевым, и еще приходили некоторые сенаторы. Они тихонечко сидели и тихо разговаривали.

Дед мой обожал Петербург и очень тосковал по нему. И вот они садились с жившим в том же доме по соседству генералом Бэмом. Они садились друг против друга и говорили: «Ваше превосходительство, как бы вы прошли от этого пункта в такой-то пункт», и рассказывали друг другу об улицах, по которым мысленно проходили. У отца моего, который тоже участвовал в этих играх, был козырь — он родился в каком-то переулке, который, никто никогда не знал. Так они проводили время. Я помню, как дед со своими дочерьми, сестрами моего отца, переехал в Париж и жил, бедняга, на 5-м этаже без лифта. Внешне он был очень представительным, с орденом Почетного легиона, который в то время еще ценился. Когда он переходил улицу, такой импозантный, с орденом в петлице, ему помогали.

Когда он умер и его собирались хоронить, французы прислали предложение отправить роту солдат. Во Франции по статуту ордена Почетного легиона полагаются некоторые воинские почести и, в частности, когда умирает кавалер ордена, высылается рота солдат, которые отдают ему последнее «прости, прощай». Но мои тетушки, категорически отказались. Отпели скромно в маленькой церкви и похоронили на кладбище, а потом перенесли на Сен-Женевьев-де-Буа.

Валерий МИХАЙЛОВ

«МОЯ РОДИНА — РУССКОЕ СЛОВО»

Валерий Федорович Михайлов — родился в 1946 году в Караганде. Автор 20 книг стихов и прозы. Стихотворения включены в ряд антологий: «Антология русского лиризма. XX век» (М., 2000), «Современное русское зарубежье» (М., 2002), «Молитвы русских поэтов. XI—XXI век». (М., 2009). Главный редактор журнала «Простор», секретарь правления Союза писателей Казахстана. **Живет в Алма-Ате.**

✻ ✻ ✻

Перелески, холмы и поляны,
Небо близкой тоскою сквозит,
Тишина, только стук деревянный
Ясно так по-над полем летит.

Дремлет храм на уютном погосте,
Дух молитвенный Богу храня.
Чьи-то спят безответные кости
Под снежком в чистом сумраке дня.

...На Казанскую, утречком серым,
Здесь, в избе, в деревянном ладу,
Покрестили меня в нашу веру
На моем сорок пятом году.

Перед ситцевой занавеской
Со свечою стоял я босой,
И сноровисто батюшка сельский
Вдунул в душу мою дух святой.

В тесноте скромной горницы
 малой
Прислонился я к русской печи,
И по-русски она отдавала
Все тепло, что осталось с ночи.

А потом нам дьячок угловатый
В церковь Божию дверь отворил
И глаза опустил виновато,
Потому что сигарку палил.

Вышли мы, и священник рукою
Пустошь мне показал невдали:
— Вечеру там бывает порою
Свет столпом вдруг встает из земли.

Люди видят, дивятся, известно,
Что наверное все неспроста.
Может, праведник там неизвестный?
Кто ж поймет: ни молвы, ни креста...

Солнце глянуло. Мы попрощались.
Ели бросили синюю тень.
И старушки уже собирались
Из окрестных тверских деревень.

* * *

Что было, то было, то Бог повелел.	От белого снега и ночью светло,
Возьми мое сердце, оно не осудит.	То Родина спит, чистотою блистая.
На черную землю снег белый слетел.	И ангелы в душу глядят, как в стекло,
Что было, то было. Что будет, то будет.	Меж белыми хлопьями снега летая.

* * *

На закате снега розовеют, как будто стыдась,
Что они так белы, непорочны и так одиноки.
Вот слетели с небес и лицом не ударили в грязь —
Но раздалось пространство сиянием чистым, высоким.
И поля, и холмы вознесло, занесло, замело...
Валуны лишь упрямо темнеют, сжимаясь от стужи...
Что черно — то черно, но зато что бело — то бело,
Все так просто на свете, и это почуяли души...

ДЕТСКИЙ НИМБ

Митюшке Ковову

Он вернулся после баньки и топчет по избушке,
По кержацкой, по листовняной, по избушке родовой —
И впервые я увидел: у Митюшки на макушке,
На головушке на чистой — нимб сияет как живой.

Перевидел я на свете много стран и много люда,
Но наверно был я раньше все-таки чуть-чуть слепой,
Коль ни разу не заметил на земле такого чуда,
Как на этой на макушке, на овсяной, на льняной.

Ясной радостию рдея, протянул тут мне Митюшка
Свою лучшую игрушку — выдувалку пузырей.
И я дунул наудачу — и над нимбом, над макушкой
Дивной радугой взлетела стая круглых снегирей.

Понимаю я, конечно: свет от лампы очень ярок,
Вот и заиграли блики, как вживую, как во сне...
А быть может, это все же тихий ангела подарок
Той святой душе Митюшки... да, пожалуй, что и мне...

* * *

Воздух, что ли, суше стал и реже?	Не видать, наверно, мне покоя,
Голова плывет в седом тумане.	Не сыскать вовек родного дома.
Здесь меня почти ничто не держит,	Все-то здесь знакомое — чужое,
Ну а там почти ничто не манит.	Там же все свое — да незнакомо.

С детства помню, как полынный ветер
По степи катил траву сухую, —
Странную ее судьбу на свете,

Круглую и легкую такую,
Я наверно скоро растолкую...
Ведь недаром что-то помнят дети.

✻ ✻ ✻

Он вспомнил степь,
 горячий лик небес,
Клубки сухой травы, волну печали
И вопль немой:
 «Зачем, зачем я здесь?» —
Все, что судьба дала ему вначале.

«Земля чужая, я ль тебе чужой,
Когда тебе впервые удивился?
Земля родная, я ль тебе родной,
Когда я на чужой земле родился?

О, детства сон и невозвратный след,
Тоска по родине, как кровь, сырая.
Полуседой, на твой пречистый свет
Вернулся я. А вот зачем, не знаю».

В тот миг душа, рыдая, поняла,
Что родина, как миф, недостижима.
Лишь речь родная сына приняла,
Все остальное прокатилось мимо.

* * *

Наши погостики легкие, милые,
Крашены краской какой-то голубенькой,
Крестики там покосились хилые,
Звезды из тоненькой жести нарублены.

Нету почти там гранита тяжелого,
Мрамора ясно-холодного, скользкого,
И на оградках потрескалось олово...
Кустики, яблоньки... столько в них своего.

Наши погостики славные, нищие,
Дождиком вымыты, солнышком крашены,
Там воробьи важно кормятся вишнями,
Стопкой граненной бродяжки уважаены.

Наши погосты, как небо, свободные.
Чисто жилось — так добром поминается...
Значит, такие здесь Богу угодные,
Стало быть, так оно и полагается...

* * *

Я дошел до разгадки земного,
Но к земле ни к одной не привык.
Моя родина — русское слово,
Моя родина — русский язык.

Не размыкать родную кручину,
Только душу свою положить.

Словно Китеж, ты в родину канешь,
Словно песня, ты в небо уйдешь.
Слово русское ты не обманешь,
Бог велит — вместе с ним пропадешь.

Мне судьба даровала чужбину,
Слава Богу и неча тужить.

* * *

Зачем мы родились на свет, —
Нас разве только Бог рассудит, —
В стране, которой больше нет
И никогда уже не будет.

И в этой мировой ночи
Неужто нам еще не ясно,

Что мы последние лучи
Звезды, которая погасла.

Летим все дальше, кто куда,
Другие светят нам светила,
И догорает в нас звезда,
Которая давно остыла.

* * *

Дорога уходит в забытое поле,
Где рожь под луной серебром колосится
И в отсвете этом разлито такое,
Как будто б ничто никогда не случится.

Не здесь ли допрежь, до сознания, до жизни
Ты брел босиком, чуя свежие росы,
И смертной тоскою болел по отчизне,
Сминая травы неприметные слезы...

Уплыли в моря тихоструйные реки,
Ведь велено водам по миру скитаться,
Но с чем ты, казалось, расстался навеки,
С тем больше тебе никогда не расстаться.

Дорога уходит не в поле, а в небо...
Пусть поле себе на земле остается...
И эхо несется над волнами хлеба:
— Душа не прервется! Душа не прервется!

* * *

Вряд ли этой земле я теперь пригожусь...
И ни родина уж не влечет, ни чужбина...
Светлым голосом выси небесная Русь,
Чую, тихо зовет, как заблудшего сына.

Слышу стройный, согласный и пламенный хор,
Неземной чистоты и огранки распевы, —
Это русской души возлетевший собор
Воспевает любовь и печаль Приснодевы.

Высоко-высоко, над созвездьем Креста
Реют песни, как будто лучи золотые.
Лик, не зримый в свету, Иисуса Христа
На просторы нисходит небес и земные.

Кто расслышит во тьме тот немеркнущий глас?
Кто ответит любовью сыновней, дочерней?
Кто дождется из всех неприкаянных нас
Той зари невечерней, зари невечерней?..

История и современность

Валерий ГАНИЧЕВ

«ПУСТЬ ВДОХНОВЛЯЕТ ВАС ОБРАЗ НАШИХ СВЯТЫХ ПРЕДКОВ...»

*К 65-летию
Великой Победы*

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

Во время экскурсии по выставке Павла Дмитриевича Корина, у его потрясающих полотен, которые должны были составить эпическую картину «Русь уходящая», я услышал из уст чернобородого, с горящими, как уголья, глазами экскурсовода то ли легенду, то ли быль о том, как в первый день войны Сталин посетил митрополита Сергия и обратился к нему с вопросом: что будет? Владыка помолчал и сказал: «Наше святое дело правое». Потом была долгая беседа о вере и о несправедных гонениях на церковь. Сталин все выслушал и попрощался. Сергей перекрестил его и сказал: «Путь вдохновляет Вас образ наших святых предков. Пусть осенит Вас святой Александр Невский, который сказал: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет!»

Мне не удалось проверить истинность этого рассказа, но то, что Сталин почувствовал в Церкви, в Православии, основу русского человека, способного остановить фашизм, — это безусловно. Да и прозвучавшие скоро слова, обращенные к «братьям и сестрам», о нашем «правом деле», о «великих предках», которые должны были вдохновить стоящих насмерть русских воинов, — это были абсолютно новые формулы в устах коммунистического руководителя.

Коминтерновцы были поражены, до каких «уступок» патриархальности, старорежимности доходят в Кремле. Тут уж недалеко и до «Русского шовинизма». Правда, потом они на время примолкли, спасти их от газовых камер мог только русский рабочий и крестьянин, советские люди, а их лозунги МОПРа и КИМа уже не вдохновляли, впрочем, как и немецких рабочих.

...22 июня 1941 года — по церковному календарю День Всех Святых, в Земле Российской просиявших. В Елоховском соборе отслужи-

ли Литургию. И вот война. Как только прозвучало выступление Молотова, пришедший с богослужения патриарший местоблюститель митрополит Сергей стал рассылать Послание «Пастырям и пасомым христианской православной церкви». В нем было сказано:

«...Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием, принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет фашистскую вражью силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что молили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой и выходили победителями. Не посрамят же их славного имени и мы, православные, родные им по плоти и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может.

Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатыре Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

...Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больше сея любви ничтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою положит не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой или выгодой ради Родины». Сергей далее говорил, что «негоже пастырям лишь посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией». И уж если найдутся те, кто искусится «лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно ради Иисуса, а не ради хлеба куса, как выразился Дмитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой».

Послание заканчивалось торжественно, высоко, жертвенно:

«Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует победу».

И подпись: Патриарший Местоблюститель Смиренный Сергей, митрополит Московский и Коломенский. Москва, 22 июня 1941 г.

Потрясающий документ. То, о чем сказал Сталин 3 июля, 7 ноября 1941 года, то, о чем сначала робко, а затем более решительно заявляла советская пропаганда, патриарший местоблюститель написал в первые часы войны. Ведь еще не появились ни листовки, ни плакаты, призывающие к борьбе. Боевой агитпроп еще в раздумье смотрел на свои прежние лозунги о классовой солидарности и соединении пролетариев всех стран, а Церковь уже

определила лицо врага, указала на истоки грядущей победы, на перерастание народной войны в священную.

Через три дня, 26 июня, митрополит Сергей в Богоявленском соборе совершает торжественный молебен о победе русского воинства. Один из присутствовавших вспоминал слова митрополита, произнесенные во время молебствия: «Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы. Да послужит и наступающая военная гроза к оздоровлению нашей атмосферы духовной».

Перед лицом национальной опасности Церковь призвала к национальному единению, к борьбе с захватчиками, агрессорами, оккупантами. Во всех православных храмах России всего Советского Союза молились о победе русского народа. И сотни тысяч православных людей дерзали и стояли насмерть, ожидая спасения от Господа. В Петербурге до сих пор показывают два узеньких окошка кельи, где во время ленинградской блокады жил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, будущий Патриарх всея Руси. В осажденном — голодном и холодном — городе в храмах горели свечи, люди молились. Митрополит ежедневно совершал молебны святителю Николаю, обходил с иконой Божьей Матери крестными ходами храмы и молился «о спасении града и храма сего».

Незабываемо яркое слово было сказано митрополитом Ленинградским Алексием на литургии в кафедральном Богоявленском соборе в Москве 10 июля 1941 года. Слово будущего патриарха я бы сегодня поместил в хрестоматии для учеников. Владыка Алексий начал так:

«Патриотизм русского человека ведом всему миру. По особенным свойствам русского народа он носит особый характер самой глубокой, горячей любви к своей родине. Эту любовь можно сравнить только с любовью к матери, с самой нежной заботой о ней. Кажется, ни на одном языке рядом со словом «родина» не поставлено слово «мать», как у нас. Мы говорим не просто родина, но мать-родина, и как много глубокого смысла в этом сочетании двух самых дорогих для человека слов! Русский человек бесконечно привязан к своему отечеству, которое для него дороже всех стран мира». (Нет сомнения, что так называемая «творческая» интеллигенция, позирующая на высоких собраниях, привыкшая громить все русское, и это слово, сказанное перед лицом смерти, перед лицом фашистского агрессора, ныне может причислить к разряду шовинизма и фашизма. — В. Г.)

«Когда Родина в опасности, тогда особенно разгорается в сердце русского человека эта любовь. Он готов отдать все свои силы на защиту ее; он рвется в бой за ее честь, неприкосновенность и целостность и проявляет беззаветную храбрость, полное презрение к смерти. Не только как долг, священный долг, смотрит он на дело ее защиты, но это есть непреодолимое веление сердца, порыв любви, который он не в силах остановить, который он должен до конца исчерпать».

Алексий, может быть, первым дал широкий экскурс в историю: Батый, Мамай, псы-рыцари — и Дмитрий Донской, преподобный Сергей, Александр Невский, сокрушившие врага. Особо отметил Алексий Отечественную войну с Наполеоном. «Промыслом Божиим ему попущено было дойти до самой Москвы, поразить сердце России, как бы для того только, чтобы показать всему миру, на что способен русский человек, когда отечество в опасности и когда для спасения его потребны почти сверхчеловеческие

силы... И поражение гениального полководца явилось началом его полного падения и разрушения его кровавых планов».

*Патриарх Алексий I в Кремле
в гостях у Сталина. Художник А. Смолин*

Алексий продолжил: «И теперь русский народ в беспрецедентном единстве и с исключительным порывом патриотизма борется против сильного врага, мечтающего раздавить весь мир и варварски сметающего на своем пути все то ценное, что создал мир за века прогрессивной работы всего человечества. Борьба эта не только борьба за свою родину, находящуюся в великой опасности, но, можно сказать, за весь

цивилизованный мир, над которым занесен меч разрушения».

Вот как! Иерархи гонимой и притесняемой Православной Церкви видели, что Советская Россия, Советский Союз спасет мир и человеческую цивилизацию, а нынешние «цивилизаторы», стремясь облить грязью Россию, ее прошлое, приравнивают в войне фашистскую Германию и СССР с одной целью: оправдать разрушение и уничтожение великой страны.

Киевский митрополит Николай обращается к верующим со словами обличения самочинной автокефалии, провозглашенной епископом Волынским Поликарпом Сикорским, которого незамедлительно поддержали немецкие оккупанты. (Вот когда еще хотели уничтожить единство верующих людей России и Украины).

По призыву Церкви стали собираться средства в помощь стране и армии на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского. К празднику Красной Армии храмы Москвы выделили 1,5 миллиона рублей на подарки воинам. Троицкая община в Горьком собрала в фонд обороны миллионы рублей и много теплых вещей. Митрополит Сергей написал на этом сообщении: «Браво, Нижний Новгород. Не посрамил мининскую память». Из блокадного Ленинграда через церковь жертвуется 3 миллиона рублей. По всей же стране через церковь поступило 300 миллионов рублей. Любопытно слово, сказанное при передаче танковой колонны частям Красной Армии, и их ответ. Митрополит Николай обратился к красноармейцам так: «Гоните ненавистного врага из нашей Великой Руси. Пусть славное имя Дмитрия Донского ведет вас на битву за священную Русскую землю! Вперед, к победе, братья-воины!»

Через несколько месяцев командование танковой части написало ответ митрополиту: «Выполняя Ваш наказ, рядовые, сержанты и офицеры нашей части на врученных Вами танках, полные любви к своей матери-родине, к своему народу, к вождю и отцу народов великому Сталину, успешно громят заклятого врага, изгоняя его из нашей земли. На этих грозных боевых машинах танкисты прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев на первом Белорусском фронте и продолжают преследовать врага, освобождая от фашистской нечисти родную землю...»

Священнослужителей в те годы можно было увидеть на подготовке рубежей обороны. При храмах создавались санитарные пункты и убежища для престарелых и для бесприютных детей. Многие священники помогали партизанам, несли слово правды верующим.

В осадные октябрьские дни 1941 года Сергей обращается к московской пастве: «Не первый раз русский народ переживает иноплеменных, не первый раз ему принимать и огненное крещение для спасения родной земли!» Силен враг, но и «Велик Бог земли русской» — так воскликнул Мамай на Куликовом поле, разгромленный русским воинством. Господь даст, придется повторить этот возглас теперешнему нашему врагу». До Москвы, до Кремля оставалось едва ли полсотни километров, и тот призыв говорил о высоком мужестве и ответственности иерархов церкви, об их исторической прозорливости.

Кстати, отвечая тогда на вопросы иностранных корреспондентов, Сергей сказал: «Коммунистическая партия отрицательно относится к религии, и мы сожалеем об этом». Это было неслыханно — выразить несогласие с позицией и политикой могущественной партии! Это была твердость, убежденность и духовность, с которой стали считаться в Кремле (конечно, не всегда и не на долгий период).

Писатель Владимир Крупин в очерке «Без Бога ни до порога» пишет об этих днях: «Но разве не Господь сохранил среди превращенного в руины Сталинграда единственное здание — церковь Казанской Божией матери с приделом в память преподобного Сергия Радонежского. Также и в Старой Руссе: город в развалинах — храмы стоят. В блокадном Ленинграде устояли все храмы... Старец Троице-Сергиевой Лавры Кирилл, бывший легендарный сержант Павлов, рассказывал нам, как много бойцов в тяжелые минуты приходили к Господу, как многие, особенно в Курской битве, видели над войсками небесное воинство.

А Курская битва на Прохоровском поле была такая, что вода ушла на целый год из колодцев... А в то первое утро после победы местные жители помогали убирать и свозить в братские могилы убитых. Мне рассказывали старухи в Прохоровке, что все наши воины лежали лицом к небу, а все немцы — лицом вниз. Сейчас в Прохоровке возведен храм во имя Первоверховных апостолов Петра и Павла. Именно в день их памяти, двенадцатого июня, была битва. А война закончилась в Пасху сорок пятого на Георгия Победоносца».

Церковь и народ были едины в горе и борьбе в Великой Отечественной войне. Это прекрасно поняли и Сталин и часть его окружения. В 1943 году наконец был снова избран Патриарх Московский и всея Руси, вышел «Журнал Московской Патриархии», было объявлено об открытии духовной семинарии и монастырей... Устанавливались — через Совет по делам Русской Православной Церкви — отношения церкви и государства.

В 1942 году, несмотря на военное положение и комендантский час, в Москве было разрешено празднование Пасхи, на которое в Богоявленский собор стянулись тысячи людей. «Это укрепило доверие людей к военным вождям», — написано в книге тех дней.

...Горячеглазый экскурсовод на выставке Корина закончил свои воспоминания рассказом о том, что 5 марта 1953 года патриарх Алексий молился за упокой души раба Иосифа, и когда его упрекнули, что он молится за тирана, он сказал: «Бог знает все». Экскурсовод уверял, что «предание земле Сталина после многолетней демонстрации останков в языческой усыпальнице и есть то первичное прощение и упокоение, о котором молился Патриарх».

Александр КАЗИН

НАША ПОБЕДА И ЕЁ ПРОТИВНИКИ

*К 65-летию
Великой Победы*

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, автор многих статей, книг, посвященных проблемам философии искусства в русской и европейской духовных традициях. Член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Не так давно в одной телепередаче мне пришлось услышать формулу «нация, у которой нет ничего святого, не имеет права на существование». Поначалу этот афоризм показался блестящим, но чем дольше я его обдумывал, тем меньше он мне нравился. В конце концов, я пришел к выводу, что с этой мыслью следует обращаться очень осторожно. Кто и по каким признакам будет судить народные святыни: сама нация в целом, ее «лучшие люди», успех этой нации в том или ином деле (в истории), наконец, другие нации? Однако, «лучшие люди» могут ошибаться, а другие нации, скорее всего, будут заведомо пристрастны. Мудрость (и земной успех) мира сего есть безумие перед Богом. В конечном счете, высшим оценщиком истории того или иного народа (как, разумеется, и отдельного человека) является сам Господь, и оценка эта будет произнесена в конце времен.

ЦЕЛЯТ В КОММУНИЗМ, А БЬЮТ В РОССИЮ

Нынешняя ситуация вокруг России весьма напоминает такой пристрастный суд. Решительно расставшись с прежней идеологией и растеряв союзников, Россия сама накликала на себя подобных судей. И внутри и снаружи ей, что называется, не дают успокоиться. Особенно отличаются в этом наши «бывшие братья» из ближнего зарубежья («новая Европа»), а внутри страны — доморощенные критики собственного Отечества. То ли приход нового Президента их вдохновил, то ли ряд круглых дат (70-летие договора Молотова-Риббентропа и нача-

ла Второй мировой войны) их стимулировал, но они дружно навалились как на традиционные для них темы, так и на относительно новые, во всяком случае в массовом радио- и телеэфире. Россия — «тысячелетняя раба», цари-крепостники, революция как бунт некультурной черни, и особенно сталинизм — вот хорошо объезженные коньки наших свободолюбивых умников. Теперь к ним прибавилась тематическая разработка Второй мировой войны — разумеется, в плане принижения русско-советской Победы, фактического оправдания предателей, служивших в СС, и даже уравнивания гитлеровской Германии и Советского Союза в качестве тоталитарных виновников планетарной бойни...

ФАШИЗМ И КОММУНИЗМ

В июле 2009 года Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию «Воссоединение Европы», в которой фактически уравнивала фашистскую Германию и советскую Россию в качестве зачинщиков Второй мировой войны. На российском радио и телевидении ту же идею развивает, например, историк Н. Сванидзе при активной поддержке эротического писателя В. Ерофеева. Этим господам вроде бы невдомек, что если бы не советско-германский договор о ненападении 1939 года, отодвинувший границу СССР на Запад, немцы уже через несколько недель наступления взяли бы Ленинград, и тогда исход всей Второй мировой войны мог быть совершенно другим. Не так давно вышла в свет книга священника (! — А. К.) Георгия Митрофанова, в которой едва ли не главным героем Великой Отечественной войны провозглашается предатель Власов, а воины, победившие оккультный Третий Рейх и спасшие Россию (и всех русофобов заодно) ценой собственной жизни, оказываются «носителями лжи». «Наше общество — пишет о. Георгий — состоит из людей, в подавляющем своем большинстве живших во лжи, служивших злу и сейчас упорно делающих вид, что вся их жизнь проходила в служении правде. Они «служили России» — называлась ли она Советским Союзом, называется ли она Российской Федерацией, — а на самом деле эти люди, не способные вот так честно и последовательно, как генерал Власов и его сподвижники, перечеркнуть свою прошлую неправую жизнь, служили не России и служат не России, а служат только себе». В качестве венца своих обвинений г. Митрофанов даже изобретает страшный, на мой взгляд, неологизм «победобесие» — это о всенародном празднике 9 Мая! Чем такой взгляд отличается от героизации бывших эсэсовцев в Прибалтике и на Украине? Еще более удивительно, что подобные мысли высказывает священнослужитель санкт-петербургской епархии! Иной несведущий в церковных делах человек (в том числе и патриотически настроенный) и впрямь может принять личную точку зрения г. Митрофанова за позицию Русской Православной церкви по этому вопросу. Дескать, они «за Власова...»

Еще один пример недавнего злобоизлияния, которое даже неудобно цитировать — статья заслуженного либерал-диссидента А. Подрабинека, помещенная 21.9.2009 в сетевом «Ежедневном журнале» и переполненная ненавистью к воинам России-СССР. «Санкт-Петербургские ведомости уже писали об этом безобразном послании (1.10.2009). Ветераны Великой Отечественной войны оскорбляются здесь всеми возможными способами, зачисляясь одновременно в жлобы, тюремные вертухаи и палачи на расстрель-

ных полигонах. «Это вы, советские ветераны, защищали советскую власть и потом были обласканы ею, а теперь страшаетесь правды и цепляетесь за свое советское прошлое <...> Это вам только кажется, что отдых ваш заслуженный и почетный. Это вам только кажется, что вы пользуетесь всеобщим уважением. Вам внушили это давно, но ваше время кончилось. Ваша родина — не Россия. Ваша родина — Советский Союз. Вы — советские ветераны, и вашей страны, слава Богу, уже 18 лет как нет».

Вот такие подарки участникам Великой войны к шестидесятилетию Победы! Я бы назвал подобные тексты образцом политического расизма и фактического разжигания социальной розни. Неудивительно, что патриотические молодежные движения объявляют бойкот авторам этих незаурядных посланий.

СЛОВО ПАТРИАРХА

Не надо быть особенно политически дальновзорким, чтобы видеть, что подобная нигилистическая критика нашей Родины не ограничивается прошлым, центральным своим острием направляясь в ее настоящее и будущее. Суть подобных воззрений не изменилась со времен Ф. М. Достоевского, заметившего, что «вся наша либеральная партия прошла мимо дела, не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него; она только отрицала и хихикала». Перечисляя темные пятна отечественной истории, эти господа не могут (или не хотят) понять, что русская история и русский народ (в том числе и в советский период) не сводятся к черноте и крови. Если бы речь шла о делах группы международных заговорщиков во главе с гг. Ульяновым-Лениным и Бронштейном-Троцким, то и разговаривать было бы не о чем. Но дело идет о судьбе России, всего ее многомиллионного народа вплоть до сего дня, и тут нужен Божий суд, который видит вещи в их полноте, и который будет произнесен в конце времен. И праздник Победы — как и горе по невинно убиенным русским новомученикам во главе с Царской семьей — не отнимут у нас ни генерал Власов, ни гг. Митрофанов с Подрабинеком. Как писал блаженной памяти митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн в своей книге «Битва за Россию», «при всей противоречивости народной жизни в ее безмерном разнообразии, она все же насквозь пронизана христианским мировосприятием. Его характернейшие черты — жертвенность, самоотверженность, терпение — позволили нашему народу пережить страшные испытания последних восьми десятилетий, помогают и сейчас нейтрализовать, обезвредить злонамеренные эксперименты над страной. Это неоспоримый факт, очевидная реальность нашего бытия».

Развернутую оценку современным поклонникам Власова дал Патриарх Кирилл в своем недавнем выступлении в Архангельске 24.8.2009. Вот отрывок из него: «Мы называем эпоху, в которой мы живем, эпохой постмодерна — такое вот слово выдумали. И наибольшим достижением этой эпохи считается свобода человека, которая ориентирована на свободный выбор. Человек сам является автономным носителем окончательных решений, что есть добро, а что — зло. Время от времени у нас вспыхивают общественные дебаты по поводу значения Великой Отечественной войны, и некоторые утверждают, что выбор тех людей, которые стали сотрудничать с немцами, которые пошли во власовскую армию, вполне правомерен: «Это был их вы-

бор, они свободны. Человек свободен определять, с кем он. Вот и выбрали эти люди не защиту Родины, а борьбу со своей Родиной вместе с оккупантами». Наивные люди, воспитанные в традиции, говорят: «Да как же так можно! Да постыдитесь вы греха, да ведь они же предатели!» А им отвечают: «А что такое предатели? Это свободный выбор человека. Сегодня у нас разные точки зрения, сегодня у нас плюрализм мнений, и свободный, самодостаточный человек и определяет, что такое добро, а что такое зло <...> Так постепенно размываются границы между добром и злом. А почему это происходит? А потому, что человечество утрачивает понятие греха. Сегодня, отталкиваясь от идеи человеческой свободы и альтернативного поведения, поддержанного современной псевдокультурой, мы укореняемся в сознании того, что любой человеческий выбор правомерен. Понятие нравственности исчезает: я сам себе голова, я сам определяю, что нравственно, а что безнравственно».

Как видим, церковное осмысление этих событий — и вообще русской истории и культуры XX века, включая советский и постсоветский периоды — решительно противостоит попыткам превратить Россию в «черную дыру». В свете ясной позиции Патриарха тем более странно, что руководство Санкт-Петербургских духовных школ после выхода скандальной книги о. Г. Митрофанова значительно повысило его в должности, сделав деканом, со всеми вытекающими отсюда программными и кадровыми изменениями. Каковы будут последствия этих изменений для воспитания будущих священнослужителей РПЦ? Очевидно, нынешние руководители СПбДАиС разделяют взгляды г. Митрофанова, что, по-моему, весьма печально. И конца полемике не предвидится...

Впрочем, это неудивительно. Позиция гг. Митрофанова с Подрабинком — одна из знаковых (и в этом смысле закономерных) сторон либерально-диссидентского сознания, навеки запечатленных тем же Достоевским в образе Ивана Карамазова. Этот литератор и в Бога вроде бы веровал, но только мира его не принимал — а потому общался с чертом. Подобно этому господину, наши либерал-диссиденты также по существу отвергают чуть ли не всю отечественную историю — зато уж идут в этом деле до конца, до оправдания войны на стороне гитлеровского фашизма: «хоть с чертом, но против Совдепии». Как тут не вспомнить роман А. Солженицына «В круге первом», герои которого рассуждают о том, следует ли подвергнуть сталинскую Москву американской ядерной бомбардировке ...

Действительно, может, надо было, если там живут одни «вертуханы», «стукачи» и «совки»?

ИСТОРИЯ РАССУДИЛА ИНАЧЕ

Следует оговориться, что здесь нас занимает не столько политика гг. Митрофанова и Подрабинка — с ней все ясно — сколько способ мышления людей, полагающих себя интеллектуалами, однако неспособных за пеленой собственных отрицательных эмоций разглядеть непреложную реальность факта: Советский Союз не исчерпывался ГУЛАГом и «вертухаями», а все свои семьдесят лет существовал как определенная (превращенная) социокультурная форма исторической России, со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. И правы те аналитики, которые подчеркива-

ют, что при всей чудовищности обоих режимов — фашистского (гитлеризм) и советского (ленинизм-сталинизм — «оба хуже») существовала объективная разница между ними: первый ориентировался на мистико-биологическое господство сверхчеловеческого вида «белокурая бестия», находя для этого поддержку в гностическом оккультизме и приговаривая остальных «недочеловеков» к смерти, тогда как второй стремился в идеале к всеобщей справедливости и солидарности людей труда. И Рузвельт с Черчиллем и Де Голлем очень хорошо отличали имперский проект Сталина от нордического мифа Гитлера, однозначно предпочитая советскую Россию и образовав с ней вместе Организацию Объединенных Наций. И столицы Европы весной 1945 года встречали наши танки цветами.

Противопоставлять Россию СССР — почти то же самое, что противопоставлять петербургскую «раболадельческую» империю соборному царству московской Руси. После цивилизационной революции Петра Великого население России уменьшилось примерно на четверть — однако кто возьмет на себя смелость вычеркнуть Россию XVIII–XIX столетий из наших летописей? Впрочем, находятся и такие. В XX веке под руководством Иосифа Сталина за три пятилетки фактически была построена новая страна, взявшая в 1945 году Берлин, овладевшая ядерным оружием и первой вышедшая в космос. Это, как говорится, медицинский факт, в таких делах вопреки главнокомандующему не побеждают. Да, все это было достигнуто ценой большой крови. «Лучше было всего этого не делать?» — это мы слышали от русофобов прошлого века. «Надо было действовать иначе, другими методами?» — да, конечно, но история сослагательного наклонения не имеет. Нравится нам это или нет, в России не нашлось других исторических (и метаисторических) сил, которые осуществили бы воссоздание страны после февральско-октябрьского либерально-революционного погрома другими, более гуманными — я уже не говорю, христианскими — средствами. Разумеется, на этом основании можно вообще вычеркнуть Россию с карты мира, что и пытаются сегодня сделать с помощью мощных пиар-компаний ее наиболее «продвинутые» недоброжелатели. Повторяю, дело не в оправдании жестокости, а в ясном понимании того, что своим сегодняшним существованием мы, живущие в XXI веке, обязаны тем самым «советским людям», которые в 1936 году голосовали за социалистическую конституцию, а в 1945 ценой своей жизни спасали буржуазную Европу от «окончательного решения» еврейского, польского, цыганского и других расовых вопросов. Это были одни и те же люди, один и тот же народ. Это им поставлен памятник в Трептов-парке, за которым бережно ухаживают немцы — потомки их бывших врагов. Точно так же при обсуждении личной роли Сталина в российской истории необходимо решительно отвергнуть как тупой сталинизм в стиле «культ личности», так и патологический антисталинизм в кругозоре кухонного диссидентства. Сталин не был убийцей русского народа, как не был и его спасителем, но он приложил свою тяжелую восточную руку и к тому и к другому. Об этом не удастся судить по формальному принципу «или — или». «По плодам их узнаете их» — сказано в Писании. Начавшись как террористическая ленинско-троцкистская «Совдепия», Советский Союз (к ярости и изумлению самого Троцкого и возглавляемого им «четвертого интернационала»), унаследовав народную

энергетику тысячелетней православной традиции, принес к середине XX века году плод победы над самой страшной антинациональной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь в истории

Да, русская действительность прошлого столетия — это трагическая действительность. Наш народ не принял бы коммунизма, не искусился бы им, если бы в нем не было некоей притягательной силы, о которой даже не ведали теории и практики «исторического материализма». «Живи не так, как хочется, а так, как Бог велит» — такова краткая формула русской идеи, тайно направлявшей (и направляющей) нашу историю не только при «господах», но и при «товарищах». Красная звезда и флаг с серпом и молотом (сплошь оккультные знаки) обращались в душе России в христианский символ — вот где подлинное чудо русской истории. Ленин, Троцкий, Сталин, Дзержинский, Луначарский и Ярославский вместе со всем их чрезвычайным аппаратом ничего не могли с этим поделать: в руку России вкладывали коммунистический меч, а она его — как и другие иноземные дары — переделывала в православный Крест. Так вопреки козням врагов воссоединялись на Руси концы и начала, так наша духовная история делала еще один поворот на своем таинственном пути.

И последнее замечание. Если задаться известным вопросом — кому это выгодно? — то придется признать, что вышеописанные акции по разоблачению «русских мифов» работают прежде всего на те закулисные силы, которые стремятся пересмотреть итоги Второй мировой войны, обесценить соглашения, достигнутые державами-победительницами в Тегеране и Ялте, и тем самым лишить Россию идейной легитимации в современном мире, со всеми вытекающими отсюда политическими, финансовыми и территориальными последствиями. Некоторые из деятелей отечественного либерализма открыто призывают Россию отказаться от правопреемства по отношению к Советскому Союзу, то есть фактически зачеркнуть не только 70 лет XX века, но всю отечественную историю. Их стараниями мы уже оказались почти в границах XVII столетия. Что еще надо сделать, чтобы окончательно вытеснить эту «неправильную» страну из международного культурного и правового пространства, превратив ее в вечного изгоя? Давайте начистоту, господа. Либо вы отказываетесь от советского периода отечественной истории как исчадия ада, и тогда вам надо выкинуть из семейных сундуков дедовские и отцовские военные ордена, перестать праздновать вместе с народом День Победы 9 мая, и начать отмечать (вместе с недобитыми эстонскими и латышскими эсэсовцами) дату образования власовской армии, радуя тем самым бесконечную гражданскую войну — либо вместе с единой Православной Церковью и подавляющим большинством народа благодарить в этот день Бога за то, что он даровал миру в 1945 году русско-советскую победу над оккультной чумой. В последнем случае вы останетесь с народом и с Церковью, а в первом — отпадете от них. И тогда станет еще яснее, что у русских святого.

Точка ЗРЕНИЯ

Борис ПОДОПРИГОРА ПРАВДА КАК МАТЬ: ОНА — ОДНА

Борис Александрович Подопригора — родился в 1955 году в Ленинграде. Закончил Военный институт иностранных языков (китаист и специалист по Афганистану), а также факультет психологии СПбГУ. Заслуженный военный специалист России. Награжден 2 орденами и 20 медалями. Занимал должность заместителя командующего федеральными силами на Северном Кавказе. В настоящее время — преподаватель СПбГУ — специалист по международным конфликтам. Постоянный автор периодических изданий и художественных альманахов. Лауреат журналистского конкурса «Золотое перо-2006» в номинации «Личность в журналистике». Живет в Санкт-Петербурге.

История перестает быть гуманитарной дисциплиной, утверждающей незыблемость общечеловеческих представлений о добре и зле. В абсолют возводится оруэлловский парадокс: «тот, кто явно различает черное и белое, страдает дефектом зрения». История превращается в арену политиканства и игры амбиций. Победный для нас итог Второй мировой войны подвергается обстрелу ее же фрагментами, заточенными по современным информационным технологиям: «В 45-м одержана Победа, но не закончена война». Пророчество современника Победы русского патриота из Лихтенштейна Эдуарда Фальц-Фейна напомнило о себе накануне 65-й весны после взятия рейхстага. Последних здравствующих солдат Великой Отечественной как будто приглашают в свидетели новых исторических веяний прежде, чем поблагодарить их за земной путь.

КАЯТЬСЯ, ЧТО ПОБЕДИЛИ?

Историческими спецэффектами расцвечиваются стены политологических аудиторий и «буквоедов», редакций и студий. От мониторов и микрофонов отслаиваются три переходящих из одного в другой пласта лжи, оправдываемой уточнением истории. Пласт первый — «примирительный». Это когда победителей и побежденных «политкорректно» обезличивают как жертв тоталитарных режимов: так что «пожмем друг другу руки, и в дальний путь на долгие года», ибо «кто старое помянет...» — ну, и так далее. Но, протягивая руку, у нас называют не только имя, но и фамилию деда-прадеда. У них все реже спросишь, что по поводу тоталитаризма они дума-

ли в первый час послевоенной тишины. Не мы стояли у истоков памяти о войне. Стоит ли постфактум «братать» тех, кто при жизни этого не делал? Да и не все потомки солдат Победы одинаково чтят имена упокоенных под немецкими крестами и советскими звездами — французский памятник на Бородинском поле поставили лишь к 100-летию битвы. Не довериться ли нам чутью внуков?

Пласт второй — «правдоизбирательный». Это когда события 65–70-летней давности разносятся по «частным квартирам». По принципу: каждый оценивает историю, исходя из собственных представлений о справедливости, и все правды равны и подсудны. Вариации этой правды смещены на обывательский уровень. «Личная правда» очевидца «замещает» правду всеобщую: «Кто вас освободил из концлагеря? — Формально — русские. Но теплым супом нас накормили американцы... Они собрали адреса наших близких и вообще...». За этим «вообще» уже частностью кажется, кто и какой ценой спас обреченных на смерть.

А вот сюжет с «духовно-объединительной» подкладкой: «как бы то ни было, но, ведь, при немцах восстановлен Успенский собор в Смоленске... А то, что более 600 православных церквей на оккупированной территории сожжены вместе с прихожанами — так то — война, будь она неладна!» Или, например, «святочный» рассказ о том, как русского подростка «усыновил» немецкий полк. Ну и что, что к 45-му году страна осталась с 5 миллионами только сирот-беспризорников? К этому подступает и правда эпизода в виде протокола лета 45-го: «ефрейтор Красной Армии Пупкин приставал к фройлейн Гретхен». То, как этот «святой и грешный» красноармеец попал в Германию, как до этого вели себя соотечественники фройлейн на родине ефрейтора, например, в Хатыни, выглядит чем-то сродни коммунистической пропаганде. Отсюда рукой подать до равной ответственности Германии и СССР за главную трагедию XX века. Но с документом не поспоришь.

На нем, кстати, основывается и третий пласт — «правовой». Его суть предстает в манипулятивном подборе исторических свидетельств и сегодняшних правовых норм. В сумме они нацелены на привлечение нынешней Москвы к той же ответственности, которую понесла нацистская Германия. Опять же притягивается «частно-национальная» логика: «да, Германия проиграла войну, поэтому до сих пор возмещает ущерб от нее пострадавшим. Но между Нарвой и Вислой не счесть пострадавших и от Советского Союза. Для начала признайте, что это так, а с компенсациями разберемся после». Так преступления нацизма «балансируются» вводом советских войск в Прибалтику, а также в западные районы Украины и Белоруссии в 1939 году. То есть, под 30 миллионов наших соотечественников, павших за освобождение половины Европы, приравниваются к десяткам тысяч сосланных в Сибирь. И никакого лукавства — просто правоведы подтвердили выводы историков.

Начало историко-обвинительному процессу положили мы сами, осудив в 1989 году пакт Молотова-Риббентропа. Это делать было решительно нельзя, памятуя о крючкотворских повадках наших еврососедей. Не дальновиднее ли было осудить сталинизм как внутриполитическую практику? Поступить так, как китайцы с не менее остро воспринимаемой фигурой Мао Цзэдуна — столько-то процентов он сделал полезного для страны, столько-то вредного. Без какого-либо международного флера. Увы, теперь нашей

дипломатии предстоит всякий раз разводить моральную оценку пакта и вытекающую из его осуждения материальную ответственность. Еще наивнее ждать, что признание «международных преступлений сталинизма» избавит нас от юридических ультиматумов в у.е. Вывод советской армии из Восточной Европы сопровождали западные заверения на всех уровнях: «что вы, о каком расширении НАТО может идти речь? — Это не требует даже документальных договоренностей...» Ну, и что вышло?

Дело не в объеме и реализуемости претензий к наследнице державы-победительницы. Для нас май 45-го сакрален, как главное событие века, получившее предельно широкую и однозначную международную оценку. На таких победах строится самосознание народа, его вера в будущее. Уважая вклад союзников, все же признаем, что именно Москва задала послевоенному миру новую повестку дня. Лишить нас гордости за Победу, обречь на покаяние — значит, посягнуть на смысл существования страны. Заметьте, более удаленная победа антанты в первой мировой праздновалась в 2008 году как триумф мировых демократий безо всяких исторических «но».

ИСТОРИЧЕСКИЕ СПЕКУЛЯЦИИ

Из той же «историко-правовой» мути всплыл труп разжалованного генерала Власова: кто он — гитлеровский приспешник или борец со сталинизмом, принявший сторону нацистов для утверждения «демократии» в России? Впрочем, по порядку. В 2007 году состоялось каноническое объединение двух православных церквей — РПЦ и зарубежной — РПЦЗ. Это безусловно позитивное событие изначально несло в себе некоторые политические риски. Ибо русские (около 3 миллионов — 1 проц. населения) являются в США едва ли не единственной диаспорой, вообще не имеющей лоббистских выходов на власть. Ее-то и насторожила перспектива создания этого лобби через представительство интересов России в РПЦЗ. В этом, собственно, и все дело. Но прямо давить на РПЦЗ — не в традициях тамошней демократии. Дальнейшие события несут в себе признаки информационно-политической операции. Очевиден выбор времени ее проведения — канун 65-летия Победы, когда общественное внимание заострено на темах военной истории. Принято во внимание и затруднительное положение московского клира — недавнее объединение с зарубежными единоверцами проверяется первыми трудностями. Учтено и внутрироссийское недовольство последствиями мирового кризиса. Оно распространяется и на нынешнюю власть, унаследованную от коммунистической.

Так или иначе, 22 июня 2009 года церковный историк из петербургской Духовной академии протоиерей Георгий Митрофанов провел презентацию своей книги. Ее идейная суть — Власов достоин реабилитации. То, что книга представлена в День памяти и скорби, что само по себе является провокацией, автору никто не подсказал. Не самая острая первичная полемика вокруг книги, тем не менее, вызвала беспрецедентную реакцию РПЦЗ. 8 сентября 2009 года ее Синод в лице трех иерархов западного православия — Иллариона Нью-Йорского, Гавриила Монреальского и Марка Берлинского, выступил с отзывом на книгу. Дата направления отзыва выбрана не случайно — тоже 8 сентября только 1943 года РПЦ отлучила от Церкви изменников, поступивших на службу гитлеровцам.

Историческое правдоискательство здесь маскирует политическую целесообразность: из прошлого извлечен персонаж, предсказуемо раскалывающий зарубежных (прежде всего, американских) и российских православных. Нам предложено «облегчить душу» признанием антикоммунистической (читай, демократической) роли нарицательного предателя Великой Отечественной и по существу предъявлен ультиматум: хотите продолжения интеграции — подтвердите ее поручением символов вашей правды. Решение РПЦЗ в пользу реабилитации Власова вызвало напряженность не только в диалоге с Московской Патриархией, но и с частью собственной паствы. Во-первых, потому что у двух епископов РПЦЗ — Михаила Женевского и Агапита Штуттартского — подписать отзыв не поднялась рука. Во-вторых, неоднократно предателем брезгает значительная часть потомков первой волны русской эмиграции, а третья, усвоившая, в том числе, советские оценки второй мировой, его не жалует из-за международной определенности в отношении нацизма. Московская Патриархия отозвалась рядом дипломатично-критических заявлений в духе заголовка над полосой в «Известиях»: «Идея коллаборационизма — угроза России». Этим позиция светской Москвы и РПЦ пока исчерпана, хотя дискуссия разворачивается не шуточная.

В центре дискуссии — спекулятивный посыл: дескать, советских солдат оказалось в немецком плену так много, что их следует считать не предателями, а вооруженной оппозицией сталинскому режиму. Тогда как быть с признанно антифашистскими Францией или Югославией? Там-то процент коллаборационистов был значительно выше! Да и нравственный портрет нашего «героя» воистину уникален: генерал Власов присягал на верность СССР, гитлеровской Германии, а 12 мая 1945 года, не добившись сдачи в плен американцам, заявил о возвращении в Красную Армию.

Что ж до «митрофанушек» — не только от церковной истории, то кто-то из них по житейски озабочен «запасным аэродромом»: не сложится карьера дома — примут в РПЦЗ как жертву интеграционного рвения. Да и поправку очередного «Вэника» будет повод принять. И все же главное в другом: популяризация клятвоотступника, внесение его имени в дискуссионное поле оставляет предательству шанс на оправдание, пусть, и историческое. Тем самым размываются устои государственного служения, и без того не богатого свежими примерами дерзновенности.

Есть, что сказать и руководству РПЦ. Во-первых, неужели у нее нет других забот, кроме исторических? И культурное одичание современников-соотечественников — это забота «отделенных» от церкви? Еще печальнее, если она обзаведется собственной «Валерией Ильиничной». Во-вторых, и поэтому, при любом отношении к присталинскому прошлому самой Церкви, ее духовно-консолидирующая роль в современной России не может приноситься в жертву политике — среди священнослужителей моральных авторитетов должно быть все же больше, чем дипломатов. Тем более что правда и праведность — понятия однокоренные. История же, как гуманитарная дисциплина — это не авторский набор историй из прошлого. Поэтому имя изменника должно исторически ассоциироваться с виселицей, которая ждет посягнувшего на достоинство своего народа. А не — с возлелуемым подбострастием к светским и историческим спекулянтам.

История и современность

**Наталья
НАРОЧНИЦКАЯ**

«КОНЦЕРТ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ» НАКАНУНЕ РЕШАЮЩИХ СОБЫТИЙ

*К 65-летию
Великой Победы*

Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, окончила с отличием МГИМО, специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений. В 1982–1989 гг. работала в Секретариате ООН. Автор фундаментального труда «Россия и русские в мировой истории», опубликовала более 40 научных трудов. Одна из инициаторов и сопредседателей форумов и объединений русской общественности. Президент «Фонда исторической перспективы». Живет в Москве.

Вторая мировая война стала поворотным пунктом в истории XX века, поэтому столько копий сломано историками и политологами по поводу этих событий. В последние годы полемика вышла далеко за пределы научных дискуссий, и теперь приходится полемизировать не только приводя новые красноречивые факты и документы, но и развенчивая саму парадигму, т.е. мировоззренческую раму, логику, в которой западные специалисты исследуют события и свидетельства 1930–1940-х гг.

Теперь в Европе, чью «вольность, честь и мир» во Второй мировой войне вновь искупила наша русская кровь и наша советская армия, которую встречали в европейских столицах с восторгом, открыто называют Советский Союз еще худшим тоталитарным монстром, чем нацистский рейх. Европейский парламент, попирая международное право и Устав ООН, называет Курильские острова территорией «под российской оккупацией». Парламентская ассамблея Совета Европы принимает резолюцию об осуждении преступлений «коммунистических тоталитарных режимов». Вслед за ней и Парламентская ассамблея ОБСЕ в июне 2009 г. принимает резолюцию, уравнивающую «сталинский тоталитаризм» и гитлеровский расистский режим. СМИ и вовсе, попирая всякий научный подход, тиражируют тезис о тождестве нацизма и коммунизма, чему изумились бы не только западные политологи, но и западные политики времен холодной войны, справедливо полагавшие эти идеи антиподами.

Вопреки принципу историзма чуть ли не главной причиной войны с недавних пор стали объявлять советско-германский договор от 23 августа 1939 г., чего, заметим, никогда не делали даже в годы холодной

войны. Фальсификация истории — замалчивание и извращение важнейших фактов и документов, ключевых событий происходит у нас на глазах. Вполне можно предположить, что в западных учебниках через пару десятилетий напишут, что на одной стороне воевали демократические США и Британия, а на другой — два тоталитарных монстра. Уже сейчас очевидно последовательное внедрение в информационное поле и в парламентские круги суждения о том, что наше государство было преступным и подлежащим запоздалому суду. В то же время 70-летняя годовщина так называемого Мюнхенского сговора осенью 2008 г. намеренно и полностью замалчивается всеми западными масс-медиа!

Именно с Мюнхенского договора начался передел европейских границ. Пора именно этот момент считать началом гитлеровских завоеваний и поставить вопрос перед историческим сообществом, почему не считается Второй мировой войной ни оккупация Италией Албании, ни война в Северной Африке, ни масштабная война Японии против Китая, который потерял к моменту нападения Гитлера на Польшу уже много миллионов человек, которые вообще не учитываются в общем количестве потерь Второй мировой войны.

В результате Мюнхенского соглашения западных демократий с нацистской Германией Гитлер объявил ультиматум суверенному государству, ввел свои войска и отторг сначала часть этого государства, затем полностью его расчленил, насильственными действиями «приняв чешский народ под защиту германской империи». Однако захват и раздел Чехословакии намеренно не трактуется в западной историографии и историческом сознании как начало европейской войны, ибо, признав это, пришлось бы признать ответственность тех держав, что санкционировали передел границ. Поэтому и Чехословакия, захваченная и расчлененная гитлеровской Германией на глазах у всего мира, не считается жертвой гитлеровской агрессии в той мере, в каковой считается Польша.

Но пора дать должную оценку и роли Польши в Мюнхене, потому что она себя сейчас выставляет невинной жертвой раздела между двумя хищниками — Гитлером и Сталиным. При этом все умалчивают о том, что за год до этого, в Мюнхенском процессе, Польша сама сыграла роль мелкого хищника. Варшава на деле, что подтверждают документы, была весьма раздосадована тем, что ее не пригласили в качестве пятого участника Мюнхенского соглашения. Поляки немедленно предъявили претензии на Тешинскую Силезию, и Варшава стала соучастником Гитлера в растерзании Чехословакии — первой жертвы гитлеровских захватов. Амбиции и роль Польши не были, ни тогда, ни сегодня, ни осуждены, ни отвергнуты теми же западными державами.

Все материалы убедительно свидетельствуют, что нападение Гитлера на Польшу, определенное в планах берлинского командования еще в марте 1939 г., когда СССР вел интенсивные переговоры с Лондоном и Парижем, а вовсе не с Берлином, было следствием именно Мюнхенского соглашения, запрограммировавшего ход европейских событий, дальнейшие шаги Гитлера на восток, изоляцию Советского Союза. Именно это соглашение не просто разрушило всю послеверсальскую систему международных отношений, но и стало началом захватов и полного передела Европы, которое неизбежно втянуло в кровавую стадию почти всех. Задолго до пакта Молотова — Риб-

бентропа западные страны в Мюнхене перечеркнули систему французских союзов в Восточной Европе, советско-французско-чехословацкие договоры и франко-польский союз, положили конец Малой Антанте. Лига Наций фактически перестала существовать, но главным итогом стало то, что СССР был почти загнан в геополитический мешок, лишенный инициативы. Очевидно, что именно это и было главной целью Британии.

Если провести краткий суммарный анализ того, что уже произошло в мире в 1930-е гг., до 1939 г., то станет понятно, что к этому времени уже шла мировая война — самая масштабная и по жертвам, и по амбициям, и по охвату стратегических регионов. Какова же была позиция великих «демократий»? Ведь война и новый невиданный передел мира начались до пакта Молотова — Риббентропа. Отметим вехи этого кровопролитного передела, который почему-то не побудил западные демократии вмешаться, подвергнуть агрессоров осуждению, бойкоту и изоляции.

Передел мира на Дальнем Востоке унес жизни более 35 млн человек — прежде всего китайцев, которые сражались с японской Квантунской армией уже в 1931 г. Япония тогда захватила территорию, равную площади Франции. При попустительстве мирового сообщества Япония в 1933 г. захватила еще и провинцию Жэхэ, а в 1935 г. вторглась в Чахар и Хэбэй.

В 1935 г. Италия начинает агрессивные действия в Северной Африке и нападает на Абиссинию, применив химическое оружие против беззащитного населения. Санкционированный западными демократиями аншлюс Австрии, раздел и захват Чехословакии прямо вытекали из стратегии «отвлечь от нас (англичан) Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой», как откровенно выразился Ллойд Джордж. «Мы предоставим Японии свободу действий против СССР, — пояснял он. — Пусть она расширит корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири. Мы откроем Германии путь на Восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии»¹.

Япония также вполне осознала, что США, Англия и Франция не будут вмешиваться. Заручившись обещаниями Германии и Италии «оказать поддержку, если СССР окажется союзником Китая», она начала осуществлять «меморандум Танаки», содержание которого было известно советскому руководству уже в 1928 г. В Нанкине японцы убили более 200 тыс. человек — каждого второго жителя, а в целом японская агрессия стоила Китаю 35 млн жизней. При этом мировая война, по мнению Запада, началась лишь с нападением на Польшу и вступлением в войну Великобритании!

А какие цели были у Соединенных Штатов, которых представляют сейчас не только как главного спасителя Европы, но как борца исключительно за торжество универсальных принципов свободы и демократии, а вовсе не за собственные интересы?

США полностью повторяли свое поведение 1914–1917 гг. и вообще собирались выждать в надвигавшейся войне между Германией и СССР до их истощения или до того момента, пока не начнутся геополитические изменения уже структурного порядка, которые кардинально изменят соотношение сил. Сообщение советской разведки о такой позиции США сопровождалось

¹ Цит. по: *Фалин В. М.* Второй фронт: Антигитлеровская коалиция. Конфликт интересов. М., 2000. С. 39.

записью полного текста доклада Рузвельта своему кабинету от 29 сентября 1937 г. Доклад же был предварительно обсужден с Рэнсименом — специальным представителем британского кабинета Болдуина. Главным содержанием переговоров был вопрос о нейтралитете США в грядущей войне. Позиция Ф. Рузвельта в итоге была сформулирована так:

«Если произойдет вооруженный конфликт между демократиями и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции, и, по настоянию Рузвельта, Америка сохранит свой нейтралитет. Но если СССР окажется под угрозой германских империалистических, то есть территориальных стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону»². Последний тезис почти полностью повторяет стратегию нейтралитета в Первой мировой войне: вмешаться, когда Евразия окажется под преимущественным контролем одной континентальной силы. Эти тезисы делают ясным, какой неприятностью для США оказался пакт Молотова — Риббентропа, поменявший временно приоритеты Гитлера. Англосаксы явно предпочитали, чтобы Германия и СССР истощили друг друга, и собирались вмешаться лишь в том случае, если бы Германия побеждала и вся Евразия попадала бы под ее полный контроль.

Гитлеровские планы завоевания восточного «жизненного пространства», казалось, полностью ломали англосаксонскую геополитическую доктрину «яруса мелких самостоятельных восточноевропейских государств между немцами и русскими» от Балтики до Черного моря. Однако известно, как Британия и США косвенным образом всемерно подталкивали Гитлера именно на восток. До сих пор тиражируется суждение, что Британия полагала умиротворить Гитлера. Нет! Самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии, которые были приняты «демократическим сообществом».

Во-первых, они уже опозорили себя, принеся чехов в жертву своим интересам.

Во-вторых, состоялось бы соединение немецкого потенциала в одном государстве, а это была бы ревизия Версаля, причем такая, против которой потом трудно было бы возражать — эти территории не были завоеваниями 1914–1918 гг., но входили в Германию и Австро-Венгрию до Первой мировой войны.

Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но соблазнить его продвижением на восток, а не на запад, что отодвигало войну с Англией. И англосаксонский расчет на необузданность амбиций был точным. Агрессия на восток давала повод вмешаться и, при удачном стечении обстоятельств, довершить геополитические проекты не только в отношении стран, подвергшихся агрессии, но всего ареала. Печать и политические круги в Англии открыто обсуждали следующий шаг Гитлера — претензии на Украину.

Мюнхен и позиция «демократических стран» показали бессмысленность для СССР пребывания в фарватере англосаксонской стратегии. Это при-

² Очерки истории Российской внешней разведки: В 6 т. Т. 3: 1933—1944 гг. М., 1997. Прил. С. 468.

знал в своем докладе и сам М. Литвинов, не без оснований считавшийся представителем англосаксонского лобби в СССР. При нем внешняя политика СССР не просто плавно переместилась от рапальской линии в антигерманский лагерь, что было естественно после прихода Гитлера к власти. СССР вступил в Лигу Наций и начал активно демонстрировать надежду на согласие с Западом в поиске коллективной безопасности. Доклад Литвинова был сделан во время Мюнхенского сговора, что было сразу замечено на Западе. «Речь, произнесенная вчера Литвиновым, в основе, мне кажется, признает провал политики коллективной безопасности, которая была в продолжении последних лет основой внешней политики Москвы... Это признание не может не привести к заключению о том, что СССР отклоняет какую бы то ни было ответственность за то, что случится в Европе, и отныне будет руководствоваться исключительно своим собственным интересом и собственными идеалами», — сообщает посол Италии Аугусто в России осенью еще 1938 г. В итоге очень интенсивные и напряженные попытки добиться результата от западноевропейских партнеров ничего не дали, что и привело к заключению пресловутого советско-германского договора 23 августа 1939 г.

После Мюнхена и на Западе осознавали, что для СССР это единственный путь. Постоянно подпитывать в советском руководстве мнимую надежду на возможность соглашения о взаимных коллективных гарантиях — вот очевидная цель стратегии прежде всего Британии, главным инструментом которой была Польша.

Родоначальником искажения смысла Второй мировой войны можно считать германского историка Э. Нольте, взгляды которого в 70-е гг. вызвали бурные протесты всего научного и политического сообщества на Западе. До сих пор из-за своих нелиберальных взглядов он считается неполиткорректным, ибо фактически начал реабилитировать фашистские явления в Европе и косвенно оправдывать гитлеровские завоевания. Тем не менее, именно его концепцию, избавляющую Запад от вины за грех нацизма, сейчас сделали стержнем фальсификации истории.

В своей книге «Европейская гражданская война. 1917–1945» Нольте доводит свою концепцию до апогея, интерпретируя международные отношения в межвоенный период и движение к войне как схватку двух идеологий, представляющих вызов гражданскому миру и обществу, а саму Вторую мировую войну — не как кульминацию стремлений к территориальному господству и к новому переделу постверсальского мира, а как якобы начатую Октябрьской революцией «всеевропейскую гражданскую войну». Нольте предпочитает не интересоваться фактами, а те, что общеизвестны, нанизывает на свою схему. *Однако фактом является то, что решение о дате нападения на Польшу 1 сентября 1939 г. было принято Берлином еще весной 1939 г. и советское руководство было об этом прекрасно осведомлено. Более того, почти сразу после Мюнхена многие на Западе понимали, что СССР оказывается в полной изоляции. Так что тезис о том, что якобы именно пакт Молотова — Риббентропа привел к нападению на Польшу, абсолютно антиисторичен.*

Драматичная судьба Польши на стыке соперничающих геополитических комплексов в момент обострения общей борьбы была предопределена не в последней степени ее извечной неприязнью к России, что подтверждает

ся из опубликованных архивных материалов. «Польша сохраняла отрицательное отношение к многосторонним комбинациям, направленным против Германии»³. После важного франко-английского совещания, состоявшегося 22 марта 1939 г. в Лондоне с участием Боннэ, Чемберлена, Галифакса, произошла утечка информации в прессу о том, что «все проекты противодействия Германии встречают главное затруднение со стороны Польши. Польша боится отказаться от проводившейся до сих пор полковником Бекком политики балансирования между Советским Союзом и Германией. Польша, опасаясь Германии, не решается принять участие в декларации против агрессии»⁴.

Новые архивные материалы не оставляют сомнений в позиции Польши: она не только последовательно и осознанно уклонялась от участия в каком-либо фронте вместе с СССР, но и имела виды на украинские и литовские земли. Именно это толкало ее ревностно убеждать германскую сторону сделать ставку на Польшу, а не на «Великую Украину» — и тогда «Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину»⁵.

Итак, общее течение политики 30-х гг. достаточно очевидно привело к выделению противоположных интересов: западные державы, среди которых инициатива принадлежала Британии, гитлеровская Германия с другими фашистскими режимами и СССР. Британия фактически повторила свою стратегию кануна Первой мировой войны и постаралась направить агрессивный потенциал немцев на Россию. Неизбежность полной перекройки Европы становилась явной, и все страны, прежде всего Восточная Европа, искали свой выход из создавшегося положения, размышляли над возможностью использовать в кризисе соперников и над шансами реализовать неосуществленные ранее исторические планы.

Предложение СССР заключить широкое соглашение, объединяющее и Прибалтийские страны, было западными странами отвергнуто. Сами Прибалтийские государства — полуфашистские, давно отказавшиеся от парламентаризма и котиrowавшиеся в европейском политическом и общественном мнении почти как гитлеровский режим, и вовсе отрицательно к нему отнеслись. В апреле 1939 г. в Германии началась разработка планов военных действий против Польши — операция «Вайс». СССР был об этом прекрасно осведомлен, как и о том, что Гитлер определил крайнюю дату нападения на Польшу 1 сентября.

Руководство СССР, осведомленное о всех закулисных переговорах, постепенно приходит к убеждению, что промедление может сделать процесс движения Германии на восток необратимым и очень быстрым. Приостановить Германию тогда могло только широчайшее и очень сильное по взаимным обязательствам всеобщее международное соглашение с гарантиями странам, окружавшим Германию по всем периметрам ее границ и по стра-

³ Посол Гжибовский — Литвинову // СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Сентябрь 1938 г. — август 1939 г. М., 1971. С. 265.

⁴ Документ из Секретного Бюллетеня ТАСС от 23 марта 1939 г. рассекречен в Архиве внешней разведки РФ.

⁵ *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. М., 1997. С. 39.

тегическим пунктам Европы. В таком соглашении Москве было отказано. Впереди маячила перспектива германского нападения, в ходе которого западные страны наблюдали бы за истреблением России до тех пор, пока «не начались бы изменения структурного порядка». Именно об этом говорилось в упомянутом докладе Ф. Рузвельта своему кабинету о позиции США в возможной войне между Германией и СССР без участия западно-европейских стран. Какие же изменения структурного порядка ожидали СССР в случае, если бы Германия решила сначала напасть на СССР?

В таком гипотетическом случае Германия, быстро истощая силы совершенно не готовой и обескровленной репрессиями советской армии, оттесняла бы СССР за Волгу и Урал, с Кавказа с его нефтью и от Черного моря. Наверное, следуя канонам своей многовековой геополитики, Британия постаралась бы запереть проливы со стороны Средиземного моря, а со стороны Балтики и Северного моря помогла бы Польше. Заманив Гитлера как можно дальше на советскую территорию своим начальным бездействием и не пошевелив пальцем, чтобы помочь русским, пока тех не отодвинут далеко на восток, англосаксы, конечно, не позволили бы Германии стать хозяином Евразии. Но они били бы Гитлера с запада на российской территории, одновременно оттесняя Россию навеки из Восточной Европы, от Балтики и Черного моря. Нешуточный конфликт разгорелся бы и на дальневосточных рубежах, куда ринулась бы Япония. Но этому, уже по канонам американской геополитики, проявившейся в годы Гражданской войны, скорее всего, воспрепятствовали бы США. Они ведь уже однажды высаживались во Владивостоке в 1919 г., чтобы предотвратить выход Японии к Забайкалью. Британия и США воспользовались бы положением России, чтобы навсегда отодвинуть ее от морей в глубь континента. При таком исходе СССР, использованный как главная жертвенная материальная сила, о которую споткнулся бы Гитлер, остался бы в тундре, что означало конец его истории.

Трудно удержаться от замечания, что та же геополитическая стратегия давления на Россию, хотя и в совершенно иных формах, просматривается на рубеже XX и XXI вв. Предпринимается очередная попытка ее оттеснения на северо-восток Евразии, в глубь континента.

Тогда, в 1939 г., в Москве знали и о германских планах агрессии на запад. Интрига состояла в том, на кого сначала пойдет Гитлер. То, что он имел уже готовые и проработанные планы не просто нападения, а завоевания и подчинения и Востока, и Запада, было известно всем.

Варшаве, загнавшей себя в тупик, оставалось либо вообще ничего не предпринимать, либо попытаться что-то получить до того и смягчить свою участь лояльностью к одному из противников. Но главные польские устремления были направлены, как и многие века назад, к Литве и Украине, что открывало поле для торгового только с Германией. Это и предопределило ее судьбу в тот момент.

Как оценить готовность Сталина за отсрочку в войне против собственной страны закрыть глаза на устремления Гитлера в отношении Польши, которая к тому же накануне предлагала Гитлеру свои услуги для завоевания Украины? Или намерение воспользоваться случаем для восстановления территории Российской империи, утраченной из-за революции? По прагматизму или, если угодно, цинизму его поведение ничем не отличалось от позиции лорда Саймона, открывшего Гитлеру, что

Британия не может беспокоиться об Австрии, как о Бельгии. Как должна была реагировать Москва на нежелание западных стран гарантировать в пакте коллективной безопасности не только границы Польши, но и Прибалтийских стран, что открывало Гитлеру путь на СССР?

Советско-германский договор 1939 г. действительно изменил очередность и «расписание» планируемых Гитлером нападений на менее приемлемое для Запада. Но главное — договор 1939 г., поменяв «всего лишь» «расписание» войны, поменял и послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу ни в начале войны, ни после победы. А следовательно, потерпели крах надежды изъять Восточную Европу из орбиты СССР.

Именно поэтому пакт Молотова — Риббентропа 1939 г. — это крупнейший провал английской стратегии за весь XX в., и именно поэтому его всегда будут демонизировать.

Для Британии наименьшие издержки сулило вступление в войну после того, как Гитлер пошел бы на СССР, на Украину через Прибалтику, которая имела в их глазах меньшую ценность по сравнению с «антисоветской» Польшей, на которую с Версаля делала ставку Антанта. Британия предполагала выступить в защиту Польши, что и сделала в 1939 г. Но Лондон рассчитывал, что Германия нападет на нее в едином походе на восток, ввязавшись в безнадежную войну с СССР, что обещало сохранение Западной Европы малой кровью, а также сулило шанс войти в Восточную Европу с запада «для ее защиты».

Сами британские политики полагали действия Сталина естественно вытекающими как из исторических прав, так из обстоятельств. «Меньше всего я хотел бы защищать действия советского правительства в тот самый момент, когда оно их предпринимает, — комментировал события осени 1939 г. и занятие Красной армией Западной Белоруссии лорд Галифакс в палате лордов 4 октября 1939 г., — но будет справедливым напомнить две вещи: во-первых, советское правительство никогда не предприняло бы такие действия, если бы германское правительство не начало и не показало пример, вторгнувшись в Польшу без объявления войны; во-вторых, следует напомнить, что действия советского правительства заключались в перенесении границы по существу до той линии, которая была рекомендована во время Версальской конференции лордом Керзоном. Я не собираюсь защищать действия советского правительства или другого какого-либо правительства, кроме своего собственного. Я только привожу исторические факты и полагаю, что они неоспоримы»⁶. 10 октября такую же оценку дал У. Черчилль.

Главной предпосылкой извращенных завоевательных амбиций, оправдываемых полужыгическим нацизмом, явилось версальское унижение и расчленение Германии англосаксами, в котором СССР не принимал никакого участия. Что касается феномена экономического подъема гитлеровской Германии, то сетующие на это англичане должны были бы обратиться к собственной роли в полном освобождении Германии от экономических условий Версаля и от репараций, что было в полном смысле слова продук-

⁶ The Charge in Lithuania (Guffler) — to the Secretary of State // Foreign Relations of the United States: The Soviet Union, 1933—1939. Wash., D.C.: The GPO, 1952. P. 936.

том англосаксонской стратегии. За это в течение межвоенного времени ее и бичевал У. Черчилль. Серьезные ученые и на Западе присоединяются к возражениям против совершенно антинаучной трактовки тождества нацизма и коммунизма⁷.

В грозовой и стремительно меняющейся обстановке лета 1939 г., в условиях, когда пожар войны уже полыхал на трех континентах, СССР, как любая самодостаточная держава, проводил многовекторную внешнюю политику в поисках оптимального решения обеспечения своей безопасности. Советское руководство и советская дипломатия обеспечили дополнительные два года для подготовки страны к войне. Более того, Москва рассчитывала, что резко активизировавшиеся в августе 1939 г. контакты с Германией, послужат толчком к усилению эффективности переговоров с демократическими государствами. Как ни парадоксально это может звучать, но именно договоренности между Москвой и Берлином в августе 1939 г. заставили Англию, Францию и США принимать во внимание Советское государство при решении международных вопросов, что увенчалось после вступления СССР в войну формированием антигитлеровской коалиции.

⁷ Coquin F-X. «Europe». Jan-Fev. 2006; Narotchnitskaia N. Que reste-t-il de notre victoire? Russie-Occident: le malentendu. P.: Editions des Syrtes, 2008.

СВЯТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Сочельник на Сенной площади

История и современность

Валентин Фалин

МИСТЕРИИ ВТОРОГО ФРОНТА

*К 65-летию
Великой Победы*

Валентин Михайлович Фалин. Дипломат, политический и общественный деятель, писатель; родился в 1926 г. в Ленинграде; в 1950 г. окончил МГИМО, доктор исторических наук. С 1950 г. — сотрудник Советской Контрольной Комиссии в Германии; 1952—1958 — работал в Комитете информации при МИД СССР; 1971—1978 — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ; 1983—1986 — обозреватель газеты «Известия»; с 1986 г. — председатель правления АПН. Был избран секретарем ЦК, одновременно с 1991 г. был председателем комиссии ЦК КПСС по проблемам международной политики; избирался народным депутатом СССР (1989—1991); лауреат Гос. премии СССР. **Живет в Москве.**

Шестого июня 1944 г. свершилось историческое событие — передовые части американцев, англичан и канадцев вступили на землю Нормандии. Одновременно с выходом в море с баз в Великобритании армады боевых кораблей и «плавсредств» авиация союзников обрушила тысячи тонн бомб на позиции артиллерийских батарей, аэродромы, штабы, транспортные узлы противника, очертив район десантирования. Двумя часами ранее 2395 самолетов и 847 планеров забросили в немецкий тыл тысячи парашютистов. Французские силы сопротивления, координируя свои действия со штабом Эйзенхауэра, перерезали немцам проводную связь, расстроили энергоснабжение, прервали движение по железным и шоссейным дорогам.

Немцы ожидали вторжения со дня на день. Но должных мер предосторожности командование не предпринимало. Фельдмаршал Рундштедт раньше других узнал о воздушных десантах союзников в ночь с 5 на 6 июня и тотчас приказал двум танковым дивизиям резерва двинуться из района западнее Парижа к устью Сены. В шестом часу утра ставка верховного главнокомандования распорядилась остановить маневр, ибо, как говорилось в телеграмме, «пока трудно с уверенностью установить, где высадутся главные силы, и, кроме того, Гитлер еще не принял никакого решения». В 14.20. того же дня последовало разрешение возобновить задуманную Рундштедтом переброску войск, но время для контрудара в момент наибольшей уязвимости десанта союзников было упущено. Американо-английская авиация безраздельно господствовала в воздухе, что крайне осложняло передислокацию днем крупных соединений вермахта. 6 июня союзные самолеты совершили 10535 вылетов,

«Люфтваффе» — 319, из них лишь 12 в район десантирования. Немецкие ВМС полностью бездействовали.

К исходу первого дня операции на французский берег было высажено 5 пехотных, 3 авиадесантных и одна бронетанковая дивизия США и Великобритании. Им в районе десантирования противостояли части одной танковой и трех пехотных дивизий немцев неполного состава и посредственной выучки. Районы, куда сбрасывались парашютисты и где садились планеры, были вне контроля немцев. Это позволило отчасти исправить изрядный брак, допущенный при выполнении боезадач. В 101-й авиадесантной дивизии США лишь шестая часть приземлилась вблизи намеченных объектов захвата. Остальные 5400 человек — в 25–35 км поодаль. Примерно та же картина с 6-й британской воздушной дивизией и с планерами.

При всех огрехах, в планировании и переводе планов на местность по количеству задействованных в операции военнослужащих, вооружений, транспортных и технических средств высадка союзников в Нормандии являлась крупнейшей из десантных операций, которые знала история. Лучшее поздно, чем никогда. Военная фаза стратегической операции «Второй фронт», наконец, стартовала и... продолжилась — теперь уже в новом издании — ее долгоиграющая политическая составная.

На нескольких страницах текста немисливо спрессовать сценарии второго фронта, как они во множестве заходов препарировались политиками, военными и даже теоретиками по части стратегии. Одно, пожалуй, едва ли удастся оспорить. По рискованности ставок в ведшейся вокруг второго фронта игре, по, если угодно, коварству умыслов ряда ведущих актеров его, второго фронта, биография может быть отнесена к наиболее драматическим главам второй мировой войны. Сие документировала и высадка в Нормандии. Солдаты, матросы и офицеры шли в бой, не ведая того, что помимо схваток с открытым противником — германским нацизмом, их подрядили на конфронтацию с «потенциальным недругом», пока значившимся союзной державой, — с СССР.

Это — не сгущение красок, не переხлест, не полемика. Это — констатация того непреложного факта, что 6 июня 1944 года пробил час операции с двойным дном. Парадная ипостась звалась «Оверлордом». А параллельно в глубокой тайне от Москвы пестовался план «Рэнкин», призванный увенчать многолетнюю интригу, что плели Черчилль и его единоверцы в администрации Рузвельта. С союзничеством она не имела ровным счетом ничего общего.

Чтобы представить себе серьезность угроз, накликавшихся на мировое сообщество поборниками «высокой демократии», нам придется освежить в памяти некоторые обстоятельства и реалии. Только самые важные и при том сугубо тезисно. Без них было бы трудно понять слова-признание генерала Маршалла из его доклада 1945 г. «Победоносная война в Европе и на Тихом океане». Генерал имел в виду ситуацию 1942 года, когда Германия и Япония, по его оценке, — «оказались настолько близки к завоеванию мирового господства, что мы до сих пор еще по-настоящему не осознали, сколь тонкой была нить, на которой висела судьба Объединенных Наций. Ради справедливости следует сказать, что наша роль в предотвращении катастрофы в те дни не делает нам чести».

Маршаллу вторил и в чем-то его конкретизировал Хэлл, госсекретарь правительства Рузвельта: «Мы всегда должны помнить, что своей героиче-

ческой борьбой против Германии русские, очевидно, спасли (западных) союзников от сепаратного мира. Такой мир унизил бы союзников и открыл двери для следующей тридцатилетней войны».

Никому не придет в голову обвинять К. Хэлла и Дж. Маршалла в антиамериканизме или приписать им намерение принизить вклад США в победу антигитлеровской коалиции. С нашей стороны такого намерения тоже не было и нет. Тем веселее аргументы, приглашающие вникнуть в действия Лондона и Вашингтона на переломных этапах второй мировой войны, неадекватные императивам борьбы с агрессорами.

Возьмем за рога «развязывание Гитлером своей настоящей войны» (так характеризуется нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. в официальной немецкой монографии «Германский рейх и вторая мировая война»). Все ранее содеянное являлось прелюдией к «главному делу его, Гитлера, жизни» — завоеванию, колонизации и разграблению России, «сокращению на порядок численности славянского населения». «Восточный поход» мыслился нацистским предводителям как скоротечная одноактная драма с загодя прописанным финалом. Никаких альтернатив тотальному изничтожению Советского Союза гитлеровская программа не брала в расчет.

В своем кругу английские правители откровенничали, что их стратегическим воззрениям отвечало бы, если бы немцы завязли в России как можно глубже, для чего им надо было бы забраться на восток как можно дальше, «Если Германия глубоко завязнет в России, — читаем мы в документе, подготовленном имперским генштабом в конце июля 1941 г. к англо-американскому совещанию у Ньюфаундленда, — то откроются благоприятные шансы для сохранения (британских) позиций на Среднем Востоке». Во истину, в исполнении Черчилля и его сподвижников вражда могла приобретать почти дружественные оттенки, а дружба — весьма враждебные.

По сходной спирали вилась мысль в Вашингтоне. Чиновники госдепартамента, и не они одни, потели над головоломкой — как обеспечить продолжение Россией сопротивления нацистскому нашествию без советской власти. Снова вспомнили о А. Керенском — не подсобит ли он вместе с другими эмигрантами, осевшими после 1917–1920 гг. в Соединенных Штатах?

Короче, политические, идейные, социальные театры разнились от театров военных действий. Здесь тоже имелись свои вторые, третьи и т.д. фронты и множество боев за линиями, прочерченными на картах или в сознании власть предержащих. Можно выразиться иначе — спутником официальной политики Запада выступала теневая политика, причем, одна подчас исключала другую.

Это объясняет, почему вторая мировая война так и осталась в практике ее участников сводом национальных войн, сгруппированных в коалиции по признакам относительной близости актуальных интересов. Ни на одном этапе войны не существовало даже полнокровного американо-английского союза, не говоря уже о союзе советско-американском.

Сетовать по поводу потребительского подхода англосаксов к чужим интересам и их исконной русофобии можно, сколько душа запросит. По трезвому расчету, однако, летом 1941 г. руководители США и Великобритании обязаны были спрашивать себя, как действовать на случай установления германского контроля над промышленными и природными ресурсами СССР. Ведь при таком обороте событий Германия сравнялась бы по по-

тенциалу с демократиями. Худо другое — логика оппортунизма загоняла Лондон и Вашингтон в порочный круг двойных и тройных стандартов, и тогда война на два фронта отстояла на полшага от того, чтобы переродиться в переговоры на два фронта.

Официально Сталин поставил вопрос об организации второго фронта в борьбе с германским агрессором в послании Черчиллю 18 июля 1941 года. Реакция Лондона и Вашингтона оказалась весьма прохладной. На встрече 9-12 августа 1941 г. Рузвельт и Черчилль темы второго фронта не касались. В Атлантической хартии, дифирамбы которой слышатся поныне, нет ни слова о нападении Германии на СССР, как и о войне Японии против Китая.

Атлантическая хартия была опубликована 14 августа 1941 г., Советский Союз выразил «согласие с основными принципами декларации» 24 сентября, предпослав своему согласию оценку положения и задач, вытекающих из войны с гитлеровской Германией, в том числе при определении устройства послевоенного мира. Перед этим в послании Черчиллю Сталин вернулся к теме взаимодействия союзных держав в войне против третьего рейха. «Если создание второго фронта на Западе, — писал советский лидер, — в данный момент, по мнению английского правительства, представляется невозможным, то, может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага? Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25—30 дивизий в Архангельске или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии». Британский премьер с порога отверг это предложение как «абсурд» и «сущую бессмыслицу». С какой стати связывать свою судьбу или хотя бы престиж со страной, которую в мыслях своих демократы обрекли на гибель?

Раздражение Черчилля Сталиным (6 ноября 1941 г. он вынес тему второго фронта на суд общественности) и сходом развития с прочерченной в его наметках колеи дало себя знать в телеграмме премьера Идену. Министру иностранных дел категорически воспрещалось что-либо обещать Москве. Никаких посулов. Ливийская пустыня, — писал Черчилль, — «это наш второй фронт». В пустыне утюжили друг друга 6 дивизий плюс 3 бригады резерва на британской стороне и 3 немецких и 7 условно боеготовых итальянских дивизий. Общим счетом около 100 тысяч солдат и офицеров. По крупному помогли советскому народу выстоять в роковом 1941 г. единственно партизаны Тито. Югославы сковывали до 20 немецких дивизий, которые в иных условиях могли бы тогда оказаться под Москвой и Ленинградом.

Декабрь 1941 г. оказался до предела насыщен событиями всемирно-исторического масштаба. Япония не поддавалась соблазну воспользоваться уязвимостью Советского Союза. 7 декабря ее предводители пошли ва-банк против избалованных милостями природы и судьбы Соединенных Штатов Америки, а заодно и пристегнутой к ним Великобритании. 11 декабря Германия и Италия объявили войну США. На следующий день военными противниками Вашингтона назовут себя Венгрия, Румыния и Болгария. Победа Красной Армии под Москвой подвела промежуточный итог всей мировой

войне. В случае падения Москвы Япония, как и Турция, немедленно объявили бы войну Советскому Союзу. Такой оборот событий предотвратил крах нацистской операции «Тайфун». Цепь блицкригов, коими нацисты вознамерились опутать глобус, оборвалась. Начиналась следующая — затяжная и изнурительная война. Она требовала как от агрессоров, так и их противников качественно новых решений.

Противники Германии, Японии и Италии образовали «великую коалицию союзников», получившую с легкой руки Рузвельта наименование «Объединенные Нации». Понятие антигитлеровская коалиция означало, что европейский театр военных действий считался формально приоритетным, а Германия, по признанию Рузвельта и Черчилля, — «главной в фашистском блоке».

С начала 1942 г. не одни военные, но и американские политики занимались прикидками — открывать ли второй фронт в Европе или позволять зреть гигантской битве на Востоке со стороны? 16 февраля 1942 г. управление планирования штаба армии возглавил генерал Д. Эйзенхауэр. Он считал недопустимым «разбрасывать наши (США) ресурсы по всему земному шару и, что еще хуже, непроизводительно тратить время». Генерал и другие видные военачальники полагали, что побережье Франции может быть успешно атаковано и что это необходимо делать без проволочек.

Проведение широкого наступления против Германии с запада диктовалось логикой войны, а не одной ситуацией на Восточном фронте. Интенсивность военных действий на советско-германском фронте и обустроенность Британских островов в качестве базы накопления и развертывания сил позволяли решать боевые задачи вторжения с высокой степенью надежности. Технические трудности высадки морского десанта считались американскими экспертами вполне преодолимыми, а степень прикрытия с воздуха и моря — оптимальной. Наконец, Германия в 1942 г. еще не приступила к тотальной мобилизации, фортификационные работы вдоль Атлантического побережья находились в плачевном состоянии.

Не иссякающие потуги переиначить историю, изобразить дело так, будто искреннее желание союзников высадиться на Севере Франции в 1942 или 1943 г. разбилось о некие объективные препятствия, не выдерживают элементарного сопоставления со штабными документами американского происхождения. Препятствия восседали в военном кабинете Великобритании. И ведущим в этой когорте саботажников второго фронта выступал У.Черчилль. Не по мотивам плохой погоды и неоправданного, с английского угла зрения, риска, но по убеждению, из принципа.

Ни Рузвельт, ни Черчилль не отрицали, что Германию можно было добить, раз упустили шанс в 1942 г., то в 1943 г. — безусловно. Заглянем в совместное послание президента и премьера об итогах их конференции в Касабланке, направленное Сталину 26 января 1943 г. Москве давались заверения, что в ближайшие девять месяцев союзники будут готовы осуществить операции, которые «вместе с мощным (советским) наступлением могут наверное заставить Германию встать на колени». «Правильная стратегия для нас состоит в том, — вещали демократы, — чтобы сосредоточить свои силы на задаче поражения Германии с целью одержания скорой и решающей победы на Европейском театре» в 1943 г. «Наше основное желание состоит в том, чтобы отвлечь германские сухопутные и военно-воздушные

силы с русского фронта и направить в Россию максимальный поток снабжения».

Что ни тезис, что ни строка в послании — все неправда. В переписке глав трех держав, по ходу войны не встречалось другого подобного концентрата дезинформации на двух листах печатного текста. Первое. Форсирование Ла-Манша откладывалось на весну 1944 г. или «позже». Второе. Имелось в виду не отвлечение германских сил с Восточного фронта, а «превращение в успешные операции» «признаков слабости держав «оси» (заметьте — не обязательно Германии). Третье. Обещанный «максимальный поток снабжения» тут же измельчал до размеров ручейка. Под предлогом накапливания немецкого линейного флота в Нарвике прерывались с марта до сентября поставки по ленд-лизу через северные порты СССР.

Накануне битвы на Курской дуге, невиданной по сосредоточению огневых средств, военной техники и людей в шинелях — на обеих сторонах в сражение было вовлечено более 4 млн. солдат и офицеров, до 13 тыс. танков и почти 12 тыс. самолетов, свыше 70 тыс. орудий и минометов — Гитлер мог с ухмылкой потирать руки. Да, нацистская стратегия блицкригов была бита Красной Армией. Но из-за отказа англичан, которым подыгрывали американцы, координировать действия с СССР, Гитлеру позволялось и дальше извлекать капитал из возможности скапливать силы для нанесения ударов по своему выбору. В Вашингтоне и Лондоне знали о приготовлениях немцев как к захвату Северного Кавказа и выходу на Волгу в 1942 г., так и к операции «Цитадель» в 1943 г. Знали и выжидали. Не удосужились даже поделиться информацией на сей счет с советским союзником.

Руководству СССР регулярно докладывались разведсводки о тайных контактах немецкой оппозиции, эмиссаров Канариса, Риббентропа, Розенберга, Гиммлера и пр. с властью имущими в Альбионе и за океаном. Не кружева плели. Было над чем задуматься.

С утратой стратегической инициативы под Сталинградом, откатившись с переломанным хребтом с Курской дуги, Германия была обречена. Кто вынесет и исполнит приговор? Советский Союз, доказавший способность без секундантов решать военные теоремы любой сложности? Или вершить суд станут три державы совместно? Или немцам удастся явиться с повинной к США и Великобритании, сдаться на их милость? Только как сдаться в отсутствие американско-британских войск на континенте?

Курская эпопея еще продолжалась, когда в Квебек съехались Рузвельт, Черчилль, их ближайшие советники, начальники штабов. В повестке дня, если без обиняков, — судьба антигитлеровской коалиции. Из параграфа 9 протокола «Военные соображения в отношениях с Россией», который велся на заседании объединенного американско-британского штаба 20 августа 1943 г., мы узнаем, что адмиралы Леги и Кинг, генералы Маршалл и Арнольд обсуждали вместе с генералом Бруком, адмиралом Паундом и главным маршалом авиации Порталом вопрос — **«не помогут ли немцы» вступлению войск западных держав на территорию Германии, «чтобы дать отпор русским»**. На чем сошлись? Архивы на замке. Но, заглянув в меморандум Донована от 20 августа 1943 г. (какое совпадение в датах!) и приложенное к нему экспозе УСС «Стратегия и политика: могут ли Америка и Россия сотрудничать?», нетрудно вычислить координаты намечавшегося нового курса.

Без реверансов суть позиции Лондона передавал британский теоретик в области военной стратегии Лиддел Харт. В Европе, убеждал он своего внимательного слушателя Черчилля, есть лишь одна страна, способная вместе с западноевропейскими государствами оказать сопротивление послевоенным устремлениям русских, — это страна, которую мы собираемся разгромить. Было бы разумно выйти за рамки ближайшей военной цели, в сущности уже достигнутой (наступательная мощь Германии сломлена), и позаботиться о том, чтобы длительный путь к последующей цели был расчищен от опасностей, довольно отчетливо вырисовывающихся на горизонте.

Квебек не проставил желаемых Черчиллем, Донованом и иже с ними точек над «и». Рузвельт не созрел для разрыва со Сталиным, обещания УСС искать военного счастья на тайных фронтах манили, но не убеждали, что «недорогая (для США) победа над Германией» где-то рядом. Сомнения зачали паллиатив — параллельно с «Оверлордом», планом крупномасштабного форсирования Ла-Манша, были рассмотрены и утверждены варианты «экстренной высадки» союзников на континент — план «Рэнкин». Его сердцевина — достижение с разочаровавшейся в Гитлере немецкой элитой взаимопонимания на предмет (а) непротивления вермахта оккупации американо-британскими войсками собственно Германии и захваченных ею стран; (б) переброска высвобождающихся сил на Востоке для укрепления «защитного вала против русской угрозы».

Квебекская редакция «Рэнкин» была подновлена 8 ноября 1943 г. Исполнителям давался конкретный перечень городов, интересовавших западные державы. Помимо основных центров Германии и Италии, в списке захват Будапешта, Бухареста и Софии, установление контроля над Гаагой, Брюсселем, Лионом, Прагой, Варшавой, Белградом и Загребом. Третьим эшелоном шла высадка в Дании, Греции и на о-ве Родос. И везде лейтмотив — «опередить русских». Не координация действий с СССР, а контрдействия. Безоговорочная капитуляция Германии не перед антигитлеровской коалицией, а перед США и Англией.

Из-под пера А. Даллеса вышла фраза: «Если мы скоординируем меры в психологической и военной областях, мы сможем (подчеркнуто в оригинале) расколоть Германию и окончить войну в этом году» (телеграмма Даллеса в УСС от 19.8.1943 г.). Чтобы так оно и получилось, управление должно было мобилизовать и пустить в ход все свои рычаги на максимальные обороты не позднее лета 1943 г. Клиентуру вербовали среди германского офицерства и политиков с консервативным уклоном. Под кодовым названием «Герплан» составлялись списки лиц, которые могли быть полезными при оккупации территории рейха войсками западных держав». Досье, по объему схожее с телефонным справочником, поступило через Гизевинуса (агента УСС N 512, работал на американцев под крышей гестапо) в распоряжение Донована. Богатый набор имен, громких и разных, должен был, видимо, пробудить впечатление, что заговор против Гитлера усилиями разведки обрел солидную базу.

Впрочем, и без этого досье поборники «поворота всей мощи Германии против русских» уверовали, что дело почти сделано. Еще бы. Проектеры из колоды Герделера, Хасселя и пр. годились как политический гарнир к главному блюду. Требовалось отбить привкус, который смущал Рузвельта, — УСС тянет в пособия США «пруских милитаристов и юнкеров».

Тогда же Донован и его коллеги условились, что президента не следует перегружать деталями. Главу Белого дома заботило, как сберечь побольше жизней американских парней, так подыграем на свой манер этой заботе, поднеся голову Гитлера на жертвенном блюде.

Костяк заговорщиков, окрещенных А. Даллесом во «взломщики», состоял из высших чинов германского вермахта и военной разведки. Адмирал Канарис, руководитель абвера, шел в документах УСС под номером 659. Можно считать доказанным, что У. Донован и В. Канарис состояли в личном контакте не менее двух с половиной лет, вплоть до ареста адмирала. Аппарат абвера под началом адмирала превратился в дублера американских спецслужб. Выше упоминалось, что добытые немецкими агентами данные о времени и месте высадки союзнических войск не были доложены ни политическому руководству Германии, ни ставке верховного командования. При расследовании покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. вскрылось, что в абвере лишь два начальника отделов — Гелен («иностранные армии Востока») и Герке (транспорт) — не были причастны к заговору. Полковники Ханзен (преемник Канариса, отстраненного незадолго до начала «Оверлорда» — «Рэнкина» от должности) и Ренке (начальник отдела «иностранные армии Запада») активно участвовали в подготовке переворота. Ренке был уполномочен войти в контакт со штабом Эйзенхауэра для содействия высадке американско-британских войск и их быстрейшему продвижению через Западную и Центральную Европу навстречу русским.

Назовем еще ряд не менее колоритных имен и должностей, чтобы убедиться «— игра шла на полном серьезе, заговор, пусть верхушечный, мог развернуть ход всей войны. Фельдмаршалы Роммель, Клюге, Витцлебен, военный губернатор оккупированной части Франции генерал Штюльпнагель, комендант Парижа генерал Бойнебург-Ленгсфельд, командующий войсками вермахта в Бельгии и Северной Франции генерал Фалькенхаузен, командующий армией резерва генерал Фромм, генералы Тресков, Ольбрихт, Томас, Вагнер, Хойзинберг, Бек. Продолжать нет нужды. Остается лишь заметить, что среди заговорщиков отсутствовали военачальники с Восточного фронта.

Британские спецслужбы тоже не лыком шиты. У них были свои каналы выхода на Канариса, Герделера, Гимmlера. 11 января 1944 г. Черчилль потребовал доложить ему, «какие есть в нашем распоряжении силы для проведения операции «Рэнкин» в феврале или марте, если события «неожиданно повернутся в нашу пользу».

Таить шило в мешке становилось все сложнее. 24 мая 1944 г. госдепартамент США передал посольству СССР в Вашингтоне памятную записку. Советскую сторону извещали, что «к американским представителям в Швейцарии обратились недавно два эмиссара одной германской группы с предложением свергнуть нацистский режим». Далее следовал перечень лиц, якобы имевших касательство к оппозиционной Гитлеру активности. С учетом московского адресата первым в списке значился Лейшнер — «лидер социалистов и бывший министр внутренних дел в Гессене». По соображениям, о которых нетрудно догадаться, — самых ценных партнеров надо оберегать — не упомянутыми оказались Роммель, Клюге, Фромм и ряд других уже известных вам имен. Зато в группу попали Рундштедт, Гальдер, Цейтлер, которые стояли в стороне от заговора.

Задача памятной записки от 24 мая состояла не в достоверном отображении фактов. Достаточно сравнить ее текст с документом «Попытки немецких генералов и гражданской оппозиции добиться сепаратного перемирия», доложенного К. Хэллу 20 или 21 мая 1944 г., хотя и госсекретарь не удостоился узнать всю правду. Но если Хэлла настраивали на вероятность крупных осложнений с Советским Союзом, то Москву предупреждали — у западных держав в кармане запасной вариант подведения черты под их войной с Германией. И он, этот вариант, получит развитие, коль скоро СССР не научится «уважать» претензии англосаксов заказывать музыку при переустройстве миропорядка.

Накопление союзных сил в Нормандии, обустройство самого плацдарма и расширение его параметров происходило своим чередом. Темпы оттеснения противника не превышали в июне 0,5–1,5 км в сутки. Сказывался недостаток опыта управления в боевой обстановке соединениями большой численности и сложного состава, неслаженность в действиях американских и британских офицеров, нестыковка наземных, военно-морских и воздушных операций. Скверно работала тактическая разведка, что мешало разгадывать маневры противника. 10–15 июня начальники штабов США и Великобритании обсуждали возможность как закрепления позиций в полосе высадки, так и эвакуации войск, если в течение 7–8 дней немцы нанесут мощный контрудар.

Удара не было. Немецкое командование явно чего-то выжидало. По официальной версии — не улеглись сомнения, что Нормандия была разведкой боем, и следовало беречь силы для генерального сражения в другом районе. Достоверней представляется иное — Роммель и остальные заговорщики тоже рассчитывали на переворот в имперских верхах.

Восстановим в памяти хронологию событий. 6 июня союзники с потерями, и немалыми, зацепились за плацдарм в Нормандии. На 18 июня в район высадки было доставлено 619 тыс. солдат, 95 тыс. транспортных средств, 218 тыс. тонн военных грузов. К 30 июня в Нормандии находилось 850 тыс. солдат, 150 тыс. автомашин, сюда было завезено 570,5 тыс. тонн материалов. Однако за рамки того, что принято называть локальными боями, активность экспедиционных сил (за исключением взятия Шербурга) не простиралась. К удивлению и недовольству общественности США и Англии перелома здесь не отмечалось и в первые три недели июля. Исподволь велась подготовка к наступательным действиям (операция «Кобра»).

С 6 июня по 12 сентября, когда дивизии вермахта отошли к франко-германской границе, из резерва ставки на Запад были направлены 2 танковых и одна пехотная дивизия плюс две моторизованные дивизии из Италии. С советского фронта не было снято в поддержку западного направления ни одного соединения. И это при убыли в личном составе (убитые, раненые и попавшие в плен) около 400 тыс. человек (26 % от общей численности немецких соединений в Западной Европе на момент высадки в Нормандии) и при утрате 5490 танков (с учетом пополнения). Для сравнения — невосполнимые потери вермахта на Восточном фронте с января по октябрь 1944 г. составляли 900 тыс. человек. Здесь в сражениях 1944 г. было разгромлено 136 дивизий противника, то есть вдвое больше общего числа дивизий немцев в Западной Европе. Маршевые пополнения и поставки тяжелой техники на Восточный фронт не прерывались до апреля 1945 г.

Политическое и военное руководство Германии считало первостепенными задачами Западного фронта выигрыш времени и сохранение живой силы. Директивой ставки от 28 августа группе армий «Б» запрещалось ввязываться в упорные бои и предписывалось, щадя своих солдат и сберегая технику, отступать к рубежу — устье р.Шельда, Антверпен, Маастрихт, Лангр. Аналогичные приказы получила группа армий «Г», которая должна была занять оборону по линии Лангр — швейцарская граница.

Немцы хотели создать видимость захвата инициативы и достижения запаса прочности в обороне. Арденнский кулак создавался за счет флангов Западного фронта. Если вникнуть в схему мышления Гитлера и его окружения, нацисты, по-видимому, со злорадством ждали, не даст ли Москва американцам и британцам прочувствовать на себе изнанку коварства. Раз те почти бравировали намерением задержать советские войска поодаль от Берлина, Вены, Праги, Будапешта, то почему, спрашивается, это не должно было когда-нибудь аукнуться? Стягиваясь нечто сходное, особенно в конце 1944 — начале 1945 года на Восточном фронте, Лондон и Вашингтон не заспешили бы на выручку СССР.

История XX века изобилует парадоксами. Немцы уже прогревали моторы своих танков и трофейных джипов, чтобы ринуться в рейд через «непроходимые» Арденны, а Черчилль, выступая 15 декабря 1944 г. в палате общин, раскрыл планы ликвидации Восточной Пруссии. Противника шантажировали: чем дольше Германия будет откладывать капитуляцию на Западе, тем суровее станет расплата на Востоке. Любопытно узнать, каким было пробуждение премьера 16 декабря. В пять утра этого дня три немецкие армии принялись заводить мину под «противоестественную» коалицию врагов рейха. Гитлер напутствовал их словами: «Если мы сможем теперь нанести несколько мощных ударов, то этот искусственно-хвастливый общий фронт может в любой момент развалиться с гигантским грохотом».

24 декабря Рузвельт и Черчилль обратились к Сталину с посланием, в котором, в частности, отмечалось: «...Совершенно очевидно, что Эйзенхауэр не может решить своей задачи, не зная, каковы Ваши планы... Нам, безусловно, весьма важно знать основные наметки и сроки Ваших операций. Наша уверенность в наступлениях, которые должны быть предприняты русской армией, такова, что мы никогда не задавали Вам ни одного вопроса раньше, и мы убеждены теперь, что ответ будет успокоительным...». Президент просил принять офицера из штаба Эйзенхауэра для налаживания взаимодействия между Западным и Восточным фронтами.

Могло показаться, что Вашингтон и Лондон готовы извиниться за небрежение союзническими обязанностями на протяжении трех лет войны, что у американцев и англичан пробудился вкус к братству по оружию. Только вот командированный в Москву представитель — британский маршал Теддер был снабжен инструкцией слушать и... уклоняться от координации действий союзных и советских войск.

В первых числах января 1945 г. обстановка приобрела мрачную для союзников окраску. Эйзенхауэр в смятении — вместе с Монтгомери и де Голлем он призвал Черчилля снова обратиться лично к Сталину за помощью. В послании премьера в Москву от 6 января подчеркивалось: «На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от верховного командования могут потребоваться большие решения... Генералу Эйзенхауэру очень желательно

и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте с течение января или в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть... Я считаю дело срочным».

В день поступления черчиллевской мольбы, 7 января, Сталин ответил: учитывая положение наших союзников на Западном фронте, решено «открыть широкие наступательные действия против немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января». Пока же рекомендовалось использовать «превосходство против немцев в артиллерии и авиации». Неспроста советский лидер припомнил премьеру про авиацию, которая в 1942–1943 гг. всегда присутствовала в рассказах англичан и американцев как фактор, заменявший второй фронт.

Черчиллю было не до сарказмов. 9 января он телеграфировал Сталину: «Я весьма благодарен Вам за Ваше волнующее послание. Я переслал его генералу Эйзенхауэру только для его личного сведения. Да сопутствует Вашему благородному предпрятию полная удача!» Благодарить было за что. Ввиду концентрации советских сил к наступлению вермахт еще 26 декабря 1944 г. занялся переброской своих войск с Западного фронта в Венгрию. 3 января Гитлер распорядился вывести в резерв 6-ю танковую армию СС (главную ударную силу арденнской операции) и 47-й танковый корпус. 15 января для предотвращения крушения Восточного фронта Гитлер приказал перебросить туда более 40 дивизий. Всего с Запада снималось около одной трети сил. Для борьбы против советских танков к Одеру было стянуто более 300 батарей тяжелой зенитной артиллерии. Берлин, Лейпциг, Дрезден, другие крупные города остались без прикрытия средств ПВО, ибо практически все истребители-перехватчики уже использовались как полевая авиация в боях в Восточной Пруссии и Силезии.

Не трудитесь, вы не найдете в воспоминаниях Эйзенхауэра или Монгомери упоминания о переписке Черчилля и Рузвельта со Сталиным в конце декабря 1944 — январе 1945 г. Маршалл, насаждая факты, утверждал, что американцы вынудили немецкое командование истратить в арденнско-эльзасской операции все ресурсы и резервы, и тем облегчили зимнее наступление Красной Армии. Не встретится также ни намек на то, что «благодарные» союзники в январе 1945 г. втянулись в обсуждение с Кейтелем возможности перемирия на Западном фронте протяженностью в 100 дней, чтобы вермахт мог сосредоточить максимум сил против Красной Армии и нанести ей «уничтожающее поражение между Вислой и Одером».

Приходится признать, что Ялтинская конференция глав трех держав (4–12 февраля 1945 г.), при всей ее эпохальной политической значимости, не избавила стратегию и тактику западных держав от антирусского крена. Решения о координации военных планов союзников и линиях разграничения при осуществлении боевых операций осталось в основном на бумаге. Символично — руководители СССР, США и Великобритании покинули Крым 12 февраля, а в ночь на 13 февраля самолеты союзников стерли с лица земли Дрезден, дабы продемонстрировать Советам потенциал западной авиации.

Гейбельс предложил применить новые отравляющие вещества — «табун» и «зарин», чтобы задержать Красную Армию. Даже Гитлер нашел это

злодейское намерение слишком рискованным. Изобранный ум Йодля выдал другую модель — способствовать сближению Западного и Восточного фронтов, чтобы в момент капитуляции основная масса солдат и офицеров, задействованных в боях с Советской Армией, смогла сдаться союзникам. Гиммлер уточнял идею Йодля на свой манер: «бороться против (русских) дальше, пока фронт западных держав не заменит немецкий фронт».

В конце марта — начале апреля Западный фронт практически распался. Эйзенхауэр писал, что 14 апреля «не существовало единой линии сопротивления или хотя бы организованной попытки задержать продвижение» войск западных союзников. Генерал отмечал, что ялтинские соглашения союзников о зонах оккупации Германии «не повлияли на наши военные планы окончательного завоевания страны». Он не стал, однако, следовать рекомендации — требованию Черчилля ворваться первым в Берлин. Не из уважения к России и ее доблестным воинам. Просто Красная Армия уже приблизилась к подступам столицы рейха.

Особняком стоит апрельский приказ Черчилля британским начальникам штабов готовить «немыслимое» — войну против СССР, которая должна была начаться 1 июля 1945 г. Помимо британских, американских, канадских войск, а также польского экспедиционного корпуса, в нее собирались определить дюжину дивизий вермахта. Под видом пленных англичане разместили их в Шлезвиг-Гольштейне. Пару лет назад часть документов из досье «немыслимое» была рассекречена, хотя на протяжении полувека Лондон не уставал «опровергать клевету» на достопочтеннейшего сэра Уинстона. Какие сюрпризы и открытия нас, вернее, наших потомков подстерегают!

«Немыслимое» проясняет подноготную послания Черчилля (от 27-28 апреля 1945 г.) Сталину и Трумэну: «Теперь видно, что не будет никакого подписанного документа о капитуляции». Ссылка на крах режима — это для проформы. Затевалась капитальная перетасовка врагов и друзей. Премник Гитлера адмирал Дениц обнажил тогда происходившее по-военному лаконично: налаживание всеми способами сотрудничества с США и Великобританией; продолжение военных действий против Красной Армии в расчете на выигрыш времени в политических целях; сохранение от разгрома возможно большего числа соединений вермахта и передача их в распоряжение англо-американского командования; содействие оккупации Германии западными войсками.

Под общий замысел — перетянуть то, что осталось от Германии, в западные арсеналы была подогнана инсценировка капитуляции немцев в Реймсе, скрепленная подписью генерала Йодля в 2 часа 11 минут 7 мая 1945 г. За главное командование союзных экспедиционных сил в Европе бумагу, наспех составленную тремя офицерами из штаба Эйзенхауэра, подписал Беделл Смит. Он же, Смит, якобы запомнивший о существовании текста безоговорочной капитуляции, который утвердили главы трех держав в Крыму, сверял «упрощенную редакцию» акта капитуляции с Черчиллем. Премьер попутно готовил почву для ревизии уже прочерченных границ зон оккупации и заодно — к чему мелочиться — брал на мушку договоренности о четырехстороннем контрольном механизме для Германии.

По настоянию советской стороны, реймская сепаратная процедура была квалифицирована как «предварительная». И 8 мая 1945 г. состоялось повторное подписание Акта о военной капитуляции Германии.

Высадка союзников в Нормандии должна была и могла укоротить жало войны. Миллионы людей в Европе остались бы живы, целые города не испепеленными, не займись тогда политики из Лондона и Вашингтона девальвацией непреходящей ценности опыта антигитлеровской коалиции.

Союзнические солдаты честно выполняли свой долг. Их вклад в разгром нацизма не умаляют ни эскапады Черчилля, ни чересполосица в поведении Рузвельта. Признательности, непреходящей и искренней, заслуживают все, кто поддержал советский народ в смертельной схватке с «третьим рейхом» своей солидарностью, поставками продовольствия, медикаментов, вооружений транспортных средств.

Партизаны Югославии, силы сопротивления (500 тыс. человек!) Франции, Греции, Италии — в совокупности миллионная армия антифашистов тоже являлась неотрывной частью антигитлеровской коалиции. Вместе с нами и западными союзниками они ковали в Европе одну на всех, общую победу. В основном зарубцевались раны постигшей в ту пору человечество катастрофы. Но тем бережнее мы должны хранить память о тех, кто спасал земную цивилизацию. Да святятся их имена в назидание ныне живущим и грядущим поколениям.

СВЯТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Рождественская торговля на Покровской площади

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Евгений ПРИМАКОВ

ЦЕЛИ РАСШИРЕНИЯ НАТО

Евгений Максимович Примаков — родился в 1929 г. в Киеве. В 1953 г. окончил Московский институт востоковедения, а в 1956 г. — аспирантуру МГУ. Доктор экономических наук, профессор, академик РАН. Автор ряда книг по современной истории Востока. В 1985–1989 годах — директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Являлся Председателем Верховного Совета СССР. В 1990 г. входил в состав Президентского Совета. С 1991 г. по 1996 г. — директор Службы внешней разведки России. С 1996 г. по 1998 г. — министр иностранных дел РФ, затем Председатель Правительства РФ. В 2001 г. избран президентом Торгово-промышленной палаты РФ. Лауреат многих российских и иностранных премий и наград. **Живет в Москве.**

Задача восстановления блоковой дисциплины решалась также через расширение НАТО. Во всяком случае, это, очевидно, одна из причин, лежавшая в основе линии США на расширение Североатлантического союза. Новые члены этой организации гораздо послушнее, чем старые. Не думаю, что Вашингтону удалось бы, например, уговорить «старых» членов НАТО разместить на их территории американские военные базы для постоянного пребывания военнослужащих США. Американские военнослужащие размещены на территории единственного «старого» члена НАТО — Германии, но и она ратует за перевод их на территорию Польши.

Вновь принятые в НАТО страны не критикуют политику Соединенных Штатов в отношении Ближнего Востока. Критические голоса по поводу операции в Ираке, угроз в адрес Ирана раздаются, как правило, из Западной Европы. А громы и молнии по поводу «российского вмешательства», угрожающего некоторым бывшим советским республикам или странам бывшего Варшавского договора, мечут Польша, Эстония, Литва, Латвия.

Можно считать, что США разбавили НАТО новыми членами для сохранения этой организации под своим руководством, ослабив тенденцию ее «европеизации» и облегчив ее использование за пределами Европы. Трудности выработки европейского единства во внешней и оборонной политике бывший федеральный канцлер Германии Герхард Шрёдер прямо связал «с интеграцией

государств, недавно влившихся в ЕС». Эту же мысль в отношении непосредственно НАТО подчеркнула госсекретарь К. Райс на заседании фонда «Наследие» в Вашингтоне в июне 2008 года. Отвечая на вопросы политологов, она сказала, что страны Восточной Европы и Балтии влили новую жизнь в НАТО и благодаря энергии, обретенной с помощью новых членов, Североатлантический альянс стал участвовать в военных операциях, простирающихся далеко за его первоначальную сферу ответственности, например в Афганистане. НАТО, по ее словам, должна увеличивать число своих членов и продолжать играть эту глобальную роль.

Именно глобальную роль. НАТО, созданная как региональная организация с задачей обеспечения безопасности американских союзников в Европе, после окончания холодной войны действует на основе совершенно иной философии и доктрины, осуществляя военные операции далеко за пределами Европейского континента.

Часть операций проводится на основании статьи 53 Устава ООН, которая гласит: «Совет Безопасности использует, где это уместно, также региональные соглашения или органы для принудительных действий под его руководством». Вместе с тем в статье 53 подчеркивается, что «никакие принудительные действия не предпринимаются, в силу региональных соглашений или региональными органами, без полномочий от Совета Безопасности». Однако у НАТО уже есть опыт применения военной силы и в обход ООН — бомбардировки Югославии.

Убыстрение процесса расширения НАТО, включение в эту организацию новых членов оборачивается расширением поля для базирования американских вооруженных сил. Свеж в памяти дипломатический марафон, который мне и моим коллегам пришлось пройти на пути к основополагающему акту, подписанному в Париже в 1997 году. Понимая, что предотвратить расширение НАТО не удастся, был выбран вариант, который позволил при сохранении нашего негативного отношения к этому процессу повести дело к сокращению для России его отрицательных военных последствий. И действительно, после упорных переговоров удалось внести в основополагающий акт положение о том, что на территории новых членов НАТО запрещается размещать ядерное оружие, складировать или строить сооружения для его складирования. Также была зафиксирована договоренность, согласно которой на территорию новых членов НАТО нельзя перебрасывать для постоянного базирования значительные вооруженные силы. Под основополагающим актом поставили свои подписи главы всех стран — членов НАТО и России. Однако не прошло и несколько лет, как Вашингтон объявил о размещении на территории Румынии и Болгарии по 5 тысяч своих военнослужащих. Некоторые наши оппоненты заявляют, что 5 тысяч солдат и офицеров нельзя отнести к «значительным силам». Тогда непонятно, почему требуют вывода из Приднестровья 2 тысяч российских военнослужащих, направленных туда для охраны огромного оружейного арсенала?

В качестве потенциальных членов НАТО теперь рассматриваются не только европейские страны или те, которые расположены на границе Европы и Азии. Например, в Израиле была создана правительственная комиссия для подготовки рекомендаций по присоединению к Североатлантическому союзу. Известно, что израильское руководство давно прощупывало возможность членства в НАТО, но никогда раньше не признавалось в этом. В 1971 году по указанию советского руководства я конфиденциально встречался с премьер-министром Израиля Голдой Меир и министром обороны Моше Даяном. Они полностью отрицали свое намерение вступить в НАТО, но мы знали, что представители израильского руководства зондировали такую возможность на встречах в Вашингтоне. Тогда США отказались от участия Израиля в НАТО, мотивируя свою позицию израильской вовлеченностью в конфликт с арабами. Но как пойдет дело сейчас, учитывая появление «иранской карты» и желание многих использовать ее в своей игре? Тем более что участие в конфликтах и отсутствие соглашений о границах с соседними государствами теперь не расценивается как непреодолимое препятствие для членства в НАТО.

Что касается американской политики на российском направлении, то процесс расширения НАТО призван не «сдержать» Россию, в чем нет никакой необходимости, но ослабить ее, сделать Россию более сговорчивой, когда дело касается ее национальных интересов. Пойдя на безудержное расширение НАТО, США не посчитались с крайне негативным отношением России к приему в Североатлантический союз бывших республик Советского Союза. У нас не было письменной договоренности с Соединенными Штатами по этому поводу.

Но, будучи министром иностранных дел России, я неоднократно говорил и Мадлен Олбрайт, и Строубу Тэлботу, и другим своим американским коллегам, что прием в НАТО бывших советских республик для нас означает переход «красной черты». В ответ я слышал: нет оснований предполагать, что это произойдет в близлежащий период. Но это произошло.

Госсекретарь США К. Райс не скрывала, что главными кандидатами на прием в НАТО считаются Украина и Грузия. Их участие в НАТО — недальновидная политика. Это не только антагонизирует отношения России с США и НАТО, но усилит антизападные, националистические настроения и соответствующие таким настроениям силы внутри страны. Уже в преддверии сближения Украины с НАТО в России все громче звучат голоса, требующие не продлевать Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной, срок которого истекает в апреле 2009 года. Согласно этому договору, Россия фактически признала присоединение к Украине Крыма — подарок, который, ни с кем не посоветовавшись, преподнес Киеву Н.С. Хрущев. Правда, тогда административные границы между советскими республиками не играли такой уж большой роли в глазах общественности, но теперь, когда они стали государственными границами, поло-

жение изменилось. В России немало тех, кто не согласен с передачей Украине Крыма. Еще больше тех, кто против отторжения от России города русской боевой славы, как его не без причины называют, Севастополя. Число таких несогласных неизбежно прибавит присоединение Украины к НАТО. Весьма проблематична, если вообще не исключена перспектива применения силы в российско-украинских отношениях. Но в случае присоединения Украины к НАТО неизбежно обострится вопрос с базированием в Севастополе российского Черноморского флота. Это тоже связано с договором.

Помню, будучи председателем правительства, я пришел на заседание Совета Федерации, где рассматривался вопрос о ратификации общего договора с Украиной. Наши сенаторы, и они были правы, не хотели ратифицировать его без ратификации украинским парламентом соглашения о Черноморском флоте. А украинцы не хотели ратифицировать это соглашение без нашей ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве. Тогда я предложил для выхода из ситуации принять закон о ратификации из двух пунктов. Первый — ратифицировать. По второму произвести обмен ратификационными грамотами, лишь после того как парламентом Украины будет выпущен закон о ратификации соглашения о Черноморском флоте. Выход был найден. Стоит ли забывать об этой связке?

И главное — в случае неизбежного при приеме Украины в Североатлантический союз дальнейшего обострения ее отношений с Россией готовы ли США и НАТО решительно взять сторону Киева против Москвы с риском отбросить Россию к периоду конфронтации с Западом? Неужели прием Украины в НАТО важнее того, чтобы избежать такой перспективы?

Многоопытный Г. Киссинджер предложил формулу, которая помогает найти выход из создавшегося положения без потери лица тех, кто уверял Киев в поддержке желания украинского президента быть принятым в НАТО. «Поскольку НАТО в принципе согласна принять Украину в свой состав, нет необходимости срочно ускорять практические действия в этом направлении» — это цитата из его статьи в газете «Вашингтон пост»¹. Есть основания считать, что те, кто делает политику в Вашингтоне, ныне, значительно больше открыты для подобных советов, чем прежнее американское руководство.

С Грузией ситуация во многом аналогичная, хотя там состоялся референдум, во время которого большинство принявших в нем участие высказалось за вступление в НАТО. Но референдум был проведен в момент обострения российско-грузинских отношений, которые, уверен, не всегда будут враждебными. А вступление в НАТО, без сомнения, отодвинет это «не всегда» на очень долгий период, во время которого отношения между двумя государствами неизбежно еще больше обострятся. Нынешнее грузинское руководство, возможно, надеется,

¹ The Washington Post. 2008.08.07.

что членство в НАТО обеспечит ему вооруженную поддержку в случае дальнейшего применения военной силы против Абхазии или Южной Осетии. Я абсолютно не верю в такое вооруженное вмешательство НАТО, которое может обернуться катастрофическими последствиями. В Брюсселе и, что еще важнее, в Вашингтоне это понимают.

Точки над «i» расставил генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп-Схеффер перед уходом со своего поста по истечению срока полномочий. В прощальной речи в Лондоне он призвал альянс задуматься над новой стратегической концепцией. Элементом этой концепции, подчеркнул де Хооп-Схеффер, должно стать восстановление отношений НАТО с Россией и отказ от расширения альянса за счет стран, не готовых к членству, прежде всего Грузии и Украины. Желание вступить в НАТО, по словам Яапа де Хооп-Схеффера, «не дает автоматического права на членство в альянсе». Государства, стремящиеся в НАТО, должны соответствовать определенным требованиям, которым ни Тбилиси, ни Киев сегодня не соответствуют. Прежде всего альянс не устраивает политическая ситуация, сложившаяся в обеих постсоветских республиках. На Украине она, констатировал де Хооп-Схеффер, «если использовать дипломатические выражения, сложное», в Грузии «тоже не простая».

Такую же позицию подтвердил вступивший в должность генерального секретаря НАТО Андерс Фог Расмуссен.

СВЯТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Катание на тройках по невоскому льду

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Андрей САХАРОВ ЗАГАДОЧНЫЙ ДОКУМЕНТ ДРЕВНЕРУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Андрей Николаевич Сахаров — родился в 1930 г. в г. Кулебаки Нижегородской области. Окончил МГУ; главные направления научной деятельности — история дипломатии, внешней политики, идеологии и культуры древней Руси, исследование западной историографии, истории России. Доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук; член Союза писателей России, автор книг серии «ЖЗЛ», других литературно-художественных произведений. Ответственный редактор и член редколлегии ряда научных изданий. Заслуженный работник культуры. Директор Института российской истории РАН. Живет в Москве.

Отнимите у русского народа «Слово о полку Игореве — и вы лишите его целой цивилизации. Зачеркните подлинность договоров Руси с греками — и вы ликвидируете в русской истории целый пласт ее международных связей, уничтожите одну из ярких граней древнерусского государства, лишите Русь ее европейской и мировой истории в период раннего средневековья, обречете ее на положение «варварской» окраины, предназначение которой — всегда служить лишь периферийным фоном великих западных или восточных цивилизаций. Не случайно вопрос о создании государства на Руси в IX—X веках является и поныне одним из важнейших и наиболее острых в понимании русской истории раннего средневековья, а вопрос о международных связях русского государства остается самым животрепещущим для ученых и любителей истории многих поколений, определяющих место Руси в тогдашней европейской и мировой истории.

«...Мы от рода русаго...» — эти слова открывают самый древний и едва ли не самый загадочный письменный документ в русской истории, в истории нашего народа. Они являлись начальными словами знаменитого договора Руси с греками, который в 911 году заключил с Византийской империей Великий князь киевский Олег. Текст договора был обнаружен в «Повести временных лет», входящей, в свою очередь, составной частью в одну из древнейших русских летописей — Лаврентьевскую, относящуюся к XIV веку. Во всех других русских летописных сводах текста этого договора не было. Он сохранился в единственном экземпляре и, как нередко бывает с такого рода находками — единственными в своем роде, сразу же возбудил подозрение в своей достоверности. Как-то слу-

чилося так, что особенно не везло в этом смысле наиболее ярким, наиболее впечатляющим памятникам древнерусской истории. Тень фальсификации была брошена на гениальное «Слово о полку Игореве», сомнения были посеяны относительно достоверности великолепного памятника XIII века — «Слова о погибели Русской земли». Зловещее слово «подделка» поползло вслед за введением в широкий научный, читательский оборот «договоров Руси с греками» Олега, Игоря, Святослава.

Любопытно, что острейшая полемика, принимающая международный и долговременный характер, возгорается, как правило, именно вокруг древнерусских памятников культуры: другим в этом смысле везет как-то больше, хотя оснований для полемик и в отношении, скажем, некоторых древнефранцузских, древнеанглийских исторических памятников существует, по крайней мере, не меньше.

Возьмем, например, известный памятник раннесредневековой английской письменности (конец XII в.) «Житие и чудеса святого Фомы» Уильяма Кентерберийского. Он существует в единственной рукописи (относящейся к XIII в. и найденной в XIX в.), как и русско-византийский договор 911 года, как «Слово о погибели Русской земли», как существовало «Слово о полку Игореве». Но никому не приходит в голову объявить его подделкой, позднейшей фальсификацией или посеять в отношении него какие-либо подозрения. Ученые принимают этот список спокойно, без тени сомнения, используют его без всяких оговорок. Но стоит обратиться к некоторым наиболее ярким древнерусским памятникам культуры, как погружаешься буквально в пучину дискуссий, сомнений, нигилистических, а порой нигилистически-истерических писаний, и такое в этих писаниях сквозит мало связанное с наукой, объективным, непредвзятым подходом к памятникам старины недоброжелательство, а порой нескрываемое злопыхательство и даже ненависть, что просто диву даешься, откуда бы и зачем взяться такому. Особенно характерны в этом смысле были сочинения немецких авторов XVIII–XIX веков, русских сторонников норманской теории образования древнерусского государства, считавших, что русский народ был сам не в состоянии создать собственное государство и лишь «находники» — норманны, варяги — привнесли эту благодать, свидетельствующую о более высоком уровне цивилизации народа, на русскую почву. В XX веке эти версии активно подхватили фашистские историки, а позднее некоторые западные — американские, английские, французские, скандинавские советологи, русисты, идеологи пантюркизма, различные специалисты по истории Древней Руси, и в их сочинениях слышится все тот же нигилизм, все то же давнишнее пренебрежение и недоверие к памятникам древнерусской культуры.

Откуда такие предубеждение, недоверие, а то и прямая ненависть? Они объясняются весьма просто. Неверием в гений великого народа, как это было у западников-норманистов, ненавистью к народу-свободолюбцу, борцу, отстаивавшему свою независимость от западных «цивилизаторов» — немецких и шведских крестоносных рыцарей, Ливонского ордена, польско-шведских интервентов, полчищ Наполеона, к народу, одержавшему верх над нашествием «двунадесяти языков» в период иностранной интервенции в начале XX века, сокрушившему немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. И все попытки врагов поставить этот народ на колени, начиная от нападений кочевых орд сарматов, аваров,

половцев, монголо-татарских захватчиков до тайной войны онемечивания сверху во время бироновщины, других скрытых и явных стремлений подчинить его себе, оканчивались крахом. Русский народ в единстве, братстве с другими народами страны творил свою великую историю, и замечательные памятники его литературы, архитектуры, живописи являлись яркими вехами, отражающими его многотрудный исторический путь, утверждающими наиболее значительные из его свершений.

Так скромные документы X века вырастают в большую идеологическую, научную, культурную проблему. Наиболее четко связь нигилистической оценки договоров как памятников древнерусской культуры с представлением об уровне развития Руси того времени выразилась в работах историка русского права, норманиста В. И. Сергеевича в начале XX века. Он категорически выступил против того, чтобы сравнивать договоры Руси с Византией с другими соглашениями средних веков, считая, что к «таким примитивным деятелям, какими были руссы времен Олега», такие аналогии просто неприменимы.

Но есть и еще одна причина, по которой многие ученые, как прошлого, так и настоящего либо недоверчиво отнеслись и относятся к истинности ряда памятников древнерусской дипломатии, либо просто-напросто объявляют их подделками, — это само их содержание. Известный противник подлинности многих древнерусских памятников немецкий ученый Август Людвиг Шлецер в своем критическом трехтомном разборе «Повести временных лет» под названием «Нестор» написал, касаясь договора 911 года, удивительные слова: «Если договор этот был действительным, то он составляет одну из величайших достопамятностей всего среднего века, что-то единственное во всем историческом мире», А поскольку быть этого, по его мнению, не могло, то, значит, и говорить нечего: поздняя подделка, и все тут.

Итак, по существу все противники подлинности дипломатических памятников Древней Руси сходились на одном, и это одно являлось самым веским аргументом в их арсенале «против»: русский народ просто не мог создать подобных шедевров. Не правда ли, какая непритязательная и неопровержимая логика? Но эта наивная суть порой прикрывалась флёром научных рассуждений, глубокомысленных изысканий, которые составляли, в конце концов, целые тома научных книжек, порождая ответные рассуждения и изыскания. А поскольку вопрос был нерешенным, дискуссионным, то и в обобщающих научных трудах, в учебной литературе звучали насчет дипломатии древних руссов весьма осторожные рассуждения. Да и само это понятие не употреблялось, потому что уж так издавна повелось: о какой дипломатии можно было говорить, когда вопрос о наличии государства-то в русских землях IX—X веков был далеко не ясен?

Любопытно, что применительно к этому времени подробно писалось и говорилось о дипломатии Византии, Германии, Болгарии, Арабского халифата, Хазарин, других государств и народов, сопредельных Руси стран Европы, Передней Азии, даже кочевников печенегов, но в отношении Руси не употреблялась даже подобная терминология.

В борьбе с норманистами всех мастей, ярыми фальсификаторами истории России наша историческая наука добилась впечатляющих успехов. Русские ученые убедительно доказали автохтонность, т. е. коренную принадлежность древнерусских поселенцев к тем регионам, где впоследствии возникли конфедерации восточно-славянских племенных союзов, позднее — княжества и,

наконец, огромное, мощное Киевское государство. В своих трудах академик Б. А. Рыбаков — значительно раздвинул временные рамки выявления прото-славянской и праславянской культуры в районе Поднепровья, отнеся первые ее следы к III тысячелетию до новой эры; а отсюда ученый уже протянул нити этих древнейших славянских признаков к позднейшим временам — скифскому нашествию и далее к первым векам новой эры и к периоду Киевской Руси.

В многочисленных фундаментальных работах выявлены социально-экономические процессы, протекавшие в восточно-славянских землях, и доказано становление в IX—X веках классового общества и государства — раннефеодальной монархии, показаны международные связи Киевской Руси, основные направления ее внешней политики. И все-таки оставалось неясным, почему же в X—XI веках, во времена Владимира I и Ярослава Мудрого, Русь вдруг добилась такого ощутимого взлета на международной арене. Ведь войско Владимира I по существу спасло от гибели под ударами восставших болгар византийского императора Василия II. Русь этого времени находилась в тесных отношениях с Византией, Польшей, Венгрией, Чехией, Германией, Швецией, Норвегией, другими странами Европы и Передней Азии. При Ярославе Мудром русские княжны стали королевами французской, венгерской, норвежской, датской; а сыновья Ярослава — Изяслав, Святослав, Всеволод — были женаты на принцессах из германских, польских земель, из Византии. Русь продолжала оставаться участницей большой европейской политики и в конце XI века. В союзе с Польшей в 70-х годах Русь противоборствовала Чехии, за которой стояла Германская империя, а в 80-е годы германской императрицей стала внучка Ярослава Мудрого Евпраксия. Европейской известностью пользовался Владимир Мономах, бывший сначала князем переяславским, а затем Великим киевским князем. Он являлся внуком Ярослава Мудрого и шведской принцессы, сыном византийской принцессы, мужем английской принцессы, деверем германского императора, внучатым племянником венгерской и датской королев — дочерей Ярослава Мудрого, пасынком половецкой княжны. Его старший сын, будущий Великий киевский князь Мстислав, был женат на дочери шведского короля Христине, а внуки — на немецких князьях. Таков далеко не полный перечень родственных связей этого знаменитого полководца и государственного деятеля Древней Руси. Это о нем восторженно писал автор «Слова о погибели Русской земли»: «Отсюда до венгров, и до поляков, и до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев и до немцев, от немцев до корелы, от корелы до устюга, где живут тоймичи, и за Дышащим-морем, от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все покорил Бог народу христианскому: великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, и деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А Литва из болота на свет не показывалась. А венгры каменные города укрепляли железными воротами, чтобы на них великий Владимир не ходил войной. А немцы радовались, что они далеко за синим морем. Буртасы, черемисы, веды и мордва бортничали на князя великого Владимира. И сам господин Мануил Царегородский, страх имея, затем и великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьграда его не взял».

В этой короткой поэме довольно точно отражено международное положение Руси в начале XII века, ее чрезвычайно высокий внешнеполитичес-

кий престиж. Но где были истоки этого взлета? По каким торным путям, широким ступеням поднималась Русь к этому великолепию? Ведь, почитав иных авторов прошлого и настоящего, особенно некоторых современных западных русистов, только диву даешься: как это отсталая, безвестная, варварская страна вдруг засияла на европейской арене, да и вообще, возможно ли такое мгновенное превращение, в котором западные историки из далеко не научных побуждений также отказывают Древней Руси?

При ответах на эти вопросы мы и должны обратиться к первым шагам древнерусской дипломатии, к первым ее признакам, к первым ее, порой безвестным деятелям, которые, выражая волю нарождающегося класса феодалов, богатого купечества, защищая интересы складывающегося раннефеодального государства, ткали его внешнеполитические узоры, вели дипломатические переговоры в окрестных странах, закрепляя успехи русского оружия, прикрывали его поражения, готовя новые походы, отражали предстоящие нашествия, искали и находили союзников, нейтрализовали противников. А в ходе этой многовековой, трудной, кропотливой работы рождались, как и в других странах, первые дипломатические процедуры, церемониал, определялся характер переговоров, их оформление соответствующими устными и письменными, открытыми и тайными, пространными и краткими, предварительными и окончательными соглашениями, договорами, появлялись первые «штатные» дипломаты, люди, профессией которых стало выполнение дипломатических поручений молодого государства, — короче говоря, рождалась дипломатическая система, дипломатическая служба в самом прямом смысле слова.

Может возникнуть закономерный вопрос: да какая в те времена могла быть служба, какая могла быть система? Ну, ездили люди, иногда о чем-то договаривались. И все-таки с такими сомнениями можно было бы поспорить, поскольку складывание всего государственного механизма в период его естественного рождения проходит длительный путь, усложняется, эволюционирует от его примитивных форм до развернутых, глубоко разработанных, изощренных для своего времени методов ведения внешней политики. И порой, за малозначащими на первый взгляд, единичными, туманными, а потому спорными упоминаниями в русских летописях, в западных хрониках, в сочинениях восточных авторов о дипломатических действиях того или иного древнего русса мы, сопоставляя эти отдельные ориентиры с подобными же явлениями в сопредельных странах, вдруг открываем для себя стройный ряд стереотипов. И оказывается, что перед нами не единичные, спорные явления, если их рассматривать изолированно, лишь в применении к Киевской Руси, а обычные, характерные для других молодых, складывающихся государств, приемы дипломатической деятельности.

Государство не существует как некая абстракция, как нечто сложившееся, раз навсегда данное, оно проявляет себя в своих внутренней и внешней функциях. Внешняя функция государства: его отношения с другими государствами, выражение на внешнеполитической арене коренных интересов страны. Вот они, реальные результаты усилий государственной машины. Но как достигнут этот результат, какова механика, каковы скрытые пружины самих внешнеполитических усилий, как организованы эти усилия, в каких мимолетных соприкосновениях, длительных контактах, яростных схватках с другими такими же системами эти результаты достигнуты? Разве ответы на эти вопросы не характеризуют уровень государственного развития, его зрелость, масштабность, зна-

чительность? Попятно, что все эти вопросы, обращенные к нашей древности, к Киевской Руси, естественно, немедленно вторгаются в область рассуждений, а порой и дискуссии об уровне развития древнерусской государственности, о способности или неспособности руссов IX—X веков встать, в смысле государственного развития, на один уровень с наиболее развитыми государствами того времени. Одна эта мысль кажется нестерпимой для наших идеологических оппонентов, ненавистников великого прошлого нашей Родины. Но эта же мысль естественна для каждого объективного человека, спокойно, непредвзято, внимательно изучающего историю своего Отечества, занимавшего и в те далекие времена достойное место среди других стран и народов, место, определяемое энергией народа, его повседневными хозяйственными усилиями, сноровкой, талантами неизвестных русских людей, его воинскими свершениями, большими внешнеполитическими достижениями. И свое скромное, но не последнее место в этих усилиях, талантах и достижениях занимает порой незаметная, совершенно неизвестная широкому кругу любителей истории, но весьма впечатляющая по своим результатам работа первых русских дипломатов.

Благодаря их невидимым усилиям о Руси уже в IX—X веках знали в папском Риме, в Багдаде, в Германии и Италии, о ней упоминали корреспонденты, пишущие письма из Барселоны. Византия постоянно учитывала возросшую мощь Руси в своих внешнеполитических расчетах.

И все эти десятилетия, которые вели Русь от первых скромных успехов на дипломатическом поприще, от первых полевых миров до развернутых международных соглашений, вершин своего времени, медленно, но верно совершенствовалась древнерусская дипломатия. Ко второй половине X века Русь уже была связана долговременными соглашениями с варягами, венграми, Византией, неоднократно заключала договоры с Болгарией, печенегами, Хазарией, народами Приазовья, Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья, крымскими владениями Византии, вступила в политические отношения с Германской империей. Только с Византией в IX—X веках Русь заключила не менее одиннадцати соглашений разного рода — от устных полевых миров до развернутого письменного равноправного межгосударственного соглашения 944 года.

Русь этого времени уже знала миры письменные и устные, тайные соглашения, заключала договоры о союзе и взаимопомощи, научилась создавать против своих противников мощные военные коалиции.

Дипломаты Древней Руси при этом непрестанно связывали каждый крупный шаг своего государства с международными отношениями своего времени, научились учитывать расстановку внешнеполитических сил и определять свое место в этой расстановке. Они вели предварительные переговоры и вырабатывали проекты будущих соглашений, освоили посольский церемониал и перенесли на русскую почву систему международных дипломатических стереотипов, обогащая ее русскими традициями, заставляя иные страны принимать во внимание «Закон русский». Формировались кадры первых русских дипломатов, русские Великие князья включались самолично в дипломатическую деятельность, состязаясь с византийскими императорами в умении отстаивать интересы своей страны, бороться за ее государственный престиж.

Русь X века прочно выходила на европейскую арену, а русские дипломаты своей постоянной, кропотливой, казалось бы, незаметной работой готовили новый взлет государства в будущие времена.

ПОЭЗИЯ

Николай ЗИНОВЬЕВ

СЮЖЕТ

Николай Александрович Зиновьев — родился на Кубани в станице Кореновской в 1960 году. Учился в ПТУ, техникуме, на филологическом факультете Кубанского гос. Университета. Автор восьми поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России. Член СП России. **Живет в Краснодаре.**

РУССКИЙ СЛУХ

В своих стихах я не пою
А в рифму скрежещу зубами
Про жизнь ничтожную свою,
Так узнаваемую вами.

Вот потому-то этот скрежет
Смятения и злой судьбы
Вам слуха вашего не режет,
Хотя, казалось, должен бы...

* * *

К тебе, брат, речь я обращаю,
Коль с болью ты души знаком,
Ее с тобой не разделяю,
А забираю целиком,

Вобрать в себя всю боль людскую,
А почему, скажите, нет?
Задачу именно такую
Приходит в мир решать поэт.

Решит ли, нет — другое дело...
О, сколько их уже сторело
На этом поприще святом!
Хотя бы помните о том.

СЫНУ И ДОЧЕРИ

Я вам ничем не интересен:
Я не люблю ни ваших песен,
Ни ваших танцев, ни гримас
Пренебрежительных, ни фраз
На языке почти нерусском,
И мысли все мои о грустном.

И пусть не шибко я умен,
Но жизнь я вижу без прикрас:
Опять распалась связь времен,
Не навсегда ли в этот раз?

СЮЖЕТ

Была Наташка Божьей пташкой,
Ходила, как летела.
А пела... Ах как пела!
На мир светло глядела.

Теперь вам не узнать Наташки:
Ни перышка от Божьей пташки.

Пьет, курит, смачно матерится,
В окно ее любой стучится.
И я в окно ей постучал
Как человек, не блудный пес.
Не поучал, не обличал,
Нательный крестик ей принес
На шелковом шнурке
В зажатом кулаке.

Сначала показалось ей,
Что я смеюсь над нею, тешусь.
«На нем, — сказала, — и повешусь»
Я строго ей сказал: «Не смей!»

Не знаю, что потом с ней стало:
В слезах застал ее рассвет,
Она впервые так рыдала...
Вот, собственно, и весь сюжет.

УТЕШЕНИЕ

Когда ты никому не нужен,
То не считай это бедой.
Лови плотву себе на ужин,
Любуясь пурпурной водой.

Скупых не надо даже слез,
Любуясь месяцем двурогим.
Подумай: «Даже Сам Христос
Не нужен в наше время многим».

СТАРАЯ ВДОВА

А по утрам в глазах темно.
На хате крыша вовсе спрела.
И вспомнить страшно, как давно
Душа души перегорела.

Но на лице от жизни той
Остался свет. Он нестираем,
Как отблеск бедности святой
На миске с выщербленным краем.

ХУТОРОК

Не особенно богатый,
Но кой-что запасший впрок,
Разбросал сады и хаты
Вдоль речушки хуторок.

А еще привозят твóрог,
Или правильно: творóг?
Я не знаю, но мне дорог
Этот малый хуторок.

Жизнь течет без изменений,
А точнее, без прикрас.
Здесь без всяких извинений
Хлеб привозят в месяц раз.

И ни тем, что ивы гнутся
Так картинно у пруда...
Дед мой именно сюда
Должен был с войны вернуться.

* * *

На шляпке гильзу вынес рыжик
Из-под земли. Здесь окружен
Был взвод стрелковый из мальчишек,
Не знавших ни невест, ни жен.

Недолго длилось тут сраженье,
И за каких-то полчаса
Взвод вырвался из окруженья...
Клубами дыма. В небеса.

Здесь на рассвете выпадает
Особо чистая роса.

ЛЕГЕНДА

Провожала мать сына,
На войну провожала,
И, сорвавши косынку,
За теплушкой бежала,

Вдруг в глазах зарябило...
И уже много лет
Тянет ветви рябина
Электричкам вослед.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Сергей ГЛАЗЬЕВ

СТРАТЕГИЯ ПРОРЫВА

*Россия
в современном мире*

Сергей Юрьевич Глазев — родился в 1961 г. в Запорожье, СССР — экономист, политик, депутат Государственной думы 1, 3, 4 созывов. Заместитель ген. секретаря ЕврАзЭС. Доктор экономических наук, профессор, академик РАН. Окончил МГУ. Автор более 150 научных работ, награжден медалью Н. Д. Кондратьева за цикл исследований длинных волн в экономическом развитии. Директор Института новой экономики Гос. университета управления. С 1991 по 1993 годы работал в Правительстве РФ министром внешнеэкономических связей. В октябре 1993 года ушел в отставку в знак протеста против политики Ельцина. **Живет в Москве.**

Для России неприемлемо положение периферийной страны, являющейся технологическим и сырьевым придатком ядра мировой экономической системы. Поэтому мы должны противопоставить стратегии развития стран «золотого миллиарда» собственную стратегию долгосрочного экономического развития, реализующую национальные конкурентные преимущества для возвращения в число лидеров мировой экономики.

Россия еще обладает конкурентными преимуществами, оставляющими нам шанс прервать тенденции деградации и прорваться, наконец, к траектории быстрого и устойчивого развития. К наиболее важным из них относятся: высокий уровень образования и глубокие духовные традиции народа, богатые природные ресурсы, огромная территория и емкий внутренний рынок, квалифицированные трудовые ресурсы, высокая склонность населения к сбережениям, развитый научно-промышленный потенциал. Для реализации конкурентных преимуществ российской социально-экономической системы и — на этой основе — обеспечения роста производства и благосостояния общества должна проводиться государственная политика, отвечающая национальным интересам.

При выборе приоритетных направлений долгосрочной экономической политики необходимо учитывать закономерности современного экономического развития. Основным источником современного экономического роста, значение которого еще более усилится в наступившем столетии, является научно-технический прогресс и связанные с ним факторы: интеллектуально-образовательный потенциал, уровень развития науки, научно-технический уровень производства, инновационная активность.

Производство и удержание интеллектуальной ренты становятся ведущим механизмом извлечения сверхприбыли и решающим фактором глобальной конкурентоспособности.

Другой закономерностью современного экономического развития является его неравномерность, обусловленная процессом последовательного замещения целостных комплексов технологически сопряженных производств — технологических укладов. В ходе каждого структурного кризиса мировой экономики, сопровождающего процесс замещения доминирующих технологических укладов, открываются новые возможности экономического подъема. Страны, лидировавшие в предшествующий период, сталкиваются с обесценением капитала и квалификации специалистов, занятых в отраслях, где господствует стареющий технологический уклад, в то время как страны, успевшие создать заделы в формировании производственно-технологических систем нового технологического уклада, становятся центрами притяжения капитала, высвобождающегося из устаревающих производств. Каждый раз смена доминирующих технологических укладов сопровождается серьезными сдвигами в международном разделении труда, изменением состава преуспевающих стран и мировых лидеров.

Доминирующий сегодня технологический уклад начал складываться в целостную воспроизводственную систему в 50—60-е годы и составляет технологическую основу экономического роста после структурного кризиса 70-х годов. Ядро этого технологического уклада образуют электронная промышленность, программное обеспечение, технологии переработки информации, производство средств автоматизации и телекоммуникаций, авиакосмическая промышленность, добыча природного газа и производство продуктов его переработки. Предел его устойчивого роста будет достигнут, скорее всего, во втором десятилетии нынешнего века.

К этому времени сформируется воспроизводственная система следующего технологического уклада, становление которой происходит в настоящее время. Наиболее вероятными ключевыми факторами нового технологического уклада станут: биотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы. Дальнейшее развитие получают гибкая автоматизация производства, космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, ядерная энергетика; рост потребления природного газа будет дополнен расширением сферы использования водорода в качестве экологически чистого энергоносителя. Произойдет еще большая интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий. Прогресс в технологиях переработки информации, системах телекоммуникаций, финансовых технологиях повлечет за собой дальнейшую глобализацию экономики, формирование единого мирового рынка товаров, услуг, капитала, труда.

Важной особенностью современного экономического роста стал переход к непрерывному инновационному процессу в практике управления. Проведение НИОКР занимает все больший вес в инвестиционных расходах, превышая в наукоемких отраслях расходы на приобретение оборудования и строительство. Одновременно повышается значение государственной научно-технической, инновационной и образовательной политики, определя-

ющей общие условия научно-технического прогресса в отдельных странах. Постоянно растет доля расходов на науку в ВВП развитых стран, достигнув во многих из них 3% ВВП. При этом доля государства в этих расходах составляет в среднем 35-40%. Интенсивность НИОКР во многом определяет сегодня уровень экономического развития — в глобальной экономической конкуренции выигрывают те страны, которые обеспечивают благоприятные условия для научных исследований и научно-технического прогресса.

Огромное значение государственного стимулирования научно-технического прогресса в обеспечении современного экономического роста определяется объективными свойствами инновационных процессов: высоким риском, зависимостью от степени развития общей научной среды и информационной инфраструктуры, значительной капиталоемкостью научных исследований, требованиями к научной и инженерной квалификации кадров, необходимостью правовой защиты интеллектуальной собственности. Поэтому успех в глобальной конкуренции тех или иных фирм напрямую связан с государственной научно-технической политикой стран их базирования. Среди пятисот наиболее успешных фирм, действующих на мировом рынке, 218 являются американскими, 155 — европейскими, 76 — японскими. К сожалению, ни одна российская компания на сегодняшний день к их числу не относится.

С учетом производственного опыта и накопленного потенциала в перспективных направлениях развития доминирующего сегодня и будущего технологических укладов можно выделить основные приоритетные направления экономической политики государства, реализация которых обеспечит устойчивый рост российской экономики в долгосрочной перспективе:

- конверсия наукоемкой промышленности с учетом перспективных направлений формирования современного и новейшего технологических укладов;
- обновление парка гражданской авиации на основе организации массового выпуска отечественных самолетов новых поколений;
- производство современных средств гибкой автоматизации, программного обеспечения, электронно-вычислительной техники;
- развитие космических технологий;
- широкое внедрение новых микроэлектронных технологий, позволяющих резко поднять конкурентоспособность и эффективность отечественного машиностроения;
- опережающее развитие биотехнологий, резко поднимающих эффективность агропромышленного комплекса, медицинской промышленности и здравоохранения;
- обновление оборудования электростанций, износ которых приближается к критическим пределам;
- развитие ядерной энергетики, повышение безопасности атомных электростанций;
- внедрение передовых технологий промышленной переработки и использования природного газа;
- расширение жилищного строительства и реконструкция инженерных сетей в городах с использованием современных технологий;
- развитие информационной инфраструктуры на основе современных систем спутниковой и оптико-волоконной связи, сотовой связи в городах;

— модернизация непроеизводственной сферы на основе современного отечественного оборудования (диагностические приборы для медицины, вычислительная техника для системы образования и т.д.);

— оздоровление окружающей среды на основе современных экологически чистых технологий.

Наращивание конкурентных преимуществ российской экономики с учетом закономерностей современного экономического развития требует активной поддерживающей и стимулирующей политики государства, которая предусматривает систему мер государственной структурной, промышленной, налоговой, денежно-кредитной и внешнеторговой политики.

В частности, необходимы многократное повышение инвестиционной и инновационной активности, структурная перестройка российской экономики на основе широкого распространения современных технологий. Для этого должны быть:

— созданы институты развития, способные обеспечить привлечение инвестиций в развитие производственной сферы при помощи государственных гарантий, кредитных ресурсов государственных банков, сформированы каналы рефинансирования производственных инвестиций с участием Центрального банка;

— приняты действенные меры по пресечению нелегального вывоза капитала;

— сформированы процедуры выбора и механизмов реализации приоритетов структурной перестройки экономики на основе опережающего развития нового технологического уклада, созданы современные производственно-технологические структуры с высоким потенциалом роста на мировом рынке;

— сформированы институциональные механизмы, направленные на всемерное стимулирование научно-технического прогресса, включая обеспечение законодательно установленных нормативов бюджетного финансирования научных исследований, освобождение расходов предприятий на НИОКР от налогообложения, использование целевых научно-технических программ, предусматривающих государственную поддержку инновационной активности на перспективных направлениях развития экономики;

— создана современная информационная инфраструктура научно-исследовательской и предпринимательской деятельности;

— обеспечена эффективная защита прав интеллектуальной собственности, поддержка импорта новых технологий и защита российской интеллектуальной собственности за рубежом.

Кроме того, с учетом охарактеризованных выше угроз экономической безопасности страны, обусловленных процессами глобализации, необходимо принятие системы мер по перекрытию каналов нелегальной конвертации валюты в целях вывоза капитала и спекуляций против рубля на основе введения «фильтра» финансовых потоков — процедуры предварительного декларирования валютнообменных операций неторгового характера не менее чем за полгода.

Следует также принять меры по дедолларизации российской экономики и расширению использования рубля во внешнеторговых расчетах, что будет способствовать укреплению национальной валюты.

Россия может войти в новую историческую эпоху как ведущая мировая держава. Нашей стране — признанному в мире лидеру в сфере культуры,

науки, духовности, сохранившему значительную часть интеллектуального, научно-технического потенциала, по силам ведущая роль в формировании новых условий международного экономического устройства. Именно Россия способна заложить основы такого мирового порядка, при котором экономическая эффективность сочеталась бы с социальной справедливостью, а тенденции глобализации работали бы не на воспроизводство хаоса, а на устойчивое социально-экономическое развитие всех стран. Будучи первопроходцами в области разработки и реализации долгосрочных программ развития, мы могли бы стать мировыми лидерами в области прогнозирования глобального экономического развития, поиска и определения важнейших угроз и разработки мер по их своевременному устранению.

Правильный выбор и последовательная реализация приоритетных направлений экономической политики государства с учетом закономерностей современного экономического роста, проведение общенациональных интересов в политике сформируют искомую технологию прорыва из безнадежности к устойчивому социально-экономическому развитию.

Следом за пройденными уроками наступают перемены. Перемены в экономике, в политике, в культуре. Перемены в сознании десятков миллионов людей. Тех самых, во имя лучшей жизни которых, как утверждают политические лидеры, и проводятся экономические реформы. Однако их результаты бывают весьма далеки от изначально объявляемых целей.

Ни на каком этапе преобразований нельзя забывать о том, что обучение рынку — не самоцель, это лишь средство для достижения тех целей, ради которых на самом деле осуществляется трансформация хозяйственной системы. Опыт экономических преобразований убеждает в том, что залог успешности реформ — в их подконтрольности государственной власти, однозначно ориентирующей преобразования на достижение целей экономического роста и повышения уровня жизни. Возможно, при этом приходится принести в жертву погоню за надуманными, иллюзорными целями вроде сокращения объемов денежной массы или преодоления бюджетного дефицита. Это не должно останавливать правительство на пути обеспечения подлинных конечных целей реформ.

Так называемая рыночная экономика уже несколько десятков лет назад перестала развиваться стихийно. Понимание современного мирового хозяйства как воплощения рыночной стихии становится все более редким заблуждением даже среди либерально настроенных экономистов. В обществе зреет ясное понимание того, что сложившееся в мировом хозяйстве положение вещей есть не конкурентная среда, а искусственно поддерживаемая развитыми странами система разделения труда, в котором на долю менее развитых стран неотвратимо выпадают технологически отсталые и экологически вредные производственные процессы. Неравномерность экономического развития, обусловленная целым рядом факторов, воспринимаемых как достижения одних стран и просчеты других, на самом деле выступает следствием определенной логики современного мирового порядка, сознательно обеспечиваемой горсткой наиболее богатых стран мира.

Логика рыночной стихии — это логика безответственности перед грядущими поколениями, это тупик, выводящий огромные массы людей за пределы допустимых правил человеческого общежития. В частности, поэтому

«стихия» рынка на сегодняшний день нежизнеспособна и невозможна без направляющих и регламентирующих усилий государственной власти. Известный тезис Ф. Хайека о том, что нам не следует слишком заботиться о будущих поколениях, поскольку они не смогут позаботиться о нас, стал несовместим со стратегическим курсом на выживание цивилизации.

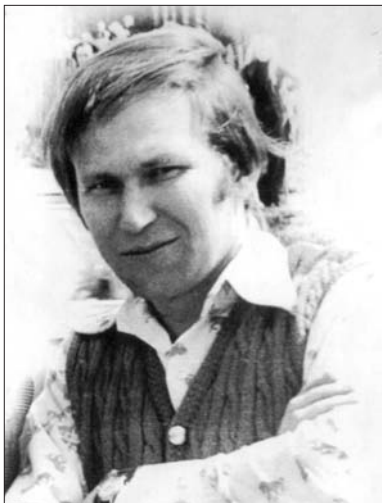
Не переход к рыночной экономике, а достижение устойчивого развития на основе новой, более справедливой, системы взаимоотношений между государствами — таков магистральный путь движения человечества. Это не легкий путь, он требует терпимости и ответственности от каждого участника трудного и длительного процесса достижения согласия и выработки взаимоприемлемых решений. Но реальной альтернативы нет. И задача стран с переходной экономикой заключается в том, чтобы правильно найти свое место в этом общечивилизационном процессе. От успешности решения именно этой задачи в решающей степени зависит роль каждой страны в грядущем мировом хозяйстве, очертания которого складываются на наших глазах.

У каждой страны сегодня есть реальные шансы на развитие, на достойное место в мировой экономике завтрашнего дня. Важно лишь правильно увидеть эти шансы, не гоняясь за призраками надуманных и навязанных извне целей. Нужна дальновидность, чтобы уметь принимать решение. Нужна ответственность, чтобы уметь объяснить его. Нужно мужество, чтобы уметь воплотить его в жизнь.

СВЯТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Перевозка льда

Сергей ХОМУТОВ

«ВПЕРЕДИ — ТОЛЬКО НЕБО...»

Сергей Адольфович Хомутов — родился в 1950 г. в Рыбинске. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор более десятка поэтических книг. Директор издательства «Рыбинское подворье». Член Союза писателей России. **Живет в Рыбинске.**

Настоянная на веках,
Дурманящая, точно брага,
В купеческих особняках
Весенняя гуляет влага.
Там, на Стоялой, что была
Еще недавно Пролетарской,
Царит задумчивая мгла,
Как призрак той России —
царской.

Столетия пропитали сквозь
И камень, да и воздух тоже,
На вбитый в нашу память гвоздь
Строенье каланчи похоже.
Жаль, что снесен под корень сад,
Усадьбу выгрызла разруха,
Печален времени уклад,
Ничто не вечно,

кроме духа.
И я ступаю в тайный след,
Сокрытый в зарослях крапивы,
И ощущаю давних лет
И дальних звуков переливы —
Негаданную благодать,
В которой теплится радушно
То, что уже не разгадать,
Да и разгадывать не нужно.

* * *

Не однажды гуляла стихия
По родимой моей стороне...
«Замело тебя снегом, Россия...» —
Снова строчка припомнилась мне.
Столько боли в ней слышалось ране
И тревоги на все времена,
О глубокой открывшейся ране
Многим напоминала она.
О поруганных душах и храмах,
О порушенных судьбах людских,
О написанных кровушкой драмах,
В коих нет ни чужих, ни своих.
Низвержение, холод, изгнание,
Нам казалось, уже позади,
Отчего же больное стенанье
Нынче вновь оглашает пути?
Миллионы —

по русским кладбищам,
Не война — а кресты и кресты,

Обездоленным, скомканным, нищим, Этой страшной, жестокой порой,
Боже правый, поможешь ли Ты? Где не снегом заносит Россию,
В чем откроешь им веру и силу А землю, землю сырой.

* * *

Всё — привычные буквы да скучные числа,
Напряжение губ и мелькание рук...
Может, надо уйти от убогого смысла,
Приподняться над ним —
 в дрожь, волнение, звук?

Ты сумей передать и дыханием просто
Боль и радость, любовный порыв и полет,
Пусть иные сочтут это всё за юродство,
Но в юродстве исконная святость живет.

Все законы и своды немного лукавы,
Их понурою волею произвели,
Самосевом пробились зеленые травы,
Божьим Промыслом
 звезды над миром взошли.

* * *

Попытки беспредельных рвений	Пора с былой расстаться модой —
Рождаются всё тяжелей,	На этот пустозвонный свет,
И жизнь моя всё откровенней	Настало время жить природой,
Уходит в тишину полей.	Как истиной последних лет.
По травам августа,	Здесь, где нелепо вожденье —
по тропкам,	Мелькать, витийствовать, трубить,
Покрытым теплою пылью,	Грехов премногих искупленье
Туда, туда — к ромашкам робким,	Еще возможно,
Умытым утренней росой.	может быть.

* * *

Высоко деревья над полем выросли...	И в кронах зеленых звенят воробы,
Как сердце тобой дорожит,	Рождая особый уют.
Кусочек родной поминальной земли,	
Где мама сегодня лежит!..	Что здесь я способен уже изменить, —
	Все, в общем, пристойно и так,
А рядышком с нею зарыли отца,	Одно остается — цветы посадить,
Укрыли в таинственной мгле,	Крапиву срубить да ивняк.
И нету святому волненью конца	
На этой печальной земле.	Всплывают мгновения, дни и года,
	И влагой туманится взгляд.
Осыпался дождик,	...Всё легче и легче дорога сюда,
по тропкам — ручьи	И всё тяжелее назад.
Вдоль строгих могилок бегут,	

Измерив жизни скоротечность,
Пройдя все смертные бои,
В забвение,
 а может, вечность,
Уходят сверстники мои.
Одних сгубила воля-дура,
Других безволия змея,
Родимая литература —
Почти расстрельная статья.
Над нею перезвон бокалов —
Как будто поминальный звон,
Недаром слышен из анналов
То плач, то безысходный стон.

И оттого темно и горько,
Что дупят в спину да в упор,
И нет известия, насколько
Тебе отложен приговор,
Какие выставлены иски,
С какого рокового дня...
Но только право переписки,
Молю, оставьте для меня —
Чтобы, в последнюю дорогу
Уйдя, в тот невозвратный путь,
Друзьям, любимой
 или Богу
Хоть строчку тайную черкнуть.

ПРИГОВОР

Чтобы снова на слом испытать человека,
И опять подводя под минувшим черту,
На холодном закате двадцатого века
Нас «поставили к стенке»,
 лицом в пустоту.

Только по неизвестной донныне причине
Всё ж оставили жить,
 непонятно зачем,
Потому как о нашей нелепой кончине
Известили публично, поведали всем.

И глядим в темноту, и ступаем на ощупь,
В одиночку, и сами не знаем куда,
Кто-то мрачно молчит,
 кто-то жалобно ропщет,
Про себя вспоминая былые года.

В напряжении скорбном, и слепо, и немо
Мы идем незнакомым, корявым путем...
Вот земля позади,
 впереди — только небо,
Слава Богу, теперь не собьемся, дойдем.

История и современность

Архимандрит
ТИХОН (ШЕВКУНОВ)

СОБОР ИЛИ ПАРЛАМЕНТ?

Церковные Соборы — это совершенно уникальное явление в нашем мире. Ему нет аналога в светской жизни. Ни Государственная Дума, ни Федеральное Собрание, ни кабинет министров, ни тем более партийный съезд не могут быть уподоблены церковному Собору («Синоду» по-гречески): здесь действуют совершенно иные принципы.

За двухтысячелетнюю историю Церкви в ней состоялось семь Вселенских Соборов, где были сформулированы основополагающие догматы, каноны, приняты важнейшие решения по вопросу церковного устройства. В каждой из братских Православных Церквей (Константинопольской, Александрийской, Иерусалимской, Русской и т.д.) созываются Поместные Соборы. Соборы — и Вселенские и Поместные, это надо особо подчеркнуть, всегда были исключительно соборами епископов. «Собор Поместный есть

Архимандрит Тихон (Георгий Александрович Шевкунов) — родился в 1958 г. в Москве. В 1982 г. окончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии по специальности «литературная работа». По окончании вуза стал послушником Псково-Печерского монастыря. В 1986 г. переведен в Издательский отдел Московского Патриархата. В 1991 г. пострижен в монашество в московском Донском монастыре. С 1996 г. — наместник Сретенского монастыря. С 1997 г. — архимандрит. Ректор Сретенской духовной семинарии. Руководитель издательства Сретенского монастыря и интернет-портала Православие.ги. Автор фильмов «Псково-Печерская обитель», «Гибель империи. Византийский урок», получившего премию Российской киноакадемии «Золотой орел» за 2009 г. Академик РАЕН. Награжден орденами прп. Сергия Радонежского II ст. и св. равноап. князя Владимира III ст. Служит в Москве.

собор епископов какой-либо области» — гласит Книга Правил, определяющая в том числе каноническое устройство Церкви. До XX века никому из церковных людей даже в голову не приходило, что членом Поместного Собора мог стать простой священник или мирянин. Хотя Собор мог призвать священника, монаха, мирянина в качестве ответчика, консультанта или лица, авторитетное мнение которого было важно при решении того или иного вопроса, но права голоса эти консультанты не имели. Исключение составляли представители тех архиереев, которые сами не имели возможности прибыть на Собор. Даже византийские императоры, которые созывали Вселенские соборы и председательствовали на них, как миряне не имели права голоса и, хотя скрепляли соборные решения своей подписью, но лишь для того, чтобы придать церковным законам силу законов государственных.

В начале XX века в разгар безоглядной либерализации всего строя русской жизни и в церковной среде явился великий соблазн парламентаризма. И этот соблазн не был преодолен. Поместный Собор Русской Церкви 1917-18 гг. в значительной степени стал попыткой заменить каноническую структуру Собора на парламентские формы. Впервые в истории Церкви на Соборе в качестве полноправных членов присутствовали избранные в своих епархиях священники и миряне, которых было в семь раз больше, чем архиереев.

Очень многим тогда казалось, что священный авторитет соборного решения епископов как преемников апостольской власти в Церкви — это нечто устаревшее, мифологизированное. Намного более прогрессивно казалось возглашать: «наше собрание большинством голосов решило», чем «изволися Духу Святому и нам» (именно последняя формулировка, означающая «угодно Духу Святому и нам» и взятая из «Деяний апостолов», венчает все соборные постановления).

Все это могло пойти слишком далеко. Каждый интересующийся данным вопросом может найти множество материалов о том, в каком нецерковном духе проходило Предсоборное Присутствие, как в епархиях собрания священников, дьяконов и псаломщиков увольняли достойнейших епископов, как профессора Санкт-Петербургской духовной академии готовили настоящую революцию в Церкви. Именно тогда набирало силу обновленческое движение, разрушительная мощь которого проявилась позднее, при большевиках. Даже либеральные церковные историки отмечают радикализм и непримиримость многих требований участников дискуссии. Собор начал дробиться на партии и фракции, которые то противились восстановлению патриаршества, то предлагали полную выборность епископата, или ратовали за введение епископата женатого и даже требовали полного упразднения монашества. (Заметим в скобках, что Император Николай II, создавший в свое время Предсоборное Присутствие, был настолько удручен подобной картиной, что принял решение отложить Собор до лучших времен, что часто ставят в упрек последнему российскому царю).

Облик самого Собора 1917–1918 гг., как вспоминает один из его участников, митрополит Евлогий (Георгиевский), «по пестроте состава, непримиримости, враждебности течений и настроений, поначалу тревожил, печалил, даже казался жутким». Епископ Алексий (Симанский), впоследствии

Всероссийский Патриарх, в одном из своих писем рассказывает: «Мой отец писал мне, что был как-то на пленарном заседании Собора; впечатления — как от парламента, а не Собора в церковном смысле». Обстановку усложняло то, что все газеты и журналы, сочувствующие Церкви, были закрыты, зато был создан «Церковно-общественный вестник, «оказавшийся в руках апологета обновленчества и рупора большевиков, члена Собора проф. Б. Титлинова. Последний своим поведением на Соборе даже вынудил митрополита Тихона, будущего Патриарха, сделать такое замечание: «Выступающие забывают, что у нас не митинг, не товарищеское собрание, а Священный Собор Православной Церкви...»

Если Государственная Дума стала катализатором развала императорской России, то с началом работы Собора многие священники, архиереи и миряне с ужасом почувствовали, что их Собор, который был созван с самыми благими намерениями, и, казалось бы, с необходимыми, соответствующими духу времени нововведениями, может стать катализатором разрушения самой Русской Церкви. Открывая одно из первых заседаний, митрополит Киевский Владимир говорил о том, что разномыслие, которое теперь «возведено в руководящий принцип жизни», вызывает у него опасение за успех деяний Собора.

Революционный дух, обновленческие идеи, которыми позже, в советское время пытались разрушить Церковь, пронизывали, к сожалению, многие доклады, прозвучавшие на Соборе.

Об уровне некоторых дискуссий можно судить по примеру даже самых «невинных» нововведений и реформ. Композитор А. Т. Гречанинов горячо ратовал за введение инструментальной музыки в православное богослужение, и предлагал установить в каждом храме орган «для придания церковной службе большей музыкальной красоты, возвышенности и силы воздействия на молитвенное настроение молящихся». В качестве аргумента он заявил, что предпочитает молиться в католическом костеле, поскольку только там находит ту религиозно-музыкальную атмосферу, которая позволяет наслаждаться художественностью исполнения религиозной музыки. Относительно органа ему правда возражал другой композитор А. Д. Кастальский, но тоже весьма своеобразно: «Введение органа в сельские церкви будет недоступно ни по цене этого инструмента, ни в силу отсутствия опытных исполнителей. Для подготовки хороших органистов потребуются специальные школы и очень продолжительное время. При наших условиях можно ограничиться недорогой фисгармонией, которую следует поставить на клиросе». То есть предполагалось, что с фисгармонией наши деревенские церковные сторожа и старушки-псаломщицы справятся без труда.

Необходимо оговориться: нет никаких сомнений, что Поместный Собор 1917-1918 годов не смотря ни на что, явился главным событием церковной жизни России XX века. Произошло главное, что дает все основания говорить, что этот Собор выполнил свою духовную и историческую миссию. На нем было восстановлено патриаршество. Переоценить значение этого деяния невозможно. Но решительный поворот в настроении Собора, отрезвление от революционного угара произошел лишь после того, как осенью 1917 года пушки «новой власти, принесшей свободу Церкви»

стали рушить кремлевские святыни, после того, как пали от рук палачей первые новомученики.

Чтобы сейчас избежать явных для нас сегодня нестроений, сопутствовавших проведению Собора 1917–1918 гг., необходимо в первую очередь исключить парламентаризм как фактор церковной жизни. Иметь право голоса и принимать все решения на Соборе должны как и прежде только епископы. На это они поставлены Богом и Церковью. Как бы ни ругала русских архиереев нынешняя пресса и злая людская молва, сколько бы ни говорили, что многие из них не способны иметь собственного мнения, православное сознание не воспринимает эту клевету и осознает каждого епископа преемником апостольской власти.

Конечно же, в современной церковной жизни есть не мало вопросов, требующих незамедлительного решения, глубокого изучения и свободной дискуссии. И, конечно же, необходимо, чтобы в обсуждении этих вопросов приняла участие вся Церковь: архиереи, священники, миряне. Такое обсуждение реально происходит и сегодня, но происходит оно стихийно, порой в совершенно чуждом церковной соборности духе.

Догматы, церковное устройство, ереси, расколы — вопросы, которые впоследствии обсуждались на Вселенских и Поместных соборах, как мы знаем из истории, всегда были предметами размышлений и споров в монастырях, в городских храмах, на площадях православных городов, в посланиях духоносных отцов. Это и была истинная соборность и участие мирян, духовенства и монашества в жизни Церкви. Позже, на самом Соборе могли находиться мудрые авторитетные миряне, великие монахи-подвижники. Их мнение могли спросить, их слово могло даже стать решающим в судьбе Собора, но принимали решение все же те, кто от Бога поставлен управлять Церковью Христовой — архиереи.

И сегодня, представляется, что нет тех вопросов, которые не могли быть обсуждены на уровне приходов, благочиний, епархий, в церковных журналах и газетах. Если это произойдет, то после необходимого периода общецерковного обсуждения у каждого епископа, в каждой епархии появятся предложения, проекты, касающиеся тех или иных вопросов церковной жизни. И тогда уже епископы, зная мнение своей паствы, будут принимать решения на Соборе.

Можно смело прогнозировать, что если Поместный Собор будет проведен в форме Собора 1917 года, то он, мало того, что превратится в церковный многофракционный парламент, но и затянется до бесконечности. Одни будут требовать его закрытия, другие, наоборот, продолжения. Такая обстановка, разумеется, нисколько не способствует принятию важных и конструктивных решений. Кстати, по Уставу Собора 1917 года относительно этого вопроса были продуманы соответствующие «меры безопасности»: архиереи могли прервать его работу при соответственном решении 2/3 епископата, не учитывая мнения остальных членов Собора. Но это опять все та же победа большинства над меньшинством. Были и другие «меры безопасности». После принятия какого-либо решения большинством голосов на пленарном заседании, каждый вопрос утверждался на Совещании Епископов. Хотя в таком случае становилось вообще непонятным, зачем на Соборе нужны священники и миряне, если они все равно не имеют возможности утверждать его решения.

Парламентаризм уже давно и активно проникает в церковное сознание. С большой долей уверенности можно сказать, что Поместный Собор, созданный в наше время, в той обновленной форме, которая была задана в 1917 году, будет выглядеть ненамного лучше теперешних заседаний Государственной Думы. Не следует забывать о средствах массовой информации, «четвертой власти», которая все настойчивее стремится быть верховным арбитром в церковных делах, причем почти всегда с антихристианских позиций. Совершенно очевидно, что СМИ постараются оказать самое мощное влияние на ход Собора. Однако этим силам будет значительно сложнее повлиять на работу Собора, если его членами будут лишь архиереи, а не выборные священники и миряне. К тому же приходится учесть, что уровень церковной и просто общей культуры, к сожалению, очень значительно снизился по сравнению с тем, что было сто лет назад. Тем строже сейчас необходимо следовать святоотеческим традициям.

Все это заранее настораживает и дает основания полагать, что Поместный Собор с теми формами демократического представительства, которые мы сейчас имеем, будет обречен как минимум на серьезнейшие проблемы. При нынешней ангажированности многих околоцерковных кругов, при нынешних пиаровских технологиях, которыми не преминут воспользоваться при выборе делегатов, форма проведения Поместных Соборов, которая была введена Русской Церковью в XX веке, весьма спорна.

Впрочем, сама жизнь часто корректирует некоторые административные постановления Поместных Соборов. В 1917–1918 годах, как и сегодня, определяли социальную доктрину Церкви, принципы взаимодействия Церкви и государства. Соборное определение предписывало, к примеру, следующее: «Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковной властью...» Или другое: «Глава Российского государства, министр исповедания и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными». Понятно, как советское правительство выполняло подобные постановления.

Если мы возьмем процедуру избрания Всероссийского Патриарха, то она в XX веке тоже не всегда выполнялась в соответствии с буквой Устава: патриарха Сергия выбирало 18 архиереев, патриарх Алексей I избирался в присутствии восточных патриархов и т.д. Причины подобных отступлений понятны. Церковь — это живой организм, и не всякое административное постановление Поместного Собора строго устанавливается на все времена. В СМИ сейчас бросают упреки Церкви, что Соборы созываются не раз в пять лет, как предусмотрено Уставом. Но стоит вспомнить что и Вселенские и Поместные Соборы всегда созывались по мере необходимости. Одна крайность — на двести лет прекратить всякую соборную деятельность, другая — введение жесткой периодичности в соборную жизнь Церкви. Это, к сожалению, та же хорошо узнаваемая калька со светской жизни, все та же уступка духу времени, а это ничего доброго в Церковь принести не может.

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884-1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Окончание. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г. и № 1, 2, 3, 4 за 2009 г.

Что такое спасение?

Это ясно и просто объяснено в Катехизисе: Господь Иисус Христос избавил нас от греха, проклятия и смерти (IV член Символа Веры); грех — это жизнь, противная воле Божией, нарушение Закона Божия — постоянное, привычное.

Так жить человек может и бессознательно: сам не думает и даже не понимает, что он нарушает Господни повеления, — может быть и понимает, да совладать с собой не может, силы нет стать добрым.

Бывает нарушение воли Божией и сознательное, когда человек не желает исполнять волю Божию, хотя и знает ее, и понимает, что он идет против Бога. Это уже вражда против Бога, настроение чисто сатанинское, Великий Правосудный Господь не может дать злу равную с добром долю — и осуждает зло на погибель.

Это осуждение и есть проклятие Божие. За ним неизбежно и смерть вечная, смерть не тела, а смерть души, когда душа отлучается от Господа, лишается света и радости и направляется во тьму, на страдания.

Вот от такого-то греха, проклятия и смерти пришел нас избавить Господь Иисус Христос, и это избавление и называется **Спасение**.

Это спасение человеческое Господь Иисус Христос совершил и жизнью своею на земле, и примером Своим — указывая на деле, как следует жить по-Божьи, и Словом Своим, рассказав людям и напомнив им Волю Божию во всей ее полноте, и Своими страданиями, Крестною Смертию и Воскресением.

А как же человек получает это спасение? И как его понимает? Что считает в этом деле более важным?

При решении этих вопросов христиане и разошлись в разные стороны. Католики понимают это дело так, а протестанты — иначе, а Православная Церковь еще по-иному и, прибавим, понимает именно так, как учит Слово Божие.

Православие самым важным в деле спасения считает освобождение человечества от греха, а католики и протестанты главное видят в освобождении от проклятия и смерти, то есть в освобождении от мук, вечной гибели — иначе, в даровании человеку блаженства, вечной радости.

Совершенно понятно, что человек, получивши спасение, будет вечно жить в блаженстве, в радости несказанной. Тогда, следовательно, указанный вопрос можно представить так: а как получить эту небесную радость?

Вот здесь-то и трудность вся.

Дело в том, что человеку, любящему радость, ищущему удовольствия, хочется иметь их везде и всегда, и здесь, и там. Вот если бы получить небесную радость как-нибудь полегче, поудобнее, без особенных трудностей, без больших усилий... В то же время совершенно понятно, что придется что-то самому предпринять... Одним словом: и хочется, и колется, и бабушка не велит, как пословица говорит.

Хочется устроить так, чтобы и там-то было сладко, да и здесь, на земле, не так уж горько; чтобы и в Царство Небесное угодить, и здесь сладко пожить. Дело в том, что без сладости, без удовольствий себялюбец и жизни не понимает: коли нет радости, то и жить не стоит.

Протестанты, думая разрешить такую задачу, такое свое затруднение, обратили особенное внимание, во-первых, — на те места в Слове Божием, где говорится, что Господь Иисус Христос спас человечество от греха, проклятия и смерти. Недаром же Он и назван «Иисус», что значит «Спаситель». Во-вторых — на такие места Священного Писания: *Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал в Единородного Сына Божия* (Ин. 3, 18). *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16). Также Ин. 8, ст. 27, и много подобных мест.

Прочитали эти слова Господа Иисуса Христа и решили: в этом все. Веруй во Христа, как в своего Спасителя, и ты уже спасен, больше с тебя ничего не требуется. Живи, как жил до сих пор, и будь покоен: — все сделано.

Так говорят протестанты и наши соседи баптисты. И легко, и просто. Чего еще искать? В Ивановке (около станции Парголово) баптисты звали прохожих к себе на беседу. Зайди к нам в калитку, зайди в дом на беседу — и ты уже спасен. Больше ничего не надо.

В чем же тут дело? Ведь нельзя же представить, что они такие малые дети, чтобы так рассуждать. Ведь читают же они Евангелие? Они ведь хвалятся тем, что никогда с Евангелием не расстаются.

Все дело здесь в этой самой правовой теории — учении западных христиан.

Патриарх Сергей пишет так:

«По протестантскому учению выходит, что Господь Бог все время был разгневан на человека, все время не мог простить человеку того оскорбления, какое человек нанес Ему грехом. Потом, вдруг, видя веру человека в Иисуса Христа, примиряется с человеком и не считает его Своим врагом,

хотя человек и после этого может еще грешить, но уже безнаказанно. Здесь со всею очевидностью обнаруживается то основное начало, которым живет правовое жизнепонимание: здесь все построено на оскорбленном самолюбии — раз успокоено самолюбие, тогда и грех, который прежде осуждался и подвергался проклятию, теряет свою греховность».

Даже странно сказать: грех становится вроде как не грех. Потому об избавлении от греха протестанты и не говорят ничего. И наказывать, следовательно, не за что! Живи и радуйся. И на земле можешь всласть пожить, никаких сладостей не лишаться, и там, тем более, — радость там будет бесконечная. Так понимают спасение протестанты.

А как же Слово Божие указывает человеку «узкий трудный путь», говорит, что Царстве Божие с усилием добывается?

Они на такие вопросы не отвечают, молчат. Выходит, этих мест в Евангелии можно не читать. Выбирай, что подходит для тебя, а остальное пропусти. Так, что ли? Они учат: спасение заслужил Христос; оно — награда за заслугу Христову. Человек поверил во Христа, и Господь считает заслугу Христову, как бы это была заслуга человека. Ты — виноват, а Христос за тебя уплатил, заслужил тебе спасение — говорят протестанты (и наши баптисты в том числе). Чего же ты беспокоишься? Зачем собираешься сам трудиться? Или ты не веришь в заслугу Христову?.. Твои потуги к добрым делам только обижают Господа: показывают твоё неверие...

Таким учением стараются успокоить совесть человека, но не выходит, не успокоить ее никак. Совесть все равно колет, и больно колет, и человек понимает, что тут что-то не так, что-то не ладно. И покоя в душе нет... И вот у протестантов каждый человек начинает сам решать и разбираться, чувствуя какую-то неловкость, что-то недосказанное. Читает слово Божие, ищет, найдет то или другое место и решает: вот где разгадка!..

И начинает показывать, объяснять своим друзьям. Те слушают, собираются, соглашаются с первыми, объединяются, начинают думать все одинаково. А там где-то другой кружок — там другое место в Слове Божием понравилось, те по-своему думают, и третий кружок, и четвертый, и т. д. И разделились протестанты на отдельные кружки (они называют «секты»), и таких сект сейчас в настоящее время до 300. В одних больше последователей, в других меньше. И каждая считает себя Истинной Христовой Церковью. И спорят, и стараются убедить друг друга.

Совсем грустно, чтобы не сказать страшно. Ведь дело касается вечной участи!..

(Сейчас они решили договориться, хотят объединиться и выработать новое христианское учение, которое всех удовлетворит. Это так называемое экуменическое движение в христианстве. И православных приглашали на свои собрания, но православные справедливо ответили: Есть же Евангельское учение — какое еще новое надо!..)

Католики говорят: нужно самому человеку заслужить себе спасение. И Христос, говорят они, только открыл дверь в Царство Небесное, а заслужить вход туда нужно самому человеку, а именно добрыми делами. И добрые дела эти — не для угождения Господу, не из любви к Отцу Небесному, а для того, чтобы покрыть грехи свои, чтобы рассчитаться за грехи.

Если бы не грешили вовсе, то и рассчитываться не за что — и добрые дела не нужны. А если был у тебя какой-нибудь грех, говорят католики,

то сделай равное доброе дело, покрой им грех — и греха нет. Больше грехов — больше надо и добрых дел. Когда добрых дел больше, чем грехов, тогда излишки — это будут сверхдолжные заслуги, и они поступают в сокровищницу сверхдолжных заслуг... А если добрых дел не хватает, тогда не прогневайся, пойдешь в чистилище, пока наказаниями не отработаешь за грехи... Когда покроешь все грехи равным числом добрых дел или терпением наказаний, тогда тебя и наказывать не за что: ты рассчитался вчистую, по совести... Тогда жди радостей Царства Небесного...

Так просто, конечно, в их книгах неудобно говорить, там все затуманено, что сразу и не разберешь, но по сути дела так и есть. Как видите, добрые дела — исполнение заповедей Евангелия — здесь не есть прямой долг человека, не есть неременная обязанность христианина, а только средство обеспечить себе место в Царствии Небесном, только способ добиться сладостей и радостей загробных.

В этих радостях, следовательно, все и дело.

Теперь сами видите, как справедливы слова Патриарха Сергия, приведенные мною в начале беседы, а именно: католики и протестанты самым важным в деле спасения считают освобождение человека от проклятия и смерти, то есть освобождение от вечных мук и получение небесных радостей. Они расходятся только в способе, каким это получается. Для них вечная радость, вечное блаженство есть награда, зарплата за труды на земле.

Между тем, все священные писатели одинаково говорят, что вечное блаженство — это столь великий дар, что невозможно никакими трудами заработать его. Пусть хотя тысячу лет человек трудится неуклонно — все равно и таких трудов будет мало, чтобы зарплатой за них было Царство Небесное. Невозможно найти достаточных трудов (так говорит преподобный Макарий Египетский, да и все святые подвижники).

По православному пониманию, грех сам по себе, помимо всяких гибельных последствий (вечных мук и страданий в геенне) составляет величайшее зло, и даже он один и является *злом в собственном смысле, злом действительным*, как говорит святой Василий Великий.

Патриарх Сергей даже прибавляет так:

«Освободить истинного последователя Христова от всех последствий греха (т. е. от проклятия и смерти), но не освободить от самого греха, значит, не только не спасти его, но и подвергнуть его самой горькой и страшной участи, какую только он может себе вообразить. Вечно жить и вечно грешить — это для него хуже геенны».

На самом деле, ведь вечные муки, страдания — есть... только результат греха, только следствие греха, если бы не было греха, то и мук этих не было бы. Если нет дождя, то и луж на улице нет. Надо грех уничтожить в человеке — вот самое важное в деле спасения.

И действительно, спасение для православных есть прежде всего и главным образом избавление от греха. Вот с чего надо начинать... Надо освободить человека от греха.

Патриарх Сергей говорит так:

«Сущность спасения в том, что Господь Иисус Христос даровал нам силу, которою побеждаем прилоги нападающего на нас диавола и пребываем свободными от своих прежних страстей». И: «Цель спасения и смысл его в избавлении от зловония собственных язв человека».

Преподобный Ефрем Сирий говорит:

«Я спасся от множества долгов, от легиона грехов, от тяжких уз неправды и от сетей греха. Спасся от лукавых дел, от тайных беззаконий, от скверны растления, от мерзости заблуждений. Восстал я из этой тины, вышел из этого рва, вышел из этой тьмы. Уврачуй же, Господи, по неложному обещанию Твоему, все немощи, какие видишь во мне».

Вот в чем сущность спасения, как ее святые отцы понимают.

Грех — это не отдельный случай нарушения воли Божией (например, ссора, скверное слово). Если такой грех уничтожить, простить — этого мало: завтра он опять повторится. Отдельные грехи — это как листья или плоды на дереве: сорви лист или плод — новый вырастет. Дерево-то осталось. И если дерево худое, то хороших плодов с него не будет. «С осины не снимают апельсины», говорит пословица.

Надо самую душу человека, зараженную грехом, обновить, освободить от греха, от греховной враждебности по отношению к Господу, от тяготения ко греху.

Ведь человека ко греху тянет и тянет, хотя бы человек и не хотел греха.

Вот Святая Церковь и учит в своих песнопениях, что Господь Иисус Христос пришел, чтобы *прежде падший обновити образ*. Тот, Кто создал человека, Тот, и только Он Один, может и силен пересоздать человека. Человеку самому тут ничего не сделать...

Вот почему понадобилось Сыну Божию сходить на землю и принять человеческую природу. Какими заслугами человек мог обязать, заставить Сына Божия это сделать? — Единственно только Милость Божия сделала это. Бог Отец пожалел несчастных людей и послал Сына Своего в мир, *да спасется Им мир*.

Господь и пришел, чтобы Свой образ, по которому сотворен человек, обновить, возродить, поставить его вновь в то состояние, с каким человек вышел из рук Творца.

Спасение и состоит в этом возрождении, в обновлении природы человека, а не в том, чтобы прикидывать на счетах, сколько у тебя добрых дел и сколько грехов, чтобы подвести баланс, как делают католики. И не в том, чтобы объявлять человеку, что он спасен, что он с сегодняшнего дня числится в Церкви Небесной, как говорят протестанты. В таких речах ой как мало утешительного!..

Каким же способом совершается возрождение, обновление человека?..

Всемогущий Любвеобильный Господь и способ дал самый необыкновенный, дивный, достойный Своего Творца. Этот способ — *Таинство Крещения*. В Таинстве Крещения человек умирает для греха и воскресает совсем обновленным для новой, святой жизни.

Это даже образно показуется: крещаемый погружается в воду — ведь если бы он остался в воде, он задохся бы, умер, — но он быстро поднимается, выходит из воды — и снова живет, воскресает.

И в это время Благодать — эта Всемогущая сила Господня — совершает чудесное дело. Все греховное, что было в человеке: и его личные грехи, и первородный грех — все исчезает, снимается, и человек выходит обновленный. Какой-то переворот в его жизни наступил: в ней нет греха, он весь расположен творить Волю Божию.

Чистенький по душе, беленький выходит он из купели Крещения. Он теперь может все хорошее творить, принудительная сила греха исчезла, и не висит над ним эта странная, влекущая на зло сила греха.

Не то, чтобы природа его новая стала, она осталась прежняя, только она стала обновленная, очищенная, как тело после бани. Недаром Крещение и называется в Священном Писании «банею водною».

Но этого мало. Обновленному человеку Господь протягивает Свою Всемогушую Руку, дает Благодать Свою, Ангела-Хранителя приставляет — все для того, чтобы поддерживать и направлять человека на новом пути жизни. Ухватись, человек, за эту Руку Божию и держись крепко, не выпускай ее никак!!!

С таким Помощником ничего не страшно... С каким восторгом Апостол Павел восклицает: *Все могу об укрепляющем меня Иисусе!* Это после того, как он почувствовал эту помощь Божию! И эта помощь никому не заказана, всякий может ее получить. *Просите, и дано будет вам* (Мф. 7, 7).

Но... хотя бы человек и чувствовал, и знал эту помощь Божию, но и самому нельзя сидеть сложа руки. Он и сам должен силиться, напрягаться, стремиться делать то, что угодно Господу.

Раньше сказано было, что в человеке произошел какой-то таинственный переворот: склонность ко греху исчезла, и человек может творить волю Божию. И эту возможность надо претворить в дело, самым делом показать ее. Недаром говорится у подвижников: Бог Свое сделает, лишь бы человек сделал свое.

А «свое» у человека и будет самое искреннее стремление, мало того — твердая, бесповоротная решимость отныне все сделать по-Божьи, во всем быть согласно с Волей Божьей: и в мыслях, и в чувствах, и в желаниях. И все время, сознавая свою немощь, крепко молить Господа благословить это решение, утвердить его; слезно молить, чтобы Благодать Божия не отступала.

Всю жизнь надо работать, трудиться. В таинстве Крещения только семя посеяно в душу. Святые отцы говорят, что «праведность, данная в Крещении, только зачаток, который надо развить, осуществить, довести до своего конца — до Богоподобия». Человек только стал на дорогу, которая ведет в Царство Божие, теперь предстоит совершить этот путь, но, как прекрасно говорит св. Исаак Сирин, «во всяком разумном существе без числа бывают перемены, с каждым человеком ежечасно происходят изменения».

И как же надо строго наблюдать за собой, царствовать, как говорит Слово Божие, не спать, глядеть в оба, чтобы не нарушить своих обетов: сочетаться Христу и облечься во Христа. Стал на путь — и иди! Конец пути — Царство Небесное!

И вся жизнь православного христианина до краев наполнена заботой и работой. Ему некогда скучать, разнеживаться, потому что враг-диавол так близко ходит, *иский, кого поглотити*.

Патриарх Сергей в своей книге говорит так:

«*Протестант* не может объяснить, почему и зачем живет он после крещения. Он совсем оправдан и навсегда. Лучше бы ему сразу умереть: все равно ничего лучшего он получить не может.

Католик может, правда, сказать, что он желает увеличить свой венец, хочет к Христовой праведности прибавить своей. Но это уже будут его сверхдолжные заслуги, и зависеть они будут от его личного желания.

Представим себе, что у него нет желания иметь сверхдолжные заслуги, тогда зачем и жить на земле: смысла никакого нет.

У *Православного* христианина есть смысл в жизни и дело многотрудное, но и многоплодное».

Святой Афанасий Александрийский говорит: «Святое Крещение только открывает нам путь ко спасению». Святой Григорий Нисский говорит красиво и образно: «Принявший Крещение подобен молодому воину, только что внесенному в военные списки, который не показал ничего ни воинственного, ни мужественного. Ему еще много надо поработать над собою, чтобы стать воином настоящим». Ему еще предстоит тяжелая борьба с греховными привычками, с привычною жизнью по стихиям мира сего. Только после этой борьбы, когда будет изглажена самая возможность греха, цель человека можно считать достигнутой.

А какая это цель? А святость.

И опять мы пришли к тому, о чем говорили два месяца назад. Всю жизнь человек должен помнить, что надо быть как можно ближе к Богу, всеми силами стремиться к Богообщению. А для этого молиться постоянно, *жить по Божьим Законам, и в особенности чаще ходить к Святому Причащению.*

В Таинстве Причащения Святых Тела и Крови Христовых *человек искренне сочетается со Христом.* Прививается к Лозе Господней, делается веткой ее и питается соками этой лозы. А такой принесет «*плод мног*», говорит Господь.

Как это все дивно Господом устроено! Бесконечна Премудрая Любовь Твоя, Господи, к нам, грешным!!!

Но... и тут «но». Без «но» нигде не обойтись... Таков уж есть человек!.. Но... беда вся в том, что старые грехи забыть нельзя. Например, св. апостол Петр, уже прощенный Господом, всегда оплакивал свое отречение от Него. Как только пел петух, апостол Петр, вспоминая свой грех, оплакивал его.

А может быть и наоборот: при воспоминании прошлого греха вспоминается и сладость его — невольно опять потянет к нему, а тут еще и помощник найдется, диавол — поможет воскресить грех в душе... И человек мыслью — желанием — уже поскользнулся, а там, глядишь, и дело грешное подоспело. И человек опять согрешил...

Как же тогда быть?.. Благодать Божия отступила. Ангел Хранитель отошел, со слезами, с горькою тоскою смотрит на человека. Что делать?

А оказывается, Всеведущая и Премудрая Любовь Божия и это предвидела... И на такой случай уже решен способ. Столько же дивен способ, чтобы восстановить Благодать Крещения. Что же это такое?

А таинство покаяния — исповедь. Покаяние и называется: второе Крещение.

С полным ясным сознанием всего безобразия своих греховных дел, с полным сознанием всего ужаса греха, который отлучает человека от Господа, с полным сознанием своей виновности, своего ничтожества и недостойнства человек приступает к исповеди.

Просто и искренне, без утайки раскрывает (исповедует) свои постыдные дела, горько сожалеет, тоскует, плачет, униженно просит прощения в том оскорблении, которое нанес Господу. Просит только пощады, только милости Отца Небесного, как блудный сын Евангельский, как блудница,

омывающая ноги Христа слезами... и слышит в сердце своем сладкий голос Сладчайшего Иисуса Христа: *Иди и вперед не греши.*

И чувствует, и со слезами целует благостную, благословляющую Руку Господню...

И Ангел Хранитель веселый и радостный вновь приступает к человеку, и Благодать Божия вновь осеняет его, и он, чувствуя радостную Милость Божию, со всем пылом ревности о Господе, со всем искренним порывом своей решимости устремляется на дела благие, твердо помня слова Господа Иисуса: *«вперед не греши, да не горше ти что будет»* (то есть, да не будет с тобою чего-нибудь хуже того, что сейчас переживал).

Тот таинственный переворот, тот перелом в жизни своей, пережитый первый раз в Крещении, теперь вновь переживается человеком, и он со всею искренностью обещает Господу: не буду, не хочу нарушать Волю Твою, не хочу оскорблять Тебя, Господи!

И Господь благословляет искренний порыв человека, укрепляет искреннее намерение его и вновь зачисляет его в число воинов Христовых и через Таинство Тела и Крови Христовых вновь вливает в эту вновь привитую ветку соки жизни Божественной. И человек, окрыленный надеждой на Божию помощь, снова вступает на путь жизни.

И, как все святые отцы говорят, во всем этом акте *крайне важное место занимает вот эта самая решимость, решимость бесповоротная — вперед быть верным Господу до смерти. Нет этой решимости*, говорят они, *и Благодать Божия не нисходит* на человека.

В самом деле, разберемся.

В нашей обыденной жизни слово *«помогите»* предполагает, что человек со всем усилием трудится, и никак не может сделать, силы нет, и он и зовет — *«помогите»!* Подоспеет помощь, и дело сделано. А без нее не было бы ничего. А кто ничего не делает и не зовет помощи — никто даже и не подумает спешить к нему на помощь.

Так и Благодать Божия — всегда готова на помощь человеку и всегда действительно помогает ему в деле спасения, но помогает только тому, кто трудится. А если он ничего не делает, то кому же помогать?

Мы с вами крещены малютками, когда еще ничего и понимать не могли. И потому для нас сейчас важно знать и понимать, как правильно совершать исповедь. И видите теперь, чем была наша исповедь неправильна. Она недостаточна была потому, что мы не переживали этого переворота, этого перелома в своей жизни, чтобы старое осталось позади, а впереди все новое — Божие... Все старание наше должно быть направлено на то, чтобы прежнее не повторялось, а на его место было все противоположное (например, вместо ссоры — дружба, вместо грубостей и колкостей — дружелюбное, братское отношение).

Вот это-то искреннее стремление к новому, к доброму, эту-то решимость отвергнуть, даже возненавидеть грех, все старое — и благословляет Господь, и Благодатию Своею дает крепость и силу этой решимости, укрепляет это настроение, только бы оно жило и было в человеке неистребимо.

У нас не было этого переворота и, страшно сказать, Благодать Божия не имела что укреплять и оставляла нас опять одинокими, мы через полчаса после Причастия снова ссорились, бранились — и все, все повторяли, в чем

только что каялись. И после Причастия не переживали радостного настроения, шли домой по-прежнему унылые, и в жизни не было просвета.

Вот какое дело!

Вся последующая жизнь (говорит Патриарх Сергей) будет не механический придаток, а необходимое дополнение свободно-охотного и вместе таинственного переворота, пережитого нами в Таинствах Покаяния и Причастия. Видите, как важно в исповеди это настроение перелома в жизни своей.

Но мне кажется, что вы все же еще недостаточно представляете, насколько важна эта ревность — отныне жить только по-Божьи... И я вам скажу такие дивные речи подвижников наших, каких вы, несомненно, еще не слышали.

Патриарх Сергей в своей книге пишет:

«Если сущность Таинства в укреплении ревности человека к добру, то совершенно понятно, что эта ревность все равно сделает человека членом Царства Небесного и даст ему способность усвоить (воспринять) блаженство святости, хотя бы в настоящей жизни пришлось только на словах выразить свою ревность к добру, а на деле он ничего не сделал.

Если человек после крещения (или покаяния) ничего не делает для своего совершенствования, хотя и имеет к тому возможность, это знак, что он принял таинство только наполовину, что любви к добру и желания Святого общения с Богом у него на самом деле нет.

Естественно, такой человек не получит обещанной ему награды: потому что он по настроению своей души чужой Царствию Небесному.

Но если человек не делал ничего только потому, что не мог, или потому, что смерть не допустила его исполнить свое обещание, тогда, конечно, Царство Небесное ему открыто, если он его желает, всею душою хочет быть святым, хочет идти за Христом. Его душа, следовательно, готова к созерцанию Всесвятого Бога и к общению с Ним; это общение с Господом, столь желанное для него, будет ему дано».

Святой Ефрем Сирин объясняет, как спасся благоразумный разбойник. Он говорит: «Разбойник только словесно исповедал Иисуса Христа Господом и спасается, потому что не было ему времени принести покаяния; он показал переменою свое стремление обратиться и на деле, если бы было дано ему время». И прибавляет буквально так: «Как за слово можно быть осуждену в нечестии, так по слову же можно оказаться и благочестивым».

В чем же заключается перемена — перелом в разбойнике благоразумном?

Святой Ефрем Сирин этот перелом видит в том, что раньше разбойник находил удовольствие вместе с другим разбойником распятым поносить Господа и издеваться над Ним, а теперь проникся таким благоговением к Святости Поруганного, что только осмелился просить быть помянутым в Его Царствии. От непонятной дикой вражды к Господу обратился к смиренной благоговеющей любви к Нему и глубочайшему уважению.

Я еще прибавлю таких примеров. Разве мало было таких случаев?

Стояли язычники и смотрели, как мучили христиан. Вдруг того или другого озаряла мысль, что такие ужасы никак невозможно человеку перенести одному. Ясно, что его поддерживает Тот Бог, Которого мученик исповедует. Вся душа его вострепелась, и он громко воскликнул: «И я — христианин!» Ему немедленно отрубили голову. Он никаких добрых дел не

успел сделать, даже и крещения не принял, а мы считаем его св. мучеником, и твердо уверены, что он несомненно в Царстве Небесном.

Это крещение кровью.

Когда 40 мучеников Севастийских были поставлены в замерзавшее озеро, а на берегу нарочно была поставлена натопленная баня, и когда один из них не стерпел страданий холода, выскочил из воды и побежал в баню, сейчас же на его место побежал один из охранявших воинов и замерз вместе с другими. Он тоже не крестился и добрых дел не делал, а святой мученик.

Святая София только смотрела на муки ее дочерей: Веры, Надежды, Любви, сама мук не переносила, собрала святые останки дочерей, похоронила их в одном гробе, просидела у могилы три дня и тут же умерла. А мы говорим: «Святая мученица София».

В чем же здесь дело? Как объясняют православные такие факты? А вот послушайте эту великую тайну спасения.

Патриарх Сергей об этом говорит так (Слушайте! слушайте!...): «Господь Бог ищет не ваших поступков, не заслуг со стороны человека, чтобы не даром уступать ему блаженство в вечном общении с Собою, а ищет только **способности** к восприятию этого общения и дает его, не сколько Сам может или хочет дать, а *сколько человек может вместить*».

Святой Макарий Египетский говорит: «Человек будет наслаждаться обетованием в такой мере, в какой, уверовав, возлюбил Его, а мы в такой мере, в какой трудились. Поскольку дары велики безмерно, то невозможно найти достойных трудов. Но велика должна быть вера и надежда, чтобы ими, а не трудами, измерялось воздаяние. Основание же веры — духовная нищета и безмерная любовь к Богу».

Продолжим речь Патриарха Сергия:

«Раз существует эта любовь к Богу, раз человек сознает в душе свое ничтожество без Бога и всею душою искренне устремился к Нему, тогда спасение будет даровано ему, хотя бы делами он не успел заявить своего бесповоротного решения».

Закончим словами святого Григория Нисского: «Только пожелавший доброго, а к совершению его встретивший в чем-либо препятствие, в силу этой невозможности и в силу расположения души ничем не меньше обнаружившего свое рвение через дела».

Следовательно, *все дело спасения человека — в его бесповоротном решении служить только Христу, самоотверженно отсекая все свои греховные желания*.

Есть у нас такое настроение — благо нам, нет — значит, мы ничего еще не делали.

Аминь.

...Если сущность Таинства — в укреплении ревности человека к добру, а у нас этой ревности нет, то, выходит, и укреплять нечего у нас... Как же быть нам? И грустно, и страшно за свою участь... Нет светлой ревности к добру, нет решимости твердой — и негде взять...

Так говорят мне... Как негде взять?... А Господь Иисус Христос? А Бог — Дух Святой Животворящий? Помните слова: *Грядущего ко Мне не прогону вон*.

Путь указан и место указано. Пойдем же к Господу! Упорной слезной молитвой, со всей такой душой обнищавшей, вымолим у Господа и эту ревность, чтобы Он Сам нам дал ее, чтобы Он Сам и укрепил ее, сделал «бесповоротной решимостью», как говорят подвижники. Сам бы и научил нас, что и как делать, Сам бы помогал нам Своей Всемогущей Силою...

Будем молиться упорно, настойчиво, с твердой верой, что это все можно получить от Господа и с несомненной надеждой, что обязательно получим!.. *Просите и дастся вам! Ищите и найдете! Стучите и отворят вам!* Как хорошо сказал Ты, Господи! и еще добавил: *Надо молиться и не унывать!*

Если не скоро получим... Получим, обязательно получим. Только молитесь не только о себе, а о всех братьях и сестрах наших. Таковую молитву особенно любит Господь!

И еще скажу: если упали в грех какой, не лежите, а вставайте и опять тянитесь к Господу. Опять на исповедь, опять в лечебницу, опять карабкайтесь на верную дорожку.

Скажете: да ведь это не один раз уже было, до каких пор так будет? А до тех пор, пока вы совсем, по-настоящему сознаете полное свое ничтожество, полное бессилие свое — сделать что-нибудь действительно доброе.

И получится великое таинство в жизни христианина: получится Хриstopодражательное смирение, а с ним вместе тяжкий вопль несчастной души к Господу о помощи, и слезы — не ручьем, как говорят, а рекой, — и вместе сотрется вовсе «Я — САМ». И сердце со всей искренностью скажет: «На Тебя вся надежда моя!» И после каждой исповеди опять вставать, опять силиться восстанавливать в себе ревность по Богу, решимость жить по-Божьи...

Говорят святые Подвижники: лучше падать и снова вставать, чем стоять с горделивым самомнением: вот, дескать, какой я хороший! С каждый падением — все будет нарастать и увеличиваться истинное смирение, а с ним и истинная молитва...

Смирение есть единственный жертвенник, на котором должно приносить молитвы Господу, говорит епископ Игнатий (Брянчанинов).

Вот что делать надо!

Аминь.

Михаил ЛОБАНОВ
ДОРОГОЙ
ОТЕЦ ФЕОДОР

*Из переписки
с монахом Свято-
Троицкого Александро-
Свирского мужского
монастыря*

Михаил Петрович Лобанов — родился в 1925 г. в дер. Иншаково, Рязанская обл. В 1943 году был призван в армию и после недолгих курсов в пулеметном училище под Уфой получил направление на Брянский фронт, где осколком мины был ранен на Курской дуге. В 1944 году пришел на филфак МГУ. Диплом получил в 1949 году, после чего уехал в ростовскую газету «Молот». В 1959 году защитил кандидатскую диссертацию. С 1963 года преподает в Литинституте. Лауреат Всероссийской литпремии «Сталинград». Автор многих книг и статей. **Живет в Москве.**

Мой дорогой отец Феодор!

Ваше письмо оставило такой глубокий след в моей душе, что я до сих пор не перестаю думать о нем и о Вас. Вот и сейчас, прежде чем написать это письмо, смотрю на Вашу фотографию, и мысль уносится к Вам. Когда я впервые увидел Вас в монашеском одеянии, у меня невольно вырвалось: «Пономарёв. Пономарёв». Стоявшая рядом жена Татьяна удивилась моему возгласу. А меня поразило, сколько неожиданного, таинственного в жизни и как мы мало думаем об этом. И вот для меня Вы уже не Юра Пономарёв, которого я знал три десятилетия тому назад как студента нашего литинститутского семинара, деликатного «петербуржца», склонного к философствованию, даже к «общечеловеческим проектам», а подвижник, поднявшийся на такую духовную высоту, перед которой я могу только благоговеть. И в самом Вашем письме, в слоге, тоне виден отпечаток Вашей нынешней высокой жизни. И вместе с тем доброе отношение к литературе, которая, может быть, давала толчок, но вряд ли кого приводила к духовному перевороту, к вере, но которая, как многое другое, тоже есть дар Божий и может служить добру, как пишете Вы.

Дорогой отец Феодор, Вы просите прислать Вам мои публикации за последние годы (10–15 лет). Посылаю Вам мою книгу «В сражении и любви» — как раз написанное мною за этот период. Название ориентировано на стихи Хомякова:

*Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе, —
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе.*

Годы страшные, и неизвестно, как мы выберемся из этого кошма-

ра. Очень меня мучит, что происходит в России. В сдержанных Ваших словах чувствуется, как глубоко переживаете Вы «ужас безобразия» в стране. Но я уверен, что молитвами таких избранных, как Вы, Россия не погибнет.

Посылаю Вам десятый номер «Роман-журнала XXI век», который только что вышел. Прошу великодушного снисхождения ко мне, что без Вашего разрешения дал в печать Ваши фотографии и отрывки из письма. Хотелось мне, чтобы читатели узнали, что не все еще пропало, когда в лучших русских людях открываются такие провиденциальные пути. В материале о Суворине Вы увидите замечание В. Крупина о некоей моей реплике в частной беседе. Видимо, он имеет в виду мое напоминание (возможно, не лишнее пристрастности) о необходимости волевого, не пассивного православия, резкого неприятия рассуждений иных литераторов, что даже если Россия и сократится до размеров Московии, главное, чтобы осталась Святая Русь. Не могу принять социального примирения. Ведь великие подвижники духа, даже святые не были равнодушны к тому «земному», что называется патриотизмом, государственностью, социальной справедливостью. Свт. Димитрий Ростовский говорил, что неуплата трудящимся за труд есть тягчайший грех перед Богом. Знаменитый автор «Троицких листков» архиепископ Никон возмущался, когда слышал, что Церковь не должна заниматься социальными, национальными вопросами, политикой, что ее, Церковь, хотят изолировать от мирской жизни, и т. д. Вот и Вы в письме говорите о социальной роли религии.

К сожалению, мне ничего не известно о наших выпускниках 1977 года. Вот смотрю на групповой снимок — и кого уже нет? Косенко умер несколько лет тому назад. Акулов — страшно сказать: повесился (работал в Сочи, в музее Н. Островского). Ахмедова видел последний раз где-то в середине 80-х, он приезжал из Баку в Москву, заходили с ним в Дом литераторов, как когда-то с Вами. Далее: Муравенко, Ежеченко. Как они там, на «незалежной», бывают ли на Майдане, откуда и до нас доносится вопль: «Ю-щен-ко!»

Мой брат Дмитрий Петрович Лобанов более двадцати лет служил в ракетных войсках на Украине, сейчас живет в Воронеже. Решил побывать вместе с ним в городке его офицерской молодости у брата его жены, благо — билеты льготные, — с будущего года никаких льгот фронтовикам, как и всем другим. Приехали в Жмеринку. Вечером приходит сосед, украинец, бывший идеологический работник, учился в Москве, в партшколе. И первое, о чем заговорил: Россия устроила в начале 30-х годов «голодомор» на Украине, от голода умерло 17 миллионов. Я не выдержал и сказал: а у нас, в Москве, есть могучий статистик Солженицын, который называет цифру жертв большевизма в 70-90 миллионов человек. Гость воспринял это вполне серьезно. Украина, видимо, действительно становится другой, более далекой от России. Рвутся в Европу, где в официальных общеевропейских документах о всякого рода ценностях не значатся ценности христианские.

Дорогой отец Феодор, вчера у меня был разговор с директором издательства «Ковчег» Сергеем Владимировичем Тимченко (моим бывшим студентом). Я рассказал о Вас, и он просил передать, что может посылать церковную литературу — лично Вам или же монастырю — в качестве благо-

творительности. Вышли великолепные издания «Жития и творения русских святых», «Беседы русских старцев» и т. д.

Поздравляем Вас, дорогой батюшка, с Новым годом, с Рождеством Христовым, с сердечным пожеланием Вам всех и всяческих благ.

М. Лобанов
25.12.2004

Мой дорогой отец Феодор!

Каждое утро в молитве за здравие всегда называю в числе самых дорогих для меня лиц Ваше имя. А потом в суете дневной, укоряя себя, что редко пишу Вам, оправдываюсь перед собой тем, что Вы все понимаете. В последнее время был занят дипломными работами выпускников и набором нового семинара. Сколько пришлось перечитать, перелопатить рукописей, чтобы выбрать из этой массы что-то подходящее. А там еще неизвестно, сколько авторов, допущенных к экзаменам, приедет, может быть, только треть. Лучшие-то могут и не приехать из самых дальних мест, как оттуда им выбраться в нынешнее-то время с такими ценами на билеты. Всегда меня огорчало, что многие даровитые и не приезжают. В этом году, может быть, как никогда раньше, через этих молодых людей наглядно открылось мне, что же происходит в сознании, психологии нового поколения от 17 до 25 лет. Это не «рожденные бурей», «прекрасным и яростным миром», а продукт того невиданного периода русской истории, который связан с так называемой «перестройкой», «реформами». Как юные незрелые души впитывают в себя ядовитые испарения, грязь, все растлевающее в нынешней «общественной» атмосфере с ее «свободой», культом всего низменного. Читаешь подряд «исповеди», и кажется, что видишь какую-то сексуальную саранчу. Где-то я читал у одного православного священника, что для него молодежь — это больные люди, до которых не достучишься духовно. Кто-то скажет, что слова спорные, не все больные, но что больным можно сделать целое поколение (что и делается) — это очевидно. И все же...

Один из поступающих в Институт — священник Горицкого женского монастыря города Кириллова Мокиевский Артур Васильевич. Представлены им две вещи: во-первых, отрывок из романа «Незавершенная литургия». Время действия — начало 20-х годов (при патриархе Тихоне). Талантливое описание литургии с пресуществлением хлеба и вина в Тело и Кровь Господни. Параллельно несколько утрированное описание вторжения комиссара во главе с красноармейцами в Храм с арестом в алтаре священника Георгия. Другая вещь «И Святого Духа» — живописная картина трудовой поездки (священника и мирских лиц) в переполненном вагоне поезда в метельную ночь. И как симпатичен сам священник, обогревающий душевно народ свой неунывностью, добрыми шутками.

Из произведений других абитуриентов — рассказ 18-летнего автора «Одиночество»: письмо матери к сыну в Москву, пронзительно место, как она, бывшая музыкантша, кормит бродяг, одного из них сбивает машина. Рассказ другого автора — о бизнесмене времен «дефолта» 17 августа 1998 г. (ведь знает до точности даже день) — о его успехах в предпринимательской деятельности, крахе, после чего — «новые проекты». Есть и другие — вдумчивого, серьезного взгляда на современную жизнь.

На днях на заседании приемной комиссии руководители семинаров по всем жанрам высказывали свои впечатления о нынешнем наборе: состав поступающих, о чем пишут, особенности мировосприятия и т. д. Один выступающий впал в публичное уныние, от чтения многих рукописей у него руки опустились, не знал, что делать, «все православие да православие». И сказал таким тоном, будто ждал сочувствия у присутствующих, впрочем, при всеобщем молчании.

И все-таки «стены Литинститута» весьма далековаты от «стен Церковных». Как-то на узкой юбилейной пирушке у одного из литинститутских сотрудников — поэта, переводчика Микушевича я, может быть, излишне похвалил его за верность ортодоксальному православию — в отличие от «несчастливого узника» Даниила Андреева с его фантастической мировой религией «Розы мира», и в ответ доцент нашего института Джамбинов по-петушиному клюнул меня за «православный фундаментализм». Вот ведь незадача, этот фундаментализм лепят к чему угодно — исламский, иудейский и т. д. И ничего, «звучит». А фундаментализм православный... сам язык русский не принимает эту нелепицу, отторгает ее. Ибо то, что истинно, — не нуждается ни в каких «измах».

Приходилось мне и на защите дипломных работ моих семинаристов сталкиваться с такими «прогрессивными» оппонентами. А на этот раз, на заседании приемной комиссии, я внес некую порчу в благополучный разговор. Поскольку идеологией «новой демократической России» объявлено и с успехом реализуется право сильного, презрение к народу как к «быдлу», поскольку вся политика направлена на его уничтожение (о чем говорил и Патриарх Алексий Второй), то животрепещущая задача литературы, молодых писателей — активно противостоять этому людоедству, никогда не забывать о традициях нашей русской литературы с ее защитой «униженных и оскорбленных». Говорил я не ради красного словца, а как человек уже старый, которого, можно сказать, сожрала литература (и как хотелось иногда ответить ей за это проклятьем), и как все еще живущий какой-то детской иллюзией в нужности слова, даже и в узком кругу, когда «чешется язык», а может быть, и рвется надсадное в душе — оправдать как-то наше жалкое писательское звание каким-то серьезным делом, хотя бы той же социальной, гражданской ответственностью, а не заниматься словесной игрой при нынешнем положении России. Простите, дорогой отец Феодор, за эти «литературные мелочи» в моем письме, но мне кажется, что в какой-то мере это Вам безразлично как нашему выпускнику.

На днях выезжали с женой в подмосковный поселок около Внуково, где снимаем в аренду в писательском шестиквартирном доме небольшую квартиру. Здесь есть храм Ильи Пророка, был построен в 1905 году, недавно отмечалось его столетие с приехавшим церковным начальством. Еще несколько лет назад он был в запущенном состоянии, а сейчас его не узнать. Восстановлен он на деньги «бизнесмена» — женатого на русской женщине англичанина, приехавшего в Россию, заведшего здесь конное дело (племенное хозяйство). Долгое время супруги не имели детей, а когда появились дети — в благодарность за «услышанные молитвы» он и стал щедро помогать восстановлению храма.

Здесь храм, конечно, не так намолен, как наш — Михаила Архангела, — на юго-западе, в Москве. В Ильинском храме (на горке, откуда такой чудесный вид в сторону зеленой впадины, где расположен наш маленький писательский поселок, ныне захваченный «новыми русскими» с их построенными здесь дворцами) прихожане из числа сельского населения — паства более «прозрачная», более открытая, кажется, и самими лицами. Здесь все знают друг друга, по возможности помогают, что и делает по доброте своей моя жена Татьяна.

Некоторое время в этом храме читал лекции философ-богослов С. Н. Катасонов. Какие лекции могут быть в храме, помимо проповедей батюшки? Но вот читал, прямо-таки как в университете с кафедры, и старушки покорно слушали его. Входил в церковном одеянии в алтарь с Библией в руках... Но вот что-то разладилось. Ушел из лекторства, не стал появляться в храме. Но вижу его сейчас в Москве, в нашем Храме Михаила Архангела, постоянно причащается. Но и «ничто человеческое ему не чуждо» — обратился ко мне с просьбой помочь ему вступить в Союз писателей России, что я и сделал как член приемной комиссии (аж с 1960 года). Я прочитал подаренную им мне его книгу «Христианство, Наука, Культура» и увидел в ней не только образованность автора, но и его однодумье о христианстве, православии не как об учении, а как о жизни, о реальности, об онтологическом бытии.

Хотя Ильинский храм — и сельский, но мимо него рядом проходит шоссе к недалекому отсюда (в двух километрах) Внуковскому аэродрому, и в воздухе нередко звук колоколов заглушается шумом пролетающих самолетов. И бывает, когда поздно не спишь и слышишь доносящиеся с аэродрома свистящие звуки взлетающих самолетов, то представляешь себя в это время в недалеком отсюда храме — там так же свистящие звуки издает кадило, которым размахивает батюшка во все стороны, кадит.

Прочитал недавно статью об Евхаристии в журнале «Православная беседа», № 2 за 2006 год. Автор ссылается на священномученика Иринея, Иоанна Дамаскина, святителя Григория Паламу, суть сводится к тому (текст автора), что «именно Евхаристия», как путь нашего общения с Христом, закладывает в нас то основание, и более того, она есть то самое основание, которое позволяет праведникам подлинным образом воскреснуть в день Второго Пришествия. «Христиане воскреснут именно потому, что уже сейчас они подлинно являются членами Тела Церкви, Тела Христова и питаются истинным Телом Спасителя — Евхаристией».

Итак, Евхаристия, когда Христос входит в нас, — и есть залог нашего будущего воскресения. Перед этим я причащался и не задумывался над этим, воспринимая единение с Христом «в настоящем времени», а тут как-то удивительно стало ясно (приходит на ум даже такое неуместное вроде бы здесь слово: логично), что восстанем мы из праха именно потому, что в нас через Евхаристию навечно запечатлена, останется навечно частица Самого воскресшего Христа. Точно ли я говорю, те ли слова (не доморощено ли это?). А может быть, вообще не вдаваться в непосильное для ума, непостижимое? Лучше следовать интуиции «простецов», не мудрить, а молиться (как молилась моя мать) с детским доверием к Милостивому Творцу.

*М. Лобанов
1.07.2006*

Дорогой отец Феодор!

Прежде всего хочется от всего сердца, преданного Вам, пожелать исцеления Вашего глазного недуга. Это непременно и должно быть. Ведь с Вами Ваш Хранитель — св. Александр Свирский, а вы — его охранник.

Не раз я читал в богословской литературе (от святителя Брянчанинова до Флоровского, нынешнего А. И. Осипова и т. д.) о необходимости руководствоваться (может быть, не то слово) не только откровением Священного Писания, но и творениями Св. Отцов, подвижников веры. Мне кажется, что важно знать, читать и своих современников — истинно православно верующих, ведь их слово дышит тем воздухом эпохи, каким дышим и мы (куда от этого денешься), и поэтому, пожалуй, нам внятно более, нежели иные, книжные, отвлеченные проповеди, удаленные от общественных токов нашего времени. Не говорю уже о тончайшем лукавстве политиканствующих ораторов (на том же радио «Радонеж»). Мне как-то полоснуло душу, когда я прочитал Ваши слова о том, что вера — «самое великое счастье, доступное человеку». Можно сказать, что это не ново, но ведь как сказать и кто так может сказать. Сколько в этом мире наговорено о любви «он — она», а все кончается банальным метаньем временных счастливых. Как сказано в псалме: «Только в Боге успокаивается душа моя». О, если бы обрести такое успокоение! Но счастлив человек уже тем, когда он приходит хотя бы к пониманию этого.

А у меня в Литинституте, не успел оглянуться, окончились каникулы, и на днях прошло первое занятие с поступающими — этюд. Как-то впервые посмотрел на себя со стороны как на руководителя семинара (может быть, что-то изменилось во мне с возрастом, да и пора). И вот новая очередная волна молодежи в той же самой одиннадцатой аудитории, в которой провожу семинарские занятия вот уже сорок четвертый год (с 1963). В основном — юные лица, от 18 до 25 лет. Я для них даже не дедушка, а прадедушка («патриарх» в Литинституте, как меня именуют «коллеги»). В душе моей — почти вековой груз прошлого, с конца двадцатых — тридцатых годов, с безотцовщиной, с коллективизацией, голодным тридцатым вторым годом, индустриализацией, политическими процессами 1937–1938 гг.; война, ранение на Курской дуге, послевоенные трудности; университетские годы с приобретенным туберкулезом; смерть Сталина, хрущевщина с заложенными минами государственного подрыва, пресловутый «застой» (ведь не только!) при Брежневе — с копившейся подспудно грозой. Величайшая катастрофа, постигшая Россию. Да что говорить, исторические события послевоенного времени стали и Вашим опытом. По времени пережитое нашим поколением — это почти какая-нибудь двадцатая часть до Христа. В двухтысячелетней истории человечества — одна из высших по напряженности, высоте духа, трагичности эпох. И все это оставило в сознании, психологии, памяти нашего поколения свой осадок, свои неизбывные наследия, как оставляют природные катаклизмы в геологических породах свои трещины, разломы.

Но это — чистый лист бумаги для нынешней молодежи, продукта «перестройки», «рынка», в большинстве своем не знающей и не хотящей знать прошлое. И как найти с ними приемлемый язык? Заискивать глупо, я-то знаю, хотя бы и по своему литературному опыту, с чего начинали иные «юные гении», с каких красивых слов, и чем кончили.

Как жизнь человеческую надо судить не по началу, а по итогу ее — так и в литературе: что оставил после себя писатель, какое выношенное, выстраданное слово. Мысль не популярна среди молодежи, но надо о ней напоминать.

А сколько в жизни страшного, внезапного! Вот погибли в автокатастрофе двое детей (дочь 20 лет и сын — 17 лет) и двое тяжело пострадали — у отца Алексея Дарошевича. Я знаю его. Был лет пять тому назад в его храме Живоначальной Троицы в знаменитом Поленове. Здешняя паства, по его словам, — из шести с половиной бабушек, добираются из них — трое. Но у него православная община, приезжает к нему по субботам-воскресеньям кто-то из москвичей. Кстати, сам он — выпускник пресловутого ВГИКа — вот ведь какие бывают метаморфозы! Мать его русская, отец — белорус. Помню, как после утренней службы за длинным столом, где трапезничали под открытым небом, поблизости от храма, он рассказывал о своих детях, о появившемся на свет седьмом ребенке. И вот этот страшный удар.

Вскоре же, спустя несколько дней, в течение августа он выступал на радио «Радонеж», отвечал на вопросы. Я слушал все четыре передачи, и поразили они меня тем, насколько глубоко верующий человек может идти в бездонную глубину своей веры, полагаясь на волю Божию, без которой не может быть ничего случайного в жизни, и в то же время невозможно отрешиться от человеческого, в этом случае — отцовского горя. В первой передаче (какой-то даже неестественной в его состоянии) в ответ на звонки сочувствующих он медлительно говорил: «Переживать не надо. Что такое переживание? Этого не нужно. Нужно обращение к Богу, нужна молитва. Ясность, прямота во всем, в горе». И вот второе его выступление — в день Успенского поста. Другой голос. Вспоминает своих детей с подспудной надсадной болью. Незримые слезы. Смерть всегда ужасна, особенно близких людей. Что человек? И Сам Христос плакал о смерти своего друга Лазаря, плакал по обреченности людей после первородного греха. Была еще передача — о том храме Живоначальной Троицы, где настоятелем он, о. Алексей. И какой же светлый образ храма в окружении живописной природы с крутым берегом близкой отсюда Оки возникал в его рассказе (я как будто снова побывал там)! В последней, четвертой передаче (25 августа) послышалось мне в его голосе что-то усталое, надломленное — с призывом соединиться с Богом, желать смерти, не бояться ее.

Да, велик человек своей связью с Богом, но и слаб по природе своей человеческой. А у звонивших на радио (в основном женщин) свои заботы: «Отец Алексей, приношу Вам свое соболезнование, у меня тоже горе. Умер сын. Я все время плачу». — «Отец Алексей, у меня дочь отбилась от дома, от матери, приходит ночью. Что мне делать?» — «У вас, батюшка, большое горе, умерли ваши детишки, и у меня, батюшка, тоже большое горе. Умерла сестра. И у меня рак. Не знаю, как жить. Надо молиться. И я молюсь. Хожу в храм. Молюсь». И т. д. и т. п. Горе о. Алексея вызвало целую стихию народных стенаний, горя современной России. Отвечая им словами: «У нас общее горе, очищение наше — путь к Богу», отец Алексей находит в себе силы как бы ввести эту страждущую стихию в русло всеобщей любви. Ценою невероятного страдания даются такие проповеди, но как они отзываются в наше время, равнодушное ко всякому отвлеченному нравовучению.

Дорогой отец Феодор, я вот разогнался с этим письмом, а ведь Вам нельзя читать.

Исцели, Господи, зрение верного твоего воина Феодора!

*Сердечно,
М. Лобанов
28.08.2006*

Дорогой мой отец Феодор!

Огромное Вам спасибо за Ваши молитвы о здравии отца жены раба Божия Николая у охраняемой Вами раки св. Александра Свирского. Больному стало легче, и я уверен: благодаря тому, что Ваш голос услышан.

Как всегда в Ваших письмах — и в последнем, — есть над чем глубоко задуматься. Это Ваши слова в связи с гибелью детей батюшки Алексея (Дарошевича), что Вы теперь уже научились не искать и не пытаться определять Промысла Божьего... причин, истоков или последствий происходящего с нами. «Наше (мое) дело только молиться: просить, умолять Бога...» И этот потрясающий пример веры священника-философа Орнадского в 1918 году, который просил своих палачей первыми расстрелять его взрослых сыновей; когда их убивали, он читал по ним отходную молитву, а потом сам пошел под расстрел.

Я думаю, Вы не посетуете на меня, что передал я отцу Алексею содержание той части письма, где речь идет о нем и в связи с ним. Это так важно, так дорого для него в его положении, особенно Ваши слова, что «батюшка Алексей не только словом, но и делом показывает всем нам — как надо верить Богу и любить Бога».

Печально читать, дорогой отец Феодор, Ваши слова о «глазной эпопее», так хочется верить, что все кончится благополучно. Прочитал Ваше письмо и будто побывал вместе с Вами в Поленово, вспомнил молодые годы, когда в схожих обстоятельствах теснилось в душе что-то романтическое, возвышенное (о чем так щемяще сказано у Вас), но «все прошло, все умчалось», перед глазами слепящая точка, на которую надо смотреть прямо, мужественно, но этого мне и не хватает.

Спасибо Вам за Ваш совет, чтобы я не оставлял Литинститута, действительно, здесь можно сделать и что-то доброе, полезное для молодежи. На днях по моему приглашению беседовал со студентами моего семинара священник Ярослав Шипов, он же и талантливый писатель, автор самобытных рассказов о реальных событиях, людях, без праздного вымысла. Он сам был студентом Литинститута, знает эту публику, какой нужен тон разговора с нею, и его так внимательно, сосредоточенно слушали, что три часа пролетели незаметно. Мне даже показалось, что каждое лицо от слушания неподвижно, как в раме. Каждый мог почерпнуть что-то конкретное из его опыта — духовного, жизненного, писательского. Говорил он и о политике, в устах священника и она воспринимается по-особенному, например, то, что судить правителя надо не по словам, не по «национальным проектам», а по главному — «сбережению народа», а народ наш катастрофически вымирает. Останется в памяти будущих писателей и то, что нас не принимают в мире, враждебны к нам, потому что мы православные, иными быть не можем. Мы такие.

С запозданием пришел на беседу другой батюшка — отец Евгений (Булин). Как и о. Ярослав, он также окончил Литинститут, учился в семинаре критики, но постоянно посещал наш семинар прозы и после окончания Литинститута приходил к нам и записывал мои выступления. С «перестройкой» уехал в Америку (у него там был родственник по жене — редактор журнала «Русское самосознание» Николай Иванович Тентенов, недавно умерший), работал маляром, поступил в семинарию при Русской зарубежной церкви, но после окончания первого курса из шести вернулся в Россию и служит сейчас в Люберцах под Москвой. У меня его фотографии: трогательно видеть маленький храм, малое «стадо Христово» — приход в составе неизменных старушек, шествие их, возглавляемое моим дорогим батюшкой.

Увидел я его, и что-то дрогнуло во мне: показался он мне постаревшим, в его-то годы. Хотя «иго» это и «благо», — но сколько духовных, душевных, физических сил требует это служение Церкви, Христу — более тяжкого подвига и нет. Глядя на него, я думал, как легко живется нам, светским людям. А тут он еще щипнул во мне какой-то недозволительный нерв: жена Татьяна (она вместе с дочерью Галей была на этой встрече) передала мне, что в мое отсутствие (я выходил из аудитории) на вопрос, что стало толчком на его пути к вере, отец Евгений сослался на мое духовное влияние на него. Конечно же, это чтобы поддержать меня в глазах моих студентов, но как это было тактично сделано — в мое отсутствие. Уже уходя из Литинститута, направляясь к метро, я спросил у отца Евгения, пишет ли он что, и он так обыденно, с каким-то внутренним отсутствием при этом отвечал — «как-то попробовал, и нехорошо стало», сказал так, будто дурно стало от чего-то несъедобного. Как все-таки необъятна жизнь, и какие в ней разные «смыслы», уровни духовные.

Дорогой мой отец Феодор! Как бы Вы порадовали меня, если бы сообщили хорошую новость о Вашем зрении.

*Сердечно Ваш М. Лобанов
11.12.2006*

Мой дорогой отец Феодор!

Думаю о Ваших глазах и постараюсь писать разборчивее, четче. Пишу Вам из больницы (уютная участковая больничка на 35 человек, напоминает что-то чеховское) — неподалеку от нашего писательского поселка. Попал сюда сходу по диагнозу врача: воспаление легких, но оказался затяжной глубокий бронхит, со мною это бывает почти всегда в начале года, к весне (наследие туберкулеза, пневмоторакса в молодости). Так что получилось вроде пародии на болезнь, хотя пришлось две недели колоться, глотать всякие таблетки и т. д.

Неудачное выдалось время для этого безделья: надо было сдавать дипломные работы выпускников (к середине марта), и теперь придется делать это с запозданием. И хотя меня никто укорять за это не будет, но и во мне живет что-то от бдительности моего любимого покойного дядюшки фронтовика Алексея Анисимовича («дяди Лени»), говорившего, что больных на работе не любят. Когда ему на местной ватной фабричке оторвало два пальца, то он после больницы на другой же день вышел на работу, не показывая вида. Ибо приближалось его пенсионное время, боялся отставки и не мог

представить свою жизнь без фабрички, без ночных вызовов как начальник цеха. Где он теперь, святой работник...

Почти все больничные дни читал Феофана Затворника «Пути к спасению» (краткий курс аскетики), третья часть. Но что значит «читал»? Даже поверхностное соприкосновение с этим «опытом аскетики» переворачивает представление о мире и человеке. Всякие философские измышления, вся психология «великой художественной литературы», всякие «исторические деяния» и т. д. — все это блажь, игра страстей в сравнении с реальностью переживания, бытия в глубинах духа человека, решившего жить подлинно христианской жизнью. Не мне рассуждать об этом, но тяжела мысль, что даже и не оставляемый благодатью человек как бы обречен на бесконечную, кровавую войну с самим собой, не зная ни послабления себе, ни передышки в брани, ни окончательной победы. И только вера в милосердие Спасителя может спасти от отчаяния несовершенного по природе человека. Может быть, это ощущение такого старикашки, как я, но отдельные места у еп. Феофана беспощадностью брани высасывали мои последние силенки. Впрочем, даже и само чтение «аскетики» дает трезвение нам, как мы никчемны со своей самостью, и если что-то можем внести в свое дело разумного, то только понимание того, что чего стоит в этом мире.

А вот другой голос Феофана о тех, кто, как он, оставляет этот мир: «бывает, впрочем, и так, что сильный натиск от мира бывает только в начале, потом стихает, стихает, и оставившего этот мир оставляет в покое, ибо в мире редко кем дорожат — поговорят, поговорят, а там и забудут... Он зрелище, занят только или держит в себе тех, кои в нем, до других же ему дела нет». Грустные, между прочим, слова. В чеховском «Архиерее» вскоре после смерти Владыки никто уже не помнит о нем, не верят рассказам матери, что сын ее был архиереем. Я однажды как-то задумался (я писал об этом в своей статье «Освобождение», четверть века тому назад): вот приходят и уходят миллионы, сотни миллионов безвестных людей, и никто о них не знает, не помнит (кроме родных). Но вот и с «известными» то же самое.

И все-таки хочется верить, что не все забывается здесь, на земле, дорогой отец Феодор. Перед отправкой письма только что звонил Татьяна Кулаевой, она рассказала, что три дня назад говорила с Вами по телефону. В Ваших местах будут после 20 мая. Просим Вас с женой помолиться за ее тяжело болящую мать Галину, а также за отца ее — Николая. Поздравляем вас с Величайшим праздником — Христовым Воскресением!

Сердечно, М. Лобанов

ПОЭЗИЯ

**Валентина
КОРОСТЕЛЁВА**

«ВЫШЕ ГОЛОВУ, РУСЬ!»

Валентина Коростелёва (Валентина Абрамовна Сунцова) — родилась в Кирове (Вятке). Окончила Литературный институт им. Горького. Стихи и рассказы публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах, звучали на Всесоюзном, а позднее российском радио. К 2009 году издано 15 книг поэзии и прозы. Лауреат нескольких Международных литературных конкурсов, Заслуженный работник культуры РФ. **Живет в Подмоскowie.**

АХ, ХОРОШО БЫ!..

Ах, хорошо бы — о хорошем!
Но темь гуляет даже днем.
Да нет, мы вовсе не о прошлом,
Когда потерям счет ведем.

Душа побитая стенает,
И все не тает в горле ком,
Когда Державина не знают,
А Пушкин только чуть знаком.

Как можно толковать о чем-то,
Когда душа — на вертеле,
Когда с ума сошли девчонки,
И от бесстыдства в том числе!

Пред Богом преклонить колено
Я за других сегодня тщусь, —
И смотрит Запад вожаденно
На павшую святую Русь...

НАД ОБРЫВОМ

...И опять — ножевое «крещение»,
Мало дитятко слезоньки льет...
Убивают в России священников.
Так куда же Россия идет?

То ли дьявола наущение,
То ль сердца прибирает бес...
Убивают в России священников, —
И разбужены громы небес.

За такое — какое прощение?
И ложится на сердце вина...
Убивают в России священников —
Замерла над обрывом страна...

ЗОЛОТЫЕ ВРАТА

...Ставлю свечи, молюсь, только что-то
Точит сердце неясной виной...
Алтаря Золотые ворота
Вдруг зажглись в тишине предо мной...

Словно вышла из тяжелого брода,
Словно жуткий оставила край...
Алтаря Золотые ворота —
Будто двери в неведомый рай.

Взмыли своды, висевшие низко,
Распахнулся судьбы окоем...
И стояла в платочке артистка,
И молилась, забыв обо всем...

А за окнами пела природа,
Словно пламя высокой свечи...
С той поры Золотые ворота
Светят мне и в крошечной ночи...

БЫЛ БЫ РЯДОМ...

...А в окне — панельные коробки,
А внизу — машины, грязь, да газ.
По дорогам и по жизни — пробки,
Ну, а праздник — вспыхнул и погас.

Ох, суровы у судьбы законы!
И дневной, бывает, гаснет свет.

Слава Богу, есть еще икона
И отцовский выцветший портрет.

Ничего, душа, себе не требуй,
Мало ли учил жестокий век?
Был бы воздух, что слетает с неба,
Был бы рядом близкий человек...

ЗА ДУШУ РУССКУЮ

Судьба поэта — не малина,
Но страшно, если — на краю...
Уже я вовсе не наивна,
Но жизнь, однако же, люблю.

Пурай вино порою горько,
А счастья — так себе, щепоть,

Но видеть черное, и только —
Убереги меня, Господь,

Напоминай святую правду,
Рази неверия змею!..
Я не за левых, не за правых —
За душу русскую стою.

КОЛОКОЛА

Опять вовсю звенят колокола, —
И замолкают, и светлеют люди.
Сияет церковь, розово-бела,
Да вечно на земле она пребудет!

Порою мнится, что иду ко дну,
И не шутя прощаюсь с чудесами, —
Но если снова в церковь загляну
И встречу с Богородицею глазами, —

Душа освобождается от пут
И на судьбу обиженно не ропщет...
Так неизбежно по утрам бегут
Ночные тени из весенней рои,

И город — в ожидании тепла,
И кажется, что где-то рядом счастье, —
Когда вовсю звенят колокола,
И нет, и нет иной в округе власти...

РУССКИЕ

Порастаяли сны золотые,
Порастеряны юные сны, —
Мы от горя почти что святые —
На ристалищах вечной войны.

Пусть не дремлет зима у порога,
И на сердце порою — мороз, —

Все же верим в Россию и Бога,
Не стесняясь спасительных слез.

Как листва, опадают режимы,
И восход проступает едва, —
Но пока мы надеждою живы —
И Россия родная жива!

НО ЕСТЬ ДУША...

Еще горят росинки-огоньки,
И душу обвеваает ветер нежный...
Последние погожие деньки,
Последние несмелые надежды...

Но дождь холодный начал все крушить,
Сомкнулось небо и не раздается,

И надо по-другому как-то жить —
Без лиственного золота, без солнца.

И кто-то по привычке занемог,
И, кажется, сама природа стонет...
Но есть душа, и родина, и Бог,
И мы, как ни крути, чего-то стоим!

ВЫШЕ ГОЛОВУ, РУСЬ!

Ты прославилась хлебом,
Ты спасала, любя...
Глянь же в зеркало неба,
Узнаешь ли себя?

Лик греха и печали,
Всех мастей суета...
Где твоя величавость,
Где твоя доброта?

Умирала, горела, —
И вставала, любя...
Скольких ты обогрела!
Кто согреет тебя?

Пусть метель не сдается,
Пусть в огне — письмена,
Но Россия — то солнце,
Что на все времена!

И пускай нас не хвалят,
Пусть замучила грусть, —
Выше голову, Ваня,
Выше голову, Русь!

Не согнемся, и точка, —
Утверждать я берусь.
Выше голову, дочка,
Выше голову, Русь!

СВЯТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Святочный маскарад в Юсуповом саду

ПОЭЗИЯ

Николай НЫРКОВ

«Я СБЕРЕГУ В СЕБЕ ЛЮБОВЬ...»

Николай Алексеевич Нырк — родился в 1952 г. в г. Спас-Клепики Рязанской области. Занимается профессионально организацией рыбной ловли, охоты. Автор четырех книг по рыбной ловле и краеведению Мещерского края, сборника поэзии и прозы «Мещерские мотивы», поэтических сборников «Стихи на бересте» и «Вечерняя молитва». Лауреат Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина, лауреат международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце», лауреат Всероссийского конкурса им. В. Шукшина «Светлые души» и др. **Живет в Рязанской области.**

* * *

Средь суеты внезапно онемею,
Услышав, как лаская песней Русь,
Средь облаков, вытягивая шею,
Идет по небесам пролетный гусь.

Я тосковал по этим пьяным крикам
И синеве, распоротой крылом,
И городу, светлеющему ликом,
И куличу за праздничным столом.

Подснежник рвал оттаявшую землю,
И я молился, глядя в небеса,
Чтоб было свято все, что я приемлю,
Как этот день и эти голоса.

Чтобы не гасли радости улыбки,
И вечерами в волосы сосны
Вплетались звуки тростниковой скрипки
В прозрачных пальцах ветра и весны.

Чтоб сердце вновь любило и грустило,
И не смолкала вечера струна,
Чтоб никогда меня не обольстила
Своей красой чужая сторона.

* * *

Я вырос здесь, где сосны и березы,
Где чередя прилипчива, как мед,
Где в январе в крещенские морозы
Остывший сад от инея цветет.

Я вырос здесь в полуденной дремоте,
Когда сморив усталые леса,
Бесшумно бродит на болоте
Июль, сжигая небеса.

Я вырос здесь в озерной благодати,
Где разливанное тепло,
Где лижут волны на закате
Губами, чмокая, весло.

Где пахнет торфом и полынью,
И зорям молятся леса,
Где купола окрасив синью,
Церквушки смотрят в небеса.

Где отражают чувства лица,
И на земле среди садов
В крапиве спит моя провинция
Глухая к шуму городов.

* * *

В сухих руках ржаного поля
Дрожала зыбь от тишины...
Судьба моя, судьба и доля
Уже давно предрешены.

Медовый запах сеновала,
И вкус парного молока,
И речку в пятнах краснотала,
Где пили воду облака,

Я лет, уже не помню сколько,
В воспоминаниях храню
Лаптежный след в песке проселка
И след тележный по жнивью,

Чугун распаренной картошки,
И хлеб горячий из печи,
И голос плачущей гармошки,
Мне не дававшей спать в ночи...

И эту тропку на заречье,
Где после утренней косьбы
Выносит мать, сутуля плечи,
Воды холодной из избы,

Я все храню светло и свято,
И жду, а может быть в ночи
Мелькнет в свекольной тьме заката
Огонь растопленной печи.

* * *

Души моей неистовый огонь
Подкатит к горлу песней, словно комом.
Разлепит губы старая гармонь,
И ветер, стихнув, сядет перед домом.

И упадет, заслушавшись, закат
В меха гармони розовою тенью,
Пройдет луна бесшумно через сад
И глаз прикроет влажною сиренью.

И не понять: я плачу иль смеюсь.
Душа поет, растягивая ноты,
И еле слышно подпевает Русь,
Забыв на время тяжбы и заботы.

И где-то эхом вырвется припев
Из дальних сел, подернутых туманом.
Поет Россия, грустью захмелев,
Шурша во тьме парчовым сарафаном.

* * *

На чью-то песню откликаюсь,
Себя я мысленно ловлю,
Что потому живу и маюсь,
Что все до одури люблю.

Не внемля глупому злословью,
Скажу себе: не прекословь.
Я сберегу себя любовью,
Я сберегу в себе любовь...

На рыжей проседи суглинка,
Затмив ольховые кусты,
Огнем оранжевым осинка,
Сжигает к августу мосты.

В немую рань кленовой грусти
И подмороженного мха
Душа моя, как вздох, отпустит
На волю музыку стиха.

* * *

Стихи, как молитву, читать не устану,
Я буду беспечно смеяться и петь,
И в праздник престольный,
внимая баяну,
О ком-то грустить и о чем-то жалеть.

Наслушаюсь песен и бабьих рыданий,
И жадно хмелея, вас всех обниму.

Я буду терзаться от слез и желаний,
И на слово верить, что скажут, всему.

Неважно, что жизнь незаметно,
но пройдена,
И песней мы словно подводим черту.
Нас всех окрестила ромашками родина,
И русского видно везде за версту.

Дороги ВОЙНЫ

**Нина
ШКОЛЬНИКОВА**

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

*К 65-летию
Великой Победы*

Нина Владимировна Школьникова — родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ, более 30 лет работала в газете «Советский спорт», потом 10 лет была главным редактором газеты «Спорт в школе». **Живет в Москве.**

Прошедшие дни жизни. Они гонятся за мной, обступают со всех сторон, словно хотят, требуют быть, существовать в настоящем, окрашивая его своим незамутненным светом, в котором каждая деталь и подробность вылеплены на века. Достаточно малейшего толчка, банальнейшего предлога, и все выплывает вдруг так ярко, так зримо, что заслоняет собой всю теперешнюю жизнь.

Вот Новый год. Сколько уж их было! Что в нем нового? А в памяти всплывает заснеженный, в наледях, темный вечерами, угрюмый и сосредоточенный при свете дня огромный город Свердловск. Война. Мы в эвакуации. Живем в высоком одноэтажном доме, — когда-то, говорят, он принадлежал архиерею, — в большущей комнате, пополам разделенной наспех, из первых попавшихся досок сколоченной перегородкой. Она далеко-далеко не дотягивается до уходящего вверх потолка, за ней — другая семья из пяти человек. Нас же шестеро — дядя Саша, тетя Шура, их дети Люся и Дима, шести и трех лет и мы с бабушкой. Жить холодно, а главное, голодно. Дядя Саша днями и ночами на военном заводе, а мы — иждивенцы. И поздней осенью 1942 года как бы само собой, из суммы всех сложившихся обстоятельств рождается мысль: отправить нас с бабушкой в Москву. Там тетя Клава, бабушкина дочь, вернулась из эвакуации вместе с МК партии, где она работает, наверняка какой-то паек получает, не даст пропасть, поможет. А здесь — не говорилось, конечно, но подразумевалось как бы — мы лишний кусок у малых детей отымаем.

В Москву не пускают. Она прифронтовой по сути город, и чтоб попасть туда, нужен пропуск. У нас его нет. Но дядьсашин завод — московский, эвакуированный, делает

танки и детали для них. И многие работники завода, как рассказывают, сумели в Москве побывать и даже вернуться. Как? А в товарных вагонах, сопровождая ящики с оборудованием или — когда нелегально — прячась за ними. И если многим другим это удавалось, то почему же и нам — старухе под 70 и одиннадцатилетней девчонке такого не одолеть. К тому же, говорили, это совершенно безопасно. Спецвагон с завода до Москвы едет беспрепятственно. В Москве тетя Клава встретит. Никто — упаси Бог! — не хотел нам худшего, нас искренно жалели, о нас заботились. И по сию пору меня поражает эта наивная, граничащая с беспечностью, вера нашего народа в благополучие грядущих обстоятельств, в то, что все обойдется, сложится так, как задумано. Что это? Глубинное, подсознательное исповедание Веры — Господь все управит! — даже у самых стойких, казалось бы, атеистов?

Как бы то ни было, а дело сделалось к декабрю, ближе ко второй его половине. Надо же было с тетей Клавой списаться — какие там телефоны в то время! — и вагон подгадать, и вещи собрать. А вещей было много. Не наших даже личных с бабушкой. А отца моего, который был на фронте. Какие-то костюмы его, ботинки, патефон, еще что-то. Все, что удалось бабушке уберечь от поползновений захвата второй жены моего отца, и что она, бабушка, провезла через все эвакуации как священные реликвии, не позволяя ничего из этого имущества обменивать на еду, как тогда повсеместно делалось и многих спасало от голодной смерти.

Но тут что нам грозило? В вагон погрузят, в Москве встретят.

И отправились мы в свое неведомое путешествие. Зов «В Москву! В Москву!» заглушал все опасения и тревоги. Радость возвращения домой поглощала целиком.

Товарный вагон в то время называли «теплушкой». По обе стороны отодвигавшихся дверей в нем были устроены нары, а посредине — печка-буржуйка. Без нее как бы ехать в вагоне в такой мороз! Ящики с оборудованием занимали почти все пространство. Но на самом верху у маленького окошка были кое-как обустроены наши постели. Компания в вагоне подобралась разношерстная. Сопровождавший груз молчаливый охранник в длиннополном тулупе. Кажется, и ружье было при нем. Двое немолодых уже рабочих с завода, пробиравшихся в Москву навестить, как они говорили, свои семьи. И женщина лет тридцати, худая, с коротко стриженными черными волосами, странная какая-то. Так, я замечала, воспринимали ее взрослые. Но и она, как бы ни воспринималась, не портила нашей компании: все стремились к единой цели.

Ах, как хорошо все было поначалу. Весело стучали колеса, все приближая и приближая нас к Москве; весело потрескивали дровишки в печке; пассажиры перешучивались. Наша соседка по нарам по имени, как припоминается то ли Лина, то ли Мина, частенько приговаривала: «А вот мы сейчас кофейку...» и заваривала какую-то жутчайшую бурду, от которой все отказывались. Она же пила с наслаждением и все повторяла: «Без кофе жить не могу, так люблю, так люблю». Рабочие добродушно и unbedingt подсмеивались над ней, передразнивали даже. Она смеялась вместе с ними. Неграмотная простая старуха моя бабушка с ее практической житейской умудренностью старалась держаться скромно, незаметно, никого не обременяя. По вечерами, когда ложились спать, она, отошедшая по сути от своей

Веры ради детей-атеистов, вздыхала каждый раз: «Матерь Божья, заступница усердная...» Скажет и замолчит. Разучилась молиться?

И рабочие не походили друг на друга. Тот, что помоложе — Иван, поджарый, с мослами на лице, с мозолистыми руками, был как-то беспечен или, может, покорен судьбе: чему быть, того не миновать. И потому совсем не сторожился, не печалился — доедем не доедем. Константин, его товарищ, напротив, стремился быть осторожным и осмотрительным, но не очень умело, неуклюже даже. Уже с полпути он стал устраивать себе за ящиками убежище, чтобы спрятаться в нем в ненадежный момент, и когда, как ему казалось, приближалась опасность, он подолгу сидел там, над чем остальные вагонные поселенцы, кроме моей бабушки, конечно, посмеивались, покрикивали: «Все, Костя, прятки кончились, выходи». Он, что называется, отбрехивался, сердился и не выходил. А в самый-то ответственный момент, решительно повернувший всю его судьбу, его в убежище не оказалось. Но о том впереди речь.

А пока мы едим. Мужчины дружно дымят самокрутками, Мина «кофе» попивает, временами каждый что-то пожевывает в своем уголке. Пищей не делились. У всех немного ее припасено и надо было растянуть на все «путешествие». Не до радушия тут. Время от времени, правда, Мина что-то предлагала в угощение, видно, ощущая неловкость одинокого пиршества, но у нее не брали.

Да, едой не делились. Зато щедро сыпали рассказами. Длинными зимними вечерами, когда поезд уютно постукивал колесами, у ярко светящейся печки (а топили ее вовсе не непрерывно, дров тоже не так-то просто было достать), все собирались в кружок и говорили, говорили. Каждый свое и о своем. Не все из тех разговоров ухватывал мой детский разум. Но один рассказ Ивана так запомнился во всех чертах и деталях, что года четыре спустя, подростком, я сама написала рассказ «Сашка». Именно так звали героя того Иванова рассказа. И речь в нем шла об очень ловком и умном воре, благородным к тому же, жившему, кстати сказать, еще до революции, таком ловком и умном, что полиции никак не удавалось его поймать. И какой-то пустяк, маленькое недоразумение выдало его, гордого и смелого. Заканчивал Иван свой рассказ поучительной сентенцией, с которой собственно и начинал: «сколько веревочке не виться, а кончику быть». Может, благодаря этой сентенции, окрашивающей все повествование неким фатализмом, оно так и запомнилось мне? Но с той поры имя Сашка всю жизнь имело надо мной странную магическую власть.

А поезд ехал. Вагон переформировывали, то есть на сортировке прицепляли к тому или иному товарному составу, и все шло медленно, но как по маслу. Так было примерно на первой четверти пути до Москвы. А потом чаще и чаще случались задержки, остановки. Часовые, многочасовые. На иных станциях вагон стоял днями. И отлучиться от него было рискованно: а вдруг уедет? Эти задержки постепенно стали вызывать настроение все большей тревожности и раздражительности в нашем маленьком коллективе. Стражник стал бояться, что его привлекут за присутствие посторонних людей при ответственном грузе, рабочие переживать за то, что отпуск, который им дали на заводе, все убывает, они не успеют вернуться обратно, а время, известно, военное. Бабушка волновалась, что мы съедем скудные наши припасы, а новых взять неоткуда. Одна Мина, казалось, ничего не

переживала, попивала свой «кофеек», чуть не при каждом глотке повторяя: «люблю!».

Когда поезд вдруг останавливался, часто в чистом поле, и стоял часами, чувство тревоги, нетерпения и какой-то безнадежности усиливалось многократно. Даже у меня, одиннадцатилетнего ребенка. Если остановки случались ночью, я обязательно просыпалась, смотрела во тьму широко открытыми глазами. И вновь сон приходил лишь тогда, когда колеса возобновляли свой стук. Это осталось у меня на всю жизнь. Работая в газете, я много ездила по командировкам. Большею частью по железной дороге, летать не любила. И если поезд ночью подолгу стоял на какой-нибудь станции, я обязательно просыпалась со смутным чувством давней тревоги и не могла уснуть до той поры, пока состав не трогался в путь.

Прошло уже больше десяти дней, а мы еще и полпути не проехали. И накануне Нового 1943 года застряли на большой сортировочной станции Юдино, что под Казанью. На целых четыре дня. Каждый вечер, дрожа от холода, я забиралась под одеяло с одной тоскливой мыслью: ну когда же, когда мы поедem? Я напрягала все свои силеньки, мысленно подталкивая вагон, но он стоял.

И вот — о радость! — буквально за час с небольшим до Нового года прибежал наш повеселевший охранник и оживленно стал говорить, что все, едем, вопрос решился, прицепляют к какому-то составу, чуть ли не ускоренному — и вперед! Все заулыбались, заговорили, засуетились. Но тут распахнулась дверь, и в вагон забрались, подтянувшись на руках, двое вооруженных людей в полушубках, со знаками отличия. Патруль! А Костя — не в убежище! Все мы застыли, как в немой сцене «Ревизора». «Кто такие? Предъявите документы». Константина и Ивана увели с собой. А нам приказали: «Высаживайтесь! И быстро!»

Привокзальные часы пробили ровно 12, когда мы стояли на морозе, посреди многочисленных путей сортировочной станции перед грудой вещей — шесть ли семь «мест» — брошенных в снег, не зная, куда идти, что предпринять, оглушенные всем происшедшим. Старая женщина, маленькая девочка и непрактичная особа явно не от мира сего. Вагон наш уехал.

Расстояние между маневровыми путями бывает обычно очень невелико и, естественно, что вещи свои мы положили напротив стоявшего тогда еще вагона, ближе к путям, которые на тот момент были свободны. И вот пока мы, оцепенелые, вслушивались в бой часов, возвещающих наступление Нового года, по этим-то ближним путям паровоз не торопясь протаскивал несколько вагонов, вероятно, формируя состав. Их колеса и свисающие ступеньки в такой опасной близости двигались от положенных в снег вещей, что сердце замирало. И надо же было такому случиться, что у последнего вагона какая-то железка спускалась вниз больше всего остального. Она-то и подхватила наши мешки и чемоданы и пошла, пошла разбрасывать их по путям. Мы бежали вслед, крича и размахивая руками. Бабушка плакала.

Но паровоз укатил, мы собрали кое-как свое барахло, к счастью, не сильно повредившееся, и снова стали стоять, не в силах решить, что же предпринять. Выручили нас наши же попутчики — Константин и Иван. Их отпустили на время, и они прибежали узнать, как мы?

Когда говорят о солидарности, взаимопомощи в военное время, я всегда вспоминаю этот момент. Мужики попали в страшный, ничем не исправимый

жизненный переплет, но не забыли о старой женщине с ребенком, к которой в течение долгого пути вовсе не выказывали особой заботы. Но случилась трудная минута и вот они — тут.

С их помощью мы перебрались в вокзал — небольшое одноэтажное здание дореволюционной еще постройки с двумя зальчиками. Сложив вещи, Константин довольно долго говорил с бабушкой, плакал. Он рассказал, что имел бронь на заводе, посылал кое-какие деньжата родным в Москве, а теперь за нарушения военного режима его и Ивана забирают в армию, возможно, в штрафную роту. И пропала, пропала его головушка. Мне было жалко его, такого большого и сильного. Слезы текли по его лицу, он их не утирал. Бабушка, утешая его, говорила, что у нее сын с первых дней на фронте и — слава Богу! — жив.

Так и остались мы на вокзале. Вначале в не отапливаемом переднем зале с его двумя-тремя скамейками. Затем всеми правдами и неправдами перебрались в другой, где время от времени топились печь-голландка. И тот и другой зал были забиты народом под завязку. Складывалось впечатление, что отсюда никто никуда не уезжал. Отдельные люди менялись, конечно, но основной костяк стойко держался насиженного места. Поэтому складывались меж людьми какие-то отношения, притяжения и отталкивания, ссоры, попреки, симпатии. Помню, какая драматическая сцена разыгралась, когда бабушка отважилась сварить в печке-голландке в каком-то немислимом котелке горсть картофелин, с большим трудом где-то раздобытых. Недоброжелатели, а может завистники пожаловались вокзальному начальству, и в зал вошел высокий властный мужчина в хромовых сапогах. Он чуть не вышвырнул из печи наш котелок, а на бабушку зыкнул начальственно. Ну и дала она ему отповедь!

Никто в жизни ни до ни после этого случая не видел ее такой. Откуда-то вдруг взявшимся сильным и твердым голосом с чувством безмерного достоинства она заявила властному мужчине, что он не смеет ее тронуть, у нее сын на фронте, в передовых частях, а он, высокий и благополучный, в тылу и должен чтить мать воина и помогать ей. «Общество», само возражавшее против котелка в печке, взяло вдруг сторону бабушки, затораторило все разом, и начальствующее лицо удалилось, что называется, не солоно хлебавши.

Разослав телеграммы во все концы — и в Москву и в Свердловск, мы прожили на вокзале шесть дней. Еды почти не было. В самый еще первый день Мина на местном поезде поехала в Казань, всего за пять километров, и там на базаре обменяла какую-то кофточку свою на довольно большую мерзлую круглую буханку черного хлеба. От него мы бережно отрезали по тонкому кусочку. А еще она привезла, наверное, килограмма два репчатого лука, крупного, ядреного. Без нее, Мины, правду сказать, мы бы совсем пропали. Общая беда сблизила нас, сроднила.

Дни тянулись страшно медленно. Бабушка безвылазно сидела на вещах, на них мы и спали полусидя, полулежа, часто дрожа от холода. А я, забыв о еде и перелаывая тоску пустых дней, отдавалась очень тогда занимавшему меня делу: следила за разными типами, казавшимися мне подозрительными, то ли ворами и бандитами, то ли шпионами. Я ни с кем не делилась своими наблюдениями, но ни одного шпиона или бандита мне так

и не удалось разоблачить. От вокзала я тоже никуда не отходила, опасаясь мало ли каких неожиданностей.

Пути в Москву не было. Хотя мы наблюдали нескольких ненадолго появившихся на вокзале людей, которые пробирались в Москву, вопреки всем запретам и караулам. Особенно запомнилась одна пара — муж и жена, оба одного роста, худощавые, подобранные, с лицами аскетов. Небольшие котомки у них за плечами. Они подсаживались на эшелоны, идущие к Москве. Их ссаживали с одного, они пристраивались к другому. В Юдино на них так же, как и на нас, наткнулся патруль. Строгая была станция Юдино, особая тут проводилась проверка. И пара решила не рисковать, а пройти пешком до Казани и там попытать счастья. Помню, как уходили они в ночь в мороз по путям, все уменьшающиеся силуэты их так в глазах и маячат.

Нам с бабушкой со всеми баулами и чемоданами, содержание которых — не наше же! — по-прежнему сохранялось нетрожимым, оставался один лишь путь — назад, в Свердловск, к дяде Саше. Но пассажирский поезд, на котором мы могли бы уехать, курсировал чрезвычайно редко, приходилось ждать.

И дождались. Слава Богу! — твердила бабушка. Плацкартный вагон был холодный, совершенно темный и совсем пустой. Я тут же стала требовать поднять верхнюю полку, бабушка в суете стукнулась об нее, глаз подбила, ругала меня. Но в конце концов мы расположились, пристроили вещи где-то в середине вагона, сели рядом, закусили луком — другого ничего к тому времени уже не было — и успокоенные, с надеждой на лучшее тронулись в путь. Этот поезд тоже ехал медленно, тоже подолгу стоял на станциях, но ехал! От Юдино до Свердловска мы двигались трое суток. Но не две же недели, как тот наш вагон.

Садилась на поезд мы в ночь, а на утро пришел к нам мужчина и сказал, что в соседнем вагоне едут ребята-подростки, «ремесленники», как тогда их называли. Их много, в одном вагоне тесно, и не будем ли мы возражать, если часть из них перейдет к нам. Какое возражать! Жутко одним. Дни короткие, темень.

Мальчишки шумно заполнили все полки. Их везли в Свердловск для работы на военных заводах. Напротив нас на поперечной верхней полке лежал светловолосый, есенинского типа паренек, тихий-тихий. Он именно лежал почти все время. Вставал очень редко. Позже мы поняли, почему. У него не было еды. Совсем не было. Тот паек, что выдали на дорогу, у него отняли блатные, которые, как выяснилось, верховодили в этом детском в сущности коллективе. Взрослый дядька, начальник всего этого отряда, похоже сам боялся их. Он совсем в нашем вагоне не показывался. Да и мы вскоре почувствовали воровскую руку.

Вещи наши стояли и лежали на полу между полками-лавками. В старых вагонах никаких ящиков под сидениями не было. Так свободное пространство по всему вагону. И глухой ночью кто-то подполз и взрезал один из мешков и вытащил оттуда ботинки, еще что-то.

Утром, обнаружив пропажу, бабушка запричитала, заголосила. Сами подумайте: почти священные папины вещи, бережно хранимые на всех путях и перепутьях эвакуации, нетрожимые, дороже хлеба насущного, пропали! А тут проходили через наш вагон двое здоровенных офицеров-фронтовиков, ехавших в отпуск на свидание с семьей. Услышали они бабушкино

причитание, возмутились. Мы там на фронте жизни не жалеем, а тут всякая мразь над нашими матерями издевается! Поезд как раз остановился, сказали, долго будет стоять. Пошли те фронтовики на местный базарчик и обнаружили там нашего воришку, который папиными ботинками торговал. Схватили они его, приволокли в вагон, наподдавали ему, конечно, ботинки бабушке отдали и милицию вызвали.

Весь вагон наш оживился. Ребята разговорились вдруг: житья не дают эти уголовники. У того еду отобрали, у того шапку, у того шубейку потеплей. Военные, наверное, даже подрастерялись от этого напора.

Пришла милиция, говорит: зачем он нам, этот воришка, его и девать некуда. Везите его до следующей большой станции. Там солидное отделение милиции, там примут.

Что делать? Оставили военные мальчишку при себе. А поезд чуть проехал и опять застрял надолго на какой-то забытой Богом остановке. Офицеры нервничали. Время, дорогое время уходит. Не для того им отпуск дали, чтоб по поездкам таскаться. И узнали они, что вот мимо идет скорый — в раз домчит. И перепрыгнули они туда, на скорый этот, а парнишку заарестованного бросили.

Под вечер дело уже было. Защита убыла. Весь наш вагон затаился. Что-то будет! Мы сложили все вещи свои на полку, сели рядком напротив — бабушка, я, Мина, ожидая самого худшего.

И вот в сгущавшихся сумерках пришли они, главари и паханы уголовного мира с наглыми отвратительными мордами, разбираться. «На правееж», как говорили. В полной глубочайшей тишине их шаги мне казались молотом, бьющем в самое сердце. Оно трепетало от страха, отвращения, беззащитности. Но никаких внешне ужасных действий не произошло. Бандиты лишь покосились в нашу сторону и не сказали ничего. А с мальчишками «разобрались». Даже не били никого, но вновь подчинили их той угрозой страха, что с ними в любую минуту может произойти нечто ужасное.

Всю ночь мы не спали, дрожа от холода и голода, вздрагивая от каждого случайного звука. Но вагон угрюмо молчал, колеса стучали и ничего не происходило.

В темное предрассветное утро поезд прибыл в Свердловск. Выходить мы не торопились. Бабушка и Мина молча в свете тусклых платформенных фонарей собирали какие-то мелочи. А я прилипла к окну, смотрела, как выходят и встают в нестройные ряды наши попутчики, и считала, считала по головам всех уголовных, мною подмеченных. Все ли они вышли? Не притаился ли кто в темном вагоне, чтоб мстительно вонзить нож нам в спину. Нет, кажется, вышли все.

Так вернулись мы в Свердловск, к дяде Саше, второму бабушкину сыну, в еще худшие условия, чем те, от которых мы уезжали. Потому что теперь у нас с бабушкой не было даже продовольственных карточек. А выправить их можно было нескоро. К тому же буквально накануне нашего возвращения тетя Шура на заводском грузовике вместе с такими же бедолагами, как и она сама, ездила в деревню обменивать разные вещи на картошку. На обратном пути грузовик сломался, и картошка померзла. Но кроме нее нечего было есть. И мы ели. Никогда раньше тетя Шура не обделяла меня едой — что детям своим, то и мне. А тут я замечала частенько, что Люсе и Диме доставалось больше и лучше. Материнское сердце не выдерживало.

Да и то сказать. У нас ведь даже карточек не было, и отец деньги по аттестату перестал уже сюда в Свердловск присылать. Мы же в Москву ехали.

Ближе к весне тетя Клава выхлопотала-таки нам с бабушкой пропуск в Москву. И через трое или четверо суток мы со всеми нашими чемоданами и мешками очутились на площади трех вокзалов в Москве.

Снег еще не совсем сошел. И бабушка наняла какого-то мужчину с саночками, который взялся довести наш багаж до дома. А дом-то вот, рядом, на Домниковке. Ходу от силы 15 минут.

Этот день никогда не забыть. Я и сейчас плачу от того счастья, что охватило меня тогда. Знакомые обшарпанные дома, серое, будто нахлобученное небо, блестящие булыжники мостовой — все, все дарило меня теплом, словно объятия матери, к которой вернулся после долгой разлуки.

Но вот и наш старенький с подпорками двухэтажный дом в глубине улицы. «Струковка», как называли его по имени старого дореволюционного еще владельца. Знакомые три-четыре ступеньки перед проемом входной двери. Самой двери, сколько я помню, и до войны не было, только проем. Я стою перед ним и от волнения не могу сдвинуться с места. Бабушка уже поднялась к нам на второй этаж, кричит мне: «Нинка! Ты что стоишь, иди же!» А у меня ноги словно вросли в землю, дыхание перехватывает...

Спустя четверть века, а может чуть больше, я побывала на станции Юдино. Читательское письмо забросило меня в поселок (может, город?), что расположился по другую сторону всех путей. Странная это вышла поездка. Герой, на которого жаловались, исчез куда-то, затаился, а клеветы его были уклончивы в разговоре, тоже таились как-то и глухо, неявно грозились — всякое, мол, у них в Юдино случается. Кто-то с моста упал, кто-то в путях заплутался, да мало ли что.

Дело опять было зимой в темные короткие дни. Я приезжала в Юдино из Казани, где жила в гостинице. И вечерами возвращалась из поселка к станции по длинному железнодорожному мосту, протянутому поперек всех путей и перепутий, в слабом освещении которого при полном почти безлunii все мелькали какие-то тени, мне казалось, что вот, вот сейчас кто-то или что-то толкнет меня и упаду я на пути под тот самый паровоз, что разбросал по снегу наши вещи. Мистический страх закольцованности жизни гонит меня, я убыстряю шаги, почти бегу...

А вокзал внешне остался таким, каким и был. Лишь обновился немного. Внутри же все иное. Где те зальчики? Где печка? Где скамейки? Все перепланировано, переделано, ничего не узнать. Теперь же, когда вспоминаю все это, и самого вокзала, небось, уж нет. С той памятной новогодней ночи прошло 65 лет.

Николай РАЧКОВ

**ТРАГЕДИЯ
И ТРИУМФ
РОССИИ**

*К 65-летию
Великой Победы*

Николай Борисович Рачков — родился в 1941 году в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута. Автор многих поэтических книг. Секретарь Правления Союза писателей России, лауреат «Большой литературной премии России», Всероссийской премии имени А. Твардовского, премии «Ладога» им. А. Прокофьева. Живет в городе Тосно Ленинградской области.

У меня на столе лежат две документально-публицистические книги писателя Евгения Павловича Титкова: «Тьма не победит света» и «Трагедия и триумф России». В каждой более 500 страниц. Признаюсь, я ныне не большой охотник до подобной литературы, заполонившей все прилавки, поскольку начитался за последние годы в этом плане столько полуправды и откровенной лжи, что стал сомневаться в истинности всего опубликованного. Но я уже читал предыдущие книги этого яркого публициста, а потому интерес к нему у меня не случайный. Его талантливая книга о Патриархе Сергии (Страгородском) справедливо была отмечена Всероссийской литературной премией им. А. Невского. С автором можно спорить, в чем-то не соглашаться, но не уважать его позицию и не верить тому, о чем он пишет, очень и очень трудно — он глубоко знает предмет, приводит неоспоримые факты, мыслит масштабно и неординарно.

Вот и эти книги я, честное слово, читал запоем, не в силах оторваться от текста. Почему? Что нового и неожиданного открыл мне писатель в истории Второй мировой войны, начиная от прихода Гитлера к власти в Германии и разгромом фашистского блока армиями антифашистской коалиции, какие аспекты трагической и героической истории Великой Отечественной войны увидел и осмыслил с учетом ставших доступными фактов и документов, что я, перевернув последнюю страницу, долго сидел ошеломленный прочитанным? Вроде бы, столько читал о войне, о той эпохе, в чем меня убеждать, чем поразить?

А вот и удивил, и убедил, и поразил — и масштабом документального материала, и смелостью, и цельностью темы, и непредвзятым подхо-

дом к тем драматическим событиям, и неумолимой логикой в оценке столкновений, потрясших всю планету.

Да, знание своей истории, как подчеркивает автор, это верный признак интеллигентности, здорового интереса и пытливого ума. Но не только. Добавлю: знание истории своей страны, своего народа — это еще и чувство причастности и ответственности не только к тому, что было, но и за то, что происходит, что будет.

Сегодня, когда уходят из жизни последние ветераны, а на смену пришли молодые поколения, вскормленные легендами и мифами о войне, часто фальсифицированными, опоенные надуманными в угоду политической и сиюминутной пропаганде кинофильмами о войне, о том суровом времени, вроде известного «Штрафбата», многие уже не знают элементарного: из-за чего велась война, кто с кем воевал, какова была роль англо-американских войск в Африке и на Тихом океане, даже не представляют гигантских масштабов действий Красной Армии на советско-германском фронте. Да что там, есть уже такие, что не ответят, кто такие Сталин, Гитлер, Рузвельт, Черчилль. Многие же начитались современных художественных и публицистических книг о Великой Отечественной войне, как правило, тенденциозных, уверовали, что какой-нибудь Суворов-Резун открыл им глаза на всю правду о той трагическо-героической эпохе. Великую Победу советского народа за последние годы столько раз очерняли и шельмовали в средствах массовой информации, в растиражированных поделках, что слово правды о ней стало почти недоступным широким массам. И поток информации о Второй мировой войне не иссякает в мире. О ней пишут каждый со своей точки зрения — кому как выгодно. Ибо передел мира не закончился, идет борьба за добычу полезных ископаемых, за сферы влияния, за новые рынки сбыта.

Писатель Е. Титков, профессор, доктор исторических наук, избрал доступную форму общения с читателем: он задает вопрос и тут же на него отвечает развернутым текстом, опираясь на многочисленные факты, цифры, документы, анализируя ситуацию. Делает это и доверительно, и убедительно. Нет, он не навязывает своего мнения по той или иной теме, он просто рисует пером талантливого рассказчика положение, обстоятельства, которые складывались на данный момент в стране, в мире.

Например, много нынешние обличители пишут о советско-германском сотрудничестве до войны, упрекая советское руководство в том, что, дескать, мы помогали вооружать Гитлера. Так ли это?

Судите сами, отвечает писатель. Еще 4 февраля 1931 года на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». И он не сгустил краски. Это отставание проявилось еще в ходе Первой мировой войны. Германия произвела за тот период 280 тысяч пулеметов, Франция — 312 тысяч, Англия — 239 тысяч, а Россия всего лишь 28 тысяч штук. Та же картина в производстве орудий: Германия — 64 тысячи, Франция — 23 тысячи, Англия — 26,4 тысячи, Россия — 11,7 тысячи. Самолетов Германия произвела 47 тысяч, Франция — 52 тысячи, Англия — 47 тысяч, а Россия — всего 3,5 тысячи. Удивительно, как при таком соотношении сил Россия держала фронт. Конечно же, и доблестью солдат, и жертвами.

После Гражданской войны промышленность России была разрушена почти до основания. Заводы и фабрики стояли. И ни Англия, ни Франция не стремились помочь восстановить нам промышленный потенциал — требовали уплаты царского долга в 18,5 млрд. золотых рублей, это пять с половиной годовых бюджетов Российской империи благополучного для нее 1913 года.

Могла ли пойти на это Советская Россия?

Конечно же, нет.

Германия же была традиционным торговым партнером России. И после поражения она все равно оставалась мощнейшей промышленной державой. Титков подробно описывает, как германские власти постепенно возрождали вермахт, где и как размещали свои военные заказы, где готовили военные кадры. Нет, не у нас. В той же Европе, под присмотром которой она находилась.

Много пишут о Липецкой летной школе и о Казанской танковой, вот где якобы выросли немецкие асы и командиры. Это нелепость, утверждает автор. И в Липецке, и в Казани не немцы у нас учились, а мы у немцев. К тому же Липецкую школу прошли всего 100 немецких летчиков, в то время как в Европе их обучалось более двух тысяч. Немцы вложили немалые средства в оборудование школы и аэродрома. А главное — там получали летные навыки и наши будущие боевые кадры, об этом нельзя забывать. То же самое было и в Казани. Так что кто кому больше обязан — мы немцам или они нам, это еще вопрос.

Германии нужно было сырье, нам оборудование. Так завязались торгово-экономические отношения. И опять-таки, наивно полагать, что Германия ввозила сырье только из СССР. Доля Советского Союза в поставках сырья в общих цифрах была невелика. В основном железную руду, никель, медь, вольфрам и прочее немцам поставляли Швеция, Англия, Бельгия и другие капиталистические страны. Да вот наглядный пример: американские танкеры везли нефть на Канарские острова, а оттуда ее доставляли немецкие танкеры. И — только не удивляйтесь! — это в условиях войны, когда США воевали против Германии. Далеко не секрет, что в 1944 году Германия ежемесячно получала через Испанию 48 тысяч тонн американской нефти и 1100 тонн вольфрама.

Ничего себе, а?

Итак, что же поставлял Советский Союз Германии? Возьмем хотя бы данные за период с декабря 1939 года по конец мая 1941-го. Германия получила из Советского Союза 1 млн. тонн нефтепродуктов, 1,6 млн. тонн зерна (в основном кормового), 111 тыс. тонн хлопка, 38 тыс. тонн жмыха, а также лен, никель, хромовую руду, лесоматериалы, пушнину.

Что же получил Советский Союз?

Он получил 6430 металлорежущих станков, недостроенный тяжелый крейсер «Лютцф», переименованный нами в «Петропавловск», гребные валы, компрессоры высокого давления, рулевые машины, моторы для катеров, судовую электроаппаратуру, медицинское оборудование, насосы, орудийные корабельные башни, 211-миллиметровые полевые гаубицы, батарею 105-миллиметровых зенитных пушек с боекомплектom, средний танк «Т-111», дальнометы и прочее оборудование. Немцы поставили нам даже самолеты «Хейнкель-100» (5 штук), «Юнкерс-88» (2 штуки), «Мессерш-

митт-109» (5 штук) с запасными моторами и запчастями. В результате были сделаны шаги по внедрению некоторых немецких технических решений в советскую авиационную промышленность. Были закуплены дизельные двигатели большой мощности, изучение которых способствовало развитию отечественного двигателестроения.

Окончательный итог торгово-экономических отношений между СССР и Германией за период с 1939 по 1941 гг. таков: Советский Союз поставил товаров на сумму 756,4 млн. марок, Германия — на сумму 689,7 млн. марок. Убыток денежный невелик, учитывая, что германская промышленность работала длительное время на наши заказы, и эта продукция пролежала на складах Германии до конца войны. А некоторые наши товары, к тому же, не способствовали повышению боеспособности немецкой армии. Например, пушнина, которую СССР поставил немцам на 10 млн. марок.

Полученное сырье немцы быстро израсходовали, новейшая же техника, оборудование и технологии, поставленные в СССР, работали на нашу Победу.

Кто ее одержал, известно.

Подробно, на основании неопровержимых документов, автор анализирует, кто и как вооружал Германию после Первой мировой войны, как и почему оказался Гитлер — эта волевая темная харизматическая личность — у власти. Убеждаешься: Германия начала готовиться к реваншу, к войне против России сразу же после своего поражения. И в этом ей помогал интенсивно Запад, ненавидевший Россию. Автор расставляет все точки над i в вопросе мюнхенскогоговора европейских держав и подготовке условий для пакта «Риббентропа — Молотова», он детально рассказывает о «странной войне» на Западе и освободительном походе Красной Армии, о германском блицкриге, о битве за Англию. И планомерно, шаг за шагом писатель раскрывает борьбу технических умов и военные приготовления, вынужденное сотрудничество с Германией, ибо уже тогда и та, и другая сторона понимали: скоро, скоро начнется, кто — кого?

Много новой информации и правды о советско-финской войне, о том, как позорно пали Франция, Польша, Бельгия, Австрия и другие европейские страны в результате гитлеровского нашествия. И, пожалуй, впервые так тщательно, так скрупулезно собраны все данные о «крестовом походе» против России европейских сателлитов Гитлера: Италии, Финляндии, Румынии, Венгрии, Испании, Хорватии, Словакии, о широком обеспечении вермахта крупновской броней и сталью практически всем промышленным потенциалом Европы.

Титков подробно освещает катастрофу Перл-Харбора и создание Великой Коалиции, размышляет, как и почему до 44-го года откладывалось открытие «второго фронта», показывает, как осуществлялась «периферийная стратегия» союзников, разворачивает перед читателем панораму ужасающих битв под Сталинградом и на Курской дуге. Не обошел он вниманием и трагедию американских войск в Арденнах, и тему Ленд-Лиза в обеспечении Победы, и разгром Японии. Цифры, факты, примеры героизма ярче любых рассуждений высвечивают объективную реальность тех страшных военных столкновений.

Вообще, в книгах читатель как бы зорким глазом и чутким умом проследживает исторические события Великой Отечественной войны, вчитывается

в наиболее противоречивые моменты и пытается найти истину, анализируя судьбы людей и исторические факты, которые, к сожалению, в нынешнее время обросли и домыслами, и фальшью, и лживыми изречениями.

Уж сколько написано статей, очерков, книг, сколько киношниками создано художественных и документальных лент о советской разведке накануне войны! И что Рихард Зорге называл точную дату начала войны — 22 июня, и что другие именитые разведчики об этом же доносили Кремлю за несколько месяцев до начала военных действий. А вот Сталин их и слышать не хотел.

Это все мифы, утверждает Титков. Это просто манипуляция сознанием читателей. В плане «Барбаросса» точная дата нападения на СССР сначала и не обозначалась. Говорилось о весне 41-го года. А вообще, о точной дате, как правило, высшие чины узнают от главы государства не ранее, как за 10—14 дней.

Что, какие данные прислал Р. Зорге в Москву в последнем донесении 20 июня 1941 года? «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна».

И все.

Но об этом и так уже все знали. Сведения текли отовсюду, назывались сроки — март, май, различные числа июня. И потому не хотели попасться на провокацию, чтобы не дать лишнего шанса Германии обвинить нас в преднамеренном действии. Жили в напряжении. Гитлер лично озвучил дату нападения 22 июня как возможную дату нападения на СССР только во время совещания 30 апреля 41-го года. Эту дату через Гесса Гитлер конфиденциально сообщил англичанам. И тянул с письменным распоряжением до того момента, пока не получил от англичан гарантии безопасности на Западе в случае его агрессии на Востоке против России. Он понимал, что война на два фронта губительна, а времени упускать было жаль — все данные немецкой разведки говорили о том, что советский колосс падет сразу, как только на его землю ступит нога немецкого солдата. Как слаба Красная Армия, показали боевые действия с белофиннами. Теперь Красная Армия перевооружалась. Ждать нельзя. А с Англией можно будет покончить позднее. Этих гарантий не было до середины второй декады июня 41-го — в это время шел ожесточенный торг Гесса с англичанами.

Что же происходило?

Англия как великая держава находилась на последнем издыхании. Единственный шанс на спасение состоял в том, чтобы дать Гитлеру гарантии полной безопасности в его однофронтной войне против СССР — тут геополитические точки зрения Англии и Германии по уничтожению России совпадали. Пусть Гитлер займется агрессией против СССР, лишь бы на какое-то время отстал от Англии, а там будет видно. Об этом стало известно Кремлю. Руководство СССР сообщением ТАСС от 13 июня 1941 года заранее приговорило Гитлера к позорному столбу истории как агрессора, который с санкции какой-то «полузадушенной» Англии готовится вероломно напасть на честно соблюдающего условия Договора о ненападении от 23 августа 1939 года партнера по межгосударственным отношениям.

В Лондоне это поняли. И все-таки выдали, пусть не письменные, пусть устные, но гарантии Гитлеру не открывать фронт. И ведь не открывали его практически до 44-го года, до тех пор, пока не убедились, что Советский

Союз и сам справится с Гитлером. Если бы не эти подлые гарантии Англии Гитлеру, утверждает Титков, едва ли Гитлер рискнул бы напасть на СССР 22 июня 41-го года. Началась война с СССР — и мощь немецких бомбардировок Англии сократилась почти в восемь раз. Что и надо было «полузадушенной» державе...

Все «байки» о точной дате начала войны, о якобы какой-то нецензурной резолюции вождя на сведениях нашей разведки — это все домыслы. Нет таких документов. Иначе о них Н. Хрущев растрезвонил бы на весь мир еще на XX съезде. Эта фальшивка была состряпана в годы правления М. Горбачева с целью дискредитировать руководство советского правительства и Коммунистической партии Советского Союза.

Надо знать еще и то, что за четыре дня до нападения немцев Сталин приказал привести все пограничные и приграничные войска в полную боевую готовность к возможному отражению. Наши полководцы, увы, даже Г. Жуков, бывший в тот момент начальником Генштаба, осторожно и невнятно потом писали и говорили об этом, обходя каждый из своих соображений (слаб человек!) этот острейший вопрос. Почему же войска не были приведены в полную боевую готовность? Кто виноват? Почему командиры в ночь на 22 июня находились в кругу семьи в своих военных городках, а не были в частях на боевом посту? Почему командующий Западным особым военным округом Д. Павлов в это время безмятежно сидел в оперном театре? Почему на многих аэродромах с самолетов были сняты пушки и пулеметы? Почему горячее для танков было не подготовлено для внезапного боя?

Почему? Почему? Почему?

Да потому, что все были виноваты. Халатность, разгильдяйство, трусость и боязнь провокации, — все это сыграло на руку врагу. Отсюда страшный разгром наших огромных приграничных войск, в первую очередь Западного особого округа, в первые же часы и дни. Да, и самолеты были еще не те, и танки не те (новейших мало), да, и летчики с танкистами были еще не те — не было достаточного опыта, и тем более командиры не те. Там, где были действительно хорошо обученные бойцы, где на высоте оказались командиры — там немцы и споткнулись. В том же Бресте, в ряде других мест. Особенно отличились героизмом и самопожертвованием части НКВД, пограничники. Эти умели воевать. Но разве такую лавину огня и стали удержишь?

Другой пример. Если по распоряжению наркома ВМФ Н. Кузнецова все флоты были приведены в полную боевую готовность, так они стойко отразили в первый же день войны все налеты авиации и не потеряли ни одного корабля.

Автор анализирует первые дни войны на фронтах, документально подтверждая, кто и за что в то время нес ответственность, какими силами располагали особые военные округа, почему наши армии оказались в немецких «котлах».

Главный же вывод: для советских войск оказался внезапным не сам факт нападения Германии, нападения ждали. Совершенно неожиданным оказался масштаб этого нападения, поразил характер наносимых немцами ударов — мощных и потрясающе точных, сразу всеми силами от Балтики до Черного моря. А ведь советские военачальники, изучая «скоростные тех-

нологии» немцев в войне против Франции, Польши, где они действовали таким же методом, еще в декабре 1940 года сделали удивительно парадоксальный вывод: немцы не посмеют применить стратегию и тактику блицкрига в войне против страны с самой передовой общественно-политической системой.

Увы, посмели.

И маршал К. Рокоссовский впоследствии писал, что именно вот такой гигантской силы массированный удар ошеломил наши войска, которые в первый же день подверглись буквально шоку, да что там — панике.

Это надо читать. Титков развенчивает и миф о том, что в критический момент битвы за Москву Верховный якобы намеревался сдать столицу врагу и готовился к отъезду за Волгу. «Немцы войдут в Москву только через мой труп», — сказал он, когда ему осторожно генералы намекнули на такой вариант. И сам Г. Жуков, и другие военачальники поняли, что под Москвой надо или умереть, или устоять.

Устояли. Слава им.

Главы о злодеяниях немцев на нашей земле невозможно читать без содрогания. Сегодня много пишут и вещают о том, что солдаты вермахта якобы сражались по приказу, они де не виноваты, что лежат в русской земле. Надо их почтить, обустроить кладбища на местах бывших сражений. И вот уже появляются такие мемориалы. Это тем, кто войдя в деревушки ловили не догадавшихся спрятаться женщин и девушек и уводили в лес — для себя и господ офицеров. Возле города Борисова шестнадцатилетнюю Любу Мельчукову изнасиловали целым отделением, потом прибили ее штыками к доскам, отрезали груди. Всего в этой деревушке немцы убили тридцать шесть женщин, изнасилованных было больше. Другой пример. На окраине деревни близ Белостока стояло пять заостренных колов, на них было воткнуто пять трупов женщин. Трупы были голые, с распоротыми животами, с отсеченными головами. Головы женщин валялись в луже крови вместе с трупами убитых детей.

Вот так воевали немцы на нашей земле. Повсюду. Ибо они пришли не просто завоевать Советский Союз, они пришли уничтожить народ, забрать его ценности и стать хозяевами русской земли. Это была не просто война, это был геноцид. Только советских военнопленных держали в скотских условиях, делали все, чтобы они умирали десятками и сотнями тысяч в концлагерях, сжигали и расстреливали. А вот с европейцами — теми же французами, скажем, англичанами, обхождение было другое. Им присылали даже посылки из дому. Рабы, но свои.

Много, много и предметно Е. Титков рассказывает о страшных злодеяниях на нашей земле фашистов. То, что происходило тогда — это нечто невиданное в мировой истории по своим масштабам. А мы выделяем им ныне землю под кладбища...

Автор рассказал и о вымыслах и реальности заградительных отрядов, о том, кто в действительности попадал в штрафные батальоны и как они воевали. И очень подробно, опять-таки на основании документов и фактов описывает агонию власовского движения, как сражались власовцы, как и почему Власов стал предателем и почему не подлежит оправданию. В этих главах развеян и романтический миф о взятии Праги советскими войсками. Да, они вошли в Прагу, но уже после того, как первая власовская диви-

зия нанесла удар немцам и помогла восставшим. Немцы подписали капитуляцию, которую приняли руководители пражского сопротивления. Через несколько часов в Прагу вошли танки 4-й гвардейской танковой армии 1 Украинского фронта. Правильнее будет считать, как полагают некоторые, что Прагу никто не освобождал. А правильней всего, действия Красной Армии, уже взявшей Берлин, решительно повлияли на исход последнего сопротивления фашистов в Европе.

Как и почему Россия оказалась над бездной и ... победила? Этот вопрос мучает до сих пор многих в Европе и за океаном.

Кровопролитная война действительно оказалась Великой Отечественной, Священной. Ибо встал вопрос о жизни и смерти Отечества, а Отечество дается нам от Бога, подчеркивает автор. Патриарший Местоблюститель Сергей (Страгородский) в пасхальном послании 2 апреля 1942 года обличал попытку «вместо Креста Христова признать своим знаменем свастику» и утверждал с амвона: «Им Креста не победить». И хотя мы в начале войны уступали врагу почти по всем показателям вооружения и техники, смогли выстоять и победить в этой тяжелой войне. Русский народ преодолел врага, потому что остался с Богом, и Бог не покинул Россию.

Когда началась война, возникло нерушимое единство всего народа, всех этносов, всех национальностей Советского Союза, всех социальных классов и групп. Тыл и фронт объединились, образовалось монолитное, железное единство, которое стало главным оружием в борьбе с врагом. Фашисты бросили все свои силы на раскол этого единства, но расчет стратегов Третьего рейха оказался губительным для них самих.

А ведь Церковь тогда находилась под жесткой опекой государства, была преследуема. Но она не изменила своему духу, она защищала наши души, она была с народом. Таким образом, защита Отечества неразрывно связана с защитой веры, защитой своего духа. Это дело священное, правое, поскольку Отечество идет от Отца Небесного, а всей полнотой правды обладает только Господь. Именно тогда резко изменилось отношение государства к Церкви, к вере — был распущен «Всемирный союз безбожников» Е. Ярославского. Стали открывать храмы, возвращать пастырей из лагерей и ссылки.

Один гитлеровский генерал признался: «Нельзя победить солдат, которые презирают смерть». Вот оно, различие немецкого и русского солдата. Если в скоротечном бою у немцев удавалось выбить офицеров, это сразу и надолго парализовало все подразделение. А у русских. Если пал офицер, ближайший сержант, а то и рядовой солдат, тут же кричал: «Я командир. Слушай мою команду!» и начинал командовать, управлять боем. Немцы были поражены, когда солдаты взрывали себя последней гранатой с криком «Русские не сдаются!» А потом оказывалось, что взрывали себя татары, евреи, чеченцы — они умирали как русские! Русский народ в ходе войны объединил всех. И сколько примеров героизма на фронтах войны показали наши солдаты! Не сотни, не тысячи — это был массовый героизм.

Не случайно еще в 1939 году в беседе с А. Коллонтай о перевооружении армии И. Сталин особо подчеркнул: «Все это ляжет на плечи русского народа. Ибо русский народ — великий народ. Русский народ — это добрый народ. У русского народа, среди всех народов, наибольшее терпение.

У русского народа ясный ум. Он как бы рожден помогать другим нациям. Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные, опасные времена. Он инициативен. У него стойкий характер. Он мечтательный народ, у него есть цель. Поэтому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него можно положиться в любую беду».

Как в воду смотрел вождь народов.

Да, за обучение искусству воевать мы заплатили дорогой ценой. Но, убеждает автор, войны, которые ведутся на уничтожение, развиваются по своим законам, а не по правилам шахматной игры. Поэтому наши собственные ошибки, равно как и просчеты противника, не могут служить объективной мерой конечных результатов войны. Важнейшим фактором, действительно влияющим на победу в такого рода столкновениях, является «качество» народа, его характер.

Разумеется, корни принципиального различия между русскими и немецкими солдатами кроются именно в этом, но ведь и разными были и их цели в войне. Одно дело — господство «арийской расы», обогащение за счет другого народа, его уничтожение, другое — защита Отечества, самопожертвование во имя спасения своих детей, матерей, жен, своего дома, своего народа.

Писатель Е. Титков заключает, что как бы ни пытались уяснить иностранцы для себя истоки нашей Победы, им не понять, что, широко расположившись на огромном континенте, русские люди органически питали и питают до сих пор особое, почти религиозное отношение к своей суровой, неласковой земле. С этим чувством абсолютной, заложенной в генах любви и преданности к просторам, почве, к родному пепелищу, к заветам предков, к теплу семьи, забывая мороз и холод, неустроенный быт, ужас бездорожья, ярость природных стихий, жители нашей страны гибли и гибнут за то, что им дорого. На протяжении только всего жестокого XX века мы потеряли чуть ли не половину своего населения. Теряли, стремительно и много теряем и в начале XXI века. Но кто из настоящих русских людей усомнится в решимости оставшейся половины?

Вот это и не учли германские вожди и их союзники в походе против России. На протяжении веков в тысячах русских деревень, где еле теплилась вечером в окне свеча или лучина, провожали кормильца со стоической убежденностью, что он ни за что не пропустит врага, пока жив. Именно в этом, убеждает автор, исток и причина нашей Победы.

Обе книги написаны ярким, живым языком талантливого публициста, кропотливого исследователя и патриота и предназначены студентам, учителям, учащимся, всем, кто интересуется историей Отечества. Вот бы да эти книги издать огромным тиражом, чтобы каждый мог купить их, прочитать и почувствовать себя гражданином великой страны, имя которой — Россия.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

**ОБРЕТЕНИЕ
ПОКОЛЕНИЯ:
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ
ПОЭТИЧЕСКОЙ
АНТОЛОГИИ
«НАШЕ ВРЕМЯ»**

Нина Александровна Ягодинцева — родилась в Магнитогорске. После школы работала на заводе и занималась в ЛИТО. Училась в Лит. институте. Работает в Челябинской государственной академии культуры и искусств. Вела литературные и публицистические передачи на радио. Разработала авторский курс «Литература Уральского региона», создала лит. мастерскую. Автор многих книг стихотворений и научных публикаций. **Живет в Челябинске.**

То ли в силу изначально присущего русской литературе идеализма, то ли следуя традициям рационального восприятия истории, принято, оглядываясь на прошедшие времена, с сожалением говорить о «лишних людях» и «потерянных поколениях».

Может быть, это и правильно — бить тревогу и искать причины того, что талантливые люди ощущают себя ненужными в обществе, и жизненные силы целых поколений растрачиваются впустую. Но обычно это происходит уже «задним числом», когда и исправить ничего нельзя, и уроков на будущее извлечь практически невозможно.

Поколение, к которому волей судьбы принадлежит и автор этих заметок, очень быстро и жестко было избавлено от идеальных представлений — или, может быть, действительно иллюзий? — о том, что общество обязано помогать молодым реализовывать себя, свои способности для общего блага. Однако можно ли называть это поколение «потерянным»?

Рожденные в 60-е с начала 90-х трудно, но неизбежно начинали понимать, что общество — это мы, и никто не создаст нам никаких условий — только сами, ровно настолько, насколько сможем выстоять и что сумеем выстроить...

Поэтому традиционной рецензии на поэтический сборник у автора этих строк не получится: слишком остра проблема, слишком жива боль, поэзия оказалась буквально вплавлена в нашу жизнь, и во многом эта жизнь на ней держится...

Для автора заметок (и одновременно одного из авторов поэтической антологии «Наше время») выход

книги дал возможность увидеть свое поэтическое поколение, сопоставить свой опыт и опыт своих прямых современников и получить подтверждение — и поддержку — своим поискам.

И было радостно увидеть, что ни колоссальный географический разброс, ни полтора десятка лет отсутствия поэтических коммуникаций не отменяют значения поколения нынешних сорокалетних, состоявшихся в литературе вопреки времени, вопреки насаждаемому потребительскому отношению к поэзии — здесь еще много всяких «вопреки», но о них речь пойдет далее.

Сама идея московского поэта Бориса Лукина собрать под одной книжной обложкой поэтов поколения, на чье духовное совершеннолетие пришелся очередной роковой слом жизни России — объективно заслуживает пристального внимания. Уже хотя бы потому, что вызывает со стороны других поколений весьма характерные реакции.

Вот экспрессивная реплика одного из нынешних студентов Литературного института: «Ужас! Они ностальгируют о том, чего никогда не было!».

Вот неожиданная реакция на антологию представителя нынешних шестидесятилетних, преподавателя современной литературы: «А чем, собственно, вызвана необходимость выделить именно это поколение? Что такого особенного произошло в 90-е?»

И наконец, представитель поколения 30-летних, журналист, бесстрашно «прогоняющий» своих собеседников на «испытательном радиостенде»: «Да вы, поэты, вообще нахлебники! Вы ведь хотите, чтобы мы вам свои деньги платили ни за что, просто так!»

Это одни из первых реакций читателей на «Наше время», услышанные автором заметок. Если ситуацию упростить до схемы и несколько утрировать, все выглядит довольно забавно: прошлого нет и не было никакого, особенно ничего не было совсем недавно, а сегодня главное — чтобы всякие там проходимцы, и тем более поэты, не покушались на наши деньги.

Так все-таки — не заметили мы или поскорее захотели забыть, что разрушена великая — равно в силе и в беде — наша страна, что мы потерпели сокрушительное поражение, и пока не признаем этого, будем отступать все дальше и дальше?

*У карты бывшего Союза
С обвальным грохотом в груди
Стою. Не плачу, не молюсь я,
А просто нету сил уйти.*

*Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей.
Как будто закрываю веки
Несчастной Родине моей...*

Это строки из «Нашего времени». Их автор Николай Зиновьев из красnodарской станицы Кориновская. И в них не ностальгия «о том, чего не было», а живая боль человека, в полной мере, поэтически осмысленно пережившего историческую трагедию и не смирившегося с ней.

Это оголенный нерв всей книги, но круг ее тем не ограничивается болью — в нем, как и в самой жизни поколения, много света, любви, природы — всего, что по-прежнему, неизменно составляет русскую поэтическую традицию.

*В магазине у станции купишь буханку ржаного.
Вдоль дороги в цветочном снегу увязают сады.
За день ссохлась душа,
но к закату добравшись до крова,
Задышала свободней, как путник, испивший воды.*

*Этот тающий снег
среди листьев блестящих и мокрых
Тем прекрасен уже, что, возможно, исчезнет к утру.
Греешь руки о хлеб, а в тебя, как в открытые окна,
Проникает морозная свежесть деревьев в цвету...*

*...И как милость небес —
со строкою, что бьется в гортани,
Силясь выскользнуть рвущимся ввысь мотыльком,
Принесешь в свою комнату белое благоуханье
И буханку ржаного с прилипшим сквозным лепестком.*

Марина Котова, Москва

Существует несколько вариантов понимания поэтической традиции, но прежде всего ее принято отслеживать по определенным формальным признакам. Суть же традиции, на наш взгляд, — кристаллизация жизненно необходимого духовного опыта в гармоничной, естественной для него форме. Традиция — явление не застывшее, оно живое и изменяющееся, но — по своим собственным, внутренним законам, продиктованным природой, историей, миссией народа.

Именно совокупным духовным опытом порождаются и мелодия речи, и круг образов, и неизменная семантика основных символов, глубоко прорастающая в подсознание, и сама форма поэтической речи.

Традиция фокусирует в себе жизнетворящие смыслы человеческого существования, те смыслы, которые практически неизменными проходят через естественные социальные трансформации и позволяют противостоять трансформациям насильственным.

Не об этом ли говорит в антологии Сергей Филатов из Бийска?

*Я смотрел. И глаза мои землю прожгли
Вглубь, где дедовы кости и корни дерев.
Поднимите мне веки, они тяжелы,
Я без боли на свет разучился смотреть.*

*Словно полночь вошла в мой покинутый дом
И наполнила хлеб силой прошлой беды.
И казалось сегодня то камнем, то льдом,
То былинным источником мертвой воды.*

*Сын пришел и увидел пылинки в луче —
Это ветер лелеял остатки золы.
Сын коснулся воды. Я слышал ручей.
Поднимите мне веки, они тяжелы...*

Не ностальгия является смысловым центром «Нашего времени», а волевое, целенаправленное бытие в русле духовной и поэтической традиции.

Едва ли впервые в нашей истории с начала «лихих 90-х» происходит попытка подмены, насильственной трансформации культуры, духа чуждыми формами мироощущения и миротворения, чужими социальными мифами.

И продолжая (хочется верить, заинтересованный) разговор вокруг автору этих заметок представляется очень важным поставить довольно простой вопрос: не поняли мы или не хотим понимать, **чем** принудительно заменили нам многократно оплеванные советские мифы о созидательном труде, о братстве народов, о всенародной собственности и власти трудящихся, о превосходстве отечественного заграничным?

Ведь замена-то произошла на мифы, по смыслу диаметрально противоположные: о праздности и потреблении, о необходимости рыночных отношений между братскими народами, о безусловном превосходстве всего иностранного перед отечественным. О том, что подлинную демократию могут построить для нас только олигархи, что частная собственность священна, а власть денег абсолютна. И богатства земли принадлежат теперь не тем, кто на ней живет, а тем, кто их захватывает.

*Мир есть один большой универсам.
И потому поэзия однажды
Отправилась обратно к небесам.
Она собой не утоляла жажды...*

*...Мир напрочь вырвал сам себе язык.
Напрасны все моления и крики
О помощи и милости владык.
И кто услышит, раз он безъязыкий?*

Вадим Терехин, Калуга

Вы спросите: ну и что? То — мифы, и другое — мифы. В чем разница и где же, наконец, истинная реальность?

Социальные мифы так или иначе создают определенный образ мира и формируют принципы существования в нем. Это своеобразная «рубашка жизни», ее духовная оболочка. Можно себе представить, каким стихиям открывается душа, насильственно лишенная этой «рубашки», как тяжело приживается — или не приживается вообще — новая оболочка, новая мифология, а тем более противоположная по смыслу.

Человек вне определенного социального мифа оказывается совершенно незащитным перед миром, и вынужден черпать силы и смыслы только в себе самом. Вопрос — насколько этих сил хватит и к чему обращаться в поисках смысла.

*Без поэта земля нежива.
Острый лемех вонзается в чрево,
и зародышей нового сева
в нетерпении ждут жернова.
И огнем полыхает очаг,*

*Запекается хлебная корка,
и село притворяется — горько! —
и детей зачинает в ночах.
И рожается дети. Бог весть,
Что падет им на тонкие плечи.
На людей тоже мельницы есть
да свои, специальные, печи,
да погосты, коросты, дожди,
тьма кромешная, дым коромыслом...
Должен кто-то, сама посуду,
наполнять возрождение смыслом.*

Так откликается мыслям автора заметок уралец и земляк Андрей Рас-
торгуев (Екатеринбург).

Антология «Наше время» концептуально выстроена и составлена Бори-
сом Лукиным как поэтический портрет поколения, оказавшегося между двух
мифологических систем. С одной стороны подобная судьба — испытание,
в котором по негласной статистике уцелел, как пишет составитель, каждый
пятый. Официальной статистики, конечно, нет, и, скорее всего, ее никогда
и не будет, но жизненный опыт подтверждает эти страшные цифры.

*Все сложнее, а эхо все проще,
проще, будто бы сойка поет,
отвечает, выводит из роуци,
это эхо, а эхо не врет.
Что нам жизни и смерти чужие?
Не пора ли глаза утереть.
Что — Россия? Мы сами большие.
Нам самим предстоит умереть.*

Это написано Денисом Новиковым (Москва), ушедшим из жизни в
2004 году...

С другой стороны, все-таки — да, действительно, «счастлив, кто по-
сетил сей мир в его минуты роковые»: поколение получило уникальную
возможность ощутить вкус бытия вне социальных мифов, и поэтическое от-
ражение этого бытия — картина уникальная, духовный опыт — бесценный.
Об этом — Максим Амелин (Москва):

*Выпало в лихие времена
мне родиться, но роптать не смею,
что не тот народ, не та страна
и не то, мол, вытворяют с нею
мимо цели бьющие не те
в темноте при полной немоте.*

*Избирая медленного вместо
горней жизни — быстрый огонь земной,
как не знать, что дрожжевое тесто
на скворчащем противне с одной*

*стороны, чтоб стать с другой румяно,
подгорает поздно или рано.*

*Боже, на того, кто наугад
бытия неутолимой жаждой
одержим, а значит, виноват
перед Тобой за всех в измене каждой,
из бездонной чаши через край
Выплесни Твой гнев и покарай.*

Именно обладающие опытом существования «вне» имеют полное право осознанно говорить в первую очередь о качестве той или иной мифологии, о ее долгосрочных целях и задачах — и то, что наивный читатель называет «ностальгией по прошлому», на самом деле прямое суждение о настоящем.

Поколение рожденных в шестидесятые на своей собственной жизни ощутило чудовищную разницу между жизнеутверждающими мифами, организуемыми отдельных людей в народ, в сильную, устремленную в будущее страну — и теми мифами, которые превращают жизнь каждого в войну против всех ради возможности праздного существования и безграничного потребления.

*За печаль, что не вместить,
И за муки, что не меряем,
Бога хочется простить
И не мстить ему безверием.
Даже если здесь, теперь
Вновь друг друга не обрящем мы,
Изо всех моих потерь
Все потери — настоящие.*

Елена Исаева, Москва

Те, кто получил возможность «выйти» за охранительные пределы мифов, понимают, что вся социальная мифология — это «строительные леса», и вопрос только в том, **что** строится — помпезный дворец, жилой (в лучшем понимании этого слова) дом или ночлежка в масштабе страны? Изнутри мифа это, между прочим, совершенно неочевидно, но стоит только выйти из него на вселенский ветер...

*В моей бестрепетной Отчизне,
как труп, разъятой на куски,
стихи спасли меня от жизни,
от русской водки и тоски.*

*Как беженку из ближней дали,
меня пустивши на постой,
стихи мне отчим домом стали,
колодцем,
крышею,
звездой...*

*Как кесарево — тем, кто в силе,
как Богово — наоборот,
стихи, не заменив России,
мне дали этот свет — и тот...*

Инна Кабыш, Москва

Поэтическая антология «Наше время» оказалась вполне способна прямо ответить на вопрос, как можно удержаться человеку, оказавшемуся один на один со стихиями социальными и внутренними, личными, без спасительных «рубашек жизни», без строительных лесов, с надеждой только на себя самого, на внутренние опоры: генетические, нравственные, культурные...

Только вот будет ли задан ей этот вопрос? К сожалению, ответ неочевиден. Много проще говорить о потерянности, уже хотя бы потому, что обретение обязывает!

Для «Нашего» поколения вопросом жизни и смерти стала прочность внутренних опор: какое давление они могут выдержать? Мы увидели это воочию. Когда опоры рушатся — одна за одной, и сверстники уходят — четверо из пяти, физически ощущаешь, как близко край, и понимаешь: это действительно **наше время**. И не называйте его больше «перестройкой».

В реальности страшных испытаний Великой Отечественной войны си-моновские строки «Как я выжил — будем знать только мы с тобой» были абсолютно верными: война была открытой, линия фронта — четкой, смысл самопожертвования — великим, победа — всенародной. Граница между жизнью и смертью истончилась тогда до предела, но физическая смерть была положена во имя жизни, и поныне означает торжество духа.

А вот в конце XX века было совершенно иное.

*На всех — и сытых и голодных —
Одно и то же, хоть ты плачь, —
Убожество журналов модных
И тупость телепередач.*

*И верит каждый — как иначе? —
И в справедливость, и в прогресс,
И вся держава хором плачет
Над гибелью чужих принцесс.*

*Все одинаково угрюмы.
И на просторах всей страны
На всех — одни и те же думы,
У всех — одни и те же сны...*

*...В глубинах мысли проплывая,
Я отклонюсь от косяка,
Смотря. Как молча рыба стая
Заходит в сети рыбака...*

Дмитрий Мизгулин, Ханты-Мансийск

Не война — но именно война. Не физическое уничтожение — но духовное, за которым и физическое следует неизбежно — уже само собой.

И о том, чем выжило поколение, на пороге духовного совершеннолетия вступившее в «лихие 90-е», надо бы знать достоверно, и особенно молодым, которые уже освоились в новых, более чем сомнительных мифах настолько, что иных себе просто не представляют. Так же, как в свое время не представляли их себе рожденные в шестидесятые?

*...но если признаться честно,
В каких-то семнадцать лет
Казалось — все в жизни известно
И тайн особенных нет.
Такие мерещились цели!
Ну как же, я жизнь понимал.*

*Я был монтировщиком сцены
И Солнце тогда поднимал!*

Юрий Перминов, Омск

Опыт духовного выживания необходимо увидеть и осознать уже хотя бы потому, что новая «демократическая» мифология прямо противоречит всем генетическим и культурным основам существования нашего народа, и впереди всех нас ждут неслабые испытания.

Суть их, вполне очевидно, состоит в следующем: либо новые мифы окончательно «сломают хребет» народу — и если даже он останется в истории, это будет уже другой народ. Либо придется в очередной раз менять «рубашку жизни», возводить новые «строительные леса», потому что недостойно на такой прекрасной и щедрой земле, как наша, строить всероссийскую ночлежку для неудачников...

*Родина любимей не становится
С добавленьем прожитых годов.
По моей судьбе промчалась конница —
Глубоки отметины подков.
Выбоины тотчас же наполнила
Светлая небесная слеза.
Сердце от рождения запомнило
Родины усталые глаза,
Спрятанную в сумерках околицу
И дымки лохматые над ней...
Родина любимей не становится,
Родина становится нужней.*

Андрей Фролов, Орел

Из всего вышесказанного, вероятно, можно сделать и такой вывод: поэты — существа странные В советских мифах им было тесно, в «демократических» — жутко, без мифов — вообще смертельно! Однако никакого противоречия в этом нет. Поэзия — не раз и навсегда застывшая данность, она напрямую зависит от состояния жизни народа.

Поэзия всегда — на другой чаше весов. Если все — коллективисты, поэт любой ценой утверждает свою индивидуальность, частность своего су-

ществования. Если общество атомизируется — поэт ощущает себя частицей целого народа и говорит за него. Если жизнь обретает опасную стремительность — поэт останавливается и рассматривает листву и облака, если жизнь застывает — поэт, стремясь опередить время, увеличивает скорость своего собственного существования...

Это постоянное пребывание на другой чаше весов, это инстинктивное стремление восстановить мировое равновесие пусть даже ценой собственной жизни, наверное, суть поэзии.

И ведь восстанавливает, сама невесомая!

*И реки вернутся в свои берега,
И станет вдруг ясно тебе,
Что ныне страшнее меча для врага
Свет тихой лампы в избе...*

Андрей Ребров, Санкт-Петербург

Хочется отметить еще одну смысловую составляющую антологии как события. Страна наша все еще велика, вся она — сплошная провинция, и практически моментальное обрушение поэтических коммуникаций в начале 90-х привело к тому, что поэты рожденные в шестидесятые, выстраивали жизненную и творческую стратегию на свой страх и риск, соглашаясь не с прошлым опытом — его обогнали и свели на нет, не с предлагаемым — очевидно чужеродным, — но только со своим собственным инстинктом истины, генетической памятью родной культуры.

Поэты «Нашего времени» вошли в литературу в тот трагический момент, когда были разорваны связи и со столицей, и между провинциями, когда старшее поколение раскололось на «патриотов» и «демократов», при этом часть ушла в политику, часть — в бизнес, а кто-то принялся активно «обслуживать» новые мифы, как совсем еще недавно «обслуживал» советские.

Всем было не до нас и не до молодой литературы вообще. И друг друга мы знали очень мало, и о нас слышали едва-едва. В такой ситуации буквально на излом проверяется духовное родство, единство поколения.

*Ты уже не школьник, ты — поэт,
мой народ, беду преодолевший,
если: «Счастья не было и нет», —
говорит язык твой онемевший...*

*...Так скорей гони свою печаль
в прошлый день, на кладбище печали!
Ты хранишь в себе такую даль,
Где иные исчезают дали...*

*...И пока стремишься в небеса
До родного вечного порога,
Твой покров — святые чудеса,
И легка тебе твоя дорога.*

Александр Кувакин, Москва

Чтобы создать цельный портрет поэтов, рожденных в шестидесятые, составитель антологии сделал максимальным ее географический охват, сознательно ограничив участие москвичей. Помимо названных городов и весей в «Нашем времени» весомо присутствуют поэтические Ижевск (Вячеслав Ар-Серги) и Челябинск (автор этих строк), Нижний Новгород (Евгений Эрастов) и Новокуйбышевск (Диана Кан), Сыктывкар (Нина Обрезкова) и Советский (Людмила Ветрова), Вологда (Инга Чурбанова) и Рязань (Константин Паскаль)...

Конечно, даже при таком подходе провинция обозначена (в силу масштабов поэтического пространства страны) не всем спектром имен, а скорее, представительством — что такое, например, представление всего Урала двумя поэтическими именами?

Подобное «представительство» — вынужденный прием, который, конечно, заставляет составителя оправдываться: да, вошли не все, — но и дает возможность показать, как на огромном географическом пространстве разворачивается духовное, поэтическое бытие поколения. Дискретность «поэтического полотна» становится при этом стимулом продолжения собирательской, аналитической работы.

Но вынужденная дискретность нисколько не мешает увидеть, что главными опорами «Нашего времени» остаются Бог, Родина, Природа и Любовь.

*...Гаснут сожаленья и желанья.
Жжет виски прохладой седина.
За какие в прошлом испытанья —
кто бы знал — в награду нам дана
двух существований соразмерность,
чтоб сияла на исходе дня
мне — твоя безропотная верность
и тебе — доверчивость моя...*

Наталья Ахпашева, Абакан

Координаты духовного пространства, обозначающие его всеохватность и одновременно конкретность, остались неизменными...

Главный вопрос к поэзии сегодня не о том, чего она там еще изобрела эдакого, как изощрилась в форме, какие выразительные средства ввела в обиход, — а о том, **как** человек в отпущенные ему Богом времена ощущает и осознает эти вечные координаты, не утрачивает ли их, не выпадает ли из границ Божьего мира в иное, безблагодатное, смертельно опасное бытие? Остаются ли с ним земля и небо?

*Усталое облако прямо на сопку легло.
Над розовой бухтой — прозрачная дрожь паутины.
Качается лодка, и к ночи у чайки крыло
Немеет от долгой паутины...*

*Мы вместе сегодня. Мы слушаем эхо глубин —
Скольжение медузы, пугливую крабью охоту,
И щебет дельфинов, и жалобный писк субмарин,
И храп кашалота...*

*...Взгляни на созвездья, которых давно уже нет,
Не их ли огонь разгорается в нас понемногу?
Качается лодка. Сияет божественный свет.
И тянет в дорогу...*

Владимир Семенчик, Южно-Сахалинск

Общая беда наша в том, что в границах мифологии потребления, господствующей сегодня, само понимание сути поэзии меняется диаметрально. Поэзия неизбежно превращается в предмет, предназначенный для удовлетворения запросов широкой публики. А чего хочет почтеннейшая публика? Чтобы ее сместили, пугали или шокировали. И каждый день чего-нибудь новенького — чтобы не заскучать ненароком.

Посмотрите, как быстро поэтическая услуга потребителей «раскрутила» свои имена! Подмена произошла на наших глазах, буквально в начале девяностых, и дальше у этих ребят все пошло как по маслу.

Уже почти забыто, что поэзия — не текст, выстроенный «столбиком» и украшенный рифмочками и другими «стразиками». Поэзия — особое состояние, в котором человек выходит за пределы собственного крохотного бытия и переживает свою причастность к бытию Природы и Космоса, черпая в этом новые смыслы и саму жизненную энергию. На этой же онтологической, бытийной оси находятся и Родина, и Бог.

Не случайно к Родине и Богу так или иначе обращаются все авторы антологии, ибо крепче этих опор по-прежнему нет.

*В этом золоте вечер — не вечер,
И шумит листопад по лесам.
Словно ветру и звездам навстречу
Прорывается Русь к небесам...*

*...Нагрели без толку и меры,
Дожились до голодной сумы.
Не лишай только, Господи, веры
В заповеданный свет после тьмы.*

*Лишь родное вступить и сумеет
В этот сад, где шумит листопад.
А чужое с повадками змея
Подползет и отпрянет назад.*

Федор Черепанов, Москва

«Виршефикация потребительства» не имеет с этим переживанием ничего общего и не дает той жизненной силы, которой оно исполнено. «Виршефикаторы», даже эпатурия, заискивают перед читателем и слушателем, не рискуя ни в коем случае популярностью и кошельком.

Между тем, поэзия как опыт переживания высоких чувств — это позвоночник культуры в целом. Она — явление духовной природы человека, или даже скорее народа, для которого рождение поэта никогда не бывает случайным. Это зона поиска и обретения новых смыслов существования не на «пяточке» социума, а в пространстве Мироздания. В такой постановке проблемы опыт поколения «Нашего времени» сегодня приобретает особый смысл и требует внимания.

В предисловии от составителя заявлено: «...никто никогда не соединял писателей поколения шестидесятых вместе, под одной обложкой. Вот, читатель, мы пришли. Убедитесь — мы по-своему интересны!»

Вот об этом «по-своему» и речь...

Что еще добавить?

Тридцать три автора, живущих (цитирую предисловие) «от Сахалина до Краснодарского края, от Челябинска до Питера, от Коми до Югры, от Рязани до Аабкана <...> Выстраданное право говорить от первого лица, от лица нашего поколения». Обширная библиография, биографии «от первого лица». Поколение состоялось, хотя и потеряло очень многих.

Работа по собиранию поэтических сил рожденных в шестидесятые продолжается. Мы — обретенное поколение.

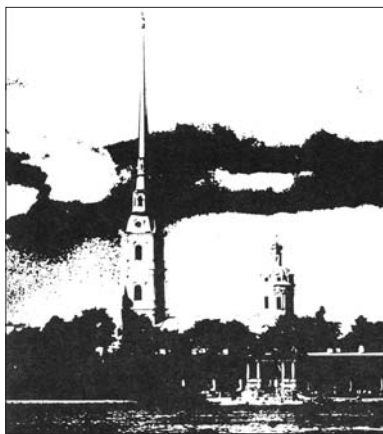
СВЯТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Святочный базар

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Веруйте в свет,
да будете сынами света
(Ин. 12, 36)

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

«НЕЗРИМО БОЙ ИДЕТ»

*О симфонизме
поэзии Ю. Шестакова*

Статьей, посвященной Ю. Шестакову, наш журнал продолжает новую рубрику «Петербургский писатель». В ней предполагается публиковать литературно-критические статьи, эссе, рецензии, посвященные творчеству современных петербургских литераторов. Сегодня петербургская литературная школа является одной из основных в России, однако, по ряду причин, связанных с проблемами русской культуры в целом, не достаточно известна широкому российскому читателю. Это связано и с тем, что современные СМИ навязывают миф о том, что «прервалась связь времен», что оборвалась «златая цепь искусств». Оценка творчества петербургских писателей, работающих в исконных традициях русской классической литературы и эти традиции продолжающих и обновляющих, поможет нашим читателям составить представление о целостности и непрерывности современного литературного процесса.

В историко-культурном процессе русской литературе, как особой форме художественного развития, принадлежит особое место в связи с тем, что на протяжении веков она предстает как целостная система, в которой при многообразии направлений, жанров, стилей наблюдается единый поток, направленный на постижение смысла человеческого бытия, природы величия человеческого духа. Современная литература не выбивается из этого русла, которое в иные времена и насильственно сужалось, и перегораживалось. В начале третьего тысячелетия примером тому, что не иссякает духовная художественная традиция русской литературы, что противоречивое и тревожное наше бытие просветляется стремлением человека к духовному совершенствованию, может служить творчество современного петербургского поэта, лауреата всероссийской литературной премии им. А. Фета, — Юрия Шестакова.

Отношение к поэзии Ю. Шестакова неоднозначно: иные его превозносят, иные спорят с его творческим методом или с мировоззренческой позицией. Но очевидно — это творчество индивидуально, интересно и требует своего исследования. При сравнительно небольшом количестве поэтических произведений — они уместаются в четырех книгах стихов, выпущенных автором за двадцать лет, творческий пласт поэзии Ю. Шестакова огромен. Он огромен по обширности тем, по глубине их исследования, по энергетическому потенциалу и эмоциональному воздействию. Почти каждому стихотворению поэта, как определенному

явлению в художественной деятельности человека, можно посвятить отдельное исследование. А все творчество, в его значимо-конкретной целостности, можно рассматривать с позиции традиционных нравственных ценностей, мерилom которых всегда являлась духовность. Исследовать в частности поэзию Ю. Шестакова трудоемко и сложно в рамках одной статьи, и в этом случае наиболее полное представление об этой поэзии можно дать, используя понятие симфонизма. Понятие симфонизма в качестве категории музыкального мышления впервые ввел Б. Асафьев и определил его как «непрерывность музыкального сознания, когда ни один элемент не мыслится и не воспринимается как независимый среди остальных» (Краткий музыкальный словарь. Л. 1988. С. 257). В то же время симфонизм — это термин, обозначающий высшую степень философского обобщения отражения действительности. Понятие симфонизма распространено и на поэтически значимые произведения, в которых цельный и глубокий замысел раскрыт в последовательном движении и конфликтном столкновении образов.

Поэзия Ю. Шестакова — это сложный живой организм, который тоже существует в целостности и в развитии. В основе творчества поэта лежит незримый, титанический процесс постижения духовного опыта предшествующих поколений, преобразование его посредством собственных духовных исканий в соответствии с событиями современности и созидание поэтических произведений, онтологически осмысливающих бытие, идею преодоления смерти. В качестве высочайшего художественного критерия этого творчества, с его гармоническим мироощущением, с его философской глубиной, в некотором приближении можно использовать трагедийно-оптимистическую, ставшую завещанием, Девятую симфонию Бетховена, воплощающую типичную для Бетховена идею «от мрака к свету». Творчество Ю. Шестакова с его главной темой — темой любви к Родине, темой героической борьбы, по охвату мира в целом, и по отдельным стихотворениям, развивающим оригинальные, личные темы — можно сопоставить с этой четырехчастной классической симфонией и рассмотреть каждую часть отдельно.

Лейтмотив могучего бетховенского Allegro Девятой симфонии, музыки суровой, лаконичной, драматичной, о котором А. Н. Серов писал: «глубочайшее философское воплощение в звуках темных страниц истории человечества, страниц вечной борьбы, вечных сомнений...» слышится и в поэзии Ю. Шестакова (В. Конен. История зарубежной музыки. М. 1976. С. 98). Естественно, поэт по-своему чувствует и передает стихотворным языком это ощущение грядущей катастрофы, которая видится ему в современной бездуховности, в потере современниками чувства Родины, истинного смысла понятия Отечество, в искажении национальной истории и умалении значения памяти. В связи с этим он видится себе одиноким посреди ледяной пустыни:

*И я один на белом свете,
От одиночества продрог, —
Его прервать я сам не в силах,
Молюсь, чтобы Господь помог
Дыханьем греть слова: Россия.
Мы русские и с нами Бог!»*

Вообще, понятие памяти в двух аспектах ее существования — культурной и индивидуальной — является существенным, если не основным компонентом творчества Ю. Шестакова. Из глубинных уровней культурной памяти черпает многие образы поэт благодаря своим обширным гуманитарным знаниям.

*Все круче Красный холм — Он был таким!
И вновь живые строятся полки,
Пришедшие на это поле брани.
Стоп-кадр!
И я замру, и онемею.
Стоп, кадр!
Но в рясу черную одет
Так долго... долго... долго Пересвет
навстречу выезжает Челубею!*

Жива, многослойна индивидуальная память поэта, питаемая воспоминаниями его собственной жизни, проходящей в непростые времена, эта память полнится семейными воспоминаниями.

*Вкруг меня, как пар, клубится время,
и воображенья не унять:
к дому я бреду, почти поверя,
что пошло течение жизни вспять.
Чудится, что выйдут из тумана
вновь живые бабушка и дед,
тетушка, ушедшая так рано,
так неудержимо им вослед.*

Как известно, память противостоит времени, поэтому с позиции памяти прошедшее не исчезает. Эту философскую теорему блестяще доказывает Ю. Шестаков в поэме «Засадный полк». Сила таланта поэта так велика, что ему в этой поэме удастся состыковать два временных измерения, на века отстоящих друг от друга, так хирургически тонко, так ювелирно точно, что нельзя обнаружить место этого стыка. Но можно догадаться, что тем невидимым узлом, связывающим века, является болящее за Отчизну, любящее свой русский народ, сердце поэта, где

*в атоме каждом пересеклись
мгновение — с веком,
вечная юность Вселенной и жизнь
наших предков.*

Чтобы «все вспомнить», поэту достаточно мысленно пройти дорогою предков.

*Мирный простор... Мотоцикла горячее рвенье —
неудержимо меня в глубь России несет.
А из Коломны — в другом временном измеренье —*

*Дмитрий великий туда же дружины ведет.
Если бы в прошлое мне — то на несколько дней
рать обогнал бы я. Конь из железа таков:
к месту домчится быстрее чистокровных коней!
Не опоздал бы я к битве — на много веков.*

Нет, поэт не опоздал к битве, продолжающейся и в нашем времени. Он полноправный ее участник, он принят в ряды воинов, предводимых Сергием Радонежским и Дмитрием Донским, принят в ряды защитников Родины, нуждающейся в них по сей день. Поэт, во весь свой немалый рост, стоя на поле Куликовом, когда

*из-за лесов, холмов, столетий
прорвется вдруг такой горячий ветер,
что колкий холодок бежит по коже,*

опровергает независимость, неизменность категории времени-пространства.

Ю. Шестаков, обладающий фундаментальными знаниями в области естественных наук, в частности физики и химии, конечно же, знает, что Н. Лобачевский заявил: «С силами, с массами тесно связано само время, от них зависит и строение пространства» (А. Ливанова. Три судьбы постижения мира. М. 1969. С. 352.). Поэт своим творчеством подтверждает и дополняет теорию относительности пространства и времени, теорию, которая доказывает возможность изменения размеров пространства и хода времени в разных системах отсчета: единица длины и единица длительности могут иметь разные величины в подвижной и неподвижной системах отсчета. Четырехмерный мир подвержен еще и влияниям гравитационных полей. Как известно, вблизи больших масс, в поле тяготения, происходит искривление траектории светового луча и искажение времени-пространства. Такой значительной, тяготеющей к бесконечности, конечной массой, вмещающей в себя тысячелетие памяти, можно представить сердце поэта, вблизи которого, время может становиться пронизываемым в условиях единого, непрерывного пространства бытия.

*Иду по траве, в забвенье не веря:
как ни странно,
с былым разлучает нас только время,
а пространство
дано одно и предкам, и мне — как доля...*

Единство пространства сохранить легче, как утверждает автор, тяжелее сохранить единое пространство памяти. Страшна «удельная раздробленность времен», которая в наше время проводится силами мрака-смерти на атомно-молекулярном уровне души, на уровне «памяти молекул».

*Кто видит только тьму со всех сторон
в былом — себя и с будущим не свяжет:
куда страшней раздробленности княжеств
удельная раздробленность времен!*

За Россию сегодняшнюю идет воевать в ряды Дмитрия Донского автор поэмы «Засадный полк». Там он ищет себе подмогу для своего духовного сражения. В гравитационное поле души Ю. Шестакова втягиваются герои Куликовской битвы, битвы на Курской дуге, защитники блокадного Ленинграда — они вместе с поэтом выходят навстречу врагу. И вследствие такого титанического усилия, соборного действия возникает видение того, что

*насилъно замедленный свет
восходящего духа России
разгорался и все-таки дожил
от надежды — до сбывшейся силы...*

Очевидна — неиссякаемая, нарастающая любовь поэта к своей Родине. Но откуда происходит эта всепобеждающая любовь, где ее истоки?

Подобна 2-й части симфонии, симфоническому скерцо, та часть рассматриваемого поэтического творчества, в которой рассказывается об этих истоках. Эта часть содержит стихи о природе, стихи, исполненные личных впечатлений и личной памяти. Поэт доказывает, что единение с родной природой, растворение в ней — это счастье, лучшие минуты жизни. Природа для поэта — особая ипостась его бытия. Даже одно стихотворение о природе — целый мир, протяженный и продолжительный. Из совокупности таких миров создается поэтически сложный, многогранный, неповторимый образ земного существования, заполняющего пространство между небом и землей. В этом пространстве находятся в соприкосновении красота и страдание, свет и тень, жизнь и смерть. Художественный мир Ю.Шестакова чаще всего двухполюсный, и эта двухполюсность как будто формирует разность потенциалов, напряжение, создающее мощный поэтический поток, изливающийся из сердца поэта.

*Стремясь меж полюсами-берегами
мою двойную сущность разорвать!
Один из берегов объят грехами,
а на другой нисходит благодать.
И я мечусь посередине где-то.
безмолвный крик на части рвет меня:
передо мной — святое царство Света,
за мною — царство боли и огня.*

Стихи Ю. Шестакова о природе и своем месте в ней потрясают новизной видения, кажется, такого знакомого мира. Это достигается особым образным поэтическим языком, в котором блистательны развернутые метафоры, живые, движущиеся метафорические эпитеты, нетрадиционные, скорее не поясняющие, а углубляющие образы, сравнения:

*Наступает ночь бесшумно.
Затихает громкий зной.
Кони щиплют вкусный сумрак,
пряно пахнущий травой...*

При том, что поэтический язык Ю. Шестакова оригинален, даже в иных стихах уникален, в его поэзии прослеживается русская классическая традиция, восходящая к новаторству Ф. Тютчева. Но эта традиция, преломленная в толще почти двух веков, имеет развитие и совершенствование в рассматриваемом творчестве благодаря наследственной одаренности автора и благодаря поэтической школе. Одним из учителей Ю. Шестакова был Арсений Тарковский, выдающийся отечественный поэт, — в большей степени именно ему поэт обязан страстным интересом своим к образу мироздания в целом, к исследованию того преобразующего начала в человеке, которое возвышает его над судьбой.

В симфонической поэме Ю. Шестакова философская лирика занимает главенствующее место и сопоставима по своему художественному значению, по глубине и возвышенности с 3-ей частью бетховенской симфонии. В этой части своего творчества, пытаясь философски осмыслить законы бытия, поэт использует множество приемов огромной художественной силы. Нелегко путь из тьмы к свету, он требует неимоверного напряжения сил, и поэт акцентирует в своем полифоническом искусстве образы борьбы и преодоления сопротивления, преодоления препятствий. Вся поэтическая субстанция этой части находится как будто в вибрирующем движении, в нарастании, в напряжении, она волноподобна и тем жива.

*Вникаю в мир мышленьем, слухом, взглядом —
дискретному движенью нет конца:
пульсирует в пространстве каждый атом,
пульсируют и звезды, и сердца.
Невидимая кровь от сердца мира
питает пульс материи любой,
и длится жизнь в пульсирующих мигах...*

Поэт в отличие от большинства людей не считает Пространство и Время чем-то обыденным, что можно не замечать, ему присуще живое ощущение Вечности и Бесконечности, как реальности, а не как отвлеченных абстрактных категорий. Особым зрением он видит «невидимую кровь от сердца мира», которая наполняет «пульс материи любой» и пульс самого поэта.

В общей картине мира важной для Ю. Шестакова, кроме категории «памяти», является категория «судьбы». Отношения с судьбой у него неоднозначные: он и властелин своей судьбы, и зависим от нее, потому что верит в предопределенность, тем оспаривая идею неопределенности физического мира.

*Что было, что грядет,
во сне я часто вижу,
как будто кем-то мне
зачем-то знать дано:
мгновенье — это кадр,
отдельный, неподвижный,
судьбы моей давно
готового кино.*

Опираясь на законы квантовой теории, Ю. Шестаков, вместе с тем, спорит с ее индетерминизмом. Поэт предполагает, что в основе природы, мира лежит какая-то разновидность детерминизма (определенности), которая ускользает из поля зрения ученых-физиков, но которую предчувствовал Эйнштейн, заявивший, что верит «в полную закономерность объективно Сущего. В чем я твердо убежден, так это в том, что в конце концов остановятся на теории, в которой закономерно связанными будут не вероятности, а факты...» (А. Вейник. Термодинамика. Минск. 1968. С. 464.)

Но такая теория давно существует, она получена не опытным, не эмпирическим путем, она была дана человечеству Богом и прозвучала из уст Христа. Эта теория изложена в Библии и подтверждена опытом двух тысяч лет. Причастный к коллективной памяти и русской христианской традиции поэт не единожды и косвенно, и напрямую обращается к образу Творца:

*я пойду за незримо Ведущим
через бездны — к рассвету вдали.*

Он стремится найти идеал в нашей пространственно-временной апостасийной эпохе, с ее разрушительными достижениями научно-технического прогресса и очевидными, кажется, невосполнимыми утратами нравственности. Эта установка прослеживается в названии очередного поэтического сборника писателя «Пристальное небо». Автор словно держит ответ перед взором небес, он чувствует это небо как некую живую одухотворенную разумную субстанцию: «отзывчиво синеют небеса», «...что научила радостному небу», «я замру перед безднами неба», «и отвернувшись от лица космической вселенской стужи»... Взор поэта встречается с пристальным взором непостижимого, такого близкого и далекого неба, страшющего и обнадеживающего. Блаженно ощущая «земное притяжение» «родимой матушки-земли», на звезды опираясь взором, поэт ищет там опоры бытия и находит Гармонию мегамира. Пытливый поэтический взор и неустанный разум обращаются к микромиру, и там поэт видит Божие начало:

*мой взор сквозь линзы микроскопа
проник в глубины бытия:
видна белковых клеток малость...*

Видение Вселенской Гармонии, чувство Господнего присутствия в нашей жизни естественно для поэта, как и то, что эта Гармония искажается, когда в человеке берет верх греховное начало, когда «лишь мнимость человека есть», когда «в огнях реклам витрины и киоска, движеньем обезличенные лица». Поэт трагически переживает этот вечный разлад человека с Богом и, как герой Достоевского, ощущает за все и за всех свою вину и свою ответственность и пытается дать ответ на мучительный вопрос:

*Что будем значить для Вселенной мы?
Что зреет в звездный мир
из тьмы веков
под влажной скорлупою облаков?..*

Однако в религиозно-поэтической философии Ю. Шестакова недостаточно исследован «тот узкий путь, что от святой купели ведет в просторы пакибытия». Поэт благоговейно называет этот путь, но не отваживается исследовать, подробно описать его. Страшась заблудиться и пропасть «в реке бурлящей быта», он понимает, что грешен.

*Господи! грешен, прости...
Слабость душой овладела:
Сил не хватает расти
Светом — сквозь страстное тело.*

Но одного понимания своей греховности мало, чтобы одолеть этот узкий путь. Нужно собственное страдание, жертвоприношение, Причастие. По известной мысли архиепископа Иоанна Шаховского, от земного человека ничего не остается, кроме Причастия, лишь в котором есть и будет расцвет всякого личного существования.

Поэт Ю. Шестаков убежден, что мир христоцентричен. Если человеческая душа несет в себе искру Божию, то духовный взор обширен. Именно вера сообщает силу знанию. Но обладание знанием может удовлетворить жажду ума. Душе не нужны доказательства существования Бога, не требуется идея о Боге, душе и сердцу нужен Сам Бог — любящий, живой, Которого не надо искать на небесах, ни в физических формулах, ни под микроскопом. Подобные поиски и построения приводят к зыбкости фундамента, на котором строится философская поэзия Ю. Шестакова. Поэт обращается к космическим категориям и категориям микромира, словно забывая, что эти миры материальны, а значит, не вечны. И с помощью частиц, существующих по времени доли секунды, или с помощью Галактик, существующих миллиарды лет нельзя описать Жизнь Вечную. По-моему, эффектное новаторское физико-поэтическое доказательство существования Бога делает философскую поэзию Ю. Шестакова излишне рассудочной, рациональной. Подобно астроному, вычислившему посредством математических расчетов невидимую звезду, поэт, задав граничные условия:

*и наступит ноль пространства,
времени земного ноль...*

вычисляет, что «в самых светлых сферах рая будет жить Святая Русь». Она, действительно, будет жить вечно, ведь эта вечная жизнь искуплена духовной и кровной жертвой великого православного народа, жившего в реальной Святой Руси и с Божией помощью сберегавшего ее, о чем знает поэт:

*Изнемогая, бьется полк Большой,
и с места он не сдвинется, редая:
коль умирать — так стоя, как деревья,
корнями породненные с землей...*

И мы можем обрести Святую Русь, увидеть ее воскресение, если станем достойными этого жизнью своей праведной, сердцами своими любящими.

Не разум, а сердце человека есть орган высшего познания, орган общения человека с Богом. Не разум, а сердце знает, что есть не только небесный рай, но и земная благодать, которую можно обрести в этом мире, постигая абсолютные ценности, среди которых главное место занимает во всех ее проявлениях любовь.

Стихи о любви, стихи, пронизанные чувством любви — тот блистательный жизнеутверждающий финал, которым и должна заканчиваться симфония, ведущая к «царству света», «к радости». Драматизму, сумрачным тонам, философски-сдержанным темам предыдущих частей противопоставлена тема, наполненная светом и радостью. Эта тема развивается из ручейков воспоминаний, питающих зерна любви, посеянные в детском сердце будущего поэта бабушкой, отцом, матерью. Поэт сладостно вспоминает:

*...вдыхаю аромат румяных яблок
и думаю,
теплом печи согретый,
что бабушка с заботливым терпеньем
не просто «запасается вареньем»,
а в банках от зимы спасает лето...
.....
а за окном — заря листвы зеленой,
восторженно замеченная детством.
И чьи-то руки смугло солнцем пахли,
когда внезапно к небу приподняли —
и разлетелись вширь степные дали...*

Обильно выросла в сердце поэта эта любовь. Но любовь не может существовать сама по себе, ее основное свойство — потребность изливаться на кого-нибудь, на что-нибудь. Огромную любовь поэт изливает на свою Отчизну в ее прошлом, настоящем и будущем:

*«За Русь! — победно вознесется зов
над полем брани,
множа нашу силу,
и, отразившись эхом от веков
грядущих,
отзовется:
«За Россию!..»*

Трепетно, негромко поэт любит свой Петербург:

*Любовно погладив рукою
шершавую кожу гранита,
к ступеньке спешу, что омыта
приветливой невской волною...*

Любовь к женщине — особая гармоническая составляющая в сложном спектре этой лирики:

*Ты васильков вплетала синеву
в светлынь своих волос, тебя обнявших
и рожь во ржи тогда напоминавших...*

Через любовь к женщине Ю. Шестаков раскрывает, исследует свою душу, ее способность обретения высшей полноты бытия, которая понимается им не как искание страсти, приводящей к разрушению любви, но как постижение любимой, как достижение с ней единства и обретения причастности к жизни во Вселенной Любви.

Творчество Ю. Шестакова очень нравственно, оптимистично, духовно. Каждое стихотворение в его поэтической симфонии — маленькая победа любви над ненавистью, света над тьмою, жизни над смертью в их извечной непрекращающейся битве. Поэт, славный участник этой жестокой битвы, словно простой русский солдат, не ждет благодарности за свои подвиги, считая высшей для себя наградой, если «светит солнца орден на груди небес».

СВЯТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Заготовка льда

Алексей СОЛОНИЦЫН СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛ «АНДРЕЯ РУБЛЕВА»

Алексей Алексеевич Солоницын — писатель, кинодраматург, автор 20 книг прозы и 40 документальных фильмов. Наиболее известные книги писателя — роман «Звезда вечерняя», повести «Врата небесные» (о гибели последних монахинь Самарского Иверского монастыря), «Борис и Глеб», «Взыскание погибших». Отмечен главным призом на международном кинофестивале «Золотой Витязь», премиями св. благ. князя Александра Невского в Санкт-Петербурге и премией имени философа Ивана Ильина в Екатеринбурге, а также удостоен наград Святейшего Патриарха — ордена св. благ. князя Даниила Московского, медали преподобного Сергия Радонежского. **Живет в Самаре.**

30 августа 2009 года актеру кино и театра Анатолию Солоницыну исполнилось бы 75 лет. Моя «повесть о старшем брате» рассказывает о его жизненном пути, творчестве. Жизнь его оборвалась рано — в 46 лет. И ровно столько ролей он сыграл в кино, более ста ролей в театре. У него была своя тема в творчестве — тема взыскующей совести. И в жизни он всегда хотел жить в согласии с совестью, слушаться своего сердца. Именно поэтому он и пришел к вере в Бога, поэтому был востребован лучшими режиссерами своего времени — и прежде всего великим русским режиссером Андреем Тарковским. Творческая дружба между ними продолжилась 20 лет. Да и умерли они от одной и той же болезни. Я предлагаю читателю главу из моей повести, которая выходит новым, дополненным изданием.

После того, когда, наконец, фильм «Андрей Рублев» вышел на экраны страны, и я смог его посмотреть, впечатление было столь сильным, что память о нем навсегда осталась в моем сердце. Время от времени я вновь возвращаюсь к этой картине, по праву занявшей свое место среди лучших классических произведений киноискусства всех времен и народов.

О том, какие преграды были на пути фильма к нашему зрителю, написано немало, и я не буду повторяться. А вот о сокровенном смысле и тайне преподобного Андрея Рублева, к которой прикоснулись и Андрей Тарковский, и Анатолий Солоницын, и некоторые другие создатели фильма, если и сказано, то как-то вскользь. Или говорится в «общечеловеческом» плане, а не в христианском, православном понимании смысла картины.

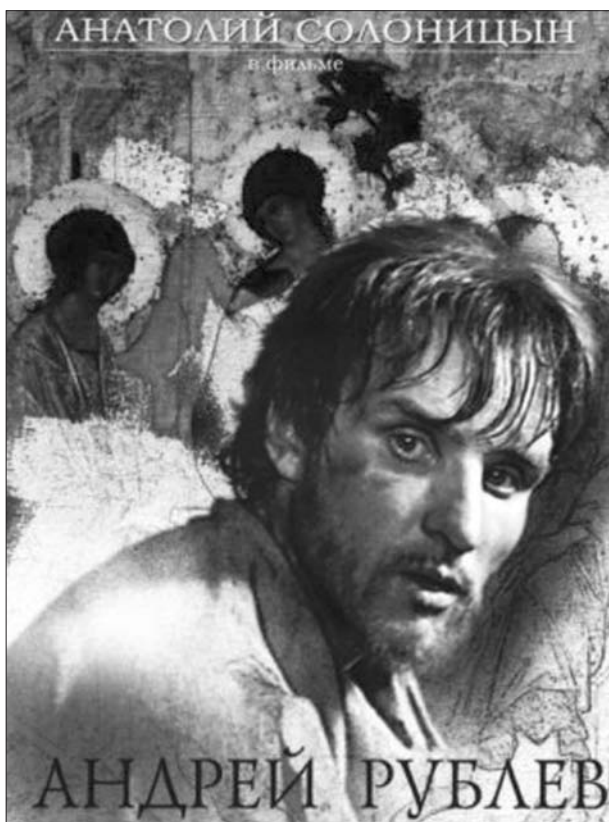
А именно подход с этой позиции дает понимание сокровенного содержания фильма.

Непонимание или сознательное замалчивание сути фильма неудивительно: фильм выходил во время безбожного режима коммунистической партии. Либеральные реформы привели к признанию творчества Тарковского и даже восхвалению его. Но о религиозном смысле «Андрея Рублева» опять предпочли умолчать даже самые серьезные наши критики. И потому позволю себе остановиться на этой теме, так как она чрезвычайно важна для понимания творчества и Андрея Тарковского, и его любимого актера.

Сначала, хотя бы кратко, надо сказать о самом великом русском иконописце и иконописи.

Об Андрее Рублеве биографических сведений очень мало. Это объяснимо. Принимая монашество, человек отсекает от себя мирскую жизнь, всецело посвящая себя служению Богу. Он выполняет беспрекословно все послушания, которые ему даются уже с новым, монашеским именем. На иконах не ставятся подписи авторов — это бы противоречило монашескому служению. Указание летописца, что росписи и иконы были созданы «чернецом Андреем Рублевым и его сотоварищи» свидетельствует о значительности события, которое выделили особо. Понимание значимости иконописи в нашей стране, а потом и мире пришло в конце XIX века, когда в России иконопись открыли заново. У людей того времени как бы спала с глаз пелена, и они увидели во всей неповторимой красоте русскую икону, которая есть «окно в небо», «умозрение в красках» о Боге и Божественной надмирности, как писал в своих знаменитых «Трех очерках о русской иконе» философ и писатель князь Евгений Трубецкой.

То же самое произошло и в шестидесятых годах двадцатого века — снова перед изумленным народом нашим и перед всем миром во времена так называемой «оттепели», когда одновременно усилились и хрущевские гонения на церковь, предстала во всем величии и красоте русская икона. Все, от самых тонких знатоков живописи реалистической школы до приверженцев авангарда, вдруг увидели, что икона — одно из самых красочных созданий живописи, что в ней соединились, казалось бы, несоединимое: аскетизм и необыкновенная радость.

Афиша фильма «Андрей Рублев»

После выхода в свет книги Владимира Солоухина «Черные доски» многие кинулись по деревням собирать иконы. Большинство понимали и продолжают понимать иконы как произведение искусства, предметы старины. И лишь немногие видят в иконописи проявление веры народа, его национального самосознания, так ярко выразившееся в творениях великих русских «богомазов», писавших иконы для богослужения, для молитвенного предстояния пред Господом, Христом-Спасителем, Богородицей и святыми угодниками.

Именно в это время Андрей Тарковский и Андрон Михалков-Кончаловский написали киносценарий «Андрей Рублев».

Анатолий подарил мне на память полный текст сценария. Это внушительная книжка в твердом синем переплете. Машинописный текст почти на триста страниц. (Фильм существенно отличается от сценария). С предисловием, которое сегодня как нельзя лучше говорит о том времени. В нем есть и лукавые, и заставляющие о многом задуматься слова. Например, говорится, что «... сейчас, когда борьба двух идеологий — буржуазной и коммунистической достигла наивысшего напряжения, борьба за народность искусства становится вопросом первостепенного значения, мы хотим создать фильм об истоках и прогрессивной сущности русской национальной культуры».

Ну, понятно, что «о борьбе идеологий» сказано, чтобы сценарий приняли. Так делали все: сначала надо было показать, что ты «свой», а не «буржуазный». А потом и «проталкивай» свои идеи и образы.

Но вот и другой момент предисловия:

«Сам процесс созревания замысла и последующего создания иконы носит ярко выраженный реалистический характер, чуждый какой бы то ни было «божественности».

Неужели так действительно думали авторы?

Вряд ли. Конечно, они знали, что монах не может писать икону без веры, без молитвы. Конечно, они видели летописный рисунок, где Андрей Рублев изображен пишущим Божественные лики, а за спиной его стоит ангел, который водит рукой иконописца.

Да, Тарковский только постигал христианские идеи, но в процессе работы он не мог не проникнуться духом и силой веры. Это неизбежно. Мне неоднократно приходилось наблюдать, как менялись люди при возведении храмов. Приходили к православию архитекторы, крестились проектировщики, иначе вели себя строители. Куда-то исчезали и грубость, и сквернословие, появлялись высокая ответственность и строгость в работе. Это были видимые приметы изменения поведения людей, а какая работа шла в душе — ведомо одному Богу.

Все творчество Андрея Арсеньевича Тарковского есть строительство Храма души. И отчетливо это строительство началось с «Андрея Рублева».

Есть режиссеры, которые могут делать что угодно — мюзикл, детектив, историческую драму и т.д. Причем, с позиций абсолютно разных. Пример тому друг юности Тарковского, вместе с которым они писали сценарий «Рублева».

Андрей Арсеньевич — противоположный пример. Он строил один и тот же дом — одни и те же «блоки» этого дома создавались в разных фильмах: в «Андрее Рублеве» оказался фундамент (торжество Воскресения), в «Соллярисе» — взыскание совести; в «Зеркале» — покаяние перед смертью; в «Сталкере» — недостижимость счастья без твердой веры, и т.д.

Еще раз вернемся к предисловию сценария «Андрей Рублев», чтобы увидеть, что путь ко Христу заложен уже здесь:

«Одним из главных героев нашего сценария является гениальный художник — Андрей Рублев, творчество которого является собой ярчайший пример служения народу и его идеалам в условиях татарского ига и жестоких внутренних междоусобиц».

Как же выразить эти идеалы «гениального художника», обойдя его веру, его главное творение «Троицу»? И каковы эти идеалы? Ведь как ни старайся, а не обойдешь того главного, что есть в «Троице», «единой и нераздельной», животворящей, являющейся краеугольным камнем православной веры.

К пониманию этого смысла и шел Андрей Тарковский, а вместе с ним и исполнитель главной роли. Путь им предстоял тернистый. Когда сценарий приняли, надо было пройти и период съемок — ведь съемочный материал просматривали надсмотрщики со студии, вмешиваясь в творческий процесс. Затем шла приемка после монтажа фильма, опять сыпались замечания и «поправки». Потом шла сдача фильма в Госкино, опять надо было отстаивать свою позицию, получать удары, иногда прямо в сердце. Поэтому Андрей Арсеньевич, когда его спрашивали: «А что ты хотел сказать вот этим эпизодом? Этим кадром? Фильмом?» или отмалчивался, или говорил: «Смотрите на экран. Там все сказано». Надо было иметь сильный характер, волю, понимание того, что ты занят ответственным, серьезным делом, творчеством, нужным и твоей душе, и твоему народу, чтобы выстоять, пройти до конца по избранному пути.

Слава Богу, у Тарковского эти качества были, а актер, которого он выбрал на главную роль, был готов к самопожертвованию. И это режиссер увидел, потому и выбрал Анатолия на главную роль.

То, что о Рублеве было мало известно, развязывало руки режиссеру, давая широкий простор для творческого осмысления идеи. Смысл картины Тарковский дал в художественной, иногда прямо поэтической форме, нигде

*Съемка финального эпизода фильма.
Андрей Тарковский, Николай Бурляев
в роли Бориски,
Анатолий Солоницын — Андрей Рублев*

не сбиваясь на штампы «биографического» фильма. Нигде он не становился в позу назидательную, которая так была характерна для стилистики кино «советского» периода. Он не разжевывал содержание, творил по той художественной правде, которая основывается на глубине переживания актеров, изобразительной пластике, экономным средствам изображения, дающим пищу уму и сердцу. «Для отчета» он снимал фильм о «великом художнике», а на самом деле — о монахе и иконописце. Не о «месте художника в жизни общества», как он сам заявлял в интервью, (отчасти он так и думал), а о несокрушимости веры русского человека, который идет к спасению души через страдания. Возможно, Андрей Арсеньевич не до конца понимал сокровенный смысл того, что он создавал со своими единомышленниками. Но посыл, устремление его творчества в тот период может быть подсознательно, были именно религиозными, православными. Об этом говорит весь художественный строй фильма, вся его художественная правда. Андрей Тарковский если и не знал вот этой мысли философа Евгения Трубецкого, то интуитивно воплотил именно ее:

«Без всякого сомнения, мы имеем здесь две тесно связанные стороны одной и той же религиозной идеи, — писал знаменитый своей мудростью и глубиной веры философ, размышляя о феномене русской иконы, — ведь нет Пасхи без Страстной седмицы и к радости всеобщего воскресения нельзя подойти мимо Животворящего Креста Господня. Поэтому и в нашей иконописи мотивы радостные и скорбные».

Так получилось и в фильме — вслед за жестокими сценами, за которые громили Тарковского, следует свет торжества веры и силы духа народа, выразителем которых выступают в фильме Андрей Рублев и колокольных дел мастер Бориска.

Но и это еще не весь смысл великой «Троицы» и всего творчества Андрея Рублева, которого наша церковь прославила как святого.

«Икона — явление той самой благодатной силы, — писал Трубецкой, — которая некогда спасла Россию. В дни великой разрухи и опасности преподобный Сергей Радонежский собрал Россию вокруг воздвигнутого в пустынных лесах собора Святой Троицы. В похвалу святому преподобному Андрей Рублев огненными штрихами начертал образ триединства, вокруг которого должна собраться и объединиться вселенная. С тех пор этот образ не переставал служить хоругвью, вокруг которой собирается Россия в дни великих потрясений и опасностей. От той розни, которая рвет на части народное целое и грозит гибелью, спасает только та сила, которая звучит в молитвенном призыве: «Да будем едины, как и Мы».

Вот эта сила выражена в «Троице» преподобного Рублева. И она есть и в фильме. Весь фильм снят на черно-белой пленке, а в финале вдруг возникает цвет — идут «Троица», «Благовещение», другие иконы и их фрагменты из «праздничного чина» Андрея Рублева. И возникает симфония радости, торжества Воскресения, победы творчества над серым и грязным бытием, в которые был загнан и русский народ, и его духовный выразитель.

Сейчас, когда прошло почти полвека со времени съемок фильма, отчетливо видно, что при всей талантливости авторов, особенно Андрея Арсеньевича Тарковского, многое ему подсказала интуиция, то неосознанное и невыразимое словами, что вело его к созданию шедевра киноискусства.

*Андрей Тарковский, Анатолий Солоницын
и Николай Гринько на съемках фильма «Сталкер»*

Верующие люди в таких случаях говорят: «Господь ведет», и это точно выражает смысл происходящего.

Фильм, как церковная фреска, состоит из новелл. В одной из них, названной «Феофан Грек», есть эпизод, о котором никто из критиков не писал. И в документальных фильмах о Тарковском, об этом эпизоде и его значении — ни слова. А между тем, это ключевая сцена в понимании фильма. Это спор Андрея Рублева с Феофаном Греком, который в картине показан мудрым, признанным мастером, но скорбящим, легко раздражающимся стариком.

«Добро! — злится он. — Да ты Новый Завет-то вспомни. Иисус тоже в храмах людей собирал, учил их, а потом они для чего собрались? Чтоб Его же его и казнить! «Распни, распни!» — кричали лисе этой. А ученики? Все разбежались! Иуда предал. Петр отрекся. И это еще лучшие!»

Рублев отвечает не очень убедительно. Но потом начинает говорить все более сердечно, все проникновенней становятся его слова.

Передо мной монтажный лист фильма, который я сохранил. Вот эпизод, где записан монолог Андрея Рублева, который постепенно уходит за кадр. А в кадре мы видим русскую Голгофу.

Позволю себе процитировать этот монолог с некоторыми сокращениями:

«Ну конечно, делают люди и зло. И это горько. ...А фарисеи эти на обман мастера — грамотные, хитроумные. Они и грамоте-то учились, чтобы к власти придти, темнотой народа воспользовавшись. Людям просто напо-

минать надо, что люди они, что русские, одна кровь, одна земля. Всегда найдутся охотники продать тебя за тридцать серебряников. А на мужика все новые беды сыпятся: то татары по три раза за осень, то голод, то мор, а он все работает, работает... Несет свой крест смиренно, не отчаивается, а молчит и терпит, только Бога молит, чтоб сил хватило. Да разве не простит таким Всевышний темноты их? Сам ведь знаешь: не получается что-нибудь, или устал, намучился, а вдруг с чьим-то взглядом в толпе встретишься, с человеческим, и словно причастился, и все легче сразу. Разве не так? Вот ты про Иисуса говорил. Ведь Иисус от Бога — значит, всемогущ. И если умер на кресте, значит, и предопределено это было. И распятие, и смерть его — дело руки Божьей... А Он сам, по доброй воле покинул их, показав несправедливость, или даже жестокость».

А в кадре между тем мы видим русского Христа, который несет крест и идет на распятие. Все происходит очень буднично, вокруг течет привычная жизнь. Процессия небольшая, она движется окраиной деревни. Вот девочка смотрит на этого странного человека в посконной рубахе, который несет крест. Девочка улыбается. Вот всадник проскакал. Зима, наш Христос в лаптях, русоволосый, конечно же, голубоглазый, хотя изображение черно-белое, как в документальном кино. Вот мимо какая-то баба гонит корову. За Христом идут Мария Магдалина, Скорбящая Мать, еще несколько человек в зипунах, в зимних шапках. Вот стражники привязывают Христа к кресту. Забивают гвозди. Крест поднимается на горе. Все становятся на колени. Свершилось — Христос распят.

И в это время завершается монолог Рублева.

«Ты понимаешь, что говоришь? — восклицает Феофан. — Упекут тебя, братец, на север иконки поновлять за язык твой». «Что, не прав я? — возражает Рублев. — Сам же всегда говоришь, про что думаешь».

Эта сцена «аукается» со сценой в разграбленном соборе, в новелле «Набег», когда у сожженного иконостаса в видении Андрею является Феофан.

«Русь, Русь... Все-то она, родная, терпит. Все вытерпит. Долго так еще будет? — спрашивает Андрей, имея в виду, что свой же князь навел татар на Владимир, своих же предал, отдал на разграбление и позор народ свой.

Кадр из фильма «Андрей Рублев». Феофан Грек — Николай Сергеев

Кадр из фильма «Андрей Рублев»

Вот к чему приводит рознь, вот что значит отступить от единства Троицы единосущной и нераздельной...

«Не знаю, — отвечает Феофан. — Всегда, наверное», — и смотрит на уцелевшие части иконостаса. — А все же красиво все это! — с тихой радостью говорит он, и глаза его лучатся. Тихо улыбается и Андрей. Потом возвращается к действительности.

«Снег идет, — говорит он. — Ничего нет страшней, когда снег в храме идет».

Да, ничего нет страшней. Но из этих-то страданий и родится спасение души, спасение народа.

Последняя новелла фильма — «Колокол». Она о юном мастере Бориске, который якобы знает секрет колокольной меди. Все мастера повымерли от разорения Руси, холеры. И великому князю приходится брать Бориску для отливки колокола. Никакого секрета, разумеется, он не знает, все делает по наитию, да еще так, как запомнил, что делал отец. И вот после тяжелого, изнурительного труда, страха, что ничего не получится, что колокол-то и не зазвонит, в кульминационной сцене фильма все ждут первого удара колокола.

Сидя на конях, рядом с великим князем, перекидываются вроде бы ничего не значащими репликами итальянские послы. Прежде мне казалось, что иностранцы говорят о чем-то своем, шутят, коротая время. Но когда мне перевели это диалог с итальянского, оказалось, что иностранцы говорят о колоколе, который и на колокол-то не похож, что он нелеп и висит, словно на виселице. И уж конечно он не зазвонит, а князь, который своему брату голову отрубил, конечно же отрубит голову и этому нелепому мальчишке.

Но раздается звон — и народ радостно откликается на него.

Это победа русского духа, исполнение Божьего промысла, который вел и подростка, и преподобного Андрея, и весь народ.

Невольно вспоминается стихотворение Федора Тютчева «Эти бедные селенья», где прямо утверждается, что «всю тебя, страна родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя».

И эти роскошно одетые итальянцы, с разговора о колоколе, легко переходящие на игривые реплики по поводу красивой девушки, которую они заметили в толпе, словно иллюстрируют точное наблюдение поэта:

*Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный
Что сквозит и тайно светит
В нагоде твоей смиренной.*

В это время Бориска, которого так проникновенно воплотил на экране Николай Бурляев, идет в сторону, опускается на землю и рыдает. И тут подхватывают его руки Рублева, и он утешает подростка, и говорит: «Ну что ты, такой праздник для людей устроил, а еще плачешь. Ну все, все... Пойдем по Руси, ты колокола лить, а я иконы писать».

Так и сам Андрей Тарковский, еще не зная глубины веры во Христа, лишь прикоснувшись к ней по увлекшей его теме, достиг в своем фильме той высоты, которой достиг его экранный Андрей Рублев, принявший на руки мальчишку-мастера.

Так он выразил то сокровенное, что лежит в существе «Троицы» — преодоление страдания радостью о Воскресении, неприменной победе добра единением.

Так и Анатолий поступал по велению сердца, вопреки всем трудностям. Мечта, казавшаяся несбыточной, сбылась. Неизвестный актер из провинции сыграл главную роль у режиссера уже с мировой известностью.

Конечно, и здесь можно смело сказать: «Его Господь вел».

А в бытовой жизни Тарковский увидел в этом молодом, рано начавшем лысеть провинциальном актере что-то, что тогда не понимал и режиссер, да и сам молодой актер — увидел, что перед ним исполнитель того самого заповедного, сокровенного, того, что ждала и требовала душа.

Вот так все сошлось, и вопреки еще многим и многим трудностям, которые часто казались непреодолимыми, родился фильм, по сути своей родственный идее, заложенной в «Троице» преподобного Андрея Рублева.

Поэтическое наследие

**ЙОЗЕФ
фон ЭЙХЕНДОРФ**

*В переводе
Ирины Назаровой*

Ирина Геворковна Назарова — родилась в Риге. Жила в Средней Азии, Перми, Оренбурге. Преподаватель латыни и немецкого Гос. Новгородского университета им. Ярослава Мудрого.

В 2000 году защитила диссертацию по лирике Эйхендорфа. Поэт и переводчик. Живет в Великом Новгороде.

Йозеф фон Эйхендорф, талантливый немецкий поэт и писатель, родился 10 марта 1788 года в Силезии в замке Любовиц. Он происходил из старинного дворянского рода.

Семья была дружная, гостеприимная. Отец был строгим католиком и дети (из семерых детей выжили только трое) воспитывались в духе католицизма. Двоих братьев и сестру связывали не только родственные, но и духовные узы. Особенно близок был Эйхендорфу его старший брат, с которым он всю жизнь поддерживал самые трепетные и доверительные отношения. Первые годы жизни братья не расставались и даже вместе учились в Бреслау в гимназии, позже в университетах Галле и Гейдельберга. Именно там Эйхендорф познакомился с романиками Арнимом и Брентано, а также с Герресом, который оказал очень сильное влияние на становление будущего поэта.

Со своей будущей женой он познакомился, когда ему было девятнадцать, а ей 15 лет. После завершения учебы он женился, и Луиза стала его другом и женой на всю жизнь.

По словам современников Эйхендорф был человеком добрым, обаятельным, светлым, порядочным и отзывчивым. Будучи человеком глубоко верующим, он не потерпел того краха, который пережили представители романтического направления, поскольку целиком и полностью полагался на Бога, находя силы, уверенность и вдохновение в Боге и в вере. Он умер в Нейсе 20 ноября 1857 года.

Лирика и проза Эйхендорфа всегда оставалась в ключе романтической традиции:

таинственность, фрагментарность, мистика, постоянное движение, странничество, стремление к гармонии, сочетание реальности и фантазии, при этом абсолютная светлая религиозность. Стихи Эйхендорфа положены на музыку Ф. Шубертом, Ф. Мендельсоном и Р. Шуманом. Многие стихи, положенные на музыку, стали народными песнями, и сами немцы уже и не помнят имени автора.

Проза Эйхендорфа не менее интересна, хотя переводов на русский язык мало. Наиболее известна нашему читателю новелла «Из жизни одного бездельника». На слуху также новеллы «Замок Дюранд», «Мраморная фигура», «Поэты и их спутники», а также роман «Предчувствие и действительность». Эйхендорф не был человеком оторванным от действительности, он, будучи чиновником на службе прусского правительства, трезво оценивал политическую и социальную обстановку в государстве. Об этом свидетельствуют его эссе «Дворянство и революция», «Галле и Гейдельберг», «Мемуары». Поэт занимался также драматургией и переводами драм Кальдерона.

Отличительной чертой творчества Эйхендорфа является повторяемость картин, состояний природы, соответствующих состояниям души, а душа у него была возвышенная и молодая, об этом говорит все его творчество, потому что больше всех времен года он любил весну и неустанно воспевал ее.

Ирина Назарова

В ОТКРЫТОМ МОРЕ

Прощай земля с ненужной суетою,
Поглотит море бедность, счастье, страх,
Тщеславие здесь ничего не стоит,
Свободен я и в мыслях, и в делах.
Какая тишь, что ни окинешь взором —
Что высь, что ширь — бескрайние просторы.

Созвездья, облака появятся и тают,
В зеркальной отражаются воде,
Внизу,верху — сплошь небеса блистают,
Я посредине в маленькой ладье.
На все есть Бог, и я ему веряюсь,
Пусть грянет буря, я не испугаюсь.

ВЕЧЕРНИЙ ЛАНДШАФТ

Пастух заиграл на свирели,
Послышался выстрела звук,
Тихонько леса шелестели,
И воды сбегали на луг.

Искрилась полоска заката
За темным далеким холмом,
Как стать мне хотелось крылатым,
Чтоб неба коснуться крылом.

ЭЛЬФЫ

Останься с нами! Будет бал,
Лужайка в лунном глянце,
От светлячков сияет зал,
Сверчки готовы к танцам.

С ветвей струится серебро,
К ветрам вечерне-тонким,
Прильнула радость под крыло
Доверчивым ребенком.

НОЧЬЮ

Я стою в тени дубравы,
Как на грани бытия,
Выстилает сумрак травы,
В серебре извив ручья.

За дубравой раздается
Гулкий звон колоколов;

Лань пугливо встрепенется
И тотчас задремлет вновь.

И дубы во сне склоняют
Кроны с каменных высот —
Это Бог, благословляя
Тихий край, над ним идет.

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

О, чудо полного молчанья!
Еще над миром сон плывет,
Леса притихли в ожиданье
Так, словно полем Бог идет.

Я обновленным пробудился —
Где все заботы и хандра?
Поутру мыслей устыдился,
Меня измучивших вчера.

Как странник, в этот мир вступая
С его обычной суетой,
Я словно по мосту шагаю
На встречу, Господи, с Тобой.

И, если песнь моя прельстится
Тщеславным блеском, то разбей
Мне лиру Собственной Десницей,
Чтоб навсегда умолкнуть ей.

ПОСЛЕДНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Блестит морозным утром снег.
Устало, одиноко
Бредет дрожащий человек,
Наверно, издалека.
Он от скитаний чуть живой,
Стучится в дом родимый свой.

В живых нет больше никого,
И не узнать имени,
Чужие люди на него
Глядят в недоуменье.
Вздыхая тяжело, он спешит
В поля, где белый снег лежит.

Ни пташки на сто верст кругом,
Лишь снежный сад искрился,
Он в тот же миг забылся сном
И к дубу прислонился.
К заутрене раздался звон,
Тут преклонил колени он.
Вот, помолвившись, вновь встает.
То явь? Или все снится? —
Прекрасный отрок подает
Ему свою десницу:
«Пойдем, ты вскоре отдохнешь» —
Как голос ангельский хорош.

Идут пустынною тропой
Они по горным кручам.
Скиталец видит свет иной,
Красивый и могучий:
Вослед ему земля цветет
Сквозь ветви дождик звездный льет.

А провожатый факел свой
Из рук не выпускает,
Ночь превратилась в храм святой,
Вокруг огни сияют.
Рука незримая творит,
Страх тайный путника томит.

Он молвил: «Ветер мне донес
Неведомые звуки,
Как шум воды из царства грез
Под колокол разлуки» —
«Ты слышишь ночи голоса
Во славу Божию в небесах».

Но путник вновь: «Нет сил идти,
Поди, уже светает?
Что там сверкает впереди?»
И Ангел утешает:
«Спи, а проснешься, мы войдем
С тобою в истинный твой дом».

БЕГСТВО СЯТОГО СЕМЕЙСТВА

Тени вытянулись косо,
К ночи воздух свежим стал,
Через пастбище Иосиф
С мулом к лесу прошагал.

Нежный ветер навевает
На Младенца сладкий сон,
Это Ангелы летают,
Их во сне увидел Он.

На малютку с нежной грустью
Взор Марии устремлен,
В колыбельной столько чувства,
Тих пустынный небосклон.

Светлячки усердно блещут,
В огоньках искрится мгла,

Чтобы Божья Матерь легче
Отыскать тропу могла.

Травы в трепете священном
Гладят Ей кайму плаща,
Ручеек умолк смиренно,
Лес ни звука не издал,

Чтоб семейство скрыть Святое,
И Малыш благословил
Маленькой Своей Рукою
Край, что им спасеньем был,

Чтоб земля с ее цветеньем
Небом грезила ночным,
Богородицы явленьем,
Светлым временем святым.

ВСЕ В БОЖЬЕЙ ВЛАСТИ

Еще вчера был холод сущий,
А нынче вся земля в цветах!
Не размышляй о дне грядущем,
Ведь все у Господа в руках.

Как ни рядись ты в шелк и злато,
Но Божьи Ангелы цветы
В ночи украсят так богато,
Не в силах и представить ты!

Достиг вершин ты в жизни бренной,
Но, посмотри, в листве густой
Поет пичужка вдохновенно,
Летая вольно над тобой.

Кто позаботился о птицах,
И кто печется о цветах?
Как утро радостно лучится,
Ведь все у Господа в руках.

ОБРАЩЕНИЕ

1

Полный неги душный воздух,
Ты меня не опьянишь —
В золотых доспехах звезды
Озаряют светом тишь.
Словно стража, круг свершая,
остаются на посту
над землей, где ты блуждаешь,
Слава Господу Христу!

Но под свежим дуновеньем
Ветра утреннего сад
Вскоре чары сновиденья
Отряхнет, и в аромат
взмает жаворонок первый
По небесному мосту,
Песней путь укажет верный,
Слава Господу Христу!

2

Я здесь, Господь! Мне люб Твой свет,
Что бьется мощным и прохладным
Потоком из безмолвия недр
Груди усталой в мир отрадный.
Свободен я, хоть слаб мой шаг,
Хоть я в себя придти пытаюсь,
Отец, благослови сквозь мрак,
Вовек с Тобой я не расстанусь.

СВЯТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Водовоз на берегу Невы напротив Смольного собора

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Евгений ЛУКИН

МИРСКИЕ АДАМАНТЫ

*О русской
стихотворной
эпитафии*

Евгений Валентинович Лукин — родился на Новгородчине. Окончил исторический факультет Педагогического института имени А. И. Герцена. Проходил военную службу, работал учителем и журналистом. Участвовал в первой русско-чеченской войне. Награжден медалью ордена с мечами «За заслуги перед Отечеством». Член Союза писателей России и Союза журналистов Санкт-Петербурга. Лауреат литературной премии имени Н. В. Гоголя — за роман «По небу полуночи ангел летел». **Живет в Санкт-Петербурге.**

*Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу...*

Александр Пушкин

В святой Саровской обители, близ алтаря теплой церкви, воздвигся памятник всечестному отцу Назарию. Он скончался в 1809 году в тихой келье на берегу речки Саровки, затерявшейся в дремучих лесах. Своим духовным чадам блаженный старец заповедал иметь «дело в руках, молитву на устах, слезы в очах и весь ум в богомыслии». На памятнике ему благоговейная паства начертала надпись:

*Назарий прахом здесь,
душою в небесах,
И будет незабвен
в чувствительных сердцах,
В которых он вместил
священны те таланты,
Пред коими ничто
мирские адаманты.
Покойся, отче, здесь
без скорби и рыдания,
Доколь наступит день
камуждо воздаянья.*

Такова, видимо, греховная суть человека, что не может он, любя и сострадая, не нарушить завет мудрого саровского отшельника — хранить душевное и телесное безмолвие. Трогательная эпитафия на обелиске есть последний мирской адамант, венчающий жизненный путь, ибо ее подлинность, ее соответствие Истине не ведомы никому из остающихся на земле: Судный день еще не настал. Но, тем не менее, любящая душа стремится замолвить перед этим грядущим доброе слово, желая увековечить его на граните или мраморе для урочного часа.

Эта любящая душа вряд ли принадлежит случайному путнику, который почти равнодушен к лежащему

под оплаканным надгробием. Он — прохожий, и его восприятие каменного свидетельства о деяниях усопшего не согрето теплом воспоминания: ему предлагается лишь свободное сопереживание, и он независим в выборе чувств — за исключением, быть может, страха Божьего.

Так, наверно, обречена на неудачу попытка чужого (путника, прохожего) создать искреннюю эпитафию. Как-то Карамзин, опечаленный кончиной творца прекрасной поэмы «Душенька», объявил состязание: придумать Ипполиту Богдановичу намогильную надпись. «Были хорошие, были и посредственные, были и очень фигурные», — вспоминает о присланных сочинениях современник. В них, конечно, упоминались и тоскующий Амур, и Психея, но далекое выпренное слово таило ледяной холод и отчуждение. Ознакомившись с ними, поэт Иван Дмитриев написал разгневанную «Эпитафию эпитафиям»:

*Прохожий! пусть тебе напомним этот стих,
Что все на час под небесами:
Поутру плакали о смерти мы других,
А к вечеру скончались сами.*

Знаменательно: как только безвестным сочинителям намекнули о близящемся собственном упокоении, они тут же прекратили почту.

На погребении собравшиеся оплакивают и жалеют ушедшего в инобытие по-разному — в зависимости от душевного воспитания и расстояния. Далекие видят за гробовой доской свое будущее, ближние — свое прошлое. Для одних это — мрачное пророчество, для других — невосполнимая утрата. Поэтому так разнится их печаль, их горе, их тягостная дума.

Но, так или иначе, смерть обращает внимание человека на себя и по-нуждает к оценке. Он итожит свою жизнь или жизнь того, кто уже возвысился над ней. Эта недостижимая для живущего высота заставляет думать о Вечном, воспринимая погребальный обряд как проводы в бесконечный горный путь, где прощальное слово стремится быть навсегда утвержденным. Такому постоянному утверждению и служит эпитафия.

Но удивительно: умирающий Гоголь завещает не ставить над ним никакого монумента, недостойного христианина. Истинный русский памятник, замечает Лесков, это крест с голубцом, который означает, что здесь погребен православный; о делах же его грех возвещать чеканом: они суть тлен и суета. «Не нужны надписи для камня моего!» — восклицает Батюшков. А Николай Языков наказывает друзьям:

*Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой,
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.*

Отчего русские художники не приемлют такого мраморного увековечивания памяти о себе? Чем объясняется их отрицательное отношение к эпитафии?

I

Эпитафия берет начало в древней Элладе, где скромно ютится между вершей и веслом на могиле бедного рыбака, а то украшает высокийobelisk павшим за свободу родины. Выражая общенародный идеал, афинский тиран Гиппий говорит, что «всего лучше обладать богатством, здоровьем, пользоваться уважением от всех греков, достигнуть таким образом старости, затем, воздав, как подобает, последний долг своим родителям, дожидаться и самому таких же великолепных проводов в могилу от своих потомков».

Но идеал редко согласуется с жизнью, а смерть — со временем. Поэтому эпитафия, подобно зеркалу, отражает всю радугу чувств (от горя и отчаяния до надежды и благодарности), связанных с «переходом души из настоящего местожительства в другое» (Сократ). Мемориальный гекзаметр, увековечивая прижизненные отличия каждого, славит стойкость и мужество воина, превозносит мудрость философа, оплакивает красоту рано умершей девушки. Одного не знает древнегреческая эпитафия — страха смерти. Смерть неожиданная, необъяснимая воспринимается иногда как некое форс-мажорное обстоятельство, что явствует, к примеру, из симонидовой надгробной надписи купцу:

*Родом критянин, Бротах из Гортины, в земле здесь лежу я,
Прибыв сюда не за тем, а по торговым делам.*

Перевод Л. Блуменау

Древние греки не ведают трансцендентного, сверхъестественного: для них боги, люди, звери, птицы суть одна природа, природствующая здесь и всегда, и порою путь к обожению кажется им по-кинически простым и ясным: «приучайтесь обходиться малым (это сближает нас с богом, противное же удаляет), и вам, занимающим среднее место между богами и неразумными животными, станет возможным уподобиться высшему роду, а не низшему» (Кратет). Эвгемеристический взгляд на окружающее позволяет обоготворить и великого поэта, и великого мудреца:

*В недрах земли материнской покоится тело Платона,
Дух же его сопричтен сонму бессмертных богов.*

Перевод Л. Блуменау

От века к веку эпитафия скрупулезно оттачивается под поэтическим резцом и, отряхая пылинки реальных условностей, как бы абстрагируется от чрезмерно частного. Странствующий поэт Леонид Тарентский создает, пожалуй, самые совершенные образцы отвлеченных надгробных надписей, посвященных рыбаку, пастуху, ткачихе, садовнику вообще. Ему принадлежит и изысканная автоэпитафия:

*От Итальянской земли и родного Тарента далеко
Здесь я лежу, и судьба горше мне эта, чем смерть.
Жизнь безотраднa скитальцаm.
Но Музы меня возлюбили*

*И за печали мои дали мне сладостный дар.
И не заглохнет уже Леонидово имя, но всюду,
Милостью муз, обо мне распространится молва.*

Перевод Л. Блуменау

Эта тема божественного дара творчества, который, преодолевая пространство и время, обессмертивая имя творца, позднее полномерно зазвучит в памятной римской оде Горация, а затем откликнется в стихотворениях Державина и Пушкина: «Я памятник себе воздвиг...».

Эпитафия занимает достойное место и в древней итальянской поэзии. Вергилий перед кончиной сочтет необходимым сочинить для своей гробницы: «я пел пастбища, села, вождей». А в роскошном Риме она венчает столп нумидийского мрамора и сопровождается списком августейших деяний на медных досках мавзолея. С крушением Западной империи и торжеством христианства ее не перестают почитать в расцветающей Византии, только теперь эпитафия освящается молитвой преподобного Григория Богослова: «Приими же, Христос, меня в сонмы свои», проповедует ничтожность земного величия и славы, а порою взывает о спасении к мертвым:

*Восстань из могилы, владыка,
И славное войско ромеев
Построй в боевые фаланги:
Пусть лучники стрелы нацелят,
Составят щиты ратоборцы,
А всадники выдвинут копья —
Опять всеоружие россос
Стремится на град Константина.
Бывало, твой царственный образ
Один останавливал скифов,
А ныне они без удержу
Свирепствуют, грабя окрестность.
Восстань из могилы, владыка,
А нет — прими нас к себе.*

Перевод автора

Митрополит Иоанн Милитинский, встревоженный походом древнерусских дружин 971 года, сочиняет эту эпитафию на памятник победоносному василевсу Никифору Фоке. Он строит ее по закону обратной перспективы: если язычник в надгробной надписи обращается от имени погребенного к путнику, прохожему, как бы из царства теней в царство плоти, то христианин наоборот устремляет свой зов, свою молитву от земли к небу, из бытия в инобытие. В его представлении покинувшие сей мир благоверные воители обладают чудесной неодолимой силой, способной защитить веру и отечество от варварского нашествия и гибели.

Чудо есть краеугольный камень христианского круга небесного, в котором давнее непримиримое противостояние божественного и греховного, вечного и бренного преодолевается неожиданным чудесным образом. Для верующего, обретшего Бога как высшую трансцендентную реальность,

сверхъестественное становится естественным и невозможное возможным. Отношение к чуду оказывается и камнем преткновения между расчисленным мудрствованием и таинственным озарением, между Афинами и Иерусалимом, между Западом и Востоком.

Провозглашенная блаженным Августином формула «верить, чтобы понимать» надолго определяет устремление западной мысли к рациональному объяснению необъяснимого, что неизбежно ведет к мнимому торжеству человеческого разума и гордыне, которой свойствен соблазн земного могущества, заключаемого пышным монументом и не менее пышной эпитафией. Напротив, тертуллианская формула «верую, ибо абсурдно» (чудесно) открывает сокровенный путь к непостижному, запредельному. Возможность познания непознаваемого, достижения недостижимого является в Иисусе Христе, который есть источник жизни, спасения, бессмертия и обожения: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом» (св. Афанасий Великий). Лучезарная идея обожения становится путеводной для православия, но никогда не осеняет римо-католицизм.

Византийский богослов преподобный Григорий Палама учит, что «Бог устроил этот мир как некое отображение надмирного мира, чтобы нам через духовное созерцание его как бы по некоей лестнице достигнуть одного мира». Конечно, на этой осиянной лестнице, ведущей к небу, нет места ни монументу, ни эпитафии: они лишь преграда на прекрасной дороге к бессмертию, лишь бессмысленный груз для вечного полета на крыльях свободы и благодати.

Более того, идея обожения непосредственно формирует традицию безыменного погребения, когда бездыханная плоть захоранивается без всяких почестей и обрядов, без надгробий и эпитафий, в пустынном тайном месте. Это символизирует высшую ступень смирения перед Творцом, венчая жизненный путь христианина последним духовным подвигом. Святой Антоний Египетский (IV век от Р.Х.) первым дает величайший образец для подражания, завещая ученикам перед смертью: «Предайте тело мое погребению и скройте под землею. Да соблюдено будет вами мое слово, чтобы никто не знал места погребения тела моего, кроме вас одних; потому что в воскресении мертвых прииму оное от Спасителя нетленным».

Эти священные уроки подлинного духовного делания восприняты как святогорским монашеством, отвергшим эпитафическую традицию, так и его древнерусскими прозелитами, которым уже кажется немыслимым воздвигнуть поминальный камень и высечь на нем прощальное земное слово. Побывав в Византии и прирав афонскую погребальную традицию, Нил Сорский (XV век от Р.Х.) заповедует бросить его тело в пустыне или закопать в обыкновенной яме, ибо «оно тяжко согрешило перед Богом».

Таким образом, отрицательное отношение русских художников к эпитафии объясняется их глубоко православным мировоззрением, в котором великий подвиг афонского старчества, подвизавшегося на Святой горе в безмолвии и зрении Фаворского света, является идеалом.

II

Если Византия одаряет свою северную дочь красотой православного свето-созерцания, то Запад привносит на Русь дух человеческой миро-де-

тельности, насаждая то самое разномыслие, которое, по словам апостола Павла, содействует открытию искусных (Кор., 11:19). Западное влияние, обозначившееся в Московии с приездом царской невесты Софии Палеолог, воспитанницы Ватикана, через два столетия окончательно утверждается при дворе Алексея Михайловича. Его «собинный» друг патриарх Никон в 1656 году основывает Ново-Иерусалимской монастырь, и это еще одно свидетельство латинизации, ибо идея устройства на земле Нового Иерусалима, где патриарх служит Господу как на небесах, всецело сопрягается с идеей безгрешия папы римского. Там же, в Ново-Иерусалимском монастыре, впервые вырезается на могильном камне и стихотворная эпитафия архимандриту Герману, составленная его сослуживником Никанором:

*Аз же, любовь его к себе поминая,
Таково подписание сочиняя,
Любящим прочитав сие положи,
Аще кто разум имать,
ино зримое лутше изложи.*

В этом произведении поражает не столько умелое подражание западным образцам, сколько откровенное обнаружение своего рационального «я» и предложение к действию. Впрочем, русская стихотворная эпитафия, изначально противостоя духу православия, не явит ничего необычного, блистательного, и долго будет переиначивать на свой лад античные или западноевропейские подлинники. Александр Сумароков создаст первую русскую вариацию средневековой латинской эпитафии. Антиох Кантемир переведет с итальянского стихи о злобствующем поэте. Как и Марциал, Ломоносов сочинит надгробную надпись пчеле, которая обретет современное звучание в силу нового (разбойного) толкования слова «стрелка»:

*Под сею кочкою оплачь, прохожий, пчелку,
Что не ленилася по мед летать на стрелку...*

Ирония как признак демонического начала, попирающего любые святыни, любые ценности, сразу проникает в духовную составляющую русской эпитафии. Протестантствующий Феофан Прокопович, соратник Петра Великого по свержению патриаршего престола и учреждению Синода, начертает первую «смехотворную» надгробную надпись иеродиакону Адаму. А спустя столетие архиепископ Георгий Конисский с насмешкой отзовется в автоэпитафии о своих регулярных поездках в Петербург за синодальными циркулярами:

*За претерпенные труды и непогоду
Архиепископом и членом стал Синоду.
Георгий имя мне, я из Конисских дому
И в жизни был коню подобен почтовому.*

Сравнить себя с загнанной лошастью мог, пожалуй, и трубадур арагонского короля Монах Монтаудонский, негодуя в энзуге на дорожный дождь и ослабшую упряжь. Как далеко это по чувству и мысли от предсмертно-

го признания того же Нила Сорского, который всю жизнь собирал зерна божественной истины, как «пес от крупниц, падающих от трапезы словес Господних». В одном случае подразумевается протестное уподобление себя твари неразумной, в другом — согласное ощущение себя тварью Божией.

Подражательность не исчезнет ни в золотой, ни в серебряный век русской литературы: художники воспроизводят чужие эпитафические образцы, усматривая в оных не столько сакраментальный, сколько сатирический смысл. В Вестминстерском аббатстве Карамзин изучает величественные монументы монархам и героям, переводит памятные стихи и с иронической улыбкой добавляет: «Чтобы думать хорошо о людях, надобно читать не историю, а надгробные надписи: как хвалят покойников!» Жуковский, завороченный туманными видениями готических чудес, тем не менее копирует шуточную эпитафию просветителя Руссо. Апухтин переводит текст заупокойной католической мессы: впоследствии ее слова воспроизводятся на памятнике поэту. Чайковский справедливо замечает, что этот апухтинский реквием, «не будучи прямым отражением чувства, а скорее формулированием рассудочных процессов, — трудно поддается музыке». Даже Блок, столь восприимчивый к «торжествующим созвучиям», обратит взор на землю и сотрет средневековую пыль с тяжелой латинской эпитафии. Продолжат «переводную» традицию и современные поэты: на литературном небосклоне Арсений Тарковский отыщет последний мирской адамант звездочета Кеплера, а Андрей Вознесенский попытается вычислить «направление силового потока» кладбищенских стихотворений Микеланджело.

Возникшая как сколок иного мировосприятия, русская стихотворная эпитафия по-настоящему сумеет обратиться лишь в сатирическую эпиграмму, где ирония над собой или глумление над другим, пожелание ему смерти и забвения станет почти обязательным:

*Сей человек был скот и прожил долгий век:
Чтоб не дразнить скотов, здесь надпись: «Человек».*

Действительно, человек, лишенный духовной опоры бытия, не может не стать исчадием всемирной тьмы, всемирного зла. Как ни странно, между устроением Нового Иерусалима и строительством «светлого будущего» на земле существует глубокая внутренняя связь: они суть явления одного ряда. «Легенда о великом инквизиторе», где Достоевский изобличает римо-католицизм, ныне представляется классической критикой социализма. Примечательно: народный комиссар Луначарский, составляя эпитафию для мавзолея жертв революции на Марсовом поле в Петербурге, воссоздаст начало «Легенды»:

*Со дна угнетенья
нужды и невежества
поднялся
ты пролетарий
себе добывая
свободу и счастье
все человечество
ты ошастлививши
и вырвешь
из рабства*

Перенесенная на другую религиозную и культурную почву, эпитафическая традиция не привьется в крестьянской России. Не случайно Александр Пушкин, чутко различающий подлинное, народное и поддельное, чужое, бежит городского кладбища с его нарядными гробницами и тривиальными надписями: ему милее родной деревенский погост, где есть простор неукрашенным могилам, мимо которого

Проходит селянин с молитвой и со вздохом.

III

Иная судьба ожидает эпитафию в Новом Свете, где как бы изначально торжествует дух человеческой миро-деятельности, почти безграничного разномыслия и индивидуальной свободы. Неодолимое стремление к земному успеху, сочетающееся с разумным выбором пути к нему, порождает презрение к тем, кто думает иначе, кто имеет другой идеал:

*А вы, спасители мира, не пожавшие в жизни плодов,
Лишенные и по смерти надгробий и эпитафий,
Каково вам теперь молчанье ваших глоток,
Забитых прахом моей триумфальной карьеры?*

Перевод А. Сергеева

Казалось бы, эта высокомерная рацея Эдгара Ли Мастерса противостоит вдохновенным строкам Луначарского. Там взбунтовавшееся «я» жертвует собой во имя счастья всего человечества — и гранитная братская могила становится венцом его героической жизни. Здесь расчетливое «я» попирает других ради собственного благополучия, а отдельная роскошная погребальня является апофеозом удачной судьбы. Однако объединяет эти эпитафии одна, не приемлемая для православного сознания, особенность — земность устремлений духа, соблазн мирского счастья.

Западному мышлению присуща эта прелесть рационального проецирования небесного на земное и его рационального, а значит искаженного воплощения в мире: безгрешный папа римский есть воплощенная проекция Господа Нашего, белокаменный Новый Иерусалим — воплощенная проекция Иерусалима Небесного, недавнее «светлое будущее» — воплощенная проекция Царства Божьего на земле. Однако, если для Запада характерен готический индивидуализм, то для России — купольная соборность, поэтому воплощение какой-либо проекции там и здесь имеет разные последствия. Американский поэт Эдгар Ли Мастерс не отступает от западной традиции и проецирует на себя образ Высшего Судии. В 1915 году он издает свод автоэпитафий жителей воображаемого иллинойского городка Спун-Ривер, затерявшегося среди холмов и равнин Среднего Запада. Торгаши, кальвинисты, банкиры, фермеры, пьяницы, проститутки исповедуются перед ним, как перед Богом, и каждый говорит правду и только правду:

*Я был в лоне церкви
И стоял за сухой закон,
И горожане решили:*

*Я умер от пристрастия к арбузам.
На деле же у меня был цирроз печени,
Ибо тридцать лет каждый полдень
Я пробирался в заднюю комнату
Аптеки Трейнора
И наливал себе щедрой рукой
Из бутылки с этикеткой
«Spiritus frumenti».*

Перевод А. Сергеева

Восхищаясь мудрой античной эпитафией, Мастерс разделяет мнение Карамзина о современной: она чересчур хвалебна и не соответствует истине. Один из его замогильных героев сетует по этому поводу: «Я не мог при жизни отделаться от клеветы и по смерти должен смириться с пустыми словами, выбитыми дураком». Отринув эту пустую ложь, американский поэт следует за Леонидом Тарентским и, вооружившись дантовским «божественным всеведением», создает отвлеченные автоэпитафии, где ушедшие в инобытие обращаются к живущим с последним откровенным словом о себе, своих поступках и, нет сомнения, то же самое произнесут на предстоящем Страшном суде. По сути, Мастерс приглашает читателя сесть на великий белый престол и, приняв выражение Лица, от Которого бежит небо и земля, раскрыть Книгу Жизни, дабы «судим был каждый по делам своим» (Откровение: 20–13).

«Антология Спун-Ривер» потому и является шедевром американской погребальной лирики, что она гармонически сочетает свободный стих Уитмена и Сэндберга с древней эпитафической традицией, расцветшей на Западе благодаря иному видению мира, нежели православное свето-созерцание. Впрочем, сам Мастерс прекрасно осознает печальность и пагубность пути, обозначенного призрачными вехами разума и прогресса:

*И все время я видел в окно,
Как погибает Америка, стремясь к жизни,
Которой нельзя добиться
Бережливостью, трудом, смелостью
Во имя консервной фабрики!*

Перевод А. Сергеева

Сизифова погоня за мирским счастьем, постоянно ускользающим из рук, ныне подвигает западную мысль к поиску того, что образует прелестный мираж осуществленного, утвержденного, окончательного. А поскольку таковым по-прежнему пребывает пышный монумент и пышная эпитафия, то их иллюзорное воплощение на голубом экране кажется логичным: с 1998 года в глобальной компьютерной сети «Интернет» рекламируется виртуальное кладбище «Зал памяти», где представлены избранные образцы памятников, надгробных надписей и подходящих случаю цитат из мировой литературы. Современные компьютерные могильщики предлагают посетителю этого кладбища возложить нереальные цветы на нереальную могилу и зажечь нереальную поминальную свечу. Это — видимый конец пути, судь-

бы, разума, логоса, и никакой осиянной лестницы, ведущей к небу, здесь нет и быть не может.

IV

Эпитафическая традиция является на Руси в псевдоморфический период ее истории, когда, по мысли Освальда Шпенглера, пришлая чуждая культура так довлеет над страной, что культура собственная не в состоянии задышать полной грудью. Немецкий философ предрекает: русское западничество будет уничтожено руками самих западников. И действительно: XX столетие, несмотря на явное пристрастие к монументализму, оставляет только два грандиозных памятника — уже упомянутую «революционную» эпитафию Луначарского на Марсовом поле и удивительную, исполненную христианского духа, «блокадную» эпитафию Ольги Берггольц на Пискаревском кладбище: «Никто не забыт и ничто не забыто». Обе создаются в Петербурге — самом европейском городе России. Не украшает торжественная надпись гранитный мавзолей Ленина на Красной площади столицы. Не блещут мемориальными стихами тяжелые плиты кремлевских вождей. Пародируя известные строки Языкова, поэт Николай Олейников пишет в 1934 году:

*Когда умру, то не кладите,
Не покупайте мне венок,
А лучше нолик положите
На мой печальный бугорок.*

Не православный крест, гонимый властями, не звездная пентаграмма, властями насаждаемая, а обыкновенный ноль, символ ничтожности и растворяемости в бесконечном, представляется поэту единственно возможным в этом случае надгробным знаком. Да и сама красная звезда, действительно замерцавшая на обелисках военного лихолетья, скорее свидетельствует о месте солдатского захоронения, чем о слепой приверженности установленным ценностям: для русских ее пятилучие не имеет глубокого мистического смысла. Эти захоронения, порою безымянные, разбросанные по городкам и весям России, редко сопровождаются оригинальными надгробными надписями, но постоянно — преобразенными словами заупокойной молитвы о вечной памяти и вечной славе. «Имя твое неизвестно — подвиг твой бессмертен», — это звучит как высокая оценка то ли ратного труда, то ли труда молитвенного, и вызывает ощущение сопричастности к всемирному, космическому, когда и в малом видится великое:

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.*

Светлое, грустное стихотворение Сергея Орлова, безусловно, перекликается с эпитафией древнегреческого поэта Тимофея Милетского: «Греция вся — мавзолей Еврипиду!», но его незвонкая вселенскость все же ближе православному, русскому, а не эллинскому сознанию...

* * *

В золотой Александро-Невской лавре, где покоятся останки великих русских художников, есть и теплая могила митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна. Над ней, обрамленные хрупким стеклом, светятся памятные духовные стихи:

*Правило веры и благочестия,
Воздержания добрый наставниче,
Православного отечества ревнителю,
Защитителю народа русскаго,
Богомудре святителю Иоанне,
Моли Христа Бога
Помиловатися душам нашим...*

Оттого и не замерзает эта могила даже в суровую петербургскую зиму, что согревается она теплом любви усопшего святителя и пришедших поклониться ему. И памятные стихи, начертанные на листке бумаги, предназначенные не для морозного мрамора, но для домашнего молитвенного чтения. Они созвучны благостному акафисту, который, по сути, и является настоящей живой эпитафией святым.

Будущее принадлежит христианству Достоевского, пишет Освальд Шпенглер, тем самым верно определяя главное в православии — указать единственно возможный путь к спасению. Когда апокалиптический огонь сожжет пышные монументы прошлого, то только чудесная лестница, осиянная Иисусом Христом, поможет любящим сердцам достичь вечного блаженства.

ПОЭЗИЯ

**Николай
ПЕРЕСТОРОНИН**

«БЕСКОНЕЧНОСТЬ РОДСТВА...»

Николай Васильевич Пересторонин — родился в 1951 г. в городе Кирове. Работал фрезеровщиком, слесарем на заводе, затем в редакциях областных газет. Окончил факультет журналистики Уральского университета. В настоящее время работает в газете «Вятский край» редактором отдела культуры. Автор более десяти книг, лауреат многих литературных премий. Член СП России. Заслуженный работник культуры РФ. **Живет в Кирове.**

* * *

Этот дом у святого источника
Потемнел, покосился, осел.
Он на лик Николая Угодника
Все окошки свои проглядел.
Но крепка вековая порода,
И творит чудеса Николай,
На покатых грядках огорода
Небывалый растет урожай.
А в дому полуночном затворница —
По другому-то как назову —
Богу молится, низенько клонится,
Будто сорную полет траву.

* * *

Жизнь идет не добрая, не злая,
Приминая спелую траву.
Я не помню деда Николая,
С именем которого живу.
В облаках, как прежде, не витаю,
Осень не меняю на весну.
Я не знаю бабушку Наталью,
Николая, стало быть, жену.
И такое, видимо, бывало
В самые крутые времена,
Что у нерожденных отнимала
Полродни коварная война.
.....
Отступали бранные заботы,
Никого я в прошлом не виню.
Под дождем родительской субботы
Навещал филейскую родню.

* * *

Вот мы и встретились. Стар я?
Сколько филейских окрест.
Бабушка Аполлинария —
Холмик, могилка, крест.
С кручей осыпалось сколько
Камушков, глины, песков,
Только Филейская горка
Выше от этих холмов.
Как поминальную требу,
Ветер вершит над травой.
Вот и приблизились к небу,
Вот и сравнялись с землей.
Снег укрывает могилы,
Век обрывает слова,
С нами небесные силы
И бесконечность родства.

Поздно же бабушку ищешь,
Внучек, еще не седой,
Но, покидая кладбище,
Хоть у ворот, да постой.

Бороду ветер теребит,
С горки дорога бежит,
Бренную память о небе
Пусть ветерок освежит.

* * *

Как над Родиной долго светает,
Будто мало на свете любви.
Дом Ипатьевский в землю вращает,
Возвышается Храм-на-Крови.
А когда-то, как сумерки скоры,
Мчались годы с веками на спор,
Проезжая Уральские горы,
Видя только развалины гор.

Видно, проще не звать катастрофой,
Занавеску задернуть не вдруг,
И не ведать, что Русской Голгофой
Наречется Екатеринбург.
Свет идет к деревянному храму,
Отдавая монашеству честь,
Сыплет золотом в Ганину Яму
Березняк, распрямившийся здесь.

* * *

Будто небо выплакало слезы,
Скоро минет девяносто лет,
Как растут здесь сосны и березы,
Вперемешку золото и свет.
А когда сжимает болью сердце,
Проступает будущего след.

На иконе царских страстотерпцев
Тоже рядом золото и свет.
Отворите души и надежды
В царственную эту чистоту.
Золотые нимбы и одежды,
Будто облаченья на свету.

* * *

Долго тянутся русские версты,
В кронах ветра полуночный гул.
Государь! Эти строгие сосны —
Самый преданный вам караул.
Утром травы оденутся в росы,
Будто в ризы, что света белей.
Государыня! Эти березы
Самых преданных фрейлин верней.
Вы на Русской Голгофе распяты.
Но во дни, что остались темны,

Из глубин алапаевской шахты
И сюда доносились псалмы.
В эту осень дожди не пролились.
Растворяя в молчанье слова,
Будто ангелы с нами молились,
Золотая кружилась листва.
Монастырь за высокой оградой.
Дерева, терема, купола.
Тень олив Гефсиманского сада
На уральские камни легла.

* * *

Когда на грани ига векового
Не ведали, откуда силы взять,
За Русь вставало воинство Христово
Российского священничества рать.
Когда кружила головы свобода,
Вы к покаянью исподволь вели.

О, пастыри заблудшего народа,
Священники расхристанной земли.
Когда сомненья, как враги, сминают,
Душа в смятенье, плоть не устоит.
Негромким вашим истинам внимаю.
Бог вашими устами говорит.

«Как помолитесь, — батюшка молвит,
Так и лето сподобитесь жить».
Потому и, поверить не смея,
Ко кресту припадая, поймешь,
Что молиться еще не умеешь,
Но живешь, слава Богу, живешь.

Как на иврите мне их назовут,
Я не хочу догадаться.
Выйду на берег —
 поверить смогу —
В это не верилось долго —
Что так светло улыбаться могу,
Плакать от радости только.
Время вернуться в родные края,
Где василек да ромашка.
Все не кончается радость моя,
Не высыхает рубашка.

А земля здесь и вправду Святая,
И святые над ней небеса.
Где еще убедиться воочию:
И для дерева подвиг земной
Так вратать в каменистую почву
И держаться на вере одной.

Все тверже молитвенный слог,
Все выше и выше душа.
Давно ли так было темно,
Но осень сравнима с весной.
И солнышко светит в окно,
И милость Господня со мной.

И расправляется по-детски,
Рассветной святостью дыша,
В родном селе Великорецком
Родная вятская душа.

**Маргарита
ДМИТРИЕВА**

ВИТЯЗЬ НА РУССКОМ ТРОНЕ

Музы Александра III

Маргарита Анатольевна Дмитриева — родилась в Петербурге, закончила филологический факультет РГПУ имени Герцена, кандидат филологических наук, сценарист радиоканала «Малая Садовая», автор программ «Петербургское детство», «Старинная словесность», а также телесериала «Царская муза» (канал «Культура», 2008 год). Сфера исследовательских задач посвящена культурным интересам семьи Романовых. Живет в Санкт-Петербурге.

Все периоды жизни Александра Третьего нашли свое отражение в искусстве. Во время турецкой войны его сопровождал Поленов, коронацию запечатлел французский художник Беккер, «Прием волостных старшин Александром Третьим во дворе Петровского дворца в Москве» изобразил Репин. Супруга царя, Мария Федоровна, не слишком любила позировать, она видела, что наступает век фотографии.

Великий князь Александр Александрович изначально не был наследником престола. В нем не было и внешнего блеска и утонченности, как в старшем брате, Николае, Никсе, который и стал бы царем, если бы не скончался 12 апреля 1865 года. С этого времени, а именно с двадцатилетнего возраста, начинается обстоятельное образование Александра.

Родственники и учителя тайком перешептывались, что правление надо бы передать другому брату, Владимиру, что Александр долго был предоставлен самому себе, что у него нет необходимой подготовки для царствования. Но потом увидели, что Александр отличается «смекалкой», то есть рассудительным и ясным умом, что он переимчив в науках, и прям на обсуждение насущных вопросов. «Не моделировал себя»¹, как писал о цесаревиче В. П. Мещерский, но сам хотел моделировать жизнь.

Законоучителем Александра был профессор Константин Победоносцев. Это общение в учебной аудитории переросло в духовный союз. Правда, в начале занятий Победоносцев не был доволен Александром, и с грустью записывал в дневнике: «Я пробовал спрашивать о пройденном,

¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 2. (1865–1881) Б/м, 1898. С. 4.

чтобы посмотреть, что у него осталось в памяти, — но не осталось ничего, и бедность сведений, или, лучше сказать, бедность идей удивительная». Однако, эта «бедность идей», эта «простота» цесаревича облегчила Победоносцеву руководство будущим молодым императором. Александр был открыт и доверчив, как сказочный герой.

Особенно усилилось беспокойство Победоносцева об Александре после 1 марта 1881 года. «Страх берет меня, когда думаю, что Вы одиноки, и не на кого Вам опереться»². Он посчитал необходимым укрепить царя в соблюдении строгих мер к террористам (известно, например, что Л. Н. Толстой и В. С. Соловьев обратились к царю с просьбой простить революционеров). «Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавить осужденных преступников от смертной казни. Да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности!»³ — возмущенно писал Победоносцев. В потоке сочувственных писем Александр особенно был ошеломлен анонимным письмом, где говорилось: «Отец твой не мученик, и не святой. Потому что пострадал не за церковь, не за крест, не за христианскую веру, не за православие, а зато единственно, что распустил народ, и этот распущенный народ убил его». Против этой народной распущенности и воевал Победоносцев, и приглашал воевать Александра.

Именно влияние Победоносцева помогало Александру последовательно формировать крепкую культурную политику страны. Он «воспитывал» себя Победоносцевым, читал его записки о немыслимости театральных спектаклей во время Великого поста, о скандальных картинах, появляющихся на выставках Передвижников, о крамольных пьесах, «выползающих» из-под пера Льва Толстого.

«Простите Ваше Величество, что нарушаю покой Ваш своими письмами, но что делать, когда душа не терпит. Я только что прочел новую драму

Император Александр III

² Письма К. С. Победоносцева Александру Третьему // Александр Третий. Воспоминания, дневники. Письма. СПб., 2001. С. 132.

³ Там же. С. 135.

Льва Толстого и не могу прийти в себя от ужаса, — воздвигал возмущенный голос Победоносцев. — А меня уверяют, будто бы готовятся давать ее на Императорских театрах и уже разучивают роли. Искусство писателя замечательное, но какое унижение искусства. Какое отсутствие, больше того, отрицание идеала. Посмотрите-ка, вот в чем ваша вера: баба, убивая несчастного ребенка, не забывает крестить его и затем давит. Больно думать, что женщины с восторгом слушают чтение этой вещи и потом говорят о ней с восторгом»⁴.

«Благодарю вас, любезный Константин Петрович, за ваше письмо о драме Толстого, — благосклонно отвечал Александр, — драму я читал, и она сделала на меня сильное впечатление, но и отвращение (...). Мое мнение и убеждение, что эту драму на сцене давать никак невозможно, она слишком реальна и ужасна по сюжету»⁵.

Нельзя сказать, что Александр не ценил таланта Толстого. Нет, он зачитывался им. В романе «Война и мир» отмечал детально переданные батальные сцены, любил «Севастопольские рассказы», теплоту и психологизм толстовского повествования. Но все более замечал, что писателя «заносит» в сторону некоего «гуманистического», вне-христианского пафоса. О скандальных антицерковных сочинениях писателя Александр отзывался резко: «художник здесь велик, а философ — жалок», да еще по-евангельски вздыхал о Льве: «Он предал меня врагом моим»⁶. Однако его политика относительно Толстого была иной, чем при Николае Втором. Александр не хотел превращать Толстого в социального мученика. Поэтому говорил министру внутренних дел: «Прошу вас Толстого не трогать. Я нисколько не намерен обращать на него всеобщее негодование». Александр прекрасно понимал, что такие меры только развеселят самолюбие писателя. И как в воду глядел. Когда в 1901 году Толстого отлучили от Церкви, он тут же стал получать букеты цветов и приветственные телеграммы от интеллигенции, в результате чего почувствовал себя героем.

Если продолжать эту тему, — Александр Третий и русская литература, то надо сказать, что он особенно уважал Достоевского, с упоением читал «Преступление и наказание» в журнале «Русский вестник». Потом писал в дневнике: «Так интересно, как никогда еще не было». Хотел увлечь Достоевским и Марию Федоровну, но она плохо в молодости понимала порусски. Особенно трудно давались ей сложные художественные тексты. Александр не рисковал переводить с листа, увлеченно пересказывал своей «душке Минни» весь роман — главу за главой.

К чтению Достоевского Александра приохотил все тот же Победоносцев. А потом и познакомил с писателем. Он очень хотел окружить будущего царя надежными, талантливыми людьми, любящими Бога и Россию. Под воздействием Победоносцева Федор Михайлович написал наследнику письмо, объясняя главную идею только что вышедшего (в 1873) году романа «Бесы». Искреннее обращение Достоевского к великому князю могло сви-

⁴ *Тальберг Н. Д.* Победоносцев. Очерки истории императорской России. 2000. С. 35–36.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма СПб., 2001. С. 337.

детельствовать о том, что Александр всегда воспринимался патриотической частью общества как человек, которому была близка идея последовательно и ярко русского пути.

«В смущении и страхе пред тем, что мы так далеко отстали от Европы, в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести **новый свет миру**, при условии самобытности нашего развития»⁷, — писал Достоевский. В тоже время, он честно заявлял, что слишком много появилось в России псевдо-европейского, слишком много холопского презрения к своему — исконному. Особенно среди образованных людей. «Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б сказали, что они прямые отцы Нечаева»⁸, — восклицал писатель.

Впоследствии Победоносцев посоветовал Достоевскому преподнести цесаревичу роман «Братья Карамазовы». Федор Михайлович заказал дорогой переплет для подарочного экземпляра, но очень вздыхал и бурчал из-за дороговизны подарка.

Приглашенный на аудиенцию в Зимний дворец, писатель, не смотря на то, что был искренним «монархистом», не хотел подчиниться этикету двора, — говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длится слишком долго. И, простившись с цесаревной и ее супругом, ушел из залы, повернувшись спиной к августейшей чете, но не пятился и не кланялся, как это подобает по этикету. Такая оригинальность никак не отразилась на симпатии Александра к писателю. Он умел отличать невоспитанность от яркой личностной самобытности.

Был Александр Третий знаком и с Иваном Сергеевичем Тургеневым. Еще в бытность цесаревичем, он приехал с Марией Федоровной в Париж,

Императрица Мария Федоровна

⁷ Достоевский Ф. М. Письмо великому князю Александру Александровичу // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 79.

⁸ Там же. С. 79.

узнал, что здесь находится Тургенев, и решил встретиться с ним. В доме русского посла во Франции, графа Орлова, был устроен чай, обменялись рукопожатиями, уселись. Разговор не клеился. «У вас два отечества, Россия и Франция, и в том и в другом вас хорошо знают, — сказал наследник. — Я читал ваши охотничьи рассказы, видно, вы хорошо знаете крестьянскую жизнь, а также природу». Великая княгиня тоже участвовала в разговоре, она спросила, «отчего Тургенев не пишет на французском языке». Мнительный Тургенев был недоволен. Ему хотелось сказать, что, если и будет писать, то все равно останется русским писателем. И Отечество у него одно, Россия. «Она сыпала фразу за фразой, торопилась, задавала мне нелепые вопросы и перескакивала с предмета на предмет»⁹, — ворчливо вспоминал Тургенев. И все же заметил в письме к Анненкову об Александре — наследник ему понравился: чистое и открытое лицо¹⁰. Сразу после покушения 1 марта 1881 года и гибели Александра Второго Тургенев в одном из французских журналов анонимно опубликовал статью о новом российском монархе, спрогнозировав его возможную политику.

Есть свидетельства, что Александру Третьему не нравилось творчество Тютчева. Об этом равнодушии Александра к Тютчеву упоминает в своих мемуарах, например, С. Д. Шереметев. «На столе у меня лежала книга стихотворений Тютчева, он начал ее рассматривать и сказал, что вообще не любит Тютчева и как поэта и как человека... Он стал перелистывать книгу и кое-что прочел. Нет, — сказал он, — не нравится мне»¹¹. Шереметев объяснял это тем, что Александру не нравилось все «деланное», искусственное. Но вряд ли эту оценку можно отнести к тютчевским шедеврам.

Александр Александрович сам не имел особенных литературных способностей, и писал, как и многие Романовы, в основном, письма, и вел в молодости дневник. Но когда в письмах речь заходила о детях, он писал очень хорошо, увлеченно, просто, и лирично, с юмором. Он вообще был добрым, жизнерадостным, человеком, знавшим цену шутке. Так, он докладывал супруге, гостившей в Дании о гатчинской прогулке с детьми: «В половине четвертого пошли гулять с Ники, Жоржи и Мишкиным (сыновьями Николаем, Георгием и Михаилом). Оправились мы, наконец, ловить ослов. Мишкин был в таком восторге, что, наконец, придет домой с ослом, что всю прогулку только об этом и говорил и приговаривался, но когда мы пришли к ослам и они начали все разом орать, Мишкин струсил и остолбенел от удивления». Или: «Сегодня завтракали с Мишей и Беби (так в семье звали младшую дочь Ольгу), а потом они были у меня в кабинете и смотрели картинки. Это такая радость и утешение иметь их при себе, и они так милы со мной и вовсе мне не мешают».

К слову, Мария Федоровна, любя русскую литературу, не забывала и французских романов, а из периодических европейских изданий предпочитала французский журнал «Обозрение двух миров», где помещали статьи о тайнах

⁹ *Семевский М. И.* Встреча Тургенева с Александром Третьим // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 82.

¹⁰ *Тургенев И. С.* Из письма к П. В. Аннекову // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 81.

¹¹ *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 322.

мира, о жизни и смерти¹². Она записывала понравившиеся чужие фразы или свои собственные мысли: «Где много счастья, часто много несчастья», «Жизнь человека подобна облакам, так же переменчива, также проходимая», «Самые страшные враги человека суть часто его собственные страсти».

Как все Романовы, особую склонность Александр Третий питал к русской истории. Он завел свою историческую библиотеку, которая непрерывно пополнялась. Имел уважение к архивным документам, не пренебрегая «облегченными» историческими романами, вроде Лажечникова или Загоскина. В 1866 году Александр стал деятельным участником собраний русского исторического общества. Библиотека Аничкова дворца превратилась в центр регулярных собраний маститых историков. Он оказывал обществу финансовую и моральную поддержку, на его деньги издавался «Сборник» исторического общества, в 1881–1894 годах вышло 65 томов, в которых были

К. П. Победоносцев

опубликованы материалы, относящиеся к царствованию Екатерины Второй, Петра Великого, Анны Иоанновны, Александра Первого и Николая Первого. Император много содействовал получению документов не только из русских, но и зарубежных архивов. Им было предложено и осуществлено издание «Русского биографического словаря», с перечнем имен «отечественных деятелей, на самых разнообразных поприщах труда и жизни». По его инициативе начался сбор воспоминаний участников севастопольской войны, которые потом были опубликованы. В день коронации Александра Третьего состоялось открытие Московского Исторического музея.

Особенно доверительные отношения сложились у Александра с историком Николаем Карловичем Шильдером. По личному разрешению царя историк имел доступ в самые секретные русские архивы. Александр был особенно заинтересован рассказом Шильдера, когда тот сообщил, что читал рукопись, в которых описывались случаи исцеления по молитве старца Федора Кузьмича. У Шильдера как-то очень заболела голова, он сидел у себя

¹² Тарасова Н. И. Императрица Мария Федоровна, принцесса Датская // Император Александр Третий. Императрица Мария Федоровна. Каталог Выставки. СПб., 2006. С. 14.

дома и вдруг подумал, что поверил бы в святость старца, если бы тот исцелил его от мигрени. «Вы не поверите, — восторженно говорил Шильдер царю, — не успел я подумать об этом, как открывается дверь, в мой кабинет входит сам старец, таким, как изображается на портретах. Он положил мне руку на лоб. Рука была теплая, как у живого человека. Он начал молиться. Я чувствовал, как уменьшалась боль, а затем и вовсе прекратилась. Тогда Федор Кузьмич исчез». «Но это же чудо!» — воскликнул царь. Его страстно интересовала история Федора Кузьмича, и вообще все, что относилось к жизни и тайному уходу Александра Первого.

Ф. М. Достоевский

Довольно рано Александр начал интересоваться живописью. В 1861 году (Александру тогда было 16 лет) помощник воспитателя великих князей Н. П. Литвинов отмечал в дневнике, что во время посещения Архангельского собора «Александр Александрович с видом истинного знатока восхищался живописью на внутренних стенах храма, что составляет характеристическую особенность древнего Византийского стиля»¹³.

В 1870 годах он стал коллекционировать предметы декоративно-прикладного искусства, стекло, фарфор, майолику, мебель. Он любил «домашние» вещи, создающие теплоту и уют. Особенную привязанность к фарфору Александр поставил на го-

сударственную основу. В 1884 году директор Императорского фарфорового завода был отправлен в командировку на Мейсенский, Севрский и Берлинский заводы для ознакомления с их достижениями. Через пять лет Александр отмечал, оценивая работу своих заводов, что не знает в Европе завода, который бы лучше работал»¹⁴.

Коллекционировал Александр Александрович и картины. Правда, признавался, что, хотя и «должен» любить работы старых мастеров, но особенного чувства к ним не испытывает. Так, он был равнодушен к Леонардо да Вин-

13 Цит. по: Гафифуллин Р. Р. Император Александр Третий — коллекционер и покровитель русской науки и культуры // Император Александр Третий. Императрица Мария Федоровна. Каталог Выставки. СПб., 2006. С. 108.

¹⁴ Там же. С. 110.

чи. Но в его коллекции были Ватто, Галлэ, Роббер. В середине семидесятых он приобрел коллекцию разорившегося предпринимателя Кокорева, в которой были картины К. Брюллова, В. Боровиковского, Ф. Бруни, М. Клодта.

Стараниями Александра Третьего для Эрмитажа было куплено парижское собрание древних раритетов известного коллекционера А. П. Бадзилевского (русское и западно-европейское оружие, изделия из серебра). Александр заплатил из собственных средств 6 миллионов франков (или 2 миллиона русских рублей), и не сразу решился на такую трату, но все же приобрел эту коллекцию для России.

Александр регулярно посещал выставки художников передвижников, русская реалистическая манера была ему близка и понятна, а вот от импрессионистов, как он сам признавался, у него была «изжога». Установилась традиция не продавать работ с выставки до приезда императора. Александр всегда обсуждал свой выбор с императрицей. Некоторые работы вызывали у него резкое отторжение. Так, по требованию императора, поддерживаемого Победоносцевым, с показа были сняты картины Репина «Иоанн Грозный» и картины Ге «Что есть истина». О последней Царь сказал: «Ну, какой это Христос, это какой-то Миклухо Маклай!». О «Распятии» Ге Александр сказал: «Мы еще кое-как поймем это, но народ не оценит этого никогда». Победоносцев резко заметил, что Ге занимается «вульгаризацией евангельской истории»¹⁵. В последние годы он увлекся идеей создания музея национального искусства и говорил об этом с президентом Академии художеств великим князем Владимиром Александровичем. Рус-

Семья Александра III. Справа налево: великий князь Георгий, великая княжна Ксения, великий князь цесаревич Николай, Мария Федоровна (обнимает великого князя Михаила, в кресле император Александр III (держит на руках великую княжну Ольгу).

Петербург 1888–1890 гг.

Фотограф Левицкий.

на «Иоанн Грозный» и картины Ге «Что есть истина». О последней Царь сказал: «Ну, какой это Христос, это какой-то Миклухо Маклай!». О «Распятии» Ге Александр сказал: «Мы еще кое-как поймем это, но народ не оценит этого никогда». Победоносцев резко заметил, что Ге занимается «вульгаризацией евангельской истории»¹⁵. В последние годы он увлекся идеей создания музея национального искусства и говорил об этом с президентом Академии художеств великим князем Владимиром Александровичем. Рус-

¹⁵ *Тальберг. Н. Д. Победоносцев. Очерки истории Императорской России. 2000. С. 42.*

ский музей был открыт, как известно, Николаем Вторым в Петербурге, в Михайловском дворце.

Мать Александра Третьего, императрица Мария Александровна, влияние которой на духовный климат России второй половины девятнадцатого века еще не оценено по достоинству, глубоко почитала старинную иконописную русскую манеру, и собирала у себя иконы. Вслед за матерью и благодаря поддержке Победоносцева Александр также почитал нашу древнюю иконописную школу, а духовную музыку любил больше, чем светскую. Его придворная капелла состояла из музыкантов высшего класса, царь особенно любил сочинение Бортнянского «Чертог твой». Он любил молиться в Исаакиевском, Петропавловском соборах, но и простые обедни, справляемые одним священником, будь то в Ливадии или в Петергофе, он посещал и достаивал службы до конца. Он был ревностен и строг к исполнению правил церковной жизни. Однажды заметил в Александро-Невской лавре, что у мощей нет дежурного монаха, и негодовал сильнее, чем если бы обнаружил злоупотребление чиновника. «Требую, чтобы этого больше не было — непростительно».

Одним из самых ярких художественных увлечений Александра было музицирование, он жил музыкой, включал ее в повседневную жизнь. Например, 29 мая 1866 года Александр отправился на яхте в Данию делать предложение Дагмар, Марии Федоровне, и взял с собой в это плавание кларнет. Александр узнал, что механик умеет играть на фортепиано, он потребовал его к себе, и они играли все три дня путешествия, в то время как свита курила и пила кофе.

Но его серьезные музыкальные вкусы не мешали ему иногда присутствовать на выступлении цыган, особенно в молодости. Ему нравилось, когда пели:

*Всему на свете мера,
Всему есть свой конец.
Да здравствует мадера,
Веселье всех сердец!*

Но сам вкушал вина немного, этого очень не любила Мария Федоровна.

В 1872 году по его инициативе было создано общество любителей духовой музыки. Для участия в оркестре Александр заказал себе геликон особого размера, так как ему, крепкому и плотному человеку, было трудно влезать в инструмент обыкновенного размера. Репетировали в Гатчине и в Царском Селе. Любили играть на свежем воздухе. За оградой парка собирались прохожие, возникали импровизированные концерты. Во время игры очень надоедали комары. Было комично, когда во время исполнения какого-нибудь адажио раздавался удар один другого звучней, музыканты били обнаглевших кровопиец. «Одно адажио имело решающее значение — вспоминал один из участников оркестра, — наши затылки до того вспухли от укусов, что мы были принуждены забрать попитры и войти в комнаты»¹⁶.

По некоторым свидетельствам, Александр обладал весьма солидным музыкальным образованием, на уровне современного выпускника оркестрового

¹⁶ Берс. А. Воспоминания об Александре Третьем // Александра Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 85.

отделения. 16 июля 1882 года по его инициативе был основан «Придворный музыкантский хор», который, пережив многочисленные реформы и преобразования, в двадцатом веке стал носить имя государственного академического симфонического оркестра Ленинградской (Петербургской) филармонии. Сам Александр Третий после восшествия на престол в оркестре не играл.

Он был «прост, мил и даже уютен», — вспоминал А. Бенуа, — но «лицо его поражало своей значительностью», он производил «странное и грозное»¹⁷ впечатление.

Александр умер 20 октября 1894 года в Ливадии, не дожив до пятидесяти лет. При его кончине присутствовал и молился за Александра глубоко почитаемый им св. прав. Иоанн Кронштадтский.

В могилу императора свела давняя болезнь почек, нефрит, осложнившийся после трагедии на станции Борки, когда царь колоссальными усилиями удерживал над своей семьей крышу вагона потерпевшего крушение поезда. Никто из его домашних серьезно не пострадал, хотя людские жертвы в этой катастрофе насчитывались сотнями. Мария Федоровна и царь видели в спасении семьи Божественное Чудо. Таковым «русским» чудом был и сам Александр Третий, царь, замедливший сползание России в хаос либеральных реформ. Царь, которого «ждала» Европа, пока он удил рыбу, царь-музыкант, царь-историк, волею Божией — русский витязь на русском троне.

*Репродукция с рисунка Зитчи
«Александр III возносится на небеса». 1894 г.*

¹⁷ Цит. по: Чернуха В. Г. Александр Третий // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 5.

Монах ИОСИФ

ЦАРЬ — УСТРОЕНИЕ БОЖИЕ!*

Монах Иосиф — родился в 1958 г. в пос. Рамонь Воронежской обл. С 1983 по 1990 гг. жил в Туркестане. Работал библиотекарем, слесарем, разнорабочим, техником, сторожем и т. д. В 1990 г. вернулся в Россию. В 1994 г. ушел в Задонский Богородицкий мужской монастырь. Некоторое время жил в Дивногорском монастыре, затем, вернулся в свою обитель. **В настоящее время несет послушание у раки свт. Тихона Задонского, у его святых мощей.**

*Печатается в сокращении

До нашего времени дошли многие высказывания Святых Отцов о Царской власти и Православном Царе. Можно привести некоторые из них для того, чтобы понять сущность и важность Самодержавного строя для всех, живущих на земле людей.

Священномученик Владыка Андроник Пермский так говорил об этом: «Пусть никто не верит наговорам обольстителей, которые говорят, что для Христианина совершенно безразличен тот, или иной порядок гражданской жизни, — нет, мы — Христиане — в мире живем и из этого мира до времени, определенного Творцом, выйти не можем (I Кор. 5, 10). А потому нам вовсе не безразлично — что совершается в гражданском нашем быту, ибо тот, или иной строй, те, или иные порядки жизни, могут содействовать, или препятствовать делу спасения».

Святые Отцы говорили о необходимости и великой пользе Царской власти для людей. Святитель Филарет Московский говорил так: «Народ, чтущий Царя, — благоугождает чрез сие Богу, потому что Царь есть устройство Божие!» Преподобный Серафим Саровский: «В очах Божиих нет лучшей власти, чем власть Православного Царя!» Вселенский Патриарх Антоний так говорил о Православном Царе: «Невозможно Христианам иметь Церковь, но не иметь Царя!»

Священномученику Митрополиту Киевскому Владимиру принадлежат такие слова: «Священник не монархист не достоин стоять у Святого Престола!» Святой Праведный Иоанн Кронштадтский разъясняет эту тему так: «Царская власть существенно необходима и общепользна, — здоровые и спокойные умы всегда признавали и признают совершенную необходимость и обще-

ственную пользу Царской власти для народа и считают прямым бессмыслием посягательство на Царское Самодержавие. Царь самодержавно правит народом, как образ единоначальной власти Божией, как образ Царя царей, как глава государства, этого великого политического тела, стройно организованного и объединенного единою главою. Итак, единодержавие и Самодержавие в Государстве, в союзе с Церковью, необходимо и есть величайшее благо для него. Подобное такому союзу и в мире существует Божие единоначалие и вседержавие».

Преподобный Максим Грек говорил в свое время о том, что «Царь есть образ одушевлен Царя Небесного», то есть — Царь — это живая икона Бога. Православная Церковь в лице своих Святых неизменно учила, что «лицо и сан Царя Христианского на земле, есть живой образ и подобие Христа Царя, живущего на небесах. Ибо как человек душой своей есть образ Божий и подобие, так Помазанник Божий саном своим царским есть образ и подобие Христа Господа».

«Бог даровал христианам два высших дара — священство и царство, посредством которых земные дела управляются подобно небесным». Это слова Преподобного Феодора Студита. Православные Государь и Патриархи своими санами символизируют разные служения Спасителя: Царь Самодержавный — есть образ Христа в служении Царском, а Патриарх — есть образ Христа в служении Первосвященника. Каждый из них имеет первенство перед другим в пределах своей власти. Но (мистически) церковный сан Царя не может быть выше, или ниже сана Патриарха, так как и Царь и Патриарх являются живым образом единого Господа Нашего.

Царь — есть внешний Епископ Церкви. Согласно сто четвертому правилу Карфагенского Собора: «Каждый Праведный Царь имеет святительский чин». За исключением священнодействий, Император совмещает в себе все остальные привилегии епископов, на основании которых Его церковные разпоряжения получают каноническую важность».

Об этом писал в свое время архиепископу Константину Кавасиле Болгарский архиепископ Димитрий Хоматин. Прежде чем принять церковный сан Помазанника Божия, каждый Государь таинственно рукополагается в Цари и венчается на Царство.

Во время Литургии, перед причащением, один из митрополитов у алтаря совершает Таинство святого миропомазания Государя в Цари: на челе, на очах, ноздрях, ушах, персях и руках с известным сакральным возгласом.

Другой же митрополит затем вводит Императора внутрь алтаря через царские врата для причащения по чину священников: отдельно Тела и отдельно Крови. Епископ Никодим в толковании на шестьдесят девятое правило шестого Вселенского Собора утверждает, что «Царям всегда дозволено было входить в алтарь и в алтаре — как Божиим Помазанникам — причащаться наравне со священнослужителями».

Святой Праведный Иоанн Кронштадский утверждает что «Царь, не идущий против своей облагодатствованной совести, не погрешает». То, что Господь пасет народ свой жезлом Своего земного Царя — это святая истина!

Мы знаем о том, что вера бывает христианской, или же — нехристианской: языческой, мусульманской, иудейской и прочей какой-либо в разных народах. Для нас — Православных Христиан, установлена Богом монархия — монархическая идеология и монархический строй. В чем суть этого установления?

Братия! Да стоим твердо во всецелой истине и правде! Боящиеся Бога! Царя чтите! Чтущие Царя! Бога бойтесь! Дарование Царской династии народу есть милость Божия, которой мы сегодня лишены за клятвопреступление, измену и цареубийство. И далеко не весь народ в этих грехах покался. А есть даже и такие, которые и не собираются каяться. Вот в чем беда! Вот в чем корень наших зол! Вот о чем усиленно молчат современные учителя, или даже наоборот — учат противоположному.

Когда-то Святой Праведный Иоанн Кронштадский говорил: «Я сам, слава Богу, ни к каким партиям не принадлежу». Митрополит Петроградский Питирим объясняет разницу между народовластием и Боговластием: «Помазанник Божий есть орудие воли Божией, а эта воля не всегда угодна людям, но всегда полезна. Народовластие же всегда губительно, ибо Богу было угодно постановить, чтобы не паства управляла пастырем, а пастырь паствой. Пастырь ответственен пред Богом, народовластие же всегда безответственно, есть грех, бунт против Божеских установлений».

«Никогда русские Государи не были Царями волею народа, а всегда оставались Самодержцами — Божиею Милостию, Государями — по Божию изволению, а не по многоятежному человеческому хотению», — говорил владыка Иоанн Шанхайский.

В 1613 году было избрание на Царство Первого Русского Царя из династии Романовых — Михаила. Согласно решению Земско-Поместного Собора за Михаилом Феодоровичем и его преемниками из рода Романовых утверждено на вечные времена право самодержавного владения Русской Землей со всем ее населением.

Соборная Утвержденная Грамота обязала всех без исключения безусловным повиновением Его Самодержавной Воле. Этой соборной клятвой все мы связаны с Царями из Дома Романовых до скончания века. Соблюдение этого обета, данного за нас предками, есть залог нашего благополучия, как временного, так и вечного. И наоборот — несоблюдение сего обета — есть великий грех пред Богом, влекущий за собой наказание. То, что было после свершения революции, — страшные репрессии и геноцид русской нации, есть плоды Богоотступничества, клятвопреступления и цареубийства.

Как только изменники генералы, министры и думы, «благословленные» духовенством, при предательском молчании народа, отреклись от служения Царю, и тем совершили клятвопреступление и измену, дальнейшее

служение Государя при таких обстоятельствах стало невозможным. И сразу же для всех очевидно начались бедствия России: междоусобицы, голод, мор, болезни, убийства, насилие безбожия над Верой, смерть безчисленных мучеников Христовых и царских слуг.

Повторилось страшное чудо гнева Божия и наказания, повторилось на глазах у всех для того, чтобы мы поняли, что предки наши дали за нас обет Богу на вечные времена служить верно Самодержцам Православным — на благо, на счастье нам, потомкам.

Чтобы мы поняли, что есть один — единственный путь для возврата к богоугодной, мирной жизни: покаяться в своем безумии и восстановить каждому из нас в своем сердце святую и нерушимую силу нашего общерусского родительского благословения 1613 года. К этому зовут нас Святые Угодники Русской Земли, к этому зовет нас и простой здравый смысл — на основании горького опыта революции.

Утвержденная Грамота для каждого русского человека подобна родительскому благословию, навеки нерушиму. В ней явно сказано о том, что русский человек должен хранить как святыню. Это — свою Веру, своего Царя и свое Отечество. Еще в девятнадцатом столетии Святитель Феофан Затворник предупреждал: «Коренные стихии жизни русской выражаются привычными словами: «Православие, Самодержавие, Народность (то есть — Церковь, Царь и Царство). Вот что надобно сохранять! И когда изменяются сии начала, русский народ перестает быть русским. Он потеряет тогда свое священное трехцветное знамя.

«Кругом измена, и трусость, и обман,» — записывает в своем дневнике Император Николай Второй. Как и сегодня: один к одному. Революционные мерзавцы, прикрывая свои злодеяния требованием во имя блага России, упорно настаивают на отречении Царя от Престола. Никого рядом. Кругом — одни предатели, исключая лишь единицы верноподданных. Что же произошло дальше? Каков духовный смысл дальнейших событий!

Окруженный со всех сторон изменниками и клятвопреступниками, уступая насилию, которое выразилось в незаконном и наглом требовании, Царь вынужденно подчиняется обстоятельствам и совершает безпримерный подвиг самопожертвования ради благополучия своего неблагодарного народа, которым Он с Верой и Любовью управлял двадцать два года.

Не Царь отрекся от Престола, народ отрекся от своего Святого Царя! Благодать Божия, осенявшая священную Главу Помазанника Божия и изливавшаяся на всю Россию, вернулась к Богу ... Князь Николай Жевахов пишет: «Россия лишилась Божией благодати... Свершился акт величайшего преступления, когда-либо бывшего в истории. Русские люди, возстав против Богом дарованного Помазанника, тем самым возстали против самого Бога. Гигантские размеры этого преступления только и могли привести к гигантским результатам и вызвали гибель России.

Доброта Царя есть Его долг, Его слава, Его величие, есть ореол Его Божественного помазанничества, отражение лучей небесной славы Всеблаготворца. Но «доброта» подчиненных Царю органов власти — есть уже измена, воровство и преступление.

Тот, кто осуждал Царя за Его доброту, тот не понимал существа Царской власти. Кто требовал от Царя твердости, суровости и строгости, тот перекладывал на Царя свои собственные обязанности и тем свидетельство-

вал о своей измене Царю, о непонимании своего служебного долга и о своей непригодности ни Царю, ни России.

Среди тех, кому Царь вверял охрану закона, не было почти никого, кто бы ни совершал этого преступления. Начиная от министров и кончая мелкими чиновниками, все желали быть «добрыми». Кто по трусости, кто по недомыслию, кто по стремлению к популярности, но мало кто отваживался осуществлять неумолимые требования закона, существующего не для добрых, а для злых людей. Все разпоряжались законом по собственному усмотрению, приспособляя его к своим вкусам и убеждениям, точно его собственники, а не стражи неприкосновенности закона.

Царь и Россия — неотделимы друг от друга. Нет Царя — нет и России. Не будет Царя — не будет и России, и русское государство сойдет с пути, предуказанного Богом. И это понятно, ибо то, что Бог вручает своему Помазаннику, того не может вручить толпе.

Задачи Русского Царя, выходя далеко за пределы России, обнимали собою весь мир. Русский Царь устанавливал мировое равновесие в отношениях между народами обоих полушарий. Он был защитником слабых и угнетенных, объединял своим верховным авторитетом разноплеменные народы, стоял на страже христианской цивилизации и культуры, был тем «удерживающим», на которого указывал Апостол Павел в своем втором послании к фессалоникийцам, говоря: «Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят из среды удерживающий теперь» (2 Сол. 2, 7—8).

В мае месяце этого года я был в доме Ипатьева. Этот дом снес в 1977 году Ельцин. Сейчас там стоит величественный Храм-на-Крови во имя всех Святых, в земле Российской просиявших. Есть и Нижний Храм — в честь Святых Царственных Мучеников. Там такая благодать, что я никак не мог оттуда уехать. Восемь дней ездил каждый день на службы в Храм-на-Крови, и больше мне ничего не было нужно и ничего не хотелось, только быть с моими Государями.

За день до отъезда, в воскресенье, на Троицу, была ранняя Литургия в разстрельной комнате, в Нижнем Храме. Это там, где разстреливали Царственных Мучеников и Стратотерпцев. Представляете? Стоит Престол. За ним Большой деревянный Крест. Стена завешена красной материей. Можно взойти на амвон. Царские врата очень низкие, весь Алтарь хорошо виден. Все поднимаются на амвон, глядят на разстрельную комнату-Алтарь, молятся, каются. Здесь же и причащают. Среди причастников на ранней Литургии было много детей.

Нужно многим из нас подняться выше человеческих суждений и посмотреть на все это глазами Святых Отцов, и тогда легко будет увидеть, что мистически Самодержавие существует, оно не отошло от нашей многострадальной Руси. Подтверждение тому — явление иконы Державной Божией Матери в селе Коломенском под Москвой 2 марта 1917 года. Царская власть, сохраненная Самой Царицей Небесной, будет в России несомненно возвращена!

Отец Иоанн Кронштадтский говорил: «Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях мучеников, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая — по старому образцу, крепкая своей верою во Христа Бога и во Святую Троицу!» «По старому образцу» — это значит с Самодержавием, с Царем во главе.

Все это предсказано нам. Когда это будет? Неизвестно. Как мы знаем из церковной истории, иногда бывало и так, что пророчества не исполнялись, или откладывались на какое-то время из-за покаяния людей. Имеются ввиду пророчества предостерегающие, такие, как, например, пророчество Пророка Ионы жителям Ниневии о погублении их города. Жители покаялись, наложили на себя и на животных пост, одели вретище, изменили свой образ жизни и пророчество не исполнилось. В дальнейшем же, видя, что ничего не происходит, жители снова потеряли страх Божий, впали в прежнее нечестие, и были погублены. Таким образом, исполнение пророчеств во многом зависит от нас самих, от нашего образа жизни. Очень много говорится у нас о внешнем возрождении духовном: возрождаются Храмы, монастыри, общины. Блестят и сверкают купола и Кресты. Да! Слава Богу! Внешнее возрождение налицо, тут ничего не скажешь. А вот с внутренним блеском и сиянием наших душ дела обстоят далеко не всегда хорошо, а порой просто плачевно.

Поэтому хочется всем людям пожелать, чтобы с помощью Святого Царя Николая и Его Святой Семьи: Царицы Александры, Царевича Алексия, Царевен Ольги, Татианы, Марии и Анастасии, мы преодолели все искушения, постигающие нас, и, прежде всего — это искушения компромиссами со своей совестью, ибо совесть — есть голос Божий, живущий внутри каждого человека. Не идти ни на какие компромиссы со своей совестью, — вот наш долг, наша обязанность, наша заповедь. Чего всем от всей души и желаю.

По материалам книг:

Бога бойтесь, Царя чтите. 2004.

Архиепископ Аверкий /Таушев/ «Всему свое время». Москва, 2006.

Чудеса Царственных Мучеников. Т. 2. Москва, Курган, 2001 год.

Газета «Дух Христианина» №12 (54), 15 июня 2007 года.

Акафистник. Издание Задонского Богородицкого Монастыря, 1996.

СВЯТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Трамвай на перевозе по льду Невы

**Екатерина
СКОРОБОГАЧЕВА**

РОССИЯ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА

Екатерина Александровна Скоробогачева. Кандидат искусствоведения, гл. специалист ГУК «Московская государственная картинная галерея Народного художника СССР Ильи Глазунова», и. о. директора музея Российской Академии живописи, ваяния и зодчества.

Родилась в г. Самара. Окончила Самарское художественное училище, живописно-педагогическое отделение. В 2002 г. — Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества (Москва), факультет искусствоведения, в 2006 г. защитила диссертацию в Европейской Академии информатизации (Брюссель). Преподает в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. **Живет в Москве.**

«Я служу России», — эти слова Ильи Сергеевича Глазунова точно определяют его творчество и мировоззрение, в чем можно убедиться, посетив галерею художника в центре Москвы, на Волхонке.

31 августа 2004 года в столице открылась Картинная галерея Ильи Сергеевича Глазунова, ставшая в наше время выражением не только самосознания русского народа, но и демонстрацией высокого реалистического искусства. Здесь представлено более 700 его картин с 1940-х годов до наших дней, которые художник подарил городу, а также произведения его собрания древнерусского и народного искусства с XV до начала XX века. Залы галереи никогда не бывают пусты, ибо уже более 50 лет не утихает интерес к творчеству Ильи Глазунова. Нередко вызывая полярные оценки, оно никого не оставляет равнодушным. Так было, начиная с его первой персональной выставки, которая состоялась в Москве в 1957 году и имела резонанс взрыва атомной бомбы. Картины, отражающие тревоги жизни и исполненные лиризма, принесли 26-летнему художнику мировое признание.

Уже тогда в жизнь Ильи Глазунова вошли события, неотрывно связанные с историей России, и он дал им глубокое осмысление в творчестве. История их создания — отражение жизни художника. Он родился в Санкт-Петербурге (Ленинграде) 10 июня 1930 года. С детских лет его поражала строгая, величественная красота северной столицы. Здесь он впервые прикоснулся к сокровищнице русского и мирового искусства, благодаря собраниям Эрмитажа и Русского музея, но в Ленинграде ему было суждено пережить трагедию Великой Отечественной войны и блокады, что позднее нашло отражение

Автопортрет Ильи Сергеевича Глазунова. 1999

в цикле его произведений «Ленинградская блокада». «Те дни постоянным непроходящим кошмаром стоят в моей памяти», — напишет И. С. Глазунов в своей книге-исповеди «Россия распятая» много лет спустя. На глазах одиннадцатилетнего мальчика в нетопленной квартире под равнодушно-отстраненные звуки метронома уходили из жизни близкие, от голода погибли родители Сергей Федорович Глазунов и Ольга Константиновна Глазунова (в девичестве Флуг).

Илья Глазунов был спасен. По «Дороге Жизни», льду Ладожского озера, его вывезли в деревню Гребло под Новгородом. После снятия блокады, в 1944 году, он вернулся в Ленинград, но уже не нашел многих близких, да и сам город, искалеченный войной, сложно было узнать. Боль войны выковывала личность художника-борца. Уже тогда он вступил на путь служения искусству, понимая свою жизнь как миссию художника и гражданина.

Глядя на его произведения конца 1940-х годов трудно поверить, что они выполнены учеником художественной школы: например, портрет «Старик с топором», многими оцененный как образец русской школы живописи конца XIX века. В 1951 году Илья Глазунов становится студентом института имени Репина, бывшей Императорской Академии художеств. Его студенческие работы свидетельствуют о высоком профессионализме автора: о виртуозном построении композиции, уверенном рисунке, тонких цветовых сочетаниях, знании техники классической живописи. Художник поднимался по лестнице мастерства, поражая сверстников своей целеустремленностью и трудолюбием. Пренебрегая требованиями соцреализма, он расширял учебную программу. Образцом для него являлись произведения В. Васнецова, В. Сурикова, М. Нестерова, И. Левитана, что подтвердила первая персональная выставка Ильи Глазунова.

Тогда, в 1957 году, имя молодого художника приобрело европейскую известность, но вместе с тем, на него обрушились гонения: студента едва не исключили из института, по распределению Илья Глазунов был направлен

сначала в Ижевск, затем в Иваново. Он решил уехать в столицу, скитался, работал грузчиком, но создавал все новые и новые картины.

Ныне многие из произведений, показанных на выставке 1957 года и созданных в период конца 1950 — начала 1960-х годов, представлены в галерее на Волхонке, экспозиция которой позволяет судить о всей многогранности личности и деятельности Ильи Сергеевича Глазунова — всемирно известного художника, основателя и ректора Российской Академии живописи, ваяния и зодчества, ныне получившей название Российской Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, действительного члена Академии Художеств РФ, почетного члена испанских Королевских Академий изящных искусств Мадрида и Барселоны. Он — выдающийся живописец и график, художник интерьеров, автор театральных декораций, писатель и публицист, общественный деятель, историк, ученый, педагог. В какой бы области не работал Илья Глазунов, он продолжает традиции высокого духовного реализма, являясь и классиком, и новатором.

В галерее представлены четыре основные цикла его произведений: «Образы России», «Портреты», «Иллюстрации к русской классической литературе», «Город», в которых Илья Сергеевич отвечает на важнейшие для художника вопросы: «что?» и «как?». Поражает широчайший диапазон творчества: он работает в жанрах многофигурной исторической картины, портрета, пейзажа, иллюстрации, натюрморта. Для Ильи Глазунова, художника и историка, отличающегося поистине энциклопедическими знаниями, по-своему важна каждая эпоха, о чем свидетельствуют картины, а также его книга, столь известная сегодня, «Россия распятая».

Уникальными по сложности замысла являются монументальные композиции: «Вечная Россия» (1988 г.), «Мистерия XX века (1977, 1999 гг.)», «Великий эксперимент» (1990 г.), «Разгром храма в Пасхальную ночь» (1999 г.), «Рынок нашей демократии» (1999 г.), «Раскулачивание» — полотно, над которым художник работает в настоящее время.

Одно из центральных мест в его творчестве, а также в экспозиции галереи, занимает знаменитая картина «Вечная Россия» или «Сто веков». Набатным колоколом звучит она, пробуждая историческую память русского народа. Именно «Вечная Россия» многим помогла иначе взглянуть на историю нашей страны и современность. В сложнейшей композиции И. С. Глазунов раскрывает историю многовековой державы с древнейших прото-славянских времен до событий 1980-х годов.

В левом верхнем углу картины предстает известная еще в IV тысячелетии до Р. Х. священная гора Хараити, которая служит напоминанием о древнейших корнях русского народа, уходящих в седую древность. Образ Руси языческой — статуя бога-громовержца Перуна. Но на смену язычеству приходит христианская вера. О принятии Русью христианства, близкого духу народа и верованиям его древних предков, свидетельствуют образы Андрея Первозванного, прошедшего с проповедью святой веры наши земли в I веке по Р. Х., равноапостольной княгини Ольги, многочисленных подвижников.

Свершается грандиозный крестный ход Руси, начинаясь у стен Московского Кремля, приближается к нам, словно каждый становится его участником. Его торжество воплощают и изысканные сочетания светлых насыщенных цветов, и размеренно-певучий линейный ритм. В рядах процессии

Вечная Россия. И. С. Глазунов

предстают великие подвижники, цари и императоры, полководцы и политические деятели, ученые, писатели, поэты, художники, композиторы России. Бесконечны их ряды, как бесконечно можно перечислять имена великих сынов нашего Отечества, деяния которых во славу Руси остаются в веках, жизнь которых явилась подвигом.

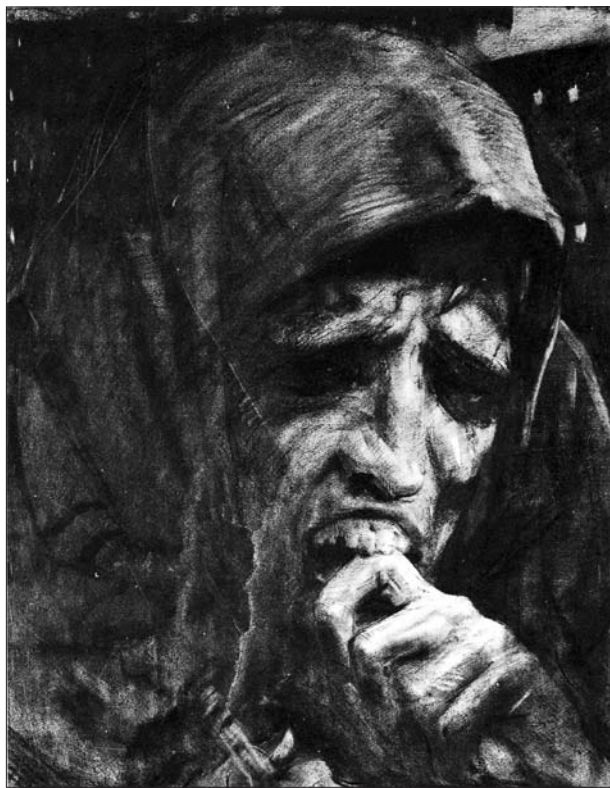
В первом ряду крестного хода предстает князь Владимир Великий, крестивший Русь в 988 году, заложивший основы нашего самосознания, недаром в народе его называли «Владимир Красно Солнышко». Значимой эпохой в истории Руси следует назвать деяния святого Сергия Радонежского, «радателя и печальника о русской земле», как пишет о нем летопись. От истории нашей державы неотделимы имена страстотерпцев князей Бориса и Глеба, святых Иосифа Волоцкого, патриарха Гермогена, Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского. Православные храмы Древней Руси, святые иконы, столь поэтично названные князем Е. Н. Трубецким «умозрением в красках», дополняют образы картины, свидетельствуют о крепости веры, сохраняющейся в народе, о его неиссякающей духовной силе. Через портреты участников крестного хода отображена история Отечества. Перед зрителями предстает образ Екатерины II, «немки с русской душой», столь много сделавшей для просвещения России, глядя на портреты А. С. Грибоедова, П. И. Чайковского, И. А. Бунина, вспоминаем их непревзойденные создания. О расцвете национальной живописи напоминает зрителям образ В. М. Васнецова, называвшего свое искусство «лампадой, зажженной перед ликом Божиим». Научная мысль России достигла вершин благодаря трудам М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева, философская — в работах А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, И. А. Ильина, образы которых также показаны в композиции.

Илья Сергеевич рассуждает в картине и о противоречивой роли интеллигенции в политической и культурной жизни России на рубеже XIX—XX веков. Ярким примером тому служит личность С. П. Дягилева, одного из

ведущих деятелей объединения «Мир искусства», который, как истинный представитель серебряного века, говорил о поиске красоты в добре и зле. Раскрывая многовековую путь великой державы, Илья Глазунов и через художественную манеру отражает опыт веков: в реалистической трактовке образов звучат отголоски древнерусской иконописи.

Создавая образы ушедших столетий, художник помогает понять нам Россию сегодня. Современно звучат слова пламенного послания патриарха Гермогена: «Посмотрите, как Отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных!». Россия всегда возрождалась из пепла, подобно птице Феникс. Такова основная идея картины, которую подтверждают и ее отдельные образы, в том числе портреты великих классиков русской литературы, показанные на переднем плане: А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя. Достоевский, как никто другой, выразил всю глубину трагедии России и неизбежную способность ее к обновлению. Рядом с ним показаны образы детей: по православной традиции они предшествуют крестному ходу. С мольбой и вопросом устремлены на нас широко распахнутые глаза маленькой крестьянской девочки, а рядом предстает царевич Алексей, убиенный сын последнего русского императора.

В композиции «Вечной России» Илья Глазунов обращается к величайшим испытаниям татаро-монгольского ига. Художник напоминает о поражении русских в битве на Калке в 1224 году: хан пирует на бревнах, которыми раздавлены русский князь и его сын, поругана и выставлена на посмеяние молодая княжна, связана пожилая княгиня, в огне гибнут грады и храмы. Каждое столетие несло свои испытания. Художник отражает в единой композиции и смутное время, и разгул пугачевского бунта. Плененный Пугачев предстает в клетке, подобный лютому зверю. Противоречия эпохи XIX века блестяще выражены в портрете Л. Н. Толстого. Бесспорно, являясь классиком отечественной литературы, в то же время Толстой, в 1901 году отлученный от православной церкви — автор губительной теории непротivления злу силой. За его фигурой показан хаос XX века. Бесчисленны невинные жертвы, ты-

*Голод. И. С. Глазунов. Из серии
Ленинградская блокада 1941–1944. 1956*

сячи заключенных изображены за колючей проволокой концлагеря, и среди них — мулла, раввин, православный священник. Безграничной болью художника наполнены созданные им образы. Уничтожены православные храмы. Но что заменяет их? Как разительно отличаются величественные памятники прошлого от примитивных однообразных построек XX столетия. Зловеще отражение храма Христа Спасителя в кровавом озере, над которым возвышаются башня Татлина и здание гостиницы «Россия» — поправа историческая память, забыта вера. Нельзя не вспомнить, что И. С. Глазунов первым призывал к необходимости воссоздания храма, стоял у истоков основания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1965 году.

Господин Великий Новгород. И. С. Глазунов. 1965

И все же, главное место в картине занимает крестный ход, а венчает композицию православный восьмиконечный крест, восходящий к русским меднолитым крестам XVII века. Его титулы, соответствующие древнейшей христианской традиции, гласят «Иисус Христос Сын Божий». Склоненная голова Спасителя обращена к людям, его раскинутые руки словно обнимают святую русскую землю, наш народ. Свою веру Илья Глазунов передает зрителям, воплощает в зримых вневременных образах. За Распятием Христа следовало Воскресение, также возможно воскресение России.

Эту идею художник раскрывает не только в данной композиции, но во всем творчестве. Картины Ильи Сергеевича Глазунова, при всем многообразии звучания и глубине трактовок, прежде всего, утверждают веру в Возрождение Отечества. Об этом свидетельствуют произведения, посвященные Древней Руси, изысканно строгие, величественные образы XIX века — времени расцвета русской классической культуры, полотна и графические композиции, отражающие контрасты и противоречия XX столетия и современности. Многие из них представлены в галерее художника.

Ленинградская весна. И. С. Глазунов. 1955

жизнь, привычная, знакомая каждому, но в обыденности раскрыта суть современности, философски осмыслена эпоха. И. С. Глазунов исключительно остро передает образы каждого исторического периода, наполняя их музыкой времени. Они тревожны и дисгармоничны в XX веке. Суть столетия отражают бледное лицо девушки, словно всматривающейся в себя на фоне безрадостных ночных громад, выброшенная за ворота кукла, шаржированные маски-лица, зловещие в своей духовной пустоте. Человек обречен идти по улицам города через трагедии и парадоксы XX столетия, где черное и белое порой меняются местами, где попораны история и вера, но в культ возведено бездушие. Художник словно раскрывает борьбу ищущего свой путь человека и города, не давая однозначного ответа об ее итоге. И, несомненно, что произведения Ильи Глазунова, посвященные прошлому веку, не менее актуальны сегодня.

Свои исторические, философские рассуждения, обращенные к эпохе XX столетия и настоящему времени, Илья Сергеевич продолжает в цик-

Контрастен цикл «Город», подобен летописи, раскрывающей тревоги и радости человека, живущего в городе XX столетия. Работа над циклом началась в середине 1950-х годов в Ленинграде, была продолжена в Москве. В книге «Россия распятая» Илья Сергеевич пишет о послевоенном времени: «Фоном моей жизни был мир Петербурга, воспетый Достоевским, где жили униженные и оскорбленные души его героев». Первые произведения цикла: «Метель на Петроградской», «Вечерний Ленинград», «На скамейке» созданы им в студенческие годы. Через настроение пейзажа отражены переживания человека, его частная жизнь, его внутренний мир.

Язык художника то поэтичен и утончен, то напряжен и сумрачен, но всегда самобытен. Трепетно переданы ранимость и незащищенность людей в душащих их оковах городских стен. Отражена

ле «Портреты», находит острые психологические характеристики. Истинными портретистами возможно назвать немногих художников, хотя в истории мирового искусства большинство из них обращались к этому жанру. В портрете необходимо выразить суть человека через внешние черты — исключительно сложная задача, которую, бесспорно, решает И. С. Глазунов. Жанр портрета является одним из ведущих на протяжении всего его творчества, а о значимости произведений свидетельствуют объективные отзывы зрителей: «Это сама жизнь», «Поразительно портретное сходство», «Вы создали образ России в портретах».

Плес. Церковь. И. С. Глазунов. 1955

Классическая школа мастерства, пройденная художником в ученические и студенческие годы, явилась прочным фундаментом его произведений, отличающихся точным рисунком, тонкостью детализировки, глубиной раскрытия образа. Еще будучи учеником художественной школы, а затем института имени И. Е. Репина, он создает профессиональные, очень острые по психологическим характеристикам живописные и графические портреты. Слава портретиста приходит к молодому автору уже в 1956 году, когда он создает образы Моник Шометт, пианистки Марины Дранишниковой, поэтессы Ксении Некрасовой и многие другие.

Уникален дар Ильи Глазунова: выражение эпохи в портретном жанре. В галерее представлены исторические портреты, посвященные эпохам Древней Руси, имперской России. Его образы к произведениям классической русской литературы — также собирательные портреты, воплощающие идеи писателей. В портретах современников художник, с присущей ему многогранностью, дает заключения о наших днях.

Сколько разные люди позируют ему. Для Глазунова-портретиста каждый интересен своей неповторимой индивидуальностью. Перед зрителем в галерее художника предстают портреты сибирского старожилы и утонченной дамы, сурового монаха и девочки, безвестного крестьянина и Ю. А. Гагарина, В. В. Шульгина, человека-легенды, принимавшего отречение императора Николая II, и министра внутренних дел СССР Н. А. Щелокова, С. В. Михалкова, и И. С. Козловского, Антониони и Джинны Лоллобриджиды, а также многих других.

И. С. Глазунова справедливо называют в прессе: «художник королей и король художников». Ему позировали короли Швеции, Вьетнама, Лаоса, Испании, многие великие личности XX века: премьер-министр Индии Индира Ганди, президент Италии Пертини, кубинский лидер Кастро, президент Чили Альенде, патриарх Алексий I, папа римский Иоанн Павел II. Нельзя не согласиться с высказыванием Фредерика Майора об Илье Глазунове: «Его сила, разнообразие при отображении действительности и эмо-

Храни Бог Россию. И. С. Глазунов. 1999

циональность воплощены в его картинах, которые делают из этого великого художника символ современного искусства».

В экспозиции галереи одно из значимых мест занимают образы Ильи Сергеевича, обращенные к произведениям русской классической литературы: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Блока, П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова, А. И. Куприна. Среди них центральными являются иллюстрации к произведениям Ф. М. Достоевского — «писателя-пророка», мировоззрение которого особенно близко И. С. Глазунову. Художник ставит перед собой сложнейшие задачи, изображает «философские мыслеобразы», находит убедительные портретные характеристики героев, а фоном для них нередко является Петербург. Таковы иллюстрации к произведениям «Белые ночи», «Неточка Незванова», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот». И. С. Глазунов оценивает Ф. М. Достоевского как «самого оптимистичного писателя», поясняя свои слова: «Достоевский из бездн падения выводит героев к свету, показывает, что возрождение человека возможно всегда».

В иллюстрациях Илья Глазунов раскрывает философию писателя, в том числе обращается к идее всемирной отзывчивости, которая является одной из основных в мировоззрении Ф. М. Достоевского. Развитие этой идеи писатель и художник прослеживают в характеристике различных, во многом контрастных, персонажей, то есть выявляют прежде всего божескую, а

не демоническую сторону людей. В понимании Достоевского человек — это всегда образ и подобие Божие, как бы ни было сложно увидеть это подобие. Способность человека к отзывчивости позволяет оценить его близость к духовным идеалам, к тому духовному свету, к которому так мучительно стремятся его многие герои.

О значимости идеи всемирной отзывчивости в национальном самосознании позволяют судить заключения Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя», словно продолженные в искусстве И. С. Глазунова. В частности в разделе «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» Достоевский пишет: «...Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. А ведь не все же и в народе — мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают!»

О таких святых с наивысшей силой пишет Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Образы Алеши Карамазова и старца Зосимы — свидетельства неискаженной Христовой веры, уникальные, редчайшие характеры и в произведениях Ф. М. Достоевского и в реальном обществе современного писателю XIX в. Напряжение их поиска христианских истин раскрывает Ф. М. Достоевский. Зримое выражение его идей находит в своих образах И. С. Глазунов, давая им и более обобщенное философское осмысление.

«Идея всемирной отзывчивости» для нас связано присутствует во многих центральных памятниках религиозно-философской мысли Руси и России. Возможно обратиться к заключениям митрополита Иллариона XI в., св. Сергия Радонежского XIV столетия, протопопа Аввакума XVII в. и многих других религиозных мыслителей Древней Руси, а также к трудам русских религиозных философов конца XIX-начала XX вв.: И. А. Ильина, Е. Н. Трубецкого. Не противореча их выводам, Ф. М. Достоевский писал: «Не ослаблением, не затушевыванием заповедей Божьих облегчается нравственное спасение человека, а наоборот, выявлением высоты Божьего совершенства в мире».

Образы Святой Руси занимают одно из важнейших мест в творчестве И. С. Глазунова не только в цикле иллюстраций к произведениям Ф. М. Достоевского, но и во многих других широко известных картинах: «Господин Великий Новгород», «Русская земля», «Кирилло-Белозерский монастырь», «Юность Андрея Рублева», «Сергий Радонежский и Андрей Рублев», «Канун», «Храни Бог Россию!», в которых провозглашена идея сохранения в веках православной веры, исторической памяти народа, возрождения Святой Руси, и картины художника, обращенные к конкретным личностям, событиям, эпохам, приобретают вневременное звучание.

Закономерно, что Илья Сергеевич Глазунов признан самым выдающимся художником XX века, что его нередко называют «Достоевским в живописи», поскольку в своем творчестве он дает точную, емкую историко-философскую оценку пути России, выражает русское национальное самосознание, отражающее борьбу добра и зла с древнейших времен до современности.

ПОЭЗИЯ

Маргарита ЯРКОВА

«СОГРЕЙ, РОССИЯ, БЕРЕЖНО И ТИХО...»

Маргарита Фёдоровна Решетникова (Маргарита Ярко́ва) — родилась в Кирове. Закончила Вятский гос. университет. По специальности — журналист. Член Союза писателей России, член Союза журналистов Санкт-Петербурга. Имеет две медали за труд. Награждена рядом Дипломов и Почетных грамот: Международной Славянской академии, Почетной грамотой Союза писателей России «за достижения в русской культуре» и т.д. Автор десяти сборников поэзии и серии книг «О, слово русское, родное» (более тридцати портретов петербургских деятелей литературы, культуры и искусства). **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Вселенная по-прежнему живет
Верна законам —

вечным, мудрым, чинным.
Цветок алеет, соловей поет,
И мальчик превращается в мужчину

И нет ей дела до моих забот,
До болей, до страданий и метаний...
Вот год проходит.

Но земной мой год —
Мгновенье в необъятном мироздании.

А я в неясных грезах до утра
Свою мечту спешу найти, как прежде,
Хотя смириться с тем,
что есть, — пора,
Прося у Бога веры и надежды

На небесценность жизненной тропы,
Крутой и торной, через свет и тени,
Где столько спотыкались мы, слепы,
О горький опыт прошлых поколений.

* * *

Николаю Рубцову

У поэта — ценности свои,
Что квартира, деньги и кастрюли!
Только бы звенели соловьи,
Только бы глаза не обманули!

Только бы, вдыхая аромат
Ландыша над тихою рекою,
Лесу прошептать:

— Ну, здравствуй, брат!
Облаку вослед махнуть рукою.

Чем живет поэт, порой гадаем.
Дух его разъять на части можно ль?
А разгадка — за порогом тайны,
Где сокрыт источник искры Божьей.

ЕСЕНИН

На чужбине, в заграничном баре
Звуки слов и музыки стихали:
Выходил простой рязанский парень
С непростыми русскими стихами.

— Русь моя! —
он вслух мечтал красиво.
Думал — для души тут нет приюта:
Техника заморская — не диво
И столы обильные — не чудо.
Здешние о том, видать, не знали...
И, тряхнув златой главой кудряво,

Он читал стихи в роскошной зале
О березах, соловьях и травах.

Сквозь черневших смокингами строго
В даль свою глядел светло и просто,
Где ему мерещилась дорога
И лицо старушки у погоста.

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Сергей Есенин

Что в имени ему таком?
Ведь «Шаганэ» — нерусское звучанье.
Но так похоже на ручья журчанье,
На голос камыша под ветерком.

Но слышит вдруг —
не странное ли дело?
Далекий голос Анны:
— Приезжай!..

А кожа цвета персика нежна,
От знойных губ смуглянки сердце тает,
И сумрачных очей ночная тайна
Уводит в сказку и лишает сна.

Колокола звонят, и нет конца
Звучанью их:
Москва справляет святки.
И в мыслях — Анна.

В той чайхане густой и крепкий чай,
Из-под чадры разлет бровей несмелый.

Шаль ее, перчатки
И нежный свет открытого лица.

НА УЛИЦЕ РУБЦОВА В ВОЛОГДЕ

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Николай Рубцов

Пройду я улицей Рубцова
И заведу с прохожей речь.
Она поведает мне: «Словом
Владел. Себя не смог сберечь...»

А на горе, на выси самой,
Над улицей и над рекой,
Софийский храм легендой славы
Вознесся, праздничный такой.

В быль городка вхожу, как в сказку.
Светла дорога и душа.
И улица в спокойных красках
Провинциально хороша.

Россия, Русь, когда, ответь мне,
Мы жить научимся, как дети,
И любящих тебя хранить,
Чтобы поэтов наших снова
Не приходилось хоронить
Трагично рано, как Рубцова.

Она как будто мне знакома:
Дома, заборов низкий ряд...
Бег Вологды-реки окован
Крещенской стужей января.

* * *

Олегу Погудину, певцу

Нам говорят, что русский миф
развеян.
Нам говорят, что силы —
на исходе.
Выходит мальчик
с голосом Орфея,
Поет о силе духа,
о свободе...
Ямщик, ямщик,
ты снова гонишь лихо
Своих коней
дорогой лунной, снежной...

Согрей, Россия,
бережно и тихо
Соловушку
в своих ладонях нежных.
Ты крылья
помоги ему расправить,
Взметнуться в небо,
где простор и солнце.
И русский дух он воспоет,
восславит,
Над бренностью
смирненно вознесется...

* * *

Нас зовут на Канары,
приглашают в Майами
И прельщают
величием пирамид.
Но в саду расцветают
тюльпаны, как пламя,
И черемухи пена,
взлетая, кипит.
Но поют соловьи
и кукует кукушка.
Север мой —
он как нежная акварель.

Ночью белой не спит,
только дремлет опушка,
Не дает ей заснуть
соловиная трель.
Ах, как жарко в Тунисе
и каклюдно в Париже!
Непривычна для уха
чужеземная речь...
В доме тихо. Лишь дождик
крадется по крыше.
И мурлычет котенок.
И топится печь.

ПРАЗДНИК

Плакать ли мне, смеяться
Иль постоять — помолчать?
Было бы здесь восемнадцать,
И молода была мать.

Ах, как теплы половицы!
Шумно кипит самовар.
Рядом родни моей лица —
Праздник их вместе собрал.

Музыка, смех, разговоры.
Дом пирогами пропах.
И ослепительны шторы,
Белые, в красных цветах.

Память волнуют детали
Жизни в счастливом былом,
В том неизбывном начале —
Под материнским крылом.

* * *

Тоненький ледок в лужах.
Ветерок озябший кружит,
Словно бы раздуть замыслил
Гаснущий костер из листьев.

Как теплом былой встречи,
Я платком укрою плечи
И в сырой костер листьев
Брошу жар твоих писем.

КОНЬКОБЕЖКА

В парке на патине льда
Конькобежка узоры рисует.
Кружит и кружит в восторге,
Движеньем увлечена.
Спеша по делам насущным,
Картину в себе унесу я:
Той девочки танец озерный
И яркая в небе луна.

* * *

Несется мгновеньям навстречу
Мой поезд — ах, только держись!
Маршрут называется — Жизнь.
Конечная станция — Вечность.

СВЯТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Горячий сбитень на святках

Иван ЕВСЕЕНКО
СКРИПКА
СТРАДИВАРИ

*Рассказ
из цикла «Трагедии
нашего времени»*

Иван Иванович Евсеенко — родился в 1943 году в с. Займище Щорского района, Черниговской обл. Работал учителем в сельских школах, сотрудником районной газеты, служил в армии, учился в Курском педагогическом институте. В 1973 году окончил Литературный институт им. Горького (семинар С. Залыгина). Автор почти двадцати книг прозы. Лауреат ряда литературных премий, в т.ч. им. А. Бунина и А. Платонова. Долгое время возглавлял журнал «Подъем». Член СП России. **Живет в Воронеже.**

В одной из музыкальных школ нашего города была старенькая, почти что уже и не пригодная к игре скрипка. Она висела в кладовке у завхоза на гвоздике рядом с такими же обветшавшими, а то и вовсе сломанными инструментами, струнными и духовыми: балалайками, домрами, валторнами и тромбонами.

Иногда, правда, эту скрипку с потускневшим лаком, расшатанными колками и несколькими щербинками на деке выдавали только что поступившим в школу ученикам подготовительного скрипичного класса. Родители, не зная еще, будет их шестилетний ребенок учиться в музыкальной школе или после первых же трудных занятий бросит ее, покупать новенькую дорогостоящую скрипку не торопились. И часто оказывались правы. Поиграв полгода (самое большое — год), маленькие музыканты остывали к занятиям и наотрез, со слезами и криками отказывались ходить в школу.

Но бывали и другие случаи. Когда, наоборот, по истечении года в ученике подготовительного класса обнаруживался истинный талант скрипача, и тут уж родители немедленно покупали ему новенькую искусной работы скрипку, уложенную в кожаный с двумя тугими защелками футляр. Старенькую, же скрипку завхоз опять вешал в кладовке на гвоздик.

Как она попала в школу, теперь уже никто и не знал. Сама школа была тоже очень старой, первой музыкальной школой в городе. Ее открыли еще в начале прошлого века, более ста лет тому назад. Скорее всего, кто-то из тогдашних преподавателей или меценатов, больших любителей музыкального искусства, за счет которых школа была построена,

и преподнес хранившуюся у него дома скрипку в дар новому небывалому в городе учебному заведению. Тогда еще подобные люди встречались.

За сто лет существования музыкальной школы ее окончили многие ставшие в будущем выдающимися музыкантами ученики. Были среди них и композиторы, и пианисты, и певцы, но самым знаменитым по праву считался скрипач-виртуоз, который когда-то тоже учился своему искусству на старенькой неведомо как попавшей в школу скрипке.

Часто приезжая в наш город, он непременно заходил в музыкальную школу, давал там концерты, проводил мастер-классы с учениками, рассказывал о заграничных гастролях в Париже, Вене или Риме. Иногда он вспоминал о первой своей скрипке, заглядывал в кладовку к завхозу и, увидев ее, висящую на гвоздике, брал в руки и даже пробовал сыграть какую-нибудь мелодию. Но ни разу не довел ее до конца, с улыбкой возвращал скрипку назад и после долго удивлялся, как он мог выучиться виртуозной игре на таком ветхом дребезжащем инструменте.

Бывали в старой музыкальной школе и многие иные известные музыканты, приезжавшие по просьбе скрипача-виртуоза на гастроли в областной театр оперы и балета. Скрипач показывал им первую свою скрипку, и они тоже все удивлялись, как можно на ней чему-нибудь выучиться.

Несколько раз посещал школу сам Ростропович. Скрипка попалась и ему в руки. Он потрогал на ней струны, прикоснулся к ним смычком — и остался инструментом еще более недоволен, чем другие именитые музыканты. Может быть, потому, что все-таки был виолончелистом, а не скрипачом.

В общем, все дело шло к тому, что завхоз с ведома директора собирался старую скрипку списать да и выбросить за ненадобностью — сколько ей можно висеть на гвоздике, пылиться и зря занимать место.

Но вот нынешней осенью одна молодая мама привела в школу своего шестилетнего сына, мальчика Ваню. Когда-то мама сама училась в этой музыкальной школе, правда, по классу пианино. Настоящим музыкантом она, к сожалению, не стала. И вовсе не потому, что была неталантлива или не старательная, а потому, что ко времени, когда она окончила консерваторию в городе Саратове, музыка перестала быть в почете. Устроиться на работу мама могла лишь в какую-нибудь второразрядную музыкальную школу (да и то с большим трудом), где и учеников мало и зарплаты совсем мизерные, грошовые — семью на них не прокормишь. Посоветовавшись с мужем, начинающим предпринимателем, мама окончила краткосрочные курсы бухгалтера и теперь работала в банке. Отдавать Ваню в музыкальную школу они с мужем не были намерены. Чтоб стать музыкантом, надо учиться без малого двадцать лет, а в результате ни работы, ни денег — одна только слава, что музыкант, скрипач или пианист. Уж лучше с малых лет готовить его в юристы, экономисты или хотя бы в компьютерщики.

Но Ваня, однажды увидев по телевизору, как играет на скрипке не то Спиваков, не то Третьяков, не то знаменитый скрипач из их города, загорелся этой игрой и твердо объявил родителям, что хочет и обязательно выучится играть на скрипке так, как играет по телевизору вон тот скрипач — и даже лучше.

Мать с отцом пробовали его отговаривать от этой ненужной затеи. Но Ваня стоял на своем, часами слушал по телевизору скрипачей, с начальных

нот узнавал знакомые мелодии, несколько раз даже плакал, упрашивая родителей отдать его в музыкальную школу.

И родители уступили. В преддверии первого сентября мама повела Ваню в школу, которая находилась совсем рядом с их домом, всего через дорогу. Втайне, правда, она надеялась, что преподаватель по классу скрипки, посмотрев на Ваню, в ученики его не возьмет — слишком тот еще маленький, неокрепший здоровьем. Да может, и музыкального точного слуха у него нет. Маме в вечной домашней суете, в ответственной банковской работе все некогда было проверить у Вани слух, музыкальные способности. К тому же и пианино, к которому она давно не прикасалась, было расстроеным.

Но получилось все вовсе не так, как мама рассчитывала. Преподаватель (он играл в оркестре театра оперы и балета) вначале посмотрел на Ванины руки, на ладони и пальцы, зачем-то даже потрогал за запястья, потом проверил его музыкальный слух, беря на пианино одну ноту за другой — и Ваня все их до единой повторил своим тоненьким чистым голосом.

После строгих этих испытаний преподаватель сказал, что Ваню в ученики к себе зачисляет, что у того есть все наклонности (и главное — желание) к игре на скрипке. Маме ничего не оставалось, как согласиться с мнением опытного педагога.

Так Ваня и стал учеником подготовительного класса музыкальной, известной далеко за пределами нашего города школы.

В первый же день занятий завхоз, сняв с гвоздика, выдал ему старенькую, считай, что уже и списанную скрипку. Преподаватель объяснил Ване, как надо держать ее, упирая в плечо и шею, как владеть смычком, как нажимать пальчиками на струны, чтоб получались те или иные ноты. Ваня, к радости преподавателя и великому огорчению мамы, все схватывал на лету. Скрипка легла ему на плечо и шею, будто влитая, пальчики, совсем тоненькие и хрупкие, сами по себе ловко нажимали на струны в необходимом мажете, смычок (едва ли не рост Вани) не дрожал и не заваливался на сторону, а скользил ровненько и плавно и стал как бы продолжением Ваниной руки, как того и требовал преподаватель-наставник. Мама, глядя на прилежание Вани, лишь глубоко вздохнула...

Скрипка Ване очень понравилась. Не доверяя маме, он сам донес ее до дома, сам положил в детской комнате на полочку, освободив ее от всех, прежде так любимых им игрушек: заводных машин, детского лото с рисунками и буквами, самолетов и кораблей-парусников, сам накрыл скрипку чистой холстинкой, которую ему выдала мама.

Ежедневно, едва вернувшись из детского сада, Ваня брал в руки скрипку и занимался на ней до позднего вечера, а когда ложился спать, то клал рядом с собой, словно боялся, что ночью скрипка куда-нибудь исчезнет или кто-нибудь у него ее отберет.

Через месяц или полтора Ваня уже уверенно брал на скрипке все ноты и многие аккорды и даже выучился играть пьесу «Петушок», чему мама изумилась, а папа, ничего не понимавший в музыке, озадаченно пожал плечами, и после говорил маме на кухне: «Надо же!»

По своей природе Ваня был мальчиком ко всему очень любознательным и упорным. Любую вновь купленную ему игрушку он внимательно и при-

дирчиво рассматривал со всех сторон, спрашивал у мамы или папы, как она устроена, как складывается и раскладывается, что прячется у нее внутри?

Скрипку он тоже стал изучать и обследовать с недетским каким-то любопытством, словно собирался разобрать ее по частям, чтоб после самостоятельно, без чьей-либо помощи собрать заново. Участочек за участочком Ваня обследовал гриф, хитроумные колки с резьбой и плоскими похожими на перламутровые пуговицы кончиками, за которые так удобно держаться и подтягивать струны. Потом точно так же обследовал он смычок, сказав маме, что тот похож на птицу журавля. Мама удивилась этому сравнению Вани, подержала несколько мгновений смычок в руке и снова глубоко вздохнула:

— Наверное, похож!

Ваня спрятал смычок на полочку и, подождав, пока мама уйдет в большую комнату смотреть телевизор, принялся обследовать корпус скрипки. Он потрогал пальчиком все его изгибы и повороты, резную подставочку, через которую, словно через воротца, были перекинута струны, провел ладошкой вначале по нижней, тыльной, деке, а потом и по верхней, лицевой, (обе они показалась ему теплыми и даже чуть-чуть горячими) и наконец заглянул сквозь небольшое отверстие внутрь скрипки, самое тайное и секретное место, где, наверное, и скрываются все ее звуки и мелодии, пока смычок не выманит их наружу. Внутри скрипки было темно и совсем ничего не видно. Ваня очень огорчился этому, несколько раз подносил скрипку к окошку — и все равно ничего не увидел. Тогда он достал из шкафчика фонарик, который недавно подарил ему папа, и стал светить им в отверстие-дырочку, стараясь разглядеть при ярком электрическом свете, что там прячется. И вдруг на донышке у дальней изогнутой стенки он заметил тусклые, но хорошо различимые буквы. Наши, русские, буквы Ваня уже знал, умел складывать их по слогам и даже читать отдельные слова и предложения. Но эти буквы были какие-то чужие, Ване незнакомые.

— Мама! — позвал он из большой комнаты к себе на помощь маму. — Здесь буквы!

— Какие еще буквы?! — недовольно оторвалась от телевизора, но все же подошла к нему мама.

— А вон там, внутри, — посветил Ваня фонариком.

Мама низко наклонилась к скрипке, долго вглядывалась в дырочку, но ничего не увидела и даже поругала Ваню:

— Вечно ты выдумываешь!

— Нет, не выдумываю, — еще сильнее посветил фонариком Ваня. — Там, далеко...

Мама заглянула в дырочку-отверстие «далеко» и наконец буквы заметила.

— Стра-ди-ва-ри, — почему-то по слогам, совсем как Ваня, прочитала она.

Целую минуту, наверное, после этого мама молчала, словно не поверила прочитанному, а потом громко и, как показалось Ване, испуганно крикнула папе, который тоже смотрел телевизор:

— Ты посмотри, что он здесь обнаружил!

— Что?! — сердито откликнулся папа. (По телевизору показывали его любимую спортивную передачу, и он не любил когда кто-нибудь мешал ему).

— Это инструмент самого Страдивари! — указала на скрипку мама, когда папа зашел в детскую комнату.

— А кто такой Страдивари? — переспросил ее папа.

— О, Господи! — с обидой воскликнула мама и стала объяснять: — Антонио Страдивари — это великий скрипичный мастер. Он жил в Италии в семнадцатом-восемнадцатом веках. Скрипки работы Страдивари сейчас стоят большие миллионы.

— Да?! — изумился папа.

— Вот тебе и да! — почему-то передразнила его мама.

Отстраняя Ваню, она сама посветила в дырочку-отверстие фонариком и еще раз по слогам прочитала:

— Стра-ди-ва-ри!

Папа тоже посветил фонариком, увидел буквы и сказал:

— Надо же!

— И что будем делать? — разволновалась мама

— Надо подумать, — ответил папа. — Пошли на кухню.

Захватив скрипку и фонарик, они пошли на кухню, полушепотом там о чем-то разговаривали и даже спорили, а когда вернулись назад к Ване, который все это время тихонько сидел на скамеечке, мама строго сказала: — Тут и думать нечего! Надо звонить педагогу!

Не дожидаясь разрешения папы, мама взяла мобильный телефон и быстро-быстро набрала номер.

— Игорь Ростиславович! — волнуясь, произнесла она. — У нас есть подозрение, что скрипка, которую вы выдали Ване, работы самого Страдивари.

Что ответил маме Игорь Ростиславович, не было слышно ни Ване, ни папе, но мама не стала ничего скрывать, а, отключив телефон, передала его слова:

— Завтра к девяти часам в школу. Я отпрошусь с работы. Случай необыкновенный.

Скрипку мама прикрыла на полочке холстинкой, ласково погладила Ваню по голове и приказала:

— Больше ее не трогай!

Ваня пообещал, но поздно вечером, когда родители выключили везде в квартире свет, он маму все же послушался, снял скрипку с полки, положил рядом с собой в кроватке и только после этого уснул. А раньше Ваня лежал с открытыми глазами и смотрел в темное окошко на небо, где было видно много-много маленьких звездочек и одна большая и очень яркая....

* * *

На следующее утро Ваня с мамой ровно в девять часов были в школе. Скрипку мама несла сама, завернув ее не только в холстинку, но еще и толстую мягкую накидку. По дороге мама внимательно следила, чтоб никто из прохожих случайно не толкнул их с Ваней, не задел скрипку портфелем или сумкой. Она даже позволила идти Ване

рядом самостоятельно, не держась за руку, чего раньше никогда не разрешала.

Игорь Ростиславович встретил их на пороге, но повел не в класс для занятий, а сразу в кабинет к директору школы, Евгению Евгеньевичу.

В кабинете директора Ваня никогда еще не был и немного испугался и самого директора, и громадного в половину комнаты стола, окруженного тесно стоявшими стульями, но больше всего старичка с длинной, как у Хоттабыча, бородой, который без остановки ходил из одного конца кабинета в другой. (После оказалось, что старичок этот, известный в городе музыковед, специалист по струнным и духовым инструментам.) Мама посадила Ваню на крайний стул и велела ему сидеть тихо, не шевелиться.

— Ну, что там у вас?! — поднялся к ней навстречу из-за стола директор, Евгений Евгеньевич.

— Да вот, — распеленала мама скрипку и начала рассказывать директору, как Ваня обнаружил внутри инструмента буквы, похожие на подпись Страдивари.

Директор был преподавателем по классу баяна, струнными инструментами он интересовался мало, не считал себя их знатоком. Поэтому, выслушав рассказ Ваниной мамы, он совсем чуть-чуть подержал скрипку в руках, мельком заглянул в отверстие и, похоже, ничего там не увидя, передал ее старичку Хоттабычу.

— Ваше мнение, Виктор Сергеевич? — вежливо спросил он его.

Старичок принялся изучать скрипку очень внимательно и придирчиво (почти как Ваня у себя дома), вначале сквозь очки, а потом еще и сквозь большую увеличительную лупу, которую достал из кармана, светил в отверстие-дырочку директорской настольной лампой и наконец объявил свое мнение:

— Кажется, она.

Директору осторожный этот ответ не совсем понравился. Он о чем-то задумался, постучал по столу пальцами, словно по черным и белым пуговкам баяна и протянул скрипку Ваниному преподавателю:

— Ваше суждение, Игорь Ростиславович?

Игорь Ростиславович привычно вскинул скрипку к подбородку, взял для начала несколько пробных нот и аккордов, долго прислушивался к ним, с чем-то сверяя. А когда сверил, то во всю силу заиграл уже хорошо известные Ване «Каприсы» Паганини для скрипки (по телевизору их играли и Спиваков, и Третьяков, и скрипач-виртуоз из их города), но до конца не довел, вдруг резко обронил смычок и произнес:

— Я — сомневаюсь!

— А вы, что, — почему-то сердито спросил его директор, — когда-нибудь раньше играли на скрипке Страдивари?

— Нет, не играл, — признался Игорь Ростиславович, — но слышал, как играют другие.

— Ну, мало ли чего мы слышали, — перебил его директор и потянулся к телефонной трубке.

Несколько раз ошибаясь, он набирал какой-то очень длинный номер. Взглядом и высоко поднятой вверх рукой директор требовал при этом абсолютной тишины в кабинете. И все сразу догадались, что звонит он в Москву

скрипачу-виртуозу, хотя директор ни разу не произнес его имени, как будто чего-то опасаясь.

Когда же разговор был окончен, директор перевел дыхание, вытер платочком вспотевший лоб и сказал:

— Завтра приедет. Будем советоваться.

Ваня наконец пошевелился и, сам не зная, как это у него получилось, хотел самовольно, без разрешения мамы или директора забрать скрипку со стола, чтоб поскорее унести ее домой и начать заниматься, ведь мама отпросилась с работы, и Ваня все равно сегодня в садик уже не пойдет. Но директор опередил его, подхватил скрипку и обратился только к нему одному:

— Пусть скрипка сегодня побудет у нас, а завтра мы ее тебе обязательно вернем. Ты потерпишь?

— Потерплю, — ответил Ваня. Он был очень воспитанным и терпеливым мальчиком.

* * *

Ваня действительно вытерпел и весь день, и всю ночь, хотя и спал плохо, несколько, раз просыпался, но не звал к себе ни маму, ни папу, а только смотрел в окошко, надеясь увидеть там много маленьких неярких и одну большую яркую звездочку. Но звездочек почему-то не было видно. Наверное, их закрыли тучи, или они переместились куда-то в иную сторону.

* * *

Утром мама опять отпросилась с работы, и они пошли с Ваней в школу, прямо сразу в кабинет директора. Там уже все были в сборе: и директор, Евгений Евгеньевич, и Ванин преподаватель-педагог, Игорь Ростиславович, и старичок Хоттабыч, который, как и вчера, безостановочно бегал по кабинету из конца в конец. А скрипача-виртуоза пока не было. Все волновались и переживали — Ваня это видел. Директор постоянно поглядывал на часы, звонил куда-то по телефону: и по обычному, и по мобильному, а остальные сидели молча, словно за что-то обижаясь друг на друга. Скрипки тоже не было. Наверное, директор отдал ее на хранение в кладовку завхозу, и тот повесил скрипку на гвоздик, чтоб она как-нибудь случайно не обронилась.

Но вот наконец дверь открылась, и на пороге появился скрипач-виртуоз. Вместе с ним в кабинет вошел еще какой-то высокий мужчина в длинном, почти до самых пяток плаще. Скрипач-виртуоз держал в руках футляр со своей концертной скрипкой, с которой он, говорят, нигде и никогда не расставался, а высокий мужчина маленький потаенный чемоданчик.

Скрипач, тут же снял шляпу и поздоровался сразу со всеми, низко, будто на концерте, склонив голову. Потом он сказал, что высокий мужчина в длинном плаще — это самый главный в Москве мастер-реставратор струнных инструментов. Мужчина тоже снял шляпу, но головы не склонил; он только подал каждому из собравшихся по отдельности руку и присел рядом со старичком Хоттабычем. А виртуоз вдруг приблизился к Ване, взъерошил ему на голове волосы и с улыбкой спросил:

— Ну, Паганини, где твоя скрипка?

Ваня ничего не сумел ответить, потому что волосы, которые мама еще в коридоре возле раздевалки тщательно, на проборок ему расчесала, закрыли

глаза. Ваня начал их поправлять, а директор, Евгений Евгеньевич, в это время вышел из-за стола и ответил вместо него:

— Да вот же она!

Большим и, наверное, очень тяжелым ключом директор открыл железный ящик-сейф, который стоял в углу у него за спиной и достал скрипку, завернутую в холстинку и накидку Ваниной мамы. Оказывается, вчера вечером он завхозу в кладовку ее не отдал, а спрятал в этот железный ящик, и скрипка там всю ночь пролежала в темноте, запертая на ключ.

Директор поспешно через весь стол протянул ее виртуозу, но тот, едва прикоснувшись к скрипке, передал ее мастеру-реставратору.

Мастер открыл потаенный чемоданчик, в котором Ваня увидел много всяких инструментов; и ножичков, и стамесок, и отверток, были там даже маленькие блескучие тиски, и принялся еще более внимательно, чем вчера старик Хоттабыч изучать скрипку. Он придирчиво рассматривал корпус, тыльную и лицевую деки, стучал по ним костяшками пальцев, подносил к уху, проверял на ощупь гриф и колки, светил в отверстие малюсеньким фонариком, который тоже обнаружился в его чемоданчике. В конце осмотра мастер о чем-то в полголоса переговорил со старичком Хоттабычем, захлопнул чемоданчик и в полной тишине сказал:

— Она! Тут и сомневаться нечего. Но надо реставрировать, пока не поздно.

Все собравшиеся в кабинете, перебивая друг друга, стали благодарить и поздравлять Ванину маму и самого Ваню с находкой, а виртуоз вдруг взял скрипку в руки, бережно приладил ее к шее, в два-три прикосновения смычка настроил, и прикрыв глаза, заиграл «Каприсы» Паганини. Скрипача не зря называли виртуозом и великим музыкантом: скрипка в его руках сделалась, будто живая — Ваня такой игры никогда еще не слышал.

Доиграв мелодию до конца, виртуоз устало опустил смычок, открыл глаза и восхитился скрипкой:

— Страдивари есть Страдивари!

После виртуоза на скрипке сыграл Ванин педагог, Игорь Ростиславович, правда, какую-то совсем иную, незнакомую Ване мелодию. Он тоже играл ее, прикрыв глаза, и тоже довел до конца, а потом подошел к Ване и крепко обнял его за плечи. Скрипку Игорь Ростиславович передал директору.

— Ваня, — принимая ее, сказал Евгений Евгеньевич, — мы сегодня же отыщем тебе новую, другую скрипку, а эту надо отвезти в Москву и отремонтировать.

И тут Ваня неожиданно для всех встал со стула и, помедлив всего одну минуту, отчетливо произнес:

— Я не хочу другую!

Мама от испуга даже заслонила руками лицо. А директор переспросил его:

— Но почему? Новая лучше!

— Я не хочу — новую! — опять отчетливо произнес Ваня и отступил на несколько шагов от стола.

Все в кабинете затихли, не зная, что делать дальше. И вдруг собравшихся удивил скрипач-виртуоз. Он взял свою концертную скрипку и протянул ее Ване:

— Бери мою, Паганини.

— Да вы что?! — оторвала от лица руки и вскрикнула мама. — Это же очень дорогой инструмент!

— Дорогой! — не стал с ней спорить виртуоз. — Но не дороже Страдивари.

Поражаясь поступку виртуоза, все замерли, потом переглянулись друг с другом и стали ожидать, что тот сейчас передумает, переменить свое решение и скажет несговорчивому Ване: «Ну, если не хочешь, тогда, как хочешь...»

Но виртуоз сказал совсем иное:

— Бери, бери! — и протянул скрипку, но уже не самому Ване, а его маме.

И мама скрипку взяла. Обеими руками она прижала ее к груди и, забыв даже поблагодарить виртуоза, растерянно стояла посреди комнаты, будто спрашивая и у директора, и у Игоря Ростиславовича, и у старичка Хоттабыча с мастером-реставратором, правильно она поступает или неправильно. Может быть, ей не надо принимать подарка и решительно возразить виртуозу: «Нет, и еще раз — нет!»

Но все в кабинете теперь пришли в восторг от поступка виртуоза и, в точности повторяя его слова, принялись уговаривать маму:

— Берите! Берите!

Мама наконец поблагодарила виртуоза, еще сильнее прижала скрипку к груди и, легонько подталкивая Ваню, вывела его в коридор..

* * *

Скрипку мама несла домой сама, ни на мгновение не отстраняя ее от груди, уступая дорогу всем встречным пешеходам, долго и внимательно ожидала, пока загорится зеленый свет на перекрестке и опять забыла протянуть Ване руку.

Дома мама открыла футляр, вынула оттуда скрипку и попросила Ваню:

— Сыграй «Петушка» или «Топ-топ».

Но Ваня заупрямился и ничего не сыграл. Он убежал в коридор и вдруг сказал маме:

— Я хочу в садик!

Мама очень удивилась его словам, но больше упрашивать не стала

— Ладно, — спрятала она скрипку назад в футляр, — вечером сыграешь, при папе.

Велев Ване обуваться, мама поправила перед зеркалом прическу, подкрасила красной помадой губы, позвонила на работу и быстро-быстро повела Ваню в садик.

— Я заберу тебя сразу после сна! — пообещала она ему на прощанье.

— Хорошо, — ответил Ваня и побежал в группу к детям, которые только что вернулись с прогулки.

* * *

В садике Ваня играл с ребятами в разные игры, учился рисовать карандашами и красками, лепить из пластилина зверей, птиц и деревья, слушал,

как воспитательница читает сказки про Снежную Королеву и царя Салтана — и было ему хорошо и весело.

Мама и вправду забрала Ваню сразу после сна, ну, может быть, чуточку позже. Дома она опять достала скрипку и подробно рассказала папа, как скрипач-виртуоз подарил ее Ване и как мама вначале не хотела брать инструмент, но потом, когда ее все начали упрашивать, она не выдержала — и взяла.

— Надо же! — сказал свое любимое папа, осмотрел скрипку со всех сторон, несколько раз щелкнул ее пальцами по деке и точно так же, как мама утром, попросил Ваню что-нибудь сыграть на этом дорогом инструменте.

Но мама вдруг заступилась за Ваню, погладила его по голове и плечикам и остановила папу:

— Он сегодня очень переутомился. Пусть ложится спать. Наиграется еще.

Подождав, пока Ваня почистит зубы, мама отнесла скрипку в детскую комнату и положила на стол, а не на полочку, потому что полочка для скрипки в футляре была слишком узенькой.

Ваня быстро забрался в кровать, укрылся одеялом до самого подбородка и закрыл глаза, как будто он сразу уснул.

Мама тихонько пожелала ему спокойной ночи, выключила свет и ушла в большую комнату к папе смотреть телевизор и разговаривать про подарок скрипача-виртуоза.

Они сидели возле телевизора и разговаривали, наверное, до двенадцати часов, и все это время Ваня не спал. Он смотрел в окошко на звездочки, которые сегодня вынырнули из-за туч и горели очень ярко. Когда же мама и папа ушли в свою спальню, Ваня осторожно поднялся, снял скрипку со стола и спрятал ее под диван-кровать, в самый дальний и темный угол. На опустевшем месте он расставил все свои прежние, игрушки: заводные машины, самолеты, корабль-парусник, разложил лото с картинками и буквами. Потом Ваня опять взобрался на кровать, укрылся с головой, чтоб ничего не было видно и ничего не было слышно, и вдруг заплакал так, как он не плакал еще ни разу в своей жизни...

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)
8(495) 621-48-53 (Московское представительство)

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректор *Г. А. Ильина*
Дизайн обложки *Г. Ю. Алкаева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Макаровой*

Подписано в печать 01.12.2009 г. Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 24,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии ООО «СРП «Павел» ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.